

И.Ф.Плотников

ГЕРОИЧЕСКОЕ

ПОДПОЛЬЕ

Больше-
вистское
подполье
Урала
и Сибири
в годы
граждан-
ской
войны
/1918-1920/

9 (С) 22
ПЗ9

Главная редакция социально-
экономической литературы

1—6—4
59—68

Оглавление

Предисловие	5
Глава I Начало подполья (конец мая — середина ноября 1918 года)	9
1. Урал и Сибирь накануне гражданской войны	—
2. Приход контрреволюции к власти	23
3. 1-я Сибирская (Западно-Сибирская) нелегальная конференция РКП(б)	31
4. Большевистское подполье в Западной Сибири	36
5. Большевистское подполье на Урале	50
6. Большевистское подполье в Восточной Сибири	61
7. Борьба за профсоюзы. Забастовки рабочих	68
8. Революционное движение в деревне	77
Глава II. Коммунисты во главе революционной борьбы (вторая половина ноября 1918 — вторая половина апреля 1919 года)	103
1. Колчаковщина	—
2. 1-я Общесибирская (2-я Сибирская) подпольная конференция РКП(б)	110
3. Деятельность Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК РКП(б)	118
4. Весна 1919 года. VIII съезд партии. 2-я Общесибирская (3-я Сибирская) подпольная конференция РКП(б)	145
5. Большевистские организации Урала	156
6. Большевистские организации Западной Сибири	174
7. Большевистские организации Восточной Сибири	195
8. Вооруженные восстания в городах	209

9. Восстания крестьян. Рост партизанского движения	219
Глава III. Разгром колчаковщины (конец апреля 1919—март 1920 года)	241
1. Руководство большевистским подпольем	—
2. Большевистское подполье на Урале	266
3. Большевистское подполье Западной Сибири	273
4. Большевистское подполье Восточной Сибири	283
5. Революционная работа большевиков в войсках Колчака и интервентов	298
6. Большевики во главе борьбы трудящихся масс за полный разгром колчаковщины	309
Заключение	340

Предисловие

Борьба подпольных большевистских организаций во главе трудящихся масс против интервентов и белогвардейцев в 1918—1920 годах является одной из ярких и значительных страниц в истории нашей партии. Деятельность подпольных большевистских организаций Урала и Сибири протекала в условиях невиданно свирепой колчаковской реакции. Интервенты и белогвардейцы ставили целью физическое уничтожение коммунистов, всех активных сторонников Советской власти. В многотрудной борьбе уральских и сибирских коммунистов-подпольщиков получили дальнейшее развитие формы и методы революционной работы в обстановке гражданской войны, иностранной военной интервенции, кровавого контрреволюционного режима.

Опыт подпольной работы коммунистов Урала и Сибири, их руководства революционной борьбой широких трудящихся масс, партизанским движением, достигшим в период гражданской войны несравненно большего размаха, чем в других районах, имеет важное научное и познавательное

9. Восстания крестьян. Рост партизанского движения	219
Глава III. Разгром колчаковщины (конец апреля 1919—март 1920 года)	241
1. Руководство большевистским подпольем	—
2. Большевистское подполье на Урале	266
3. Большевистское подполье Западной Сибири	273
4. Большевистское подполье Восточной Сибири	283
5. Революционная работа большевиков в войсках Колчака и интервентов	298
6. Большевики во главе борьбы трудящихся масс за полный разгром колчаковщины	309
Заключение	340

Предисловие

Борьба подпольных большевистских организаций во главе трудящихся масс против интервентов и белогвардейцев в 1918—1920 годах является одной из ярких и значительных страниц в истории нашей партии. Деятельность подпольных большевистских организаций Урала и Сибири протекала в условиях невиданно свирепой колчаковской реакции. Интервенты и белогвардейцы ставили целью физическое уничтожение коммунистов, всех активных сторонников Советской власти. В многотрудной борьбе уральских и сибирских коммунистов-подпольщиков получили дальнейшее развитие формы и методы революционной работы в обстановке гражданской войны, иностранной военной интервенции, кровавого контрреволюционного режима.

Опыт подпольной работы коммунистов Урала и Сибири, их руководства революционной борьбой широких трудящихся масс, партизанским движением, достигшим в период гражданской войны несравненно большего размаха, чем в других районах, имеет важное научное и познавательное

значение. В момент наивысшего подъема повстанческого движения — перед разгромом колчаковцев на Урале и в Сибири — в партизанских соединениях и отрядах насчитывалось свыше 200 тысяч бойцов. Во многих городах и в сельской местности произошли победоносные восстания рабочих, крестьян, солдат. Под влиянием побед Красной Армии, большевистской пропаганды и других факторов во второй половине 1919 года катастрофически разлагалась армия Колчака. Разложению были подвержены и войска интервентов. Все это ускорило победу Красной Армии и восстановление Советской власти. Эти важнейшие результаты революционной борьбы во многом были предопределены многогранной самоотверженной работой подпольных большевистских организаций.

Большое значение проблемы подпольной деятельности коммунистов Урала и Сибири обуславливается и тем, что речь идет о гигантских районах Советского Союза с населением в десятки миллионов человек, а трудов, в которых специально обобщался бы опыт этой деятельности, написано очень мало. В исследованиях, в той или иной степени посвященных большевистскому подполью в тылу колчаковской армии, рассматриваются события не во всех районах и не на всех этапах борьбы. Имеющиеся в архивах и изученные автором документы и материалы позволяют устранить многие белые пятна в литературе, вкравшиеся в нее ошибки и неточности, рассмотреть ряд теоретических вопросов. Однако автор не претендует на исчерпывающее освещение темы и вводит в научный оборот сравнительно небольшую часть источников.

Автором использованы различные источники, прежде всего произведения В. И. Ленина, решения Коммунистической партии и Советского правительства, а также сборники документов и воспоминаний, материалы, полученные от активных участников подполья, публикации историков. Привле-

каются материалы прессы. Но основу исследования составляют документы и материалы 50 партийных и государственных архивов Москвы, Урала, Сибири, Казахстана и Поволжья.

Учитывая общее положение в стране и задачи Коммунистической партии, а также исходя из местных условий, историю большевистского подполья Урала и Сибири в период гражданской войны, по нашему мнению, следовало бы разделить на три этапа. Первый — конец мая — середина ноября 1918 года — от момента временного падения Советской власти до колчаковского переворота; второй — середина ноября 1918 — вторая половина апреля 1919 года; третий — конец апреля 1919 — март 1920 года — от начала контрнаступления Красной Армии до полного разгрома колчаковщины. В основе характеристики каждого периода лежат факторы, определявшие своеобразие тактики подпольных организаций и размах революционной борьбы в тылу белогвардейцев.

С конца мая 1918 года существовал политический режим, прикрывавшийся лживыми, псевдодемократическими лозунгами мелкобуржуазных партий. Часть трудящихся (крестьяне-середняки) находилась еще под их влиянием.

После прихода к власти (18 ноября) крайней реакции и усиления кровавой контрреволюционной диктатуры ускорило полевение трудящихся масс, резко обострилась классовая борьба. 2-я Сибирская конференция (23 ноября) подпольных организаций большевиков разрабатывает решения, соответствующие новым, более сложным условиям борьбы.

Кю второй половине апреля 1919 года произошли огромные изменения: завершался процесс полевения середняка и поворот его на сторону Советской власти, что на Урале и в Сибири явственно выразилось в нарастании революционной борьбы в деревне, в размахе партизанского движения. Все это особенно четко выявляется после того, как в апреле

захлебнулось новое наступление Колчака и началось контр-наступление Красной Армии, которое привело к полному и окончательному разгрому контрреволюции на Урале и в Сибири. С этого времени коммунисты усиливают руководство партизанским движением, нарастающим с каждым месяцем, готовят и успешно проводят восстания в городах и в непосредственной близости от фронта.

Хронологические рамки каждой из трех глав книги определены в соответствии с этой периодизацией.

Глава I **Начало подполья**

(конец мая — середина
ноября 1918 года)

1 Урал и Сибирь накануне гражданской войны

Урал и Сибирь — два гигантских, тесно связанных между собой края. Социально-экономическое и политическое положение в них накануне гражданской войны было в общем таким же, каким оно было в стране в целом. Но при этом и на Урале, и в Сибири имелись особенности, отличительные черты, которые наложили свой отпечаток на ход гражданской войны в этих районах, оказали влияние на весь процесс борьбы трудящихся Советской республики с интервентами и белогвардейцами.

Общая площадь Урала и Сибири превышает 12 миллионов квадратных километров. Это больше половины территории всей страны. Однако здесь проживала только $\frac{1}{6}$ часть населения страны — около 25 миллионов человек.

Несмотря на хроническое отставание по темпам развития от Юга и Центра, Урал к моменту победы Октября все же оставался одним из важнейших промышленных районов. Сибирь в промышленном отношении была тогда более отсталой. Там в значительных размерах была развита лишь горнодобывающая и каменноугольная промышленность. Исключительно большое значение имела Транссибирская железная дорога. На всем ее протяжении имелись десятки

депо и мастерских, в том числе главные мастерские в Омске, Красноярске, Барнауле и Чите.

Уровень развития и характер промышленности predeterminedели количество и состав рабочего класса Урала и Сибири.

Некоторое представление о количестве рабочих на Урале в период Октябрьской революции и гражданской войны дают итоги переписи 1920 года. В этот период на Урале рабочих (вместе с членами семей владельцев частных предприятий) было 275 600¹ Несомненно, в 1917 году их насчитывалось больше, если учесть, что в 1913 году только промышленных рабочих было 261,5 тысячи, в том числе горнозаводских — 160 тысяч и фабрично-заводских — 115,5 тысячи² Так как кроме них имелись десятки тысяч других рабочих, прежде всего железнодорожников, то можно прийти к заключению, что накануне гражданской войны их было не менее 330 тысяч.

Промышленный пролетариат в Сибири был малочисленнее, чем на Урале. Наемных рабочих, постоянно и непосредственно занятых в промышленном производстве, к концу 1917 года насчитывалось менее 300 тысяч. Крупнейшими отрядами рабочих Сибири были железнодорожники (около 85 тысяч), горнозаводские рабочие (около 90 тысяч), рабочие обрабатывающей промышленности (около 65 тысяч)³

Концентрация рабочих в Сибири была низкой. В 1920 году в Западной Сибири предприятий с числом рабочих от 100 до 1000 имелось 147, свыше 1000—5, тогда как на Урале — соответственно 509 и 37⁴. Урал по концентрации рабочих в свою очередь отставал от Центра и Юга.

¹ См. Г. Х. Эйхе. *Опрокинутый тыл*. М., 1966, стр. 367

² См. А. Г. Рашин. *Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки*. М., 1958, стр. 190, 193.

³ См. В. А. Кадейкин. *К вопросу об уровне промышленного развития и составе рабочих Сибири в период пролетарской революции* (в кн.: «Из истории рабочего класса Сибири»). Доклады и сообщения на научной

конференции (март 1965 г.). Кемерово, 1965, стр. 35); его же. *Рабочие Сибири в борьбе за власть Советов и осуществление первых социалистических преобразований* (ноябрь 1917 — август 1918 г.). Кемерово, 1966, стр. 59; М. М. Шорников. *Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции*. Новосибирск, 1963, стр. 98, 99.

⁴ См. Г. Х. Эйхе. *Опрокинутый тыл*, стр. 367.

Рабочие мелких и мельчайших предприятий Сибири, а также Урала были слабо организованы. Среди них вплоть до начала гражданской войны определенным влиянием пользовались мелкобуржуазные партии. При анализе обстановки в Сибири и на Урале этого забывать нельзя. Влияние эсеров и меньшевиков во многом объяснялось тем, что во время империалистической войны вместо выбывших на фронт кадровых рабочих на предприятия прибыло большое количество крестьян, ремесленников, а также кулаков и торговцев, укрывавшихся от мобилизации. В горнозаводской промышленности особенно велик был процент рабочих, связанных с сельским хозяйством. Но для рабочих крупных да и средних предприятий характерен высокий уровень классового самосознания, стойкость в борьбе за сохранение Советской власти.

Итак, на Урале промышленного пролетариата было сравнительно немного, а в Сибири и того меньше. К началу гражданской войны его численность едва ли превышала 600 тысяч человек. Промышленные рабочие, составляя костяк наемных рабочих, способны были возглавить и действительно возглавляли многомиллионные массы трудящихся Урала и Сибири в борьбе за установление и упрочение Советской власти.

Часть Урала и вся Сибирь представляли собой аграрные, крестьянские области, каждая со своими особенностями. Урал был краем наиболее крупного казенного, частнокапиталистического и помещичьего землевладения. Владения горнозаводчиков, помещиков и казны составляли почти половину всей земли, причем помещиков было сравнительно немного. Беднота в уральской деревне составляла до 60%, середняки — около 30, кулаки — 10—11% всех дворов¹.

Аграрный вопрос на Урале стоял остро, причем борьба за землю велась не только крестьянами, но и частью рабочих (связанных с сельским хозяйством).

Существенные особенности имел аграрный вопрос в Сибири. Одна из них — отсутствие там помещичьего землевладения. Лишь в какой-то степени можно говорить о таковом,

¹ См. «История Урала», т. I. Пермь, 1963, стр. 358; «Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале». Свердловск, 1961, стр. 34, 35.

имея в виду владения казачьего офицерства. Незначительным оставалось и частновладельческое землевладение.

Особенностью Сибири было и то, что там в 1917 году более половины населения деревни составляли переселенцы. За 1896—1917 годы переселение дало свыше 5 миллионов человек прироста населения Сибири¹. Переселенчество вело к усилению дифференциации крестьянства, к резкому росту бедняцкой прослойки.

В Сибири несравненно больше, чем в остальной России, производилось сельскохозяйственных продуктов на душу населения. В 1917 году излишки хлеба (при огромной его недостатке в стране) достигли 674,2 миллиона пудов². Это обеспечивало и сравнительно высокий жизненный уровень крестьянства, что было также важной отличительной особенностью положения сибирского крестьянства. «Крестьяне в Сибири... — писал В. И. Ленин, — крепостного права не знали. Это — самые сытые крестьяне, привыкшие к эксплуатации тех ссыльных, которые из России появлялись, это крестьяне, которые улучшения от революции не видели, и эти крестьяне получали вождей от всей русской буржуазии, от всех меньшевиков и эсеров, — там их были сотни, тысячи»³.

В Сибири почти так же быстро, как в Европейской части страны, шел процесс дифференциации крестьянства. На это указывал В. И. Ленин еще в конце XIX столетия, анализируя положение в четырех округах Енисейской губернии: «У 39,4% дворов низших групп (безлошадных, с 1 и 2 лошадьми), при 24% населения, лишь 6,2% всей запашки и 7,1% всего скота, тогда как у 36,4% дворов с 5 и более лошадей, при 51,2% населения, — 73% запашки и 74,5% всего скота. Последние группы (5—9, 10 и более лошадей), при 15—36 дес. запашки на 1 двор, прибегают в широких размерах к наемному труду (30—70% хозяйств с наемными рабочими), тогда как три низшие группы, при 0—0,2—3—5 дес. запашки на 1 двор, отпускают рабочих (20—35—59% хозяйств)»⁴.

¹ См. «Жизнь Сибири», 1926, № 7—8, стр. 29; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II, стр. 519. Подсчеты произведены автором.

² См. М. М. Шорников. Больше-

вики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции, стр. 121.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 40.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 116.

Обращает на себя внимание то, что В. И. Ленин к сибирской бедноте относил не только безлошадные и однолошадные, но и двухлошадные крестьянские семьи. В начале XX века, особенно в связи со столыпинской реформой, размывание сибирского середняка, рост бедняцких слоев продолжались и усиливались.

Обобщающих документальных сведений о социальном составе сибирской деревни в 1917—1918 годах нет. Данные переписи 1920 года свидетельствуют о том, что бедняков насчитывалось 55,7%, середняков — 32,9, кулаков — 11,4%¹. Надо полагать, что к 1920 году число кулацких хозяйств сократилось, а середняцких и особенно бедняцких увеличилось и, поскольку коренных изменений в землеустройстве сибирской деревни к 1920 году по сравнению с 1917—1918 годами не произошло, изменения в соотношении между беднотой и середняком были не так уж резки, причем материальный достаток середняков, не говоря уже о кулаках, а также части бедноты, был гораздо выше, чем в Европейской части России. Все эти особенности сибирской деревни наряду с малочисленностью рабочего класса Сибири порождали большие трудности в формировании союза рабочего класса и трудящегося крестьянства.

Кроме того, на экономическую и политическую жизнь Урала и Сибири большое влияние оказывало казачество. На Урале и в Сибири размещались Оренбургское, Сибирское, Енисейское и Забайкальское казачьи войска. Общая численность населения казачьих районов составляла до миллиона человек.

Казачество находилось в привилегированном положении. Оно располагало громадными земельными угодьями. Так, в Оренбургской губернии в среднем на одно казацкое хозяйство в 1917 году приходилось 67,4 десятины, а на одно крестьянское хозяйство — 6,6 десятины, то есть вдесятеро меньше. Огромная часть земель принадлежала казацкой верхушке: генералам, офицерам, чиновникам, кулакам. Некоторые земельные латифундии достигали 3 тысяч и более десятин. Но среди казаков было немало и бедняков. Так,

¹ См. И. В. Яровой. *Экономика сибирской деревни. Материалы. Новониколаевск, 1926, стр. 9.*

в Оренбуржье только безлошадных казацких дворов в 1912 году было 12,9%¹.

Говоря о положении на Урале и в Сибири накануне гражданской войны, нельзя не подчеркнуть, что в целом здесь позиции Коммунистической партии были слабее, а революционные завоевания менее прочными, нежели в центре страны. Об этом свидетельствовали результаты выборов в Учредительное собрание, состоявшихся в ноябре 1917 года. В Сибири эсеры получили 75% голосов, а большевики — только 10%. Даже на некоторых крупных предприятиях, особенно горных, — на шахтах Кузбасса и других — большевики получили голосов меньше, чем эсеры. Мало чем отличались общие итоги выборов в Учредительное собрание и в Восточно-Уральском районе (Вятская, Казанская, Пермская, Уфимская губернии). Как отмечал В. И. Ленин, здесь эсеры получили 62%, а большевики 12% всех голосов. За эсеров голосовала большая часть крестьян. «В чисто крестьянских районах, великорусских (Поволжско-Черноземный, Сибирь, Восточно-Уральский) и украинском, эсеры имели 62—77% голосов. В промышленных центрах большевики имели преобладание над эсерами». Крестьянские районы «оказались, — отмечал В. И. Ленин, — наименее большевистскими»².

Выборы проходили по спискам, составленным еще до Октябрьской революции; поэтому ни в стране в целом, ни в Сибири и на Урале они не отражали действительного соотношения сил в то время. В последующие месяцы продолжалась большевизация тех слоев трудящихся, которые прежде находились под влиянием эсеров и других мелкобуржуазных партий. Но и в дальнейшем Сибирь и Урал подобно Украине и Поволжью продолжали быть менее большевистскими.

Затянувшийся процесс становления Советской власти в Сибири и некоторых районах Урала говорил о том же. Повсеместно Советская власть в Сибири и на Урале (здесь не-

¹ См. «Советская историческая энциклопедия», т. 6. М., 1965, стр. 821; Н. К. Лисовский. Разгром дутовщины (1917—1919). М., 1964, стр. 5; Л. А. Сашенков. Из истории создания и укрепления союза рабочего класса и крестьянства в первый период гра-

жданской войны на Южном Урале («Ученые записки Челябинского политехнического института». Кафедра марксизма-ленинизма, вып. 1. Челябинск, 1957, стр. 42—46).

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 3, 16.

сколько раньше) установилась к началу марта 1918 года. Исключение составляли лишь Якутская область, где контрреволюция продержалась до начала июля, да некоторые наиболее отдаленные национальные районы. Во главе триумфального шествия Советской власти были горнозаводские районы на Урале, а в Сибири — Красноярск, Омск, Черембасс, Иркутск, Кузбасс. Характерно, что два крупнейших казачьих района — Оренбуржье и Забайкалье — стали очагами гражданской войны. Белоказачьи атаманы Дутов и Семенов не прекратили борьбы против Советов и после первых нанесенных им красногвардейскими отрядами поражений.

К началу иностранной военной интервенции и гражданской войны на Урале и в Сибири были осуществлены большие преобразования. Созидательную работу трудящихся масс возглавляли Коммунистическая партия, местные партийные организации, которые из месяца в месяц росли и укреплялись.

К лету 1918 года партийные организации Урала и Сибири прошли славный боевой путь, накопили определенный опыт руководства революционной борьбой масс. Урал издавна являлся одной из главных цитаделей большевистской партии. Путь формирования и развития партийных организаций Сибири был более сложным и трудным. Здесь длительное время существовали объединенные организации большевиков и меньшевиков. В ряде мест (Чита, Курган, Якутск) они сохранялись некоторое время и после Октябрьской революции. Объединенческие тенденции, недооценка отдельными членами Коммунистической партии влияния мелкобуржуазных партий на трудящиеся массы города и деревни не были изжиты и к началу гражданской войны. Это в дальнейшем сказалось на состоянии подпольной работы в тылу белогвардейцев и интервентов.

На Урале до Октябрьской революции также имелись объединенные организации, но их было сравнительно немного. Уральские большевики быстрее исправили ошибку и оформили самостоятельные организации.

К началу января 1918 года уральская большевистская организация насчитывала свыше 35 тысяч членов партии¹.

¹ См. «Уральский рабочий»,
5 января 1918 г.

В крупнейших организациях состояло до 3 тысяч (екатеринбургская) и 2—2,5 тысячи человек (пермская совместно с мотовилихинской, лысьвенская, Челябинская). Организация уральских большевиков была одной из крупнейших в стране. Ее численность в последующие месяцы продолжала возрастать и к маю 1918 года достигла 38—40 тысяч¹. Уральские большевики были объединены в единую организацию и возглавлялись областным комитетом партии, находившимся в Екатеринбурге.

Большую силу представляли и сибирские большевистские организации. Однако по численности и сплоченности они уступали уральским. По данным В. П. Сафронова, в октябре 1917 года в 52 большевистских организациях и 21 самостоятельной группе насчитывалось около 12 тысяч членов партии (из них на Дальний Восток приходилось 2500). Если учесть большевиков Тобольской губернии, Якутской и Забайкальской областей, состоявших в объединенных организациях, то можно полагать, что в Сибири накануне Октябрьской революции насчитывалось до 10 тысяч большевиков. Наиболее крупной была организация Енисейской губернии — около 4 тысяч членов партии. В оформившихся к тому времени организациях Томской, Иркутской и Алтайской губерний насчитывалось соответственно около 2500, 600 и 250 членов партии².

В дальнейшем оформились и другие губернские и областные организации РСДРП(б) и увеличилась их численность. Однако точных сведений ни в известных нам документальных источниках, ни в литературе не имеется; можно лишь предположить, что число членов Коммунистической партии в Сибири к маю 1918 года значительно превышало 15 тысяч. Но в Сибири не было тогда единого партийного центра. Образованное в конце октября 1917 года и обосновавшееся в Красноярске временное сибирское Центральное бюро РСДРП(б) просуществовало недолго и не смогло решить возложенную на него задачу — созвать общесибирскую партийную конференцию, которая могла бы сформировать еди-

¹ См. «Коммунисты Урала в годы гражданской войны». Свердловск, 1959, стр. 20, 21.

² См. В. П. Сафронов. Октябрь в Сибири. Большевики Сибири

в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 — март 1918 г.). Красноярск, 1962, стр. 376.

ный партийный центр. В организационном построении партийных и советских органов Сибири был разнородный: первые оставались в рамках губернских объединений, вторые же имели руководящий центр — ЦИК Советов Сибири (Центросибирь). Отсутствие такого же партийного центра не позволяло сибирским организациям большевиков постоянно координировать свои действия, оказывать друг другу своевременную помощь.

В целом же уральские и сибирские организации РКП(б) представляли крупную силу. Под их руководством был осуществлен стратегический лозунг партии — союз пролетариата и беднейшего крестьянства. На Урале этот союз сложился до Октябрьской революции и в дальнейшем продолжал укрепляться, а в Сибири его становление заняло более длительное время и завершилось уже в процессе революции. Опираясь на этот союз как политическую основу диктатуры пролетариата, большевистские организации добились слома старого, буржуазного и создания нового, советского государственного аппарата. Исключительно важное значение имело создание в соответствии с декретом Совета Народных Комиссаров от 15 января 1918 года первых частей регулярной Красной Армии.

Определяющее значение имели первые социалистические преобразования в области промышленности и банковского дела. В собственность народа сразу же перешли казенные заводы, каменноугольные копи и другие предприятия, железные дороги, частные банки, их отделения в Сибири и на Урале. На частнокапиталистических предприятиях был установлен рабочий контроль.

Социалистические преобразования вызвали ожесточенное сопротивление капиталистов. Советская власть вынуждена была ускорить национализацию и частных промышленных предприятий. Рабочие Урала первыми в стране в широком масштабе стали «вышибать» буржуазию из промышленности. К концу весны 1918 года в собственность народа были переданы предприятия 25 горных округов; из 90 действовавших металлургических заводов 76 были национализированы¹. Значительная часть предприятий была национализирована

¹ См. «Национализация промышленности на Урале (октябрь 1917 — июль 1918 г.)». Сборник документов. Свердловск, 1958, стр. 287.

и в Сибири. Однако там в связи с сильно затянувшимся процессом установления Советской власти социалистические преобразования в промышленности по темпам и масштабам резко отставали от Урала.

Несмотря на героические усилия рабочих, промышленность и транспорт Урала и Сибири находились в тяжелом состоянии. Положение осложнялось тем, что уральские (в меньшей степени и сибирские) рабочие испытывали острую нужду в продуктах сельского хозяйства, особенно в хлебе. Правда, продовольственный вопрос здесь был менее острым, чем в центральных районах страны — в Петрограде и Москве. Сибирь и отчасти Урал (южные районы) располагали излишками хлеба.

Партийные организации развернули бурную деятельность по заготовке хлеба и отправке его в центр и частично в местные города и горняцкие поселки. Уже с начала ноября 1917 года стали отправлять продовольствие в Петроград и Москву уфимские большевики¹. Началась отправка эшелонов с хлебом и из Сибири. К маю 1918 года в распоряжение Советского правительства удалось отправить 9,8 миллиона пудов хлеба и 1,6 миллиона пудов мяса². Эта помощь была значительной и все же совершенно недостаточной. Из Сибири была вывезена только небольшая часть заготовленного хлеба. Но и это далось в упорной борьбе с кулачеством, спекулянтами, саботажниками и расхитителями хлеба на железной дороге.

Продовольственный вопрос решался одновременно с преобразованиями в деревне.

Огромный выигрыш от победы социалистической революции получили уральские крестьяне, а также рабочее население, занимавшееся сельским хозяйством. Крестьянам передавалась земля, конфискованная у помещиков, заводчиков, монастырей, церквей, кое-где у кулачества. Уральское крестьянство получило от Советской власти миллионы десятин земли³. Основную часть ее получили безземельные и мало-

¹ См. «Очерки истории большевистских организаций на Урале», ч. I. 1883—1918 годы. Свердловск, 1951, стр. 287; «История Урала», т. II. Пермь, 1965, стр. 72.

² См. «Октябрь в Западной Си-

бири». Воспоминания участников Октябрьской революции в Сибири. Статьи. Новосибирск, 1948, стр. 156.

³ См. «История Урала», т. II, стр. 76.

земельные крестьяне, а также маломощные середняки. Крестьянство стало преимущественно середняцким.

В тех районах Урала, где не было помещичьего и крупного частного землевладения, а также в Сибири картина была несколько иной. «Мы не могли дать крестьянам в Сибири, — говорил В. И. Ленин, — того, что дала им революция в России. В Сибири крестьянство не получило помещичьей земли, потому что там ее не было, и потому им легче было поверить белогвардейцам»¹. В связи в этом в Сибири не произошло резких изменений в соотношении бедняцких, середняцких и кулацких хозяйств.

Но и сибирское крестьянство получило непосредственные выгоды от победы Советской власти. В Сибири было конфисковано около миллиона частновладельческих, монастырских и церковных земель. Весной 1918 года началось их перераспределение. Однако в то время оно еще не стало повсеместным и массовым. Основные изменения выражались в наделении безземельного крестьянства за счет свободных и конфискованных земель².

В урало-сибирской деревне в первой половине 1918 года проводились и определенные социалистические преобразования: были организованы первые сельскохозяйственные коммуны и государственные хозяйства (совхозы). Социалистические преобразования были начаты не только в экономике, но и в области народного образования и культуры. Перестройка всей жизни началась и в национальных районах, исключая наиболее отдаленные. Провозглашенная в ноябре 1917 года Декларация прав народов России в законодательном порядке установила полное, суверенное и свободное развитие всех национальностей страны, обеспечила за нациями право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Укреплялся союз трудящихся многочисленных народностей Урала и Сибири с великим русским народом.

Затяжной характер установления Советской власти в Сибири и некоторых районах Урала, резкое отставание в решении аграрного вопроса и тем более в проведении социалистических преобразований — все это объяснялось малочис-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 299.

² См. В. П. Сафронов. Октябрь в Сибири, стр. 555.

ленностью промышленного пролетариата, связью части его с землей (то есть с частной собственностью), относительной зажиточностью крестьянства, наличием казачьих войск, большим удалением от революционного центра страны. Сказывалась также сравнительная немногочисленность, а порой и недостаточная организованность большевиков в отдельных районах, особенно сельских.

В Сибири и на Урале среди непролетарских слоев трудящегося населения продолжали пользоваться большим влиянием мелкобуржуазные партии, прежде всего эсеры, хотя их позиции в процессе социалистической революции были ослаблены. Правые эсеры и меньшевики совместно с кадетами и монархистами сколачивали контрреволюционные силы, выступали против всех начинаний Советской власти, готовились к решающему удару по ней. Левые эсеры, сотрудничавшие с большевиками и входившие в органы Советской власти, часто блокировались с правыми эсерами, а затем вообще в большой массе переметнулись на их сторону.

Разнообразные антисоветские элементы объединялись под лозунгом автономии Сибири, вынашивавшимся определенными слоями местной буржуазной интеллигенции и буржуазии еще с дореволюционных времен. 12 декабря 1917 года в Томске чрезвычайный съезд областников постановил созвать в марте 1918 года сибирское Учредительное собрание и сформировал временные органы власти: Сибирскую областную думу и ответственный перед ней Временный сибирский областной совет.

26 января (8 февраля) 1918 года Сибирская дума и созданные ею организации были разогнаны Томским Советом. Часть областников была арестована. Оставшиеся на свободе члены Временного сибирского совета на тайном собрании создали так называемое Временное правительство автономной Сибири во главе с правым эсером П. Дербером. Однако вскоре большинство его членов и другие активные областники бежали в Харбин¹.

Контрреволюционные партии и группы в Сибири и на Урале активности не снижали, но действовали в основном подпольно. Они были тесно связаны с контрреволюционным под-

¹ См. А. И. Крушанов. *Борьба 1918 — март 1920 г.). Владивосток, за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье (апрель 1962, стр. 19—20.*

польем в других районах страны, с белоказаками Дутова, Семенова и других атаманов, не прекращавших вооруженной борьбы с Советской властью. Антисоветское подполье всемерно поддерживали, готовили на вооруженную борьбу с Советской республикой правящие круги империалистических стран. Общими усилиями внутренняя и внешняя контрреволюция стремилась оторвать от большевистской партии широкие трудящиеся слои населения, настроить против Советской власти многомиллионное крестьянство.

Уральским и сибирским коммунистам, органам государственной власти, общественным организациям приходилось быть в постоянном напряжении, разоблачать и громить маскирующегося и изощренно действующего врага, одновременно продолжать идейно-политическую работу по завоеванию на сторону партии колеблющихся слоев населения.

Весной 1918 года участились кулацкие мятежи, в которые местами вовлекалась и часть середняков. Хотя все они быстро подавлялись красногвардейскими отрядами, несомненно, что к концу весны 1918 года классовая борьба в уральской и сибирской деревне обострилась и общая обстановка стала менее благоприятной для Советской власти, чем в период ее установления.

Решение общедемократических задач, оставшихся нерешенными после Февральской революции, сплотило в единых рядах с рабочим классом всю трудовую деревню. Поддержку пролетариату и бедноте в период Октябрьской революции оказал и середняк. Разумеется, позиции середняка не были устойчивыми, ибо он еще не мог пойти на решение социалистических задач революции. Особенно характерной эта неустойчивость была для среднего крестьянства Сибири. И все же медленнее, с некоторым запозданием сибирское трудящееся крестьянство шло по тому же пути революционного воспитания, что и трудовое крестьянство страны в целом. В основной массе трудящееся крестьянство Сибири поддержало Октябрьскую революцию. Если бы этого не случилось, то было бы совершенно необъяснимо, как могла победить революция в многомиллионной крестьянской Сибири.

Но в дальнейшем, к концу весны 1918 года, отношение к революционным процессам части трудящегося крестьянства изменилось. Незначительные вначале колебания середняка к этому времени стали всеобщим явлением. Средняк колеб-

нулся в сторону контрреволюции, стал смыкаться с кулачеством, поддерживал его в борьбе против Советской власти.

Усиление колебаний середняка, его отход от революции объясняются главным образом тем, что от решения общедемократических задач в деревне Советская власть стала переходить к решению социалистических задач. Весной и летом 1918 года, особенно после создания комитетов бедноты, борьба против кулачества усилилась. «Летом 1918 г., — отмечал В. И. Ленин, — началась настоящая пролетарская революция в деревне»¹.

Но привязанность среднего крестьянства к частной собственности не позволила ему тогда правильно разобраться в преимуществах Советской власти и социалистического строя. В. И. Ленин писал: «Колебания мелкобуржуазного населения там, где меньше всего влияние пролетариата, обнаружались в этих районах с особенной яркостью:

сначала — за большевиков, когда они дали землю и демобилизованные солдаты принесли весть о мире. Потом — против большевиков, когда они, в интересах интернационального развития революции и сохранения ее очага в России, пошли на Брестский мир, «оскорбив» самые глубокие мелкобуржуазные чувства, патриотические. Диктатура пролетариата не понравилась крестьянам особенно там, где больше всего излишков хлеба, когда большевики показали, что будут строго и властно добиваться передачи этих излишков государству по твердым ценам»².

С момента заключения Брестского мира, затем во второй половине весны и в начале лета 1918 года, когда в более широком масштабе стали проводиться социалистические преобразования в деревне и изыматься у кулаков и зажиточных крестьян излишки хлеба, среднее крестьянство Сибири и Урала отходило и в итоге отошло от пролетариата и бедноты. В деревне создавалась новая расстановка сил, социальная база революции сузилась. Вместе с тем в процессе обострившейся классовой борьбы прочнее стал союз пролетариата и беднейшего крестьянства.

Таким образом, обстановка на Урале и в Сибири накануне иностранной военной интервенции и гражданской войны бы-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 192.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 16—17.

ла в общих чертах сходна с обстановкой в других районах страны. Трудящиеся под руководством Коммунистической партии, ее местных организаций шли по пути закрепления революционных завоеваний. Союз пролетариата и беднейшего крестьянства, упрочившийся в процессе социалистической революции, был той силой, которая сокрушила контрреволюцию и установила Советскую власть.

Однако контрреволюционные силы не были разбиты полностью и окончательно. Получая помощь извне, они продолжали борьбу (в отдельных районах и вооруженную) против Советской власти. Действия контрреволюционеров в Сибири и в отдельных районах Урала были тем более опасны, что здесь резко отставало развитие классового самосознания среднего крестьянства, трудящихся казаков и непролетарских трудящихся слоев городского населения, не были полностью разоблачены и изолированы от них эсеры и меньшевики. Коммунисты учитывали эти обстоятельства и усиливали работу в массах, принимали меры к упрочению союза рабочих и крестьянской бедноты, завоеванию на сторону социализма середняка. Но эти же обстоятельства учитывала и стремилась использовать в своих интересах контрреволюция.

В Сибири и на Урале шел двойственный процесс сплочения: с одной стороны, широчайших трудящихся масс под руководством Коммунистической партии, с другой — обреченных историей сил контрреволюции, пытавшихся найти поддержку у трудящихся. Несмотря на колебания части трудового крестьянства, носившие временный характер, свергнутые эксплуататорские классы никаких надежд на успех не имели. Но в случае поддержки их международным империализмом посредством широкой военной интервенции события могли получить другой оборот и привести к поражению революционных сил.

2 Приход контрреволюции к власти

Победа в России социалистической революции не давала покоя международной реакции и свергнутым эксплуататорским классам, и они объединились для совместной борьбы

против Советской республики. Правительства империалистических стран перешли от разжигания гражданской войны, подрывной деятельности, организации контрреволюционных мятежей против Советской власти к открытой вооруженной интервенции, начав ее коварно, без объявления войны. Активнейшую роль в организации интервенции играли империалисты Соединенных Штатов Америки. «Именно теперь американские миллиардеры, — писал В. И. Ленин в «Письме к американским рабочим», — эти современные рабовладельцы, открыли особенно трагическую страницу в кровавой истории кровавого империализма»¹.

Весной 1918 года началась высадка иностранных войск на окраинах страны. Но империалисты не ограничились оккупацией окраин России, где вооруженные силы республики были совершенно незначительными, а Советская власть не успела окрепнуть. Они предпринимали меры к организации новых мятежей против Советской власти во внутренних районах страны, в том числе на Урале и в Сибири, побуждали на более активные действия, готовили к выступлению белогвардейское подполье.

Особая роль в антисоветских планах империалистов отводилась чехословацкому корпусу, который в то время находился в эшелонах, растянувшихся вдоль Транссибирской железной дороги на гигантском расстоянии от Пензы до Владивостока.

Мятеж начался 25 мая. В этот день белочехи захватили Мариинск, на другой день — Новониколаевск, в ночь на 27 мая — Челябинск, затем ряд других городов Поволжья, Урала и Сибири. Выступление белочехов было поддержано широкой волной вооруженных восстаний кулачества и зажиточных казаков. Ломая сопротивление малочисленных, слабовооруженных советских частей и отрядов, белогвардейцы и интервенты стали захватывать обширные районы.

Перед партийными и советскими организациями Урала и Сибири встала серьезная задача — в самое короткое время организовать вооруженные силы, достаточные для отпора врагу. Началось срочное формирование новых отрядов. Но в Сибири в этом отношении удалось сделать немного: с каж-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 48.

дым днем там оставалось все меньше городов и поселков, где сохранялась Советская власть.

Огромная работа была развернута в северной части Урала, а также в Поволжье, где выросал общий фронт советских войск, преграждавших белогвардейцам и интервентам путь на Москву, в центр страны. Вскоре он стал главным фронтом Советской республики; первостепенное внимание уделял ему В. И. Ленин, требуя от командования Красной Армии, от местных партийных, советских и профсоюзных организаций направить все силы, чтобы отстоять Урал и Кузбасс. Туда двинулись красноармейские полки, сформированные в Питере, Москве, Иваново-Вознесенске и других городах.

В середине июня был создан Восточный фронт. В ходе боев было создано несколько армий. Части и соединения Восточного фронта отражали натиск наиболее многочисленных и мощных сил внутренней и международной реакции. Силы врага были значительнее и продолжали нарастать. К концу июля интервентам и белогвардейцам удалось захватить обширные районы Поволжья, большую часть Южного и Центрального Урала, Сибири. Спустя месяц враг сломил сопротивление советских войск в Забайкалье, захватил и этот район.

Причиной временного падения Советской власти на Урале и в Сибири были не только малочисленность, слабая организация и вооружение советских частей и отрядов, отсутствие достаточного количества опытных военных кадров и т. д. Сказалась также недооценка местными работниками, военными руководителями той действительной опасности, которую таило в себе контрреволюционное выступление чехословацких легионеров, казаков, белогвардейцев. В нужный момент на наиболее угрожаемых участках у партийно-советских органов не оказалось даже минимума необходимых сил. Захватив железнодорожную магистраль, контрреволюционеры прервали железнодорожное сообщение и телеграфно-телефонную связь с центром страны. Были разобщены между собой и лишены возможности объединиться, оказать взаимную помощь советские части и отряды, действовавшие на Урале и в Сибири. Наконец, последняя по счету, но не по важности причина заключалась в том, что в некоторых районах не проявили достаточной активности в борьбе с контрреволюцией рабочие и крестьянская беднота, а среднее

крестьянство колебнулось в сторону контрреволюции. Интервенты и белогвардейцы, опираясь на эсеров, обманывавших трудовые массы деревни, сумели использовать колебания середняка для свержения Советской власти.

Захватив восточные районы страны, в том числе и огромную часть Урала, контрреволюция повсюду создает местные правительства. Некоторое время продолжало действовать Временное правительство автономной Сибири эсера Дербера. В качестве его филиала 1 июня возник Западно-Сибирский комиссариат, в котором также верховодили эсеры. В середине июня комиссариат переехал в Омск. Но среди другой части сибирских областников сложилась конкурирующая группа. Было объявлено о создании нового Временного сибирского правительства, которое обосновалось в Омске. Его возглавил бывший кадет, не утративший с этой партией связей, П. Вологодский, примкнувший к правым эсерам. Правительство Вологодского добилось ликвидации Западно-Сибирского комиссариата и с 30 июня стало органом власти в масштабах всей Сибири. Дерберовское правительство не смогло противостоять ему. Его роль сходит на нет. Позднее оно ликвидируется.

Несколько раньше, 8 июня, в Самаре возникло еще одно самозванное правительство, именовавшееся Комитетом членов Учредительного собрания (Комуч). Его возглавил эсер Вольский. Комуч состоял преимущественно из эсеров.

В Екатеринбурге в результате длительных переговоров между кадетами, эсерами, меньшевиками и «народными социалистами» в середине августа сформировалось областное правительство Урала. Его возглавил кадет крупный биржевой делец П. Иванов. Будучи формально смешанным, это правительство по существу было кадетским. Представители мелкобуржуазных партий играли в нем подчиненную роль.

На Южном Урале обосновалось башкирское правительство, созданное под крылышком белоказачков в декабре 1917 года. Это мелкобуржуазно-националистическое правительство возглавляли Э. Валидов и Ш. Манатов. Тогда же было создано автономное казахское буржуазно-националистическое правительство Алаш-орды во главе с А. Букейхановым, активно выступавшее против Советской власти. Между этими многочисленными правительствами, особенно между временным сибирским правительством и Комучем, игравшими доми-

нирующую роль, разгорелась грызня за верховную власть, сферы влияния, за территорию.

Представители империалистических правительств стран Антанты, стремившиеся во что бы то ни стало задушить Советскую власть во всей Российской республике, оказывали на белогвардейцев давление, требуя создать единый орган власти. Неудачи контрреволюционных войск в Поволжье и на других участках фронта сделали местные правительства сговорчивыми. На «государственном» совещании в Уфе, проходившем с 8 по 23 сентября 1918 года, из представителей контрреволюционных правительств и организаций образуется Директория в составе Н. Авксентьева, В. Болдырева, П. Вологодского, Н. Астрова и Н. Чайковского¹.

Директория была объявлена Временным всероссийским правительством. Резиденцией ее намечался Екатеринбург, а затем был избран Омск. Просуществовала Директория до колчаковского переворота. Но фактически власть после самоупразднения Комуча (уральское правительство самостоятельной роли не играло и было распущено 10 ноября 1918 года) находилась у сибирского правительства, которое Директория превратила в свой деловой аппарат власти. Именно на него делали ставку интервенты.

Таким образом, после контрреволюционного мятежа на Урале и в Сибири воцарились белогвардейские правительства, в которые входили эсеры, а в отдельные из них — представители других мелкобуржуазных партий, в том числе меньшевики. Кадеты, представленные в некоторых из этих правительств, лишь внешне были на втором плане. Партия кадетов не выходила пока на первый план не только и не столько потому, что она этого не могла. Она использовала мелкобуржуазные партии для борьбы против Советов и обмана народных масс, предпочитая некоторое время оставаться в тени, чтобы вместе с монархистами упрочить свое положение в армии, прибрать к рукам руководство хозяйством и т. д. Эсеры и меньшевики, органы власти, в которые они входили, служили буржуазии, помещикам и интервентам

¹ Поскольку Астров и Чайковский, находившиеся вне Сибири и Урала, не могли принять непосредственного участия в ра-

боте Директории, то их заменили «заместителями» В. Зензиновым и В. Виноградовым.

лишь удобной ширмой для осуществления реакционных, корыстных целей. Мелкобуржуазные партии, совершившие новое тяжкое предательство интересов трудящихся, прикрывали свою контрреволюционную сущность трескучей псевдодемократической фразеологией о «народовластии», «всеобщей демократии» и т. д. Они помогали заведомым врагам страны — международному империализму, свергнутым трудящимися России капиталистам и помещикам.

Временные местные правительства спешили ликвидировать в захваченных районах Советскую власть и все политические завоевания трудящихся, восстановить буржуазную диктатуру, реставрировать частную собственность на орудия и средства производства, подавить революционное движение в своем тылу и мобилизовать все ресурсы для ведения военных действий против вооруженных сил Советской республики. Советы и многие созданные после Октябрьской революции массовые самостоятельные организации белогвардейцами разгоняются. На местах восстанавливаются в видоизмененной форме институт губернаторов (под названием губернских комиссаров, затем — управляющих губерниями), городские буржуазные думы, земские управы, система сельских старост и т. д. Восстанавливаются буржуазный суд, полиция (под названием милиции), политический сыск, многочисленные карательные органы и т. д.

Одним из первых шагов контрреволюционных органов власти была денационализация промышленности. В июне — июле 1918 года Кюмуч отменил все декреты Советской власти, издал приказ о денационализации банков, принял ряд законоположений о денационализации промышленности. 28 июня Западно-Сибирский комиссариат издает постановление о денационализации предприятий. В нем было сказано, что национализированные советскими властями предприятия подлежат возвращению их прежним владельцам или их правопреемникам.

Передача фабрик и заводов прежним владельцам сама по себе ставила рабочих в тяжелое материальное положение. Но буржуазия с помощью меньшевиков и эсеров ликвидировала и все права, полученные рабочими от Советской власти. Отменялся 8-часовой рабочий день. Он увеличивался местами до 11—12 часов. Одновременно снижалась заработная плата. Для этого использовались различные поводы,

*Жертвы колчаковщины
(Сибирь, 1919 год)*

в том числе перевод промышленных рабочих и железнодорожников на сдельную систему оплаты. Так, Березовское золотопромышленное товарищество и Сергинско-Уфалейский округ в ноябре 1918 года перевели рабочих на сдельную систему и при этом уменьшили их заработок на 40—50%. Капиталисты по своему усмотрению закрывали предприятия, выбрасывая рабочих на улицу. Перестали работать многие заводы и фабрики. По официальным сведениям министерства труда, к 1 сентября 1918 года только в Екатеринбурге, Челябинске, Тобольске, Семипалатинске, Барнауле, Омске, Томске, Иркутске насчитывалось до 15 тысяч безработных¹.

Жалуясь на отсутствие средств и сырья для развертывания производства, капиталисты стремились заполучить от белогвардейских правительств финансовую помощь. Большие суммы промышленникам Урала выплатило правительство Иванова. Только 8 ноября 1918 года оно выдало Верх-Исетскому горному округу «сверх сметы» 4 230 тысяч рублей, Богословскому округу — 2 миллиона рублей и т. д. Вокруг этих «субсидий» многие промышленники «погрели руки».

¹ Газета «Народное дело» (Татарск), 12 октября 1918 г.

Омское правительство к 10 января 1919 года выдало частным предприятиям около 110 миллионов рублей и столько же банкам¹.

Сугубо антинародный характер носила и аграрная политика белогвардейских властей. 6 июля 1918 года Временное сибирское правительство издает закон, по которому все имения, принадлежавшие отдельным лицам, а также обществам и учреждениям, располагавшимся на арендованных или собственных землях, подлежали возвращению их прежним владельцам со всем инвентарем, живым и мертвым. Были ограничены права крестьян в пользовании казенными лесами.

Поощряя помещиков и кулачество, оказывая им всяческую поддержку, белогвардейцы в отношении трудящихся масс деревни чинили настоящий разбой и грабеж. В несколько раз возросли налоги. Изощряясь в ограблении трудящихся крестьян, контрреволюционные власти стали взимать с них налоговые недоимки за 1916—1918 годы. Уральское правительство в своей декларации указывало на неизбежность усиления налогов и недопустимость уклонения от них. Оно заявило, что «восстановит действие налогового аппарата и примет решительные меры ко взысканию всех недоимок»².

На трудящихся обрушился невиданно тяжелый политический гнет. Насилие и безудержный террор были характерны для эсеров-меньшевистско-кадетского режима. Политику репрессий, кнута и расстрелов пособники кадетов — эсеры и меньшевики сделали официальной. Белогвардейцы с первых же дней взяли курс на истребление коммунистов, советского актива, командиров и бойцов красновардейских отрядов, вынужденных скрываться во вражеском тылу. Белогвардейцы зверски расправились с виднейшими партийными и советскими работниками в Челябинске, Кургане, Новониколаевске, Красноярске и других городах. В тюрьмы были брошены многие десятки тысяч человек. Камеры были переполнены и «разгружались» путем нескончаемых расстрелов. Например, в сводке командования Восточного фронта советских войск за сентябрь 1918 года отмечалось, что в

¹ *Партийный архив Свердловского обкома КПСС (ПАСО), ф. 41, оп. 1, д. 812, л. 18; см. также «Омские большевики в борьбе за власть Советов (1917—*

1920 гг.)». Сборник документальных материалов. Омск, 1952, стр. 136.

² *ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 804, л. 42—44.*

Уфе «тюрьма полна... У моста... каждую ночь в час или в два ночи проходят расстрелы»¹.

По несколько тысяч арестованных томилось в тюрьмах Омска, Екатеринбургa, Иркутска, Оренбургa, Уфы, Тюмени, Томска, Красноярска. Политические заключенные и пленные военнослужащие Красной Армии из прифронтовых районов Поволжья и Урала специальными эшелонами, получившими название «поезда смерти», были отправлены в Сибирь. До одной трети «пассажиров» этих «поездов смерти» погибло еще в пути: были убиты, умерли от голода, холода и эпидемических болезней. Остальных полуживыми бросали в тюрьмы и лагеря. Так поступали белогвардейцы, эсеры и меньшевики в отношении десятков тысяч своих политических противников и всех трудящихся. Такой на деле была «демократия», которую принесли рабочим и крестьянам эсеры и меньшевики. Такова была обстановка, в которой развертывалась борьба коммунистов.

3 1-я Сибирская (Западно-Сибирская) нелегальная конференция РКП (б)

Успехи подпольной работы в том или ином городе, местности зависели обычно от численности находившихся там коммунистов, их опыта, политической зрелости. В Сибири и на Урале, захваченных врагом, положение оказалось различным. В силу того что партийные организации Урала почти полностью влились в ряды Красной Армии и вместе с нею отошли на запад, в этом крае, особенно в центральной, северной и западной частях, членов большевистской партии оказалось мало. А сибирские коммунисты в большинстве оказались в тылу врага. В связи с этим возможности для организации подпольной партийной работы в Сибири оказались более благоприятными, чем на Урале.

Организация большевистского подполья на Урале и в Сибири возглавлялась Центральным Комитетом партии. При ЦК партии было создано Центральное бюро по руководству ра-

¹ Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), ф. 106, оп. 3, д. 558, л. 13.

ботой партийных организаций в тылу врага. Практическое руководство подпольными организациями Урала и Сибири осуществлял Секретарь ЦК РКП(б) Яков Михайлович Свердлов. Он встречался с коммунистами, направлявшимися за линию фронта, давал им задания, передавал директивы для партийных организаций, инструкции. По его распоряжениям им выдавались деньги, оформлялись необходимые документы. Агенты, связные, курьеры ЦК посылались в Сибирь и на Урал уже в первые месяцы гражданской войны. С поручениями ЦК часто направлялись те работники, которые прибывали в Москву из Сибири, с Урала. ЦК партии руководил большевистскими организациями в тылу противника также через партийные комитеты прифронтовых районов, например через Уральский областной комитет РКП(б), и через реввоенсоветы армий Восточного фронта.

Летом в Тюмени, которую удерживали советские войска, находилось значительное число сибирских коммунистов. Было решено некоторым из них оставаться в Тюмени до захвата ее врагом и затем выехать в Сибирь, где приступить к созданию подпольных организаций. Член партии с 1908 года И. С. Дмитриев, один из тех партийных работников, которым предстояло перейти на подпольную работу, в автобиографии отмечал: «Во время защиты Тюмени организовалась группа, в которую входили: Суховерхов Франц, Молотов Костя, Черепанов Сергей Александрович, Валек и я для партийной и военной работы в тылу у белых»¹.

Константин Михайлович Молотов вспоминает, что в Тюмени было создано Организационное бюро РКП(б) Сибири в составе С. А. Черепанова, М. И. Сычева (Ф. Суховерхова) и К. М. Молотова². Местом нахождения Оргбюро был назначен Томск. Еще до вступления в город белогвардейцев коммунисты законспирировались, усиленно готовились к нелегальной работе. По занятии Тюмени 20 июля белыми М. И. Сычев, К. М. Молотов и И. С. Дмитриев выехали в Томск. С. А. Черепанов остался в Тюмени.

¹ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 124, оп. 1, д. 597, л. 5 (Автобиография И. С. Дмитриева).

² См. К. Молотов. *Контрреволюция в Сибири и борьба за Советскую власть. Саратов, 1921, стр. 17*

В это же время были подготовлены и переправлены в тыл врага две группы коммунистов. Их возглавили опытные работники Антон Яковлевич Валек (член большевистской партии с 1904 года) и П. Г. Кришкин. По прибытии в разное время в Омск они включились в работу по организации подполья в этом городе. Валек согласовывал работу с членами Оргбюро. В организации революционной работы, в частности в формировании омской организации РКП(б) и постановке разведки (в Иркутске и других городах), он сыграл видную роль¹.

Первостепенной задачей Оргбюро, к работе которого в Томске подключились коммунисты с большим опытом партийной революционной работы (М. М. Рабинович, С. А. Дитман и др.), была консолидация подпольных групп и отдельных коммунистов, находившихся в захваченных мятежниками сибирских городах, подготовка и созыв большевистской конференции. В августе в качестве представителей Оргбюро выезжали: К. М. Молотов — в Барнаул, И. М. Витол, А. А. Машиновский — в Новониколаевск, В. С. Митряев — в Курган и Челябинск и т. д.²

В итоге проведенной работы 1 сентября 1918 года удалось созвать в Томске Западно-Сибирскую подпольную конференцию РКП(б), в дальнейшем получившую название 1-й Сибирской подпольной конференции³. По существу она была Урало-Сибирской, так как на ней были представлены два крупнейших центра Урала, занятых врагом, — Екатеринбург и Челябинск. Из Восточной Сибири были делегаты из Красноярска и Черемхово, из Западной Сибири — представители томской, новониколаевской, омской, барнаульской, щегловской (кемеровской) организаций. По некоторым документам и воспоминаниям можно установить состав участников конференции. Всего было 10 делегатов: К. М. Молотов, М. И. Сы-

¹ *Партийный архив Новосибирского обкома КПСС (ПАНО), ф. 5, оп. 2, д. 1421, л. 2; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1431, л. 61.*

² *ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 632, л. 3 (Воспоминания В. С. Митряева).*

³ *ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1431, л. 64; см. «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)». Документы и мате-*

риалы. Новосибирск, 1959, стр. 60, 61. В литературе приводится дата ошибочно — с 18 по 22 (или с 19 по 23) августа, без оговорок, что по старому стилю. По новому стилю конференция началась 1 сентября. Эту дату указывает, в частности, А. Я. Валек (ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1431, л. 64).

чев, М. М. Рабинович, И. С. Дмитриев, А. Я. Валек, С. А. Дитман, К. П. Ильмер, Э. А. Алексеева, С. Стукин и Семен¹.

В связи с тем что ни одной резолюции или каких-либо других документов, принятых конференцией, не сохранилось, о ее повестке дня и принятых решениях судить трудно. В числе других на конференции стояли вопросы: о текущем моменте и задачах подпольных организаций; организационный устав; о привходящих методах борьбы; о финансах; выборы в Сибирский областной комитет.

К. М. Молотов, составлявший тезисы о текущем моменте, в 1921 году попытался восстановить их по памяти². Судя по этим воспоминаниям, конференция весьма оптимистически оценивала обстановку в Сибири для развертывания успешной борьбы. Главной задачей, которая ставилась перед большевистским подпольем, были подготовка и проведение вооруженного восстания рабочих, солдатских и крестьянских масс в сибирском масштабе для прорыва белогвардейского фронта, свержения контрреволюционной власти и восстановления власти Советов.

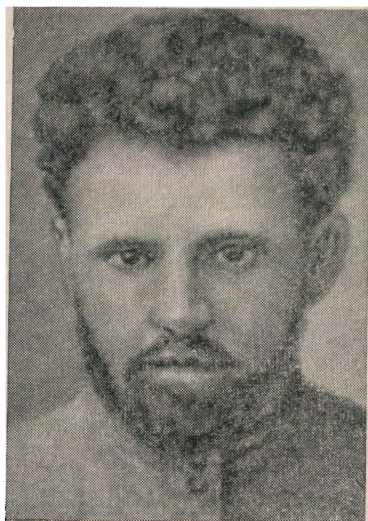
¹ ЦПА ИМЛ, ф. 72, оп. 3, д. 513, л. 10; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1431, л. 63—65; см. «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 50. В воспоминаниях И. С. Дмитриева и К. М. Молотова указываются Андреева и Антон. Андреева — это несомненно Алексеева, Антон — А. Я. Валек. Бывший член Новониколаевского подпольного комитета В. В. Бердникова отмечает, что от новониколаевской организации на I-ю Сибирскую подпольную конференцию был делегирован Аркадий Тепляков (личный архив автора). Быть может, его и называет Молотов Семеном. В воспоминаниях Дмитриева он назван Семеном Байковым.

² См. К. Молотов. Контрреволюция в Сибири и борьба за Советскую власть, стр. 18, 19. Молотов утверждал, что конференция отвергла «сепаратные вос-

стания». Исходя из этого высказывания, авторы исторических работ противопоставляют решения I-й Сибирской конференции решениям последующих подпольных конференций, заявляя, что те дали установку на местные восстания. Как будет нами показано далее, такие заявления нельзя признать правильными. Авторы, пользуясь воспоминаниями К. М. Молотова о работе I-й Сибирской конференции как единственным источником, заявляют об ошибочности решений этой конференции, якобы категорически отвергнувшей местные восстания. Участник конференции И. С. Дмитриев отмечал, что конференция «резко отвергла всякую возможность легализации и наметила тактику вооруженной борьбы за Советы» (см. «За власть Советов». Воспоминания участников партизанского движения в тылу у Колчака. Докумен-

К. М. Молотов

Конференция разоблачала эсеров и меньшевиков, звала к решительной борьбе против них, предупреждала, что никаких компромиссов и соглашений с ними не должно быть. Участник конференции А. Я. Валек, приехав в начале октября 1918 года из Сибири в Москву, сообщал, что представители левого крыла эсеров и меньшевики «обращались к конференции коммунистов Западной Сибири с предложением выработать единый план активных действий против надвигающейся буржуазной диктатуры». Хотя в докладе Валека не гово-

рится, как отнеслись коммунисты к этим меньшевикам и эсерам, но можно заключить, что от соглашения с ними участники конференции отказались. «Эсеры и меньшевики, — добавлял Валек, — потеряли всякий авторитет. Никто не верит в прочность их власти»².

1-я Сибирская большевистская конференция приняла решение о переводе всех большевистских подпольных организаций на военное положение и утвердила устав, отвечавший задачам подпольных организаций. Был избран областной комитет РКП(б): К. М. Молотов (председатель), М. И. Сычев (товарищ председателя), М. М. Рабинович, И. С. Дмитриев

ты. Новосибирск, 1947, стр. 43). Очевидно, конференция выдвинула задачу в общем виде, не рассматривая вопросы о формах и видах восстаний. Томский коммунист Н. Лебедев писал, что в сентябре 1918 года он внимательно читал тезисы по текущему моменту, принятые подпольной конференцией, и даже переписал их. «Нужно отметить», — пишет Н. Лебедев, — что в тези-

сах не указывалось, какой вид восстания рекомендуется — общесибирский или же сепаратные» (ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1173, л. 15, 16). По-видимому, решение конференции не было достаточно четким и развернутым. К воспоминаниям К. М. Молотова в данном случае нужно отнестись осторожно.

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1431, л. 62, 64.

(члены), С. А. Дитман (секретарь) и К. П. Ильмер (кандидат в члены комитета) ¹

Широкий круг вопросов, обсуждавшихся делегатами, принятые решения и устав predeterminedили огромное значение конференции для всех большевистских организаций и революционных масс Сибири и Урала. Создав единый руководящий центр, конференция организационно оформила и централизовала деятельность большевистского подполья в обширном районе белогвардейского тыла на востоке страны.

Члены областного комитета, обосновавшись в Томске, устанавливали связи с имевшимися на местах организациями, создавали новые организации и группы в городах и селах Сибири и Урала, руководили их деятельностью. Была установлена связь с ЦК. В первых числах октября в Москву прибыли А. Я. Валек и специальный курьер ². «Коммунисты, — докладывал Валек, — усиленно готовятся к вооруженному восстанию, чтобы сделать свой, сибирский Октябрь» ³.

К осени 1918 года большевистское подполье на Урале и в Сибири укрепилось и расширилось. Некоторые организации возникали самостоятельно, в дальнейшем связываясь с подпольным центром. Другие возникали при непосредственном участии представителей партийных органов, прежде всего подпольного Оргбюро, а затем, после 1-й Сибирской конференции большевиков, — областного комитета партии.

4 Большевистское подполье в Западной Сибири

В Западной Сибири в течение первых 9—10 месяцев власти белогвардейцев подпольная работа большевиков развертывалась быстрее, чем в Восточной Сибири (исключая Красноярск) и на Урале (исключая Челябинск). В Томске и Омске были созданы крепкие нелегальные организации, устано-

¹ См. К. Молотов. *Контрреволюция в Сибири и борьба за Советскую власть*, стр. 20.

² К. Т. Новгородцева (Свердлова) сообщала в письме Е. Д. Стасовой, что получена информация о состоявшейся 1 сентября нелегальной большевистской конфе-

ренции в Томске. С этой информацией Новгородцева направила к Стасовой «одну девушку из Сибири» (*«Вопросы истории»*, 1956, № 10, стр. 98).

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1421, л. 64, 65.

вившие связи с другими городами. Ведущая роль западно-сибирских организаций в значительной степени обеспечивалась тем, что именно здесь, в Томске, обосновалось Оргбюро РКП(б) Сибири, а затем областной комитет.

Томские коммунисты, специально оставленные в городе или по успешные эвакуироваться, начали подпольную работу сразу же после контрреволюционного переворота. Создается городской подпольный комитет РКП(б). В воспоминаниях В. С. Митряева отмечается, что в его состав вошли А. А. Малиновский, С. А. Дитман, В. С. Митряев и Жукас¹. Комитет работал в тесном контакте с обосновавшимся в городе Сибирским областным комитетом РКП(б). Под их руководством были созданы, укреплены и расширены нелегальные группы большевиков на предприятиях, среди железнодорожников, учащейся молодежи. Были сделаны первые шаги по созданию конспиративных ячеек в белогвардейских частях. Всего осенью 1918 года число членов томской организации (включая сочувствующих партии) достигало 200—250 человек². И это в то время, когда рабочих было совсем немного, так как в городе имелись только мастерские земского городка и ряд мелких предприятий да сравнительно небольшое железнодорожное хозяйство.

В первой половине ноября созывается городская большевистская конференция. На ней был произведен подсчет сил, подведены первые итоги борьбы, намечены задачи дальнейшей работы. На конференции был заслушан доклад о предстоящей 2-й Сибирской конференции РКП(б), выработаны директивы делегатам от томской организации Х. Я. Суудеру и В. С. Митряеву. В новый состав комитета вошли бывший член Всеэстонского партийного центра, отбывавший в 1915—1917 годах ссылку в Иркутской губернии, Хендрик Янович Суудер (председатель), Малиновский, Митряев, Тонкоглаз, Жукас; кандидатами в члены комитета были избраны И. С. Григорьев (Кеша) и Н. Д. Дианов³.

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 632, л. 5.

² См. «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 60; «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)». Сборник документальных материалов (к

40-летию Великой Октябрьской социалистической революции). Томск, 1957, стр. 482, 483.

³ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 632, л. 6, 7 (Воспоминания В. С. Митряева).

На первых порах томские коммунисты широко использовали в революционной работе легальные организации и учреждения, особенно профсоюзы, где их влияние было преобладающим. Томск был чуть ли не единственным городом, где на протяжении некоторого времени коммунистам удавалось использовать полулегальные методы борьбы. Так, они использовали газету «Рабочее знамя» (название ее менялось), легально выходившую в июле — августе 1918 года. В ней публиковались статьи, обличавшие белогвардейские власти в зверствах, в восстановлении реакционных буржуазных порядков.

В редакции газеты, в областном бюро профсоюза горнорабочих и в других общественных помещениях происходили встречи коммунистов. Но чем дальше, тем труднее становилось использовать легальные организации. Подвергается арестам руководство профсоюзов, окончательно запрещается газета. Подпольные методы работы с осени 1918 года стали практически единственными.

Летом 1918 года Томский комитет РКП(б) установил связь с подпольщиками Анжерки, Судженки, Кольчугино, Тайги, а затем и других поселков и городов губернии. Развертывание подпольной работы в Кузбассе имело большое значение, ибо здесь концентрировались крупные предприятия и было много рабочих.

Подпольная большевистская организация на станции Тайга возникла в июне 1918 года. В подпольный комитет были избраны Н. Остроухов, М. Ефименко и Шелков; в дальнейшем состав комитета менялся. Одно время его возглавлял Жанис Цельман¹.

Несколько позднее оформилась подпольная организация в Кольчугино. Комитет, избранный примерно в сентябре, возглавил Демьян Иванович Погребной². К исходу осени на Кольчугинских коях не было ни одного значительного предприятия, где бы не имелось конспиративных «десятков». Численность подпольной организации перевалила за две сотни.

На Анжерских и Судженских коях коммунисты начали подпольную работу летом 1918 года. В Анжерке партийную

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1169, л. 56; д. 1339, л. 2—4.

² Газета «Кузбасс», 7 апреля 1929 г.

С. Г. Черемных

организацию восстанавливали П. Ф. Лапшин и А. Бияков. На Судженских копиях организация восстанавливалась при активном участии Примака, Г. Гюннера, М. Зюбанова, И. Голикова, А. Горничева, И. Курагина и других коммунистов. В Анжерский комитет РКП(б) вошли П. Ф. Лапшин (председатель), А. Бияков, С. Захаров, Т. И. Головатов, А. Игнатченко. Был избран комитет и в Судженке¹.

Большевистская организация Новониколаевска — одного из крупнейших городов Западной Сибири — вследствие внезапного захвата города белогвардейцами в ночь с 25 на 26 мая в отличие от большинства других организаций Сибири не имела возможности эвакуировать партийные и советские учреждения и заблаговременно подготовиться к нелегальной революционной работе во вражеском тылу. Ввиду массовых репрессий всем новониколаевским коммунистам пришлось уйти в подполье. В июне 1918 года на квартире Бердниковых (Омская, 15) состоялось собрание большевиков-подпольщиков, присутствовало около 15 человек. Избирается городской подпольный комитет РКП(б) в составе Дрягина (председатель), М. Ф. Кутергина (казначей), В. В. Бердниковой (секретарь), А. Константинова и С. Сафоновой².

Первый состав Новониколаевского городского комитета проработал около двух с половиной месяцев. Вынуждены были покинуть город Дрягин и Кутергин. Под угрозой провала

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1181, л. 1,
2 (Воспоминания И. Голикова);
«За власть Советов». Сборник
воспоминаний. Кемерово, 1957,
стр. 73—77.

² Выступление В. В. Берднико-

вой на заседании тематической
группы Военно-исторического
общества при Центральном музее
Советской Армии (ЦМСА) в мае
1963 года (личный архив автора).

прервали работу С. Сафонова и А. Константинов. В начале сентября была арестована и отправлена в томскую тюрьму Вера Бердникова. К руководству городской организацией пришли новые коммунисты. Были созданы три районных комитета.

Переход значительной части новониколаевских коммунистов в подполье и возможность продолжения нелегальной работы были во многом обусловлены тем, что в руки врага не попали документы, списки коммунистов, деньги. Оставшиеся на свободе смогли даже оказать помощь арестованным коммунистам и советским работникам. В свою очередь городской комитет получал от них важные указания и советы о лучшей постановке работы, в частности об усилении подготовки вооруженного выступления. Но подготовленное выступление в связи с обысками и арестами, произведенными белогвардейцами в ночь с 18 на 19 сентября, было сорвано¹. Осенью 1918 года организация с трудом возобновила работу, стала усиливать ее.

В Томске произошло одно из первых в условиях белогвардейщины вооруженных восстаний. Томская организация готовила его с первых дней своего существования. Еще в августе там был создан военный штаб во главе с М. И. Сычевым. В числе членов и сотрудников штаба были А. А. Бушуев, А. В. Байков, И. Байнов и другие опытные военные работники. Осенью 1918 года была проведена большая работа по подготовке восстания, сбору оружия. Но вновь добытого оружия было немного. В основном учитывалось оружие, спрятанное летом при отходе из города красногвардейцев. Например, на квартире О. С. Бутиной (Григорьевой) хранились 53 винтовки, десятки револьверов, бомбы, несколько тысяч патронов².

В ходе подготовительной работы в ночь с 31 октября на 1 ноября 1918 года неожиданно для руководителей подполья в Томске произошло восстание. Одни авторы исторических работ считают, что это восстание было спровоцировано белогвардейцами, другие полагают, что оно было проведено под руководством Сибирского областного и Томского город-

¹ Газета «Забайкальская новь» (Чита), 3 октября 1918 г.

² Партийный архив Томского

обкома КПСС (ПАТО), ф. 4204, оп. 3, д. 28, л. 24 (Воспоминания Г. С. Григорьева).

ского комитетов РКП(б)¹. Ни с той, ни с другой точкой зрения согласиться нельзя. Восстание началось неожиданно для руководителей областной и городской организаций. Оно охватило только политических заключенных томской пересыльной тюрьмы и небольшую часть солдат. Знакомление с некоторыми архивными материалами позволяет утверждать, что восстание готовили коммунисты-подпольщики, входившие в единую подпольную организацию Томска, но слабо связанные с городским и тем более областным комитетами.

В томской тюрьме имелась многочисленная подпольная организация, в которую входили М. Ф. Ператинский, Н. Т. Тиунов, Дуленин, Гусьяров и другие заключенные. В активную подготовку восстания политзаключенных включилось около 30 человек. Через родственников некоторые из них поддерживали связь с видными деятелями городской организации.

Политзаключенные были связаны с подпольной группой солдат-новобранцев 5-го Томского полка, размещавшихся в Красных казармах. Еще в сентябре среди них была начата революционная работа, в которой участвовали Ходоров, Чебукин, И. Денисов, В. М. Денисов, Комаров, Губкин и др. Они создали подпольную группу, охватившую революционной работой 2, 4, 5, 6, 7, 8-ю и штурмовую роты и учебную команду. Наибольшим влиянием подпольщики пользовались в 6-й и штурмовой ротах. Подпольная группа 5-го полка была связана с одним из низовых звеньев городской организации и с политзаключенными. Но у сидевших в тюрьме коммунистов связи с Томским комитетом не были достаточно прочными и регулярными.

В октябре из тюрьмы были вывезены 13 томских комиссаров — видных коммунистов и отправлены в екатеринбургскую тюрьму. Всех политзаключенных взволновало это событие: они решили, что их товарищи расстреляны и такая же участь ждет остальных. Они предложили городской

¹ «Очерки истории города Томска (1604—1954)». Томск, 1954, стр. 167 В данной и других работах восстание датируется неправильно — «в ночь с 1 на 2 ноября». На самом деле оно

началось в ночь на 1 ноября (ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1185, л. 11, 12. Воспоминания М. Ф. Ператинского); газета «Родная Сибирь», 10 ноября 1918 г.

организации освободить их путем вооруженного нападения, но получили ответ, что нужно подождать: восстание еще не подготовлено. Тогда подпольная организация в тюрьме решила поднять восстание с помощью новобранцев 5-го полка.

Выступление было ускорено известием о предстоящей отправке полка на фронт. Вечером 31 октября было принято решение о выступлении, которое и состоялось ночью. Вначале оно было успешным. Политзаключенным удалось освободиться. Но развить успех, овладеть военным городком не удалось. Основной отряд лишь вступил на его окраину, где размещались новобранцы, готовые поддержать восстание, но не имевшие оружия.

Утром белогвардейцы начали наступление на позиции восставших. Гарнизон был поднят на ноги. Борьба вступила в решающую фазу.

Услышав ночью выстрелы в районе тюрьмы и военного городка, члены Сибирского и Томского комитетов и руководители военного штаба приняли экстренные меры к выяснению обстановки и приведению в готовность боевых групп. На квартире Х. Я. Суудера собрались руководители штаба М. М. Рабинович, Х. Я. Суудер, В. С. Митряев. Однако от намерения присоединиться к восстанию пришлось отказаться, так как силы военной организации томского подполья были незначительными, а поднять рабочих без должной подготовки было невозможно.

В первой половине дня белогвардейцам удалось разгромить восстание. До вечера преследовались и вылавливались участники восстания. Кое-где вновь завязывалась перестрелка. 1 ноября погибло не менее 500 политзаключенных и новобранцев 5-го Томского полка. Однако многим политзаключенным удалось бежать, скрыться в городе, в селах и тайге. В дальнейшем они приняли участие в подпольной работе. Например, Н. Т. Тиунов выехал в Красноярск, вступил в местную подпольную организацию и играл в ней видную роль. М. Ф. Ператинский через двое суток после разгрома восстания пришел к В. С. Митряеву и был вскоре направлен на подпольную работу в сельскую местность, а в дальнейшем в Кольчугино¹.

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1185, л. 11, 12 (Воспоминания М. Ф. Ператинского); оп. 3, д. 157, л. 4—5 (Воспоминания Н. Т. Тиунова).

Начавшиеся обыски и аресты практически не коснулись городской подпольной организации, она продолжала работу.

Вооруженное восстание в Томске в ночь с 31 октября на 1 ноября не было стихийным в прямом смысле слова. Не было оно и спровоцированным. Оно было подготовлено и проведено под руководством коммунистов без санкции на то подпольного центра, обособленно. В силу этого и в связи с тем, что белогвардейцы заведомо были информированы о предстоящем восстании, оно быстро потерпело поражение, хотя началось достаточно организованно и успешно. Это поражение заставило томских большевиков продолжать подготовку восстания более тщательно, теснее связывать в единый узел все звенья организации.

Районом активной работы коммунистов была Акмолинская область с центром в Омске. В городе, захваченном белочешскими и белогвардейскими частями 7 июня 1918 года, осталось значительное число коммунистов. Прибывали сюда партийные работники из других городов. Постепенно начиная с июня между омскими коммунистами связи расширяются. Они сплываются в организованные подпольные группы. Видную роль в создании омской подпольной организации сыграли А. Д. Шнейдер и Д. П. Долбешкин (бежавшие из заключения), М. С. Русаков, С. Г. Черемных, а также А. Я. Валек и П. Г. Кринкин. Вокруг них и складывается костяк будущей городской организации¹.

Одновременно в Омске складывается группа во главе с К. Карлсоном, получившая название латышской, хотя в нее входили не только латыши. Между ними поддерживалась связь, но латышская группа несколько обособлялась. Она стремилась к сохранению самостоятельности и развертыванию работы среди трудящихся — переселенцев из Прибалтики. В течение июня — июля в городе было создано большое число «десятков» и более мелких конспиративных групп. Как в Омске, так и во многих других городах «десятки» и «пятерки» нередко были условными. Число лиц, входивших в эти конспиративные группы, было различным.

В начале августа 1918 года актив подпольных ячеек провел собрание, на котором было создано организационное

¹ *Партийный архив Омского обкома КПСС (ПАОО), ф. 19, оп. 24, д. 56, л. 7 (Воспоминания П. Г. Кринкина).*

бюро по созыву городской большевистской конференции. Во второй половине августа в роще под городом собралось 40 человек: 25 делегатов — по одному от каждой конспиративной ячейки — и 15 активистов. В повестке дня конференции стояли такие вопросы: 1) текущий момент и задачи омской организации; 2) выборы городского комитета. По сведениям Д. П. Долбешкина и С. Г. Черемных, в Омский комитет были избраны пять человек. А. Д. Шнейдер (председатель), М. С. Русаков, Карл Карлсон, Карл Миллер и Бланк¹

При комитете создается военно-революционный штаб (в составе П. Г. Кринкина, Э. А. Радо и др.) и организация Красного Креста. Его видными работниками стали З. И. Богоявленская, Э. П. Козак, К. П. Ларозе (Козак) и др. Город был разбит на районы: 1-й — Правобережный, 2-й — Левобережный, 3-й — Железнодорожный, 4-й — Куломзино и 5-й — Военный городок (гарнизон города). Но в этот период районных комитетов партии не было. К каждому району был прикреплен один из членов городского комитета, возглавлявший там организационно-политическую революционную работу.

Сеть подпольных ячеек стала быстро расти. Повышалась их активность. Часто проводились собрания. Подпольщики-железнодорожники летом и осенью собирались для обсуждения различных вопросов в депо, на конспиративных квартирах в городе, за Казачьим кладбищем, в пустых вагонах и в других местах. Успешно развертывалась большевистская агитация среди рабочих, выпускались листовки, велась подготовка к восстанию².

Активно работал и Красный Крест. Его работа прежде всего сводилась к оказанию помощи политзаключенным, среди которых было много видных партийных и советских работников, а также командиров красновардейских отрядов

ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, д. 259, л. 7, 8; ПАОО, ф. 19, оп. 24, д. 56, л. 12, 14. В письме к автору данных строк С. Г. Черемных указывает, что не М. Н. Байков вошел в состав комитета, как писал Долбешкин, а К. Карлсон.

² *ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, д. 259, л. 18—27. Замечания Д. П. Долбешкина по книге В. Молотова «Большевики Сибири в период гражданской войны (1918—1919 гг.)». (Омск), 1949.*

Урала и Сибири. В их числе были и самарские коммунисты А. А. Масленников, П. А. Вавилов, А. Я. Бакаев.

Побеги политзаключенных устраивались различными путями. Например, в лагерь передавалось разрешение на свидание и пропуск на право хождения по городу в ночное время. Пропуска изготовлялись в большом количестве по образцам, полученным из комендатуры. Так, Эльза Козак доставила в лагерь пропуск на одного человека и план Омска с точным указанием улицы и дома, куда следовало явиться. Предполагалось, что этим пропуском воспользуются Масленников или Вавилов, но они отказались, так как их хорошо знала охрана. С этим пропуском из лагеря удачно вышел Бакаев, а Масленников и Вавилов бежали вместе с другими политзаключенными, когда из лагеря был сделан подкоп. В дальнейшем был организован побег коммунистам И. М. Скрябинскому, О. П. Хотеевскому, И. В. Сурнову. К концу 1918 года удалось освободить более сотни человек¹.

Некоторые партийные, советские и военные работники, бежавшие из лагерей, выезжали в другие города Сибири и Урала, другие оставались в Омске. Большой приток опытных партийных работников вдохнул в подпольную организацию новую жизненную струю. При их участии была подготовлена 2-я Омская общегородская нелегальная конференция РКП(б), состоявшаяся в сентябре 1918 года. По сведениям П. Г. Кринкина, являвшегося руководителем внутренней охраны, в конференции принимали участие и представители латышской группы².

На конференции присутствовало до 35 человек. Руководили ее работой Александр Александрович Масленников (член партии с 1908 года), Арнольд Яковлевич Нейбут (член партии с 1905 года) и А. Д. Шнейдер.

В числе вопросов, обсуждавшихся на конференции, были: 1) международное и внутреннее положение; 2) о задачах и

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, д. 672, л. 15; Партийный архив Куйбышевского обкома КПСС (ПАК60), ф. I—V, оп. 8, д. 54, л. 45—49. Указывая на способ освобождения Масленникова и Вавилова, мы ссылаемся на воспоминания их ближайшего сподвижника А. Я. Бакаева, написанные в

20-х — начале 30-х годов. В сущности, с версией А. Я. Бакаева совпадают данные воспоминаний К. П. Ларове (см. «В огне революции и гражданской войны». Воспоминания участников. Омск, 1959, стр. 148).

² ПАОО, ф. 19, оп. 24, д. 56, л. 7, 8.

А. А. Масленников

тактике подпольных организаций Сибири; 3) организационные вопросы; 4) выборы общегородского комитета; 5) выборы делегатов на 2-ю Сибирскую конференцию РКП(б). По первому вопросу был заслушан доклад Масленникова, по второму — Нейбута. На конференции при определении задач организации резко подчеркивалась необходимость усиленной подготовки вооруженного восстания. В городской комитет было избрано семь человек: А. А. Масленников (председатель), А. Я. Нейбут, В. И. Чунчин, А. Д. Шнейдер, М. С. Русаков, С. Г. Черемных и Виктор — рабочий железнодорожного депо. Делегатами на очередную Сибирскую конференцию избираются Нейбут и Масленников¹.

К ноябрю 1918 года омская подпольная организация состояла примерно из 60 партийных групп на фабриках и заводах, среди железнодорожников, на мелких предприятиях. Осенью были проведены районные партийные конференции, избраны районные подпольные комитеты. Так, в ноябре в Красном городке на квартире Журавлева состоялась конференция 3-го района. Она избрала районный комитет в составе Поварнина, Г. Ф. Захарченко, Н. Г. Казимирова и др.²

Появились подпольные комитеты в белогвардейских частях. Организация достигла нескольких сот человек, правда, многие из них официально членами партии не были. Это была крупнейшая подпольная организация Сибири и Урала. Таким образом, в Омске — столице белогвардейцев наряду с

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, д. 259, л. 32; С. Г. Черемных. *Забастовка омских железнодорожников* (в кн.: «В огне революции и гражданской войны», стр. 110).

² Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. Р-230, оп. 1, д. 343, л. 7, 8.

А. Я. Нейбут

концентрацией сил реакции, многочисленных войсковых формирований была создана крепкая подпольная организация, создан сплоченный революционный коллектив рабочих и распропагандированных коммунистами солдат.

Омский комитет второго состава усиленно готовил вооруженное восстание, а также забастовку железнодорожников. Возросла роль военно-революционного штаба. Руководителем штаба стал П. А. Вавилов.

К осени 1918 года образовалась барнаульская большевистская организация.

В Барнауле в момент эвакуации города для нелегальной работы было оставлено несколько коммунистов, в том числе Э. А. Алексеева. В середине июля в город вернулся А. И. Попов, входивший с января 1918 года в состав Алтайского губкома партии. Вместе с другими коммунистами Попов и Алексеева пытаются возродить большевистскую организацию Барнаула. В конце июля созывается немногочисленное собрание подпольщиков. Попов пишет, что оно состоялось под его руководством и избрало организационное бюро (инициативную группу) в составе А. И. Попова, Э. А. Алексеевой, Фриды Андрей и др.¹

В середине августа созывается более широкое собрание подпольщиков, вызванное тем, что в Барнаул приехал представитель Оргбюро РКП (б) Сибири, который передал приглашение на созываемую в Томске нелегальную конференцию,

¹ ГАОО, ф. Р-230, оп. 1, д. 640, л. 3—8 (Автобиография и справка о революционной деятельности А. И. Попова); А. И. Попов. Подпольная организация села Быстрый Исток (в кн.: «Повстан-

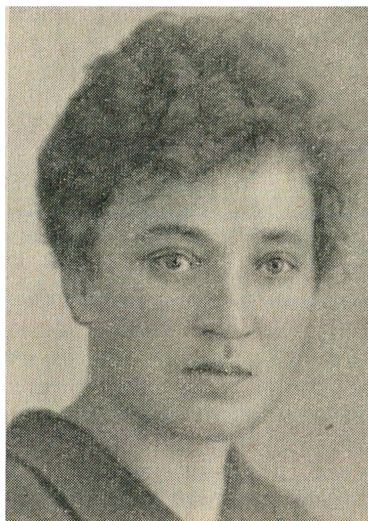
ческое движение на Алтае». Новосибирск, 1935, стр. 41, 42). А. И. Попов, широко известный горожанам, вынужден был из Барнаула выехать.

Е. М. Кужелева

явки и информационные сведения. Это собрание избрало делегатом на Сибирскую конференцию РКП(б) Эмилию Августовну Алексееву (Марию).

После ее возвращения с конференции в течение сентября ведется подготовка общегородской подпольной конференции. Среди подпольщиков ведущее положение заняли Иван Васильевич Сурнов и Ермолай (Виктор) Федорович Тиунов. Сурнов (по паспорту Кистенев) после побега из концентрационного лагеря в Омске 25 августа был направлен для нелегальной работы в Барнаул, куда и приехал примерно 5 сентября. «Нелегальная работа в это время, — вспоминал Сурнов, — велась слабо, организации не было, были товарищи, разбросанные на предприятиях, но, сталкиваясь между собой, они ограничивались лишь обменом мнениями и коротенькими разговорами»¹.

Примерно в конце сентября состоялась партийная конференция (Сурнов называет ее организационным собранием), избравшая городской комитет. В него вошли Сурнов (председатель) и Тиунов. В конце осени в комитет была кооптирована приехавшая из Томска Елена Макаровна Кужелева². При Барнаульском комитете к началу зимы был создан военно-революционный штаб в составе М. И. Ворожцова (Анатолия), П. Я. Новикова (приехал из Томска вслед за Кужелевой) и С. Яковлева (В. А. Зворыкина)³. Красный

¹ Из воспоминаний И. В. Сурнова, которые хранятся в семье Сурновых.

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 4, л. 48. Возможно, до ее приезда в комитет входил временно еще один коммунист.

³ ПАО, ф. 5, оп. 2, д. 1014, л. 5; см. «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 489. В. А. Зворыкин членом большевистской партии стал в 1921 году, в 1918 году был левым эсером, но работал под руковод-

Крест и паспортное бюро возглавляли Э. А. Алексеева и Г. Шергов.

Средств для работы барнаульская организация имела мало. Члены подпольной организации вносили партийный взнос — один процент заработной платы. Добывались средства и по подписным листам. Осенью число подпольных групп в Барнауле продолжало возрастать. В основе организационного строения была «пятерка». Общее количество членов подпольной организации превысило 100 человек¹.

Комитет и штаб начали устанавливать связи с воинскими частями, милицией, собирать оружие, формировать целую сеть штабов по волостям. Красный Крест оказывал помощь политзаключенным и семьям погибших.

Возобновились связи с другими сибирскими организациями: омской, томской, новониколаевской, с областным комитетом РКП(б). Для связи с семипалатинскими большевиками был послан коммунист Н. Г. Калашников. В уездных городах Алтайской губернии создавались подпольные организации. Развертывалась работа и в селах².

В Бийск летом 1918 года выезжал А. И. Попов. Осенью 1918 года отдельными лицами и группами в Бийске велась революционная работа и большевистская агитация, о чем свидетельствует несколько сообщений официальных представителей белогвардейской власти, в том числе местного контрразведывательного пункта³.

Самостоятельно возникла большевистская подпольная группа в Славгороде. По свидетельству Г. Д. Евмина, в городе осталось около 15 членов партии, которые начали подпольную работу и создали комитет в составе Евмина, Павлюченко, Бежалова, Прокопьева и Бежаловой⁴.

Таким образом, к концу осени 1918 года Западная Сибирь покрылась широкой сетью большевистских подпольных организаций.

ством коммунистов и выполнял все их решения.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 4, л. 47, 48.

² Там же.

³ Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов власти и орга-

нов государственного управления СССР (ЦГАОР), ф. 147, оп. 8, д. 16, л. 1; ф. 3497, оп. 1, д. 5, л. 72.

⁴ Партийный архив Алтайского крайкома КПСС (ПААК), ф. 1061, оп. 1, д. 324, л. 1—3 (Воспоминания Г. Д. Евмина).

5 Большеви́стское подполье на Урале

Подпольные организации РКП(б) Западной Сибири были связаны с уральскими коммунистами, прежде всего с теми из них, которые развертывали революционную работу в смежном районе — Зауралье¹.

История большевистского подполья в обширной Тобольской губернии, в которую входили города Тобольск, Тюмень, Курган, Туринск, Ялуторовск, Ишим, Тара и их уезды, еще слабо изучена. А между тем в городах и селах Тобольской губернии в период белогвардейской власти велась большая революционная работа, существовали подпольные организации и группы. Один из членов Оргбюро РКП(б) Сибири, С. А. Черепанов, оставался в Тюмени, но в августе 1918 года он погиб.

Трудно сказать, была ли летом и осенью 1918 года сплотившаяся подпольная большевистская группа в Тюмени, но революционная работа там в это время проводилась. В белогвардейских документах встречаются сведения о подпольной работе на тюменских предприятиях, в профсоюзных организациях. Большевистская агитация, как отмечали белогвардейцы, велась повсюду².

Было установлено, что агитацию вели местные работники Боржов, Шананин, Торговкин, служащие «Судосоюза». Тюменские подпольщики поддерживали связь с коммунистами других городов, например Омска, Кургана, Екатеринбурга, Челябинска. В ноябре белогвардейцы арестовали братьев Паутовых и Ложкина. Выяснилось, что к последнему приезжала член омской большевистской организации Е. Мациевская³.

Большая работа была развернута коммунистами в городе Таре и уезде. Этому городу уделялось большое внимание латышской группой коммунистов, так как в Тарском уезде было много поселений крестьян-переселенцев из Прибалти-

¹ В разделах, посвященных собственно Уралу, рассматриваются и события в части Зауралья — в Тобольской губернии, так как она в те годы была особенно тесно связана с Уралом.

² ЦГАОР, ф. 1429, оп. 1, д. 94, л. 6.

³ ЦГАОР, ф. 1429, оп. 1, д. 45, л. 12; д. 93, л. 65.

С. А. Черепанов

ки. Но подпольной работе в Таре и уезде уделяла внимание и вся омская организация. Группа коммунистов была оставлена для подпольной работы в Туринске.

В Тобольске подпольная работа велась прежде всего среди солдат гарнизона и в каторжной тюрьме, где в 1918 году было сосредоточено около тысячи коммунистов и советских работников. Заключенные длительное время готовились к восстанию. По свидетельству члена партии с 1917 года И. Г. Бурова, сидевшего в тюрьме, общепризнанным политическим организатором там был руководи-

тель березовской большевистской организации Т. Д. Сенькин¹. Политзаключенные готовили восстание не только с целью освобождения заключенных, но и ставили задачу восстановления Советской власти в городе. К выступлению готовились тщательно. Были организованы боевые подразделения, утверждены командиры. Общее военное руководство осуществлял бывший полковник царской армии Крезько — смелый и решительный человек.

Восстание началось в ночь с 18 на 19 октября 1918 года. Заключенным удалось разоружить внутреннюю охрану. Но силы оказались неравными. Восстание было подавлено².

Наиболее крупной и сплоченной в Тобольской губернии являлась курганская большевистская организация. В городе вследствие внезапного выступления белочехов и белогвардейцев, быстро ликвидировавших небольшие советские

¹ См. в «В боях и походах». Воспоминания участников гражданской войны на Урале. Свердловск, 1959, стр. 415.

² См. «Очерки истории партийной организации Тюменской области». Свердловск, 1965, стр. 61; ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 45, л. 4.

отряды, оставалось немало коммунистов. Они объединились в несколько подпольных групп¹

Для связи с сибирскими подпольными организациями из Кургана в Омск была направлена Е. Н. Марченко, а в Курган из Омска прибыл Георгий Халин (Егоров). Вместе с П. Корюкиной, А. Фетисовым и другими он создает инициативную группу, которая и провела работу по созданию единой организации. Формируется единый подпольный комитет. Мы не располагаем точными данными о его составе, но по отдельным отрывочным воспоминаниям можно заключить, что комитет возглавлялся Г. Халиным, а его членами в разное время были П. Корюкина, Е. Марченко, М. Шинкаренко, А. Лебедин, А. Фетисов, В. Пузиков и др.²

В Екатеринбурге, захваченном белогвардейцами 25 июля 1918 года, Уральский областной комитет РКП(б) заблаговременно выделил для подпольной работы довольно большую группу коммунистов: В. Д. Тверитина, К. П. Ильмера, К. П. Чудинову, А. Н. Никифорову, И. К. Клементьева, Г. Л. Ульман, В. П. Мельникова, В. И. Еремина и других, а также склад оружия. В городе оказалось немало коммунистов, которые по тем или иным причинам не успели эвакуироваться. Тверитин 30 июля был схвачен белогвардейцами и погиб. Была арестована и часть других коммунистов, но некоторым удалось освободиться. В большинстве своем они покинули город.

В Екатеринбурге некоторое время находился томский коммунист И. С. Григорьев. Он был связан с К. П. Чудиновой и И. И. Брысовым. Несмотря на малочисленность, группа делегировала Карла Петровича Ильмера на 1-ю Сибирскую подпольную конференцию. В сентябре Григорьев и Чудинова выехали в Томск и включились там в революционную работу³.

Партийный архив Курганского обкома КПСС (ПАКО), ф. 1, оп. 2, д. 24, л. 300 (Автобиография П. Корюкиной); ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1123, л. 135.

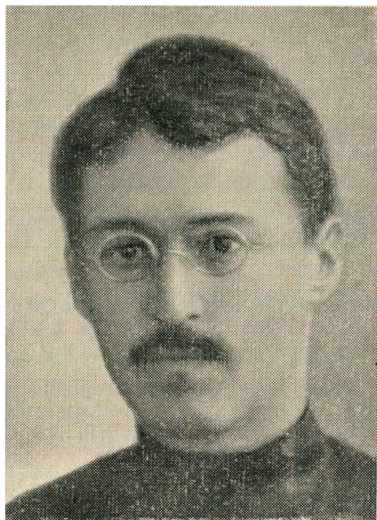
² *ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1826, л. 1, 2; д. 1123, л. 135; д. 1224, л. 2 (Биография Г. Халина); ПАКО, ф. 1, оп. 2, д. 24, л. 300; газета*

«Красный Курган», 14 июля 1927 г.

³ *ПАОО, ф. 19, оп. 24, д. 132, л. 68 (Автобиография Г. Л. Ульман), ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 507, л. 52—68 (Заявление И. И. Брысова); Воспоминания К. П. Чудиновой (личный архив автора).*

В. Д. Тверигин

К концу осени в Екатеринбурге возникает несколько мелких групп из случайно оставшихся в городе коммунистов и бывших красногвардейцев. Подпольные группы складываются на заводах Верх-Исетском и Ятеса, на фабрике Макарова и других предприятиях, среди железнодорожников. Побывавший осенью 1918 года в Екатеринбурге подпольщик Сергей Малышев сообщал: «В Екатеринбурге все рабочие на стороне Советской власти, в особенности процветает организация на заводах Ятеса и Верх-Исетском»¹

В целом все же летом и осенью 1918 года екатеринбургское подполье было немногочисленным, а главное, оно не было оформлено организационно. Существовали и действовали разрозненные группы коммунистов, комсомольцев и беспартийных советских патриотов, чаще всего смешанные.

В некоторых городах и поселках группы подпольщиков оставляли Уральский областной комитет РКП(б) и местные партийные организации. Так, в Алапаевске объединенное совещание членов Уральского обкома, остановившихся в городе примерно в начале августа 1918 года проездом, и руководителей городского комитета РКП(б), Совета и местной Чрезвычайной комиссии решило оставить группу коммунистов, снабдив их винтовками, пулеметами, боеприпасами, одеждой на случай создания партизанского отряда. В группу входили Е. А. Соловьев (руководитель), Г. П. и И. П. Абрамовы, А. А. Серебряков, В. А. Шляпина, А. Г. Коробкин и другие — всего 18 человек. Почти все они были коммунистами с дореволюционным стажем. Группа обосновалась в Боровском болоте на удобном, скрытом лесными

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 721, л. 32.

дебрями полуострове в 17—20 верстах от Алапаевска и в 5—7 верстах от деревни Верхней Алапайки. А в самом Алапаевске была оставлена другая группа рабочих-коммунистов и сочувствующих: А. И. Кабаков, П. Г. Протопопов, И. Корелин, Рожин, Митрофанов и другие под руководством П. Д. Бессонова (он вскоре геройски погиб).

В сложной, кропотливой работе лесной подпольной группы проходила одна неделя за другой. Через линию фронта с информацией был послан П. Г. Поздин. Задание он выполнил.

Наступил октябрь. Группа готовилась к зимовке, намереваясь установить связи с крупными подпольными организациями, усилить работу в Алапаевске. Строились планы издания прокламаций, расширения агитации среди населения. Но белогвардейцы открыли лагерь коммунистов и напали на него. Однако коммунисты были начеку, пулеметным и ружейным огнем отбили наступление спешенной полусотни белоказаков.

После боя стало ясно, что в лагере оставаться нельзя. Коммунисты спрятали в лесу оружие и типографию, продукты облили керосином. С собой захватили лишь один ручной пулемет, револьверы и гранаты. В одиночку и мелкими группами разошлись в разные стороны. Часть из них направилась в Алапаевск, но почти все они погибли в первый же день или позднее. Другие, включая Е. А. Соловьева, уехали в Сибирь¹.

Но в Алапаевске подпольная работа продолжалась. А. Коробкин, А. Кабаков, Рожин и другие прилагали большие усилия к сплочению рабочих, формировали новые подпольные группы, в которых преобладала рабочая молодежь, вели агитацию среди солдат местного гарнизона².

По заданию партийных органов оставались и работали большевики в Сысертском заводе, в Камышлове³.

На Среднем Урале в ряде случаев подпольные группы возникали и вокруг случайно оказавшихся в тылу врага комму-

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 14, д. 24, л. 82; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2226, л. 80, 82, 90, 105, 106 (Воспоминания Е. А. Соловьева).

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 259, л. 47—52.

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1501, л. 2, 8 (Воспоминания С. А. Глазырина); ф. 221, оп. 2, д. 415, л. 5 (Воспоминания О. В. Пановой).

нистов, красногвардейцев. Такие группы образовались в поселках Березовском, Михайловском, в Шадринске, Ревде¹.

Большого размаха подпольная работа коммунистов достигла в Уфимской губернии, особенно в ее восточной, горнозаводской части, а также в Уфе. В августе 1918 года в Уфе действовали несколько групп во главе со специально оставленными коммунистами. В сборном цехе уфимского депо работали И. Л. и И. И. Шеломенцевы, В. Трясоногов, П. Нечаев и др. Они установили связи с другими железнодорожниками и рабочими предприятий Уфы. Вокруг Ф. И. Карклина группируются и затем образуют латышскую организацию рабочие — латыши, русские и башкиры.

Примерно в сентябре 1918 года в Уфу по заданию политотдела 5-й красной армии прибыл опытный конспиратор бывший рабочий железнодорожных мастерских М. А. Чистяков. Он устроился в этих мастерских слесарем под фамилией Митрошкина². Михаил Чистяков быстро установил связь с подпольными группами железнодорожников, сплотил их в одну конспиративную организацию, связался и с другими группами, в том числе с латышской. Подобную же организационную работу вели Ф. И. Карклин и виднейшие коммунисты-миньярцы Ф. И. и М. П. Локацковы.

После установления контактов между железнодорожной и латышской организациями и отдельными группами назрела необходимость создания единого подпольного центра. И такой подпольный центр (комитет) был создан. В него вошли Ф. И. Карклин, Ф. И. Локацков, М. А. Чистяков и др. По сведениям активного члена подпольной организации И. Белоусова, председателем подпольного центра был Ф. И. Карклин, член партии с 1912 года³.

Уфимцы прилагали большие усилия к развертыванию революционной работы в окрестных городах и заводских поселках.

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. 1200, оп. 1, д. 65 ф, л. 14 (Автобиография и справки о подпольной работе А. Н. Филатова); ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2488, л. 3 (Воспоминания Е. Н. Язковой).

² Партийный архив Башкирского обкома КПСС (ПАВО),

ф. 7655, оп. 1, д. 31, л. 16; газета «Наш путь», 12 января 1919 г.; И. И. Шеломенцев. В большевистском подполье (в кн.: «За власть Советов». Сборник воспоминаний. Уфа, 1961, стр. 288, 289).

³ ПАВО, ф. 7655, оп. 1, д. 31, л. 15—19.

Подпольные группы летом и осенью 1918 года имелись в Богоявленске, Белорецке, Благовещенске, Белебее¹.

Но в упомянутых населенных пунктах Уфимской губернии большевистское подполье было незначительным. Другое дело Златоустовский уезд, особенно Симско-Миньярский заводский район. Здесь существовали многочисленные и активные подпольные большевистские организации. Уфимская организация поддерживала с ними связь.

При эвакуации Златоустовский комитет РКП(б) создал группу для подпольной работы в городе во главе с И. В. Теплоуховым. В первые месяцы единой организации не было. К подпольной работе привлекались молодые коммунисты, в центральных районах города они группировались вокруг В. Геппа, в районе железной дороги — вокруг Н. И. Астафьевой и др. Но организационное оформление этих групп произошло только зимой².

29 сентября возле урочища Синий Камень состоялось организационное собрание симских коммунистов, часть которых скрывалась в лесу. Собралось до 18 человек. Открыл собрание И. Ф. Масленников. Собрание наметило задачи организации в борьбе за восстановление Советской власти, избрало партийный комитет в составе М. И. Яковлева — Уральского (председатель), Н. К. Лаптева — Тузлукова (товарищ председателя), А. П. Субботина — Бывшего (секретарь) и Г. М. Рокутова (кассир)³. Все они принадлежали к партийной молодежи, проживавшей на заводе легольно.

Прошло немного времени, и симская подпольная организация выросла до 30 человек, а к зиме — до 50. Расширение организации позволило усилить борьбу с белогвардейщиной, основательнее вести подготовку вооруженного восстания. На собраниях 7 и 11 ноября создаются военный штаб в составе Н. А. Масленникова, В. Пердакова и М. И. Яковлева и контрразведка во главе с П. М. Усачевым, переизбирает-

¹ ЦГАОР, ф. 191, оп. 1, д. 19 г, л. 1—2; д. 50, л. 22, 23; Центральный государственный архив Башкирской АССР (ЦГА БАССР), ф. 703, оп. 1, д. 1, л. 44.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 592, л. 15; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1317, л. 1

(Воспоминания Н. И. Астафьевой).

³ См. И. Ф. Масленников. Симские подпольщики (в кн.: «В боях и походах», стр. 401); ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 507, л. 15—17.

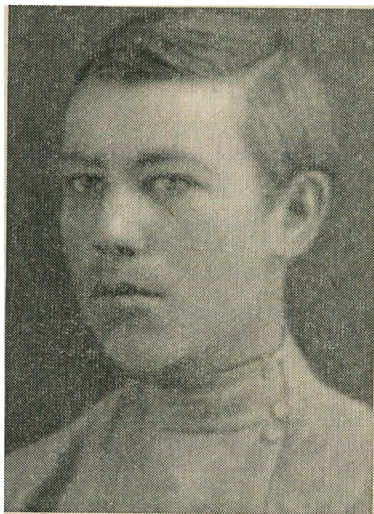
И. Ф. Масленников

ся партийный комитет (на этот раз из трех человек: Н. К. Лаптева, А. П. Субботина и Г. М. Рокутова)¹

Более крупной была соседняя, миньярская большевистская организация. Ее возглавляли Ф. И. Локацков (до отъезда в Уфу), А. Н. и М. Н. Коквихины, Я. Г. и М. Заикины, М. П. Сорокин и другие, составлявшие «лесной партком» (большая часть подпольного комитета вынуждена была скрываться в лесу в течение всего периода белогвардейщины)².

Председателем Миньярского комитета был избран волевой и исключительно смелый подпольщик, член партии с 1905 года Г. П. Новиков. Прежде он был менее известен, и коммунисты надеялись, что ему удастся, находясь на заводе, возглавить непосредственно агитацию среди рабочих. Организация не ошиблась в выборе: Галактион Новиков прекрасно справился с порученным ему делом³.

Миньярцы с особой тщательностью укрывали и хранили оружие: 2 горных орудия с 60 снарядами, не менее 200 винтовок, несколько пулеметов, 40 ящичков патронов, большие запасы взрывчатки, гранаты и другое оружие⁴. Миньярская организация имела около 2 миллионов рублей. Эти деньги принадлежали Симскому горному округу, объединявшему Симский, Миньярский и некоторые другие заводы. В деловой совет округа накануне гражданской войны входили преимущественно коммунисты-миньярцы. На их долю и

¹ ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 89; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 507, л. 17.

² ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 77, л. 230, 231.

³ Партийный архив Челябин-

ского обкома КПСС (ПАЧО), ф. 596, оп. 1, д. 416, л. 4 (Воспоминания П. И. Чергова).

⁴ См. «Колчаковщина на Урале (1918—1919 гг.)». Свердловск, 1929, стр. 198, 199.

Ф. И. Локацков

выпала задача хранить деньги до восстановления Советской власти. Хранение денег было возложено на авторитетную комиссию в составе трех виднейших коммунистов: Ф. И. Локацкова, Я. Г. Заикина и В. А. Чевардина¹. В дальнейшем эти деньги были использованы для улучшения всей нелегальной работы на Урале и в Сибири.

Осенью 1918 года для установления связи с подпольем в Златоусте, Челябинске, Омске и на ближайших заводах комитетом был послан М. Заикин. В начале зимы он вернулся в Миньяр².

На соседних заводах, на станциях Аша-Балаша, Катав-Ивановск, Сатка, Юрюзань, Вязовая и других также велась подпольная работа, возглавляемая коммунистами. Правда, к осени 1918 года она не получила еще такого размаха, как в Миньяре и Симе.

Важную роль на Южном Урале играла подпольная организация Челябинска, где коммунистов оказалось много. Летом 1918 года там появились нелегальные группы на железнодорожном узле и на предприятиях. Среди железнодорожников вел работу А. Н. Зыков. Уже в первой половине августа в городе существовала руководящая группа, связанная с рядом возникших ячеек. В нее входили С. А. Кривая, член партии с 1914 года, С. М. Рогозинский и другие. Поляк по национальности, Станислав Матеушевич Рогозинский играл особенно видную роль³.

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, л. 191 (Автобиография В. А. Чевардина); д. 1252, л. 140 (Воспоминания Ф. Е. Фатеева).

² ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 77, л. 230, 231.

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 835 (Показания на суде в Уфе руководителей челябинской подпольной организации); д. 1218, л. 202; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 335, л. 147 (Опровержение И. В. Шмакова)

А. Н. Зыков

В. С. Митряев, приехавший в Челябинск перед 1-й Сибирской конференцией, застает здесь сложившееся ядро подпольной организации. На созванном собрании присутствовало до 15 человек. Митряев выступил с докладом о положении в стране, задачах коммунистов Сибири и Урала, необходимости согласованной планомерной работы. Он сообщил о предстоящей конференции, передал челябинским коммунистам приглашение на нее, явки. Собрание решило принять участие в работе конференции и направило в Томск делегата ¹.

Общегородской комитет РКП(б) был создан в Челябинске во второй половине августа или первой половине сентября. Один из челябинских подпольщиков, хозяин конспиративной квартиры И. В. Шмаков, указывал, что городской комитет был образован в составе В. И. Гершберга (прибыл из Самары), С. А. Кривой и С. М. Rogozинского, позже в него вошел приехавший из Омска Дмитрий (Язва) ². Затем в комитет вошли Д. Д. Кудрявцев, А. Н. Зыков и М. С. Иванов ³.

относительно обвинения С. М. Rogozинского в провокаторстве). С. М. Rogozинский был членом большевистской партии с дореволюционного времени. Еще в 1908 году, как польский социал-демократ, он был выслан царским правительством в Вологду.

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 632, л. 3, 4 (Воспоминания В. С. Митряева).

² ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 335, л. 147 Дмитрий Язва — это Осип Петрович Хотеевков. Он имел

паспорта на различные фамилии, более известен был под именем Дмитрия Лазарева (ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 23, л. 2, 20, 29, 34); ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 329, л. 145 (Воспоминания А. Д. Касьянова).

³ ПАНО, ф. 5, оп. 3, д. 123, л. 10, 11; ПАЧО, ф. 596, оп. 2, д. 1, л. 19 («Легенда о Карповиче» — материалы обсуждения обстоятельства провала в марте—апреле 1919 года челябинской и омской подпольных организаций

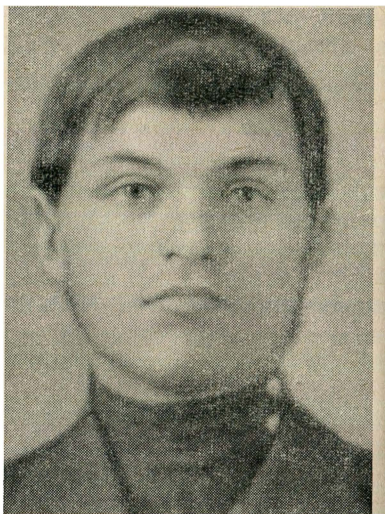
О. П. Хотеевков

Председателем комитета был Гершберг.

Челябинский городской комитет РКП(б) был руководящим центром на Южном Урале, главным образом на территории Челябинского, Троицкого, Верхнеуральского и Златоустовского уездов. После создания комитета ускорилось формирование подпольных ячеек («десятков») в железнодорожных мастерских, в паровозном депо, среди движенцев, стрелочников, смазчиков, на заводе Столля, на мельницах, на винокуренном заводе, в некоторых мастерских. Сильная организация возникла на угольных коях близ города. Создавались подпольные ячейки в воинских частях.

Челябинская организация большевиков выдвинулась в число наиболее крупных и боевых на Урале и в Сибири. В ее рядах к сентябрю 1918 года было более 100 членов¹

В Челябинске возникли также подпольные группы анархистов-коммунистов и левых эсеров. Группа анархистов-коммунистов к осени распалась, и ее члены влились в левозеровскую группу. Большевистский комитет с некоторыми из руководителей этих групп поддерживал связь. Но когда был поднят вопрос об объединении с ними, то Челябинский комитет РКП(б) постановил не объединяться. Но связь с левозеровско-анархистской группой, возглавлявшейся, вероятно, Скребковым, а затем Образцовым, не была прервана².

РКП(б). Выступление А. Н. Зыкова, 1962 год).

¹ См. «Челябинская область за 40 лет Советской власти». Челябинск, 1957 стр. 62.

² ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 325, л. 85—87 (Воспоминания М. Бухарина); д. 329, л. 2 (Воспоминания А. Д. Касьянова); ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 7.

Представители Челябинского комитета выезжали в Екатеринбург, Курган, Омск, Томск и другие города. В Челябинск на конспиративные квартиры И. В. Шмакова, И. К. Джазговского и других приезжали представители некоторых организаций, чаще всего омской. Между Омским и Челябинским комитетами поддерживались теснейшие связи на протяжении многих месяцев. Белогвардейские власти отмечали, что осенью 1918 года для работы в Челябинск были направлены М. С. Иванов, В. А. Вожаков и Я. А. Самаркин (Хамаркин)¹ Иванов и Вожаков стали виднейшими работниками организации.

Предпринимались меры по налаживанию работы в близлежащих городах и селах. В некоторые из них посылались представители организации. Летом 1918 года возникают большевистские подпольные группы в Кыштыме, Карабаше, в селе Тютнярах (Рождественском). С ними челябинцы установили связь.

На крайнем юге Урала — в Троицке и Оренбурге — к концу осени 1918 года подпольных организаций не было. Существовали только отдельные мелкие разрозненные группы, деятельность которых не выходила за рамки помощи политзаключенным².

Как видно из сказанного, на Урале большевистские партийные организации и группы имелись повсеместно, наиболее сильные в Челябинске и на заводах Златоустовского уезда. Эти районы белогвардейцы захватили внезапно, и основная масса коммунистов оставалась на местах. В других районах, даже там, где партийными органами были оставлены группы коммунистов, широкого размаха подпольная революционная работа к концу осени еще не приобрела.

6 Большевистское подполье в Восточной Сибири

По времени образования и размаху революционной работы к осени 1918 года в одном ряду с томской, омской и челябинской шла лишь красноярская организация большевиков.

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 10, л. 127

² Партийный архив Оренбург-

ского обкома КПСС (ПАОРО), ф. 6002, оп. 1, д. 67, л. 3, 4; ПАРКО, ф. 8121, оп. 1, д. 10, л. 1.

Она оставалась крупнейшей в Восточной Сибири и после захвата города белогвардейцами.

Инициативу создания Красноярского городского подпольного комитета и сплочения коммунистов взяли на себя Викентий Францевич Матушевский, член РКП(б) с 1903 года, входивший до белогвардейского переворота в состав комитета, и партийная молодежь, группировавшаяся в кооперативном обществе «Самодетельность». Подпольный комитет был создан в июле 1918 года путем тайного голосования на собрании примерно 15-ти подпольщиков. В него вошли В. Ф. Матушевский (председатель), Т. Н. Исаев, П. Г. Капцелярский, П. Ф. Москалев, Н. В. Попов и П. Рухлов. Несколько позднее, в августе, в комитет был включен Р. Петерсон, присланный омской организацией¹.

В течение двух-трех месяцев в Красноярске была создана крепкая и многочисленная подпольная организация.

В уездных городах Енисейской губернии Ачинске, Канске, Енисейске и Минусинске к осени существовало большевистское подполье, правда не везде крепкое и организованное.

В Ачинск Красноярский комитет РКП(б) послал Д. Сурова. Ему удалось объединить находившихся в городе коммунистов и создать подпольный комитет. Его председателем стал Суров. Еще до его прибытия в Ачинске была начата работа Е. Л. Пузановой (член партии с 1904 года) и другими подпольщиками².

С енисейской подпольной группой связь поддерживалась через две явочные квартиры³. В Минусинске еще с лета

¹ *Партийный архив Красноярского крайкома КПСС (ПАКК), ф. 64, оп. 5, д. 212, л. 14, 15, 24 (Воспоминания О. Н. Исаевой); см. «Славное сорокалетие». Из истории Красноярской партийной организации (1917—1957 гг.). Красноярск, 1957, стр. 202. Есть основание полагать, что некоторое время (осенью 1918 года) в комитет входил И. А. Дорофеев. Об этом напоминают П. Ф. Москалев (ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 382, л. 11) и сам И. А. Дорофеев (д. 164, л. 1). Эти сведения заслуживают внимания. Коопта-*

ция И. Дорофеева в комитет была вполне возможной хотя бы потому, что из него к середине осени выбыли три члена комитета: В. Матушевский (был убит), П. Рухлов и П. Москалев (были арестованы).

² *ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 484, л. 1, 2 (Воспоминания Е. С. Пузанова); д. 654, л. 4 (Воспоминания И. И. Темерова).*

³ *ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 164, л. 1 (Воспоминания И. А. Дорофеева); д. 435, л. 3 (Воспоминания С. Накладова).*

1918 года существовала подпольная организация, в которую входило до 40 человек, преимущественно из молодежи (А. Хлебович, Я. Пшимбымский, А. Ардашев, М. Герасименко и др.)¹.

Подпольные организации и группы имелись в Канске, на железнодорожных станциях, на Знаменском стекольном заводе.

Все находившиеся в связи с Красноярским комитетом РКП(б) подпольные организации Енисейской губернии осенью 1918 года готовились к восстанию, намечавшемуся на ноябрь. Но восстание не состоялось. Причиной тому был провал Красноярского подпольного комитета РКП(б). В освещении этого вопроса некоторыми историками и авторами воспоминаний допускаются неточности. Так, В. К. Логвинов и М. И. Стишов пишут, что в первых числах ноября 1918 года белогвардейцами был произведен обыск на квартире матери члена подпольного комитета П. Г. Канцелярского и захвачены типографские принадлежности, спустя два дня арестованы подпольщики С. Л. Сисин и В. Ф. Матушевский, а вечером 10 ноября произошел провал и самого Красноярского большевистского комитета².

Изученные нами документы и материалы позволяют утверждать, что В. Ф. Матушевский, а также С. Л. Сисин были арестованы и убиты белогвардейской контрразведкой еще в конце сентября (не позднее начала октября) 1918 года³.

После гибели Матушевского комитет возглавил Н. В. Попов. Видную роль в комитете играл Рейнгольд Петерсон⁴. В разгар подготовки восстания организацию постиг новый удар. Вечером 8 ноября на конспиративной квартире А. З. Сидоркиной белогвардейцы арестовали с помощью провокатора Колье семь коммунистов-подпольщиков, в том

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК), ф. 1752, оп. 1, д. 1, л. 3—5 (Воспоминания Я. О. Пшимбымского).

² См. «Славное сорокалетие», стр. 204; М. И. Стишов. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918—1920). М., 1961, стр. 65, 66.

³ ПАКК, ф. 64, оп. 4, д. 378, л. 31—40; газета «Думы Алтая» (Бийск), 12 ноября 1918 г.; газета «Дело» (Иркутск), 18 октября 1918 г.

⁴ ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 212, л. 26; д. 231, л. 3; д. 758, л. 33—36.

числе членов Красноярского комитета РКП(б) Н. В. Попова, Р. Петерсона и П. Г. Канцелярского¹

Спустя 10—12 дней арестованных выпустили. Колчаковцы поняли, что в страхе перед восстанием поспешили с арестом небольшой группы подпольщиков, не выявив всей или хотя бы основной части организации. Они намеревались установить за освобожденными из тюрьмы слежку и получить таким образом нити к другим звеньям организации.

П. Г. Канцелярский и Д. М. Скворцов успели скрыться. Другие остались в городе и были вновь арестованы.

В ноябре 1918 года продолжали находиться в красноярской тюрьме доставленные из Енисейска члены комитета П. Ф. Москалев и П. Рухлов. Хотя они вскоре были освобождены, но об участии их в работе Красноярского комитета не могло быть и речи. Опасно было продолжать работу и Т. Н. Исаеву. Таким образом, Красноярский комитет оказался разгромленным. Работа организации, прерванные связи лишь постепенно восстанавливались партийным активом.

Одним из немногих крупных городов, где становление большевистского подполья заняло длительный период и где в первые месяцы белогвардейской власти не было достаточно организованного подполья, был Иркутск. Большинство местных коммунистов отступили из города вместе с красногвардейцами. В дальнейшем часть из них вернулась в Иркутск, но многие разъехались по другим городам и селам. Некоторое время находился в городе бывший член Иркутского Совета Д. Д. Киселев. От иркутских коммунистов он получил поручение нелегально пробраться в Москву, установить связь с ЦК РКП(б). Вместе с женой Е. А. Киселевой он выехал к фронту, перешел его и уже в августе был в Москве².

¹ К выводу о том, что описываемые события произошли не 10, а 8 ноября, мы пришли после изучения ряда документов и материалов: ЦГАОР, ф. 237, оп. 1, д. 9, л. 248, 262—265 (Переписка между белогвардейскими военными властями. Приказ начальника красноярского гарнизона от

7 ноября 1918 года об объявлении города с 12 часов дня 8 ноября на военном положении); ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 366 л. 2; д. 619, л. 8 и др.

² Государственный архив Новосибирской области (ГАО), ф. Р-1350, оп. 1, д. 5, л. 2 (Автобиография Д. Д. Киселева). П.

В числе коммунистов в городе находился Б. З. Шумяцкий. Он вскоре выехал на Алтай и заметной роли в организации большевистского подполья в Иркутске не сыграл. В подпольную работу в Иркутске включились А. С. Скундрик, А. М. Винокамень и др. Прежде всего вокруг них и К. И. Миронова стали спланиваться коммунисты города.

В сентябре 1918 года в Иркутске побывал А. Я. Валек. Он информировал коммунистов о 1-й Сибирской конференции, сформировал специальную группу для сбора военных сведений. Она имела задачу по возможности войти в контакт с белогвардейской контрразведкой, представителями военных и политических кругов¹.

В воспоминаниях Е. А. Алексеевой имеются сведения о том, что еще в середине августа по инициативе А. М. Винокаменя произошло объединение до десятка членов партии. Она подробно описывает деятельность Красного Креста².

Другая группа возникла в сентябре 1918 года при кооперативном обществе «Пролетарий». В нее вошли коммунисты А. С. Скундрик, Я. Д. Гревин, Б. Биссенек и др. Осенью в Глазковском районе города образуется крепкая подпольная организация из нескольких десятков человек во главе с К. И. Мироновым (Иксом). В другом рабочем предместье, Знаменском, на гвоздильном заводе, на мельнице, скотобойне, в правлении профсоюза пиццевиков осенью были созданы подпольные ячейки И. М. Касаткиным (Кешкой), М. П. Мушниковым и Н. В. Читиным. Еще раньше, летом 1918 года, складывается подпольная группа на станции Иннокентьевская³.

Таким образом, летом и осенью 1918 года в Иркутске возникло несколько подпольных групп. Однако единой организации в городе не было. Это отмечали приезжавшие в Иркутск в начале зимы подпольщики из других городов⁴.

Слабость иркутского большевистского подполья, отсутствие единой организации следствие острого недостатка в го-

возвращении из Москвы в Иркутск Киселев вступил в большевистскую партию.

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1431, л. 64.

² ПАНО, ф. 5, оп. 3, д. 156, л. 12, 13.

³ См. А. Г. Солодянкин. *Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. Иркутск, 1960, стр. 20—23.*

⁴ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 16; ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 381, л. 1—3.

роде опытных партийных кадров. Сказывалось и отсутствие в городе крупных промышленных предприятий. На самых значительных из них — кожевенных, пивоваренном и некоторых других — насчитывалось от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Естественно, возникавшие подпольные группы даже на этих предприятиях были мелкими. Но они проделали все же значительную работу. Нельзя не отметить деятельность Красного Креста, действовавшего вначале полулегально, при губернском совете профсоюзов.

Иркутские подпольные группы поддерживали связи с другими городами, прежде всего с Красноярском, Верхнеудинском, Читой. Укрепление и расширение этих связей привело в дальнейшем к притоку в Иркутск опытных коммунистов-подпольщиков из других городов и оживлению всей работы. Осенью 1918 года коммунисты Иркутска начали устанавливать связи с подпольными группами и организациями губернии. К тому времени они уже имелись в Тайшете, Черемхово, Зиме и других городах и рабочих поселках, а также на железнодорожных станциях.

В Забайкальской области условия для революционной работы были гораздо сложнее, чем в других районах Восточной Сибири. Здесь хозяйничали белоказаки атамана Семёнова, который подобно Калмыкову отличался особым изуверством в подавлении революционных выступлений трудящихся.

Между западной и восточной частями Забайкальской области, центром которой была Чита, имелись некоторые различия. В частности, на западе области (в Прибайкалье) состав населения был пестрее. Здесь наряду с русскими проживало много коренного, преимущественно бурятского, населения. В Прибайкалье было меньше рабочих. В Забайкалье было больше промышленных очагов — предприятий горнодобывающей промышленности, что обуславливало больший процент рабочих. Вместе с тем здесь проживало много казаков с большой зажиточной, контрреволюционно настроенной прослойкой, что усиливало остроту социально-классовых противоречий и политической борьбы.

В процессе борьбы против белогвардейцев и интервентов здесь сложились две самостоятельные организации — верхнеудинская (прибайкальская) и читинская (забайкальская), вокруг которых группировались более мелкие организации

Л. Б. Литвина

и группы прилегающих районов. Остановимся на характеристике подпольной работы сначала в Прибайкалье, а затем в Забайкалье.

В Верхнеудинске (Улан-Удэ) белогвардейский переворот произошел 20 августа 1918 года. Отступившая вместе с красновардейцами партийная организация оставила в городе для подпольной работы группу коммунистов. На нелегальное положение, перешли коммунисты других населенных пунктов Прибайкалья. В первые же два-три месяца большевистское подполье в Верхнеудинске оформляется на

нескольких предприятиях, в потребительском обществе «Экономия», председателем правления которого был коммунист Г. И. Камынин, на железнодорожной станции, в депо. В ноябре по инициативе партийной группы в обществе «Экономия» избирается Верхнеудинский комитет РКП(б), который по существу стал Прибайкальским. В него вошли Г. Т. Петров (председатель), Г. И. Камынин, М. К. Манойленко, Н. Е. Изаксон и др.¹

Создание подпольного комитета, первые шаги по укреплению связей с рабочими, развертывание большевистской агитации были главным итогом организационно-политической работы верхнеудинских коммунистов.

Чита была оставлена советскими отрядами в конце августа. В городе осталось много коммунистов, но некоторые под угрозой ареста вынуждены были уехать. Работа

¹ См. «Борьба за Советы в Бурят-Монголии (1918—1920 гг.)». Воспоминания и материалы. М., 1940, стр. 21. А. К. Плис в числе членов комитета называет еще Л. Л. Цепомнящего (см. А. К.

Плис. Из истории революционного движения в Усть-Селенгинском районе Бурят-Монголии. Воспоминания. Улан-Удэ, 1958, стр. 40).

в городе развертывается И. А. Таубе, В. М. Клиповым, Л. Б. Литвиной, О. Н. Иогансон, И. Д. Музгиным, С. С. Сетяновым и др. Создаются нелегальные большевистские «десятки» и «пятки», затем городской комитет¹.

Коммунисты Читы сразу начали устанавливать связь с другими организациями. Так, в Омск был направлен В. М. Клипов. Он связался с подпольным комитетом, передал явки в Читу, а сам остался работать на новом месте².

Большевистские группы к концу осени стали складываться на некоторых железнодорожных станциях, в городах и промышленных поселках Забайкалья. Уже к осени 1918 года подпольщики Забайкалья начали революционную работу в семеновских войсках.

Таковы основные данные о формировании и деятельности большевистского подполья на Урале и в Сибири в условиях доколчаковской белогвардейской диктатуры.

7 Борьба за профсоюзы. Забастовки рабочих

Коммунисты-подпольщики важнейшей задачей считали организационно-политическую работу среди пролетарских масс.

Количество промышленных рабочих во вражеском тылу резко сократилось, так как одна часть из них, вступив в красногвардейские отряды, эвакуировалась, другая часть была брошена в тюрьмы, многие погибли в боях и были расстреляны белыми. Но, несмотря на то что удельный вес рабочих в общей массе населения уменьшился, они играли авангардную и руководящую роль по отношению к широкому слоюм трудящегося населения. Подтверждалось положение В. И. Ленина о том, что сила рабочего класса в историческом движении неизмеримо больше, чем его доля в общей массе населения, ибо это самый передовой, самый организованный класс.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 447, л. 1 (Воспоминания О. Н. Иогансон); «В огне революции». Сборник статей и воспоминаний о революционных событиях на

Дальнем Востоке. Хабаровск, 1963, стр. 19.

² ЦАОО, ф. 19, оп. 24, д. 126, л. 12 (Воспоминания В. М. Клипова о Н. Н. Яковлеве).

Ведущими отрядами по-прежнему были железнодорожные, фабрично-заводские и горнозаводские рабочие. Рабочие Урала и промышленных районов Сибири, имея большой опыт революционной борьбы и действуя под руководством подпольных большевистских организаций, представляли большую силу. Теснее сплотившись, они могли наносить по врагу мощные удары. При условии сплочения вокруг рабочих многомиллионных трудящихся масс деревни, единства их действий белогвардейцы и интервенты были бы не в силах удержаться у власти.

Подпольным большевистским организациям предстояло помочь рабочим полностью освободиться от мелкобуржуазного влияния.

С приходом к власти белогвардейцев борьба рабочих Урала и Сибири не прекращалась, она приняла лишь иные формы. Революционная активность рабочих, вначале несколько снизившаяся, из месяца в месяц нарастала. За ними шли бедняцко-батрацкие низы сибирской и уральской деревни, в дальнейшем — все трудовое крестьянство, трудящиеся слои города, широкие массы солдат. Коммунисты добивались восстановления ослабленных, порой утраченных связей между пролетариатом и другими слоями трудящихся, прежде всего крестьянами. Но главным звеном в общей цепи этих задач была задача сплочения самих рабочих, повышения их активности и организации на решительную революционную борьбу с реакцией. Для укрепления связей с рабочими массами, их сплочения вокруг большевистских лозунгов необходимо было использовать все рабочие организации, прежде всего профессиональные союзы.

Стремясь сохранить влияние в массах, на первых порах белогвардейские правительства официально профессиональные организации не запрещали. Но зато мелкобуржуазные партии развернули бешеную деятельность по захвату руководства профсоюзами в свои руки. С началом гражданской войны профсоюзные активисты, прежде всего большевики, ушли на фронт. Позиции Коммунистической партии в профсоюзах несколько ослабли. Меньшевики и эсеры всеми мерами стремились насадить в них, особенно в руководящих органах, своих сторонников. После прихода к власти контрреволюции эсеро-меньшевистские профсоюзные деятели повели яростную борьбу против большевистского руководства,

открыто обращаясь за помощью к белогвардейским властям, в том числе и к военным. Производились аресты не только коммунистов, но и всех руководящих и рядовых членов профессиональных союзов, подозревавшихся в сочувствии большевистской партии и Советской власти. Среди десятков тысяч арестованных в Екатеринбурге, Челябинске, Омске, Томске, Барнауле, Красноярске, Иркутске и других городах большой процент составлял профсоюзный актив. Например, в томскую тюрьму было заключено более 40 руководителей профсоюза горнорабочих, в том числе два члена Западно-Сибирского бюро этого профсоюза — И. Л. Наханович и И. Н. Кудрявцев. Многие из работников профсоюзов были расстреляны белогвардейцами еще летом 1918 года. В особенно тяжелом положении оказались рабочие Оренбуржья и Забайкалья, где атаманы Дутов и Семенов стали разгонять профсоюзы сразу же после свержения Советской власти.

Мелкобуржуазные партии захватили в свои руки руководство уральскими профсоюзными объединениями, подавляющим большинством местных профессиональных организаций. Вместо эвакуированного Уральского областного совета профсоюзов меньшевики и эсеры, опираясь на лидеров полупролетарских союзов, союзов служащих Екатеринбурга, создают Временное центральное бюро профсоюзов Урала. Соглашатели укрепили свои позиции в сибирских профессиональных организациях железнодорожников, водников, торгово-промышленных служащих и некоторых других.

После того как была налажена организованная подпольная работа, коммунисты усилили борьбу за профсоюзы. В этом отношении особенно много было сделано коммунистами Томска. Они добились созыва в Томске конференции профсоюзов Западной Сибири, которая открылась 10 июня. На ней коммунисты вели острую борьбу с эсерами и меньшевиками, добились избрания своих представителей во Временный совет профсоюзов Сибири.

Важное значение имел также 2-й съезд профсоюза горнорабочих Западной Сибири, работавший в Томске со 2 по 14 июля 1918 года. Делегаты съезда в подавляющем большинстве шли за большевиками. Это предопределило характер решений и состав областного комитета, в который изби-

раются М. М. Рабинович, И. Н. Кудрявцев и другие большевики¹.

К осени 1918 года влияние большевиков в профсоюзных организациях большинства губерний Сибири усиливается. В ряде городов большевики овладели ведущими профсоюзами железнодорожников и металлистов. На Урале в некоторых городах, заводских и горняцких поселках отдельные местные профсоюзные организации также продолжали возглавлять коммунисты, вынужденные скрывать свою партийную принадлежность. Так было в Челябинске, Кыштыме, на Челябинских коях.

Большевики вели работу и в непролетарских профсоюзах — служащих и т. п. Так, в Томске большевиками был завоеван союз «Труженики пера». Подпольные большевистские организации провели огромную работу по подготовке 1-го Всесибирского съезда профсоюзов, который открылся 6 октября 1918 года в Томске. Делегаты, среди которых влияние большевиков было преобладающим, представляли организованных в профсоюзы рабочих всей Сибири и части Урала. Председателем съезда был избран член Сибирского обкома РКП(б) М. М. Рабинович. Съезд работал около недели, обсудил ряд вопросов, связанных с задачами защиты рабочими своих интересов, борьбы с реакцией. 14 октября командир Средне-Сибирского корпуса белых генерал-майор Пепеляев запретил дальнейшую работу съезда. Но делегаты успели принять несколько важных решений и избрать руководящий центр профсоюзов Сибири, в который вошли преимущественно большевики².

Профсоюзные съезды и конференции сыграли большую роль в сплочении рабочих, в организации их на борьбу с реакцией, позволяли судить о настроениях широких масс рабочих, степени их политической зрелости, возросшей готовности к решительной революционной борьбе.

¹ Воспоминания Е. М. Кужелевой (личный архив автора); см. «Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов (1917—1919 гг.)». Новосибирск, 1928, стр. 97—99.

² См. «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)», стр. 359, 360; М. Р. Аку-

лов. Профсоюзы Западной Сибири в борьбе против контрреволюционного эсеро-меньшевистского правительства и колчаковщины, за восстановление Советской власти (в кн.: «Боевые годы». Новосибирск, 1959, стр. 79—81).

Профсоюзные организации, которыми руководили коммунисты и сочувствующие им рабочие-активисты, организовали забастовки. Это было испытанное революционное средство борьбы русских рабочих с царизмом и буржуазией, школа воспитания, школа обучения рабочих войне против своих врагов.

Забастовки широко применялись рабочими Сибири и Урала в борьбе с контрреволюцией летом и осенью 1918 года. 8 июля под руководством коммунистов-подпольщиков начали забастовку горняки Судженки. Спустя два дня к ним присоединились рабочие Анжерки. Забастовка на Анжеро-Судженских коях носила политический характер, хотя формально выдвигались лишь требования о восстановлении 6-часового рабочего дня и улучшении условий труда. Забастовка была подавлена вооруженной силой. В августе произошли забастовки на некоторых коях Черембасса. Они носили преимущественно экономический характер. В июле — августе бастовали грузчики и чернорабочие в Томске, строительные и типографские рабочие в Новониколаевске; эти забастовки носили политический характер и руководились большевиками¹

В августе состоялись забастовки рабочих на ряде предприятий Урала. Летом и осенью бастовали печатники Тюмени, а также Томска, Омска, Иркутска. Особенно активно участвовали в забастовочной борьбе железнодорожники. Волна забастовочной борьбы железнодорожников выросла в октябре. И это не было случайностью. К тому времени реакция усилилась. Нарастал революционный политический протест против всей системы белогвардейской власти. Но железнодорожники поднимались на борьбу и в связи с их тяжелым экономическим положением, введением на железных дорогах сдельной и поверстной оплаты, что приводило к резкому снижению и без того низкой оплаты труда рабочих. За сопротивление железнодорожников сдельной и поверстной оплате, за срыв работы белогвардейцы усилили репрессии. Рабочие стали высказываться за немедленную забастовку. Пользуясь широкими возможностями для поддержания связи через паровозные и поездные бригады, они

¹ См. «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)», стр. 323, 336, 338, 339, 344; «Боевые годы», стр. 81—82.

добивались единовременного выступления железнодорожников всей Транссибирской магистрали.

Забастовка железнодорожников началась вопреки мнению Сибирского областного комитета. Председатель комитета К. М. Молотов отмечал, что обком считал ее преждевременной. Забастовка должна была вылиться в открытую борьбу с буржуазией вплоть до попытки восстановления Советской власти с оружием в руках. Подготовка же к вооруженному восстанию не была завершена¹.

Некоторые местные подпольные организации большевиков пытались предотвратить стихийно назревавшую забастовку. Красноярский комитет РКП(б) по этому поводу вынес специальную резолюцию, которая совпадала с решением Сибирского комитета. Вполне возможно, что она была принята на основе директивного указания из Томска. Коммунисты предусмотрели план действий и на тот случай, если забастовку не удалось бы предотвратить. В конце резолюции Красноярского комитета указывалось. «Если же в рабочих массах забастовка вспыхнет стихийно, то Комитет приложит все усилия к тому, чтобы направить движение в определенное русло»²

Но означает ли это, что Сибирский комитет не готовил октябрьской забастовки, что она вспыхнула стихийно, неожиданно?

На некоторых станциях забастовка была результатом стихийной самоорганизации рабочих на выступление в защиту своих интересов. В Красноярске 7 октября забастовка железнодорожных рабочих началась вразрез с резолюцией подпольного большевистского комитета. Очевидно, подпольщики не смогли своевременно провести работу в депо и на других участках. Забастовка была сорвана белогвардейцами, применившими военную силу. Однако в большинстве случаев забастовка железнодорожных рабочих готовилась подпольными большевистскими организациями или группами и возглавлялась ими. Об этом было известно и белогвардейским

¹ См. К. Молотов. *Контрреволюция в Сибири и борьба за Советскую власть*, стр. 36.

² «Документы героической борьбы». *Сборник документальных материалов, посвященных борь-*

бе против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918—1920 гг.). Красноярск, 1959, стр. 75.

властям. Позднее, анализируя забастовочное движение, они отмечали, что коммунисты уделяли особое внимание организации забастовок на железной дороге, которые должны были «воспрепятствовать переброске войск на фронт и создать в стране экономический кризис и тем облегчить победу над властью»¹.

Одними из первых 13 октября выступили рабочие станции Тайга. Забастовку подготовили коммунисты. Стачечный комитет возглавляли видные члены подпольной организации. Тайгинцев поддержали железнодорожники станций Топки, Томск-II и др. Тайгинский подпольный комитет при отсутствии крупных выступлений на других станциях, в обстановке начавшихся арестов решил забастовку прекратить. Вечером 16 октября рабочие приступили к работе².

В Томске и Топках также были произведены аресты. Один из томских машинистов был расстрелян. 15 октября на станции Томск-II был также расстрелян арестованный белогвардейцами в Тайге член подпольного обкома М. И. Сычев (Франц Суховерхов), который возвращался из Красноярска в Томск.

16 октября началась подготовленная подпольной организацией забастовка на станции Иннокентьевская. В Восточной Сибири кратковременные выступления состоялись также в Зиме, Черемхово, Канске, Иланске. 17—20 октября бастовали омские железнодорожники. Их борьбой руководил Омский комитет РКП(б). Он предварительно выяснил настроения рабочих в большом районе вплоть до Челябинска, договорился с некоторыми подпольными организациями о совместных действиях. Судя по некоторым сведениям, Омский комитет готовился к тому, чтобы в случае успешного начала забастовки в Омске и других местах превратить ее в вооруженное восстание³.

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 14, л. 67.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 668, л. 1—3 (Автобиография А. А. Ислантцева и воспоминания В. П. Ивченко); оп. 4, д. 1550, л. 2 (Воспоминания М. Ефименко); см. «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)», стр. 360—363.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, д. 259, л. 38, 39 (Замечания Д. П. Долбежкина по книге В. Молотова «Большевики Сибири в период гражданской войны (1918—1919 гг.)». О возможности восстания писал в воспоминаниях А. Я. Бакаев (ПАКБО, ф. I—V, оп. 8, д. 54, л. 52, 53). Один из членов стачечного коми-

Против омских железнодорожников, к забастовке которых присоединились рабочие промышленных предприятий, были брошены карательные войска. Пролилась пролетарская кровь. Утром 21 октября рабочие приступили к работе.

19 октября выступили железнодорожники Новониколаевска. Но уже через два дня под угрозой расстрелов и предания участников забастовки военно-полевому суду они вынуждены были приступить к работе. Белогвардейцы сумели предотвратить забастовки в Барабинске, Судженке и Анжерке¹

Сибирских железнодорожников поддерживали уральцы. Получив сообщение из Омска о начавшейся там забастовке, челябинские коммунисты и профсоюзные активисты-рабочие намеревались поддержать ее, но в это время произведены были аресты некоторых активных рабочих на железнодорожном узле. Забастовка не состоялась.

Выпустил листовку с призывом к рабочим начать забастовку Курганский большевистский комитет. В депо был организован митинг, которым руководили коммунисты Г. Халин и Александр. Рабочие не успели решить вопрос о забастовке, как появился отряд белочехов. Митинг был разогнан, Халин и Александр успели скрыться. Забастовку в Кургане организовать не удалось. Но работали в октябре железнодорожники особенно плохо, срывая ремонт паровозов и вагонов².

В борьбу включились тюменцы. В депо был создан забастовочный комитет. Под его руководством в конце октября депоу забастовали, к ним фактически присоединились и остальные железнодорожники. На работу они выходили, но почти совершенно не работали. К ним присоединились рабочие лесопильного завода, поставлявшего лес белогвардейским военным учреждениям³.

гета, член партии с 1905 г. А. М. Васильев, отмечал, что ему было поручено «подготовить оружие для забастовки» (ПАОО, ф. 19, оп. 24, д. 132, л. 31).

¹ См. М. Р. Акулов. Профсоюзы Западной Сибири в борьбе против контрреволюционного эсеро-меньшевистского правительства и колчаковщины, за восстановле-

ние Советской власти (в кн.: «Боевые годы», стр. 84); «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)», стр. 363.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1826, л. 2 (Воспоминания А. Лебедкина); д. 1224, л. 2.

³ ЦГАОР, ф. 148, оп. 1, д. 98, л. 94, 95; ф. 236, оп. 1, д. 45, л. 12; ф. 1429, оп. 1, д. 95, л. 274.

Забастовка в Тюмени, как и в других городах, была подавлена.

Таким образом, по далеко не полным данным, забастовка железнодорожников в октябре 1918 года охватила до полутора десятков городов и станций Сибири и Урала. Ее не без основания можно называть всеобщей железнодорожной забастовкой. В некоторых городах железнодорожников поддерживали промышленные, типографские и другие рабочие. Почти на всех станциях забастовкой руководили большевистские подпольные организации. Однако действия забастовщиков различных городов согласовывались слабо. Руководства из единого центра не было.

Выявилось различное отношение к забастовке со стороны партийных комитетов и отдельных коммунистов. Следствием несогласованности их действий было то, что забастовка не превратилась в единовременное и действительно всеобщее выступление. Несмотря на эти недостатки и жертвы, понесенные рабочими и подпольными организациями в результате белогвардейских репрессий, октябрьская забастовка железнодорожников сыграла большую роль. Она была первым крупным выступлением рабочих в период белогвардейщины, способствовала дальнейшему росту организованности и политической зрелости рабочих. Забастовка расстраивала тыл белой армии, срывала планы переброски на фронт живой силы, военной техники, боеприпасов и снаряжения, оказала ощутимую помощь Красной Армии.

Осенью 1918 года выступлениями железнодорожников забастовочное движение не закончилось. Забастовки рабочих продолжались, в том числе и на железной дороге. Наиболее крупной и организованной была забастовка челябинских рабочих в честь первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, продолжавшаяся несколько дней. Она была подготовлена и проведена под руководством Челябинского подпольного комитета¹

После октябрьских и ноябрьских стачек в организации и проведении которых активное участие приняли профсоюзы, репрессии против них усилились. В результате некоторые из

¹ ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 330, л. 140—149; д. 359, л. 50—55; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 7—

8; А. Н. Зыков. Челябинские подпольщики (в кн.: «В боях и походах», стр. 353—355).

них вынуждены были перейти на полуполигальное и нелегальное положение. Кое-где уже в первые дни после прихода к власти Колчака профсоюзные и другие рабочие организации стали разгоняться.

В дальнейшем преследование профсоюзов, погромы их помещений и массовые аресты членов правлений и актива стали неотъемлемой и повседневной практикой колчаковских властей. Начало же этим репрессиям было положено эсеро-меньшевистскими заправилками летом и осенью 1918 года. Но, несмотря ни на что, профсоюзное движение, которое коммунисты использовали в интересах борьбы с контрреволюцией, продолжалось. Не прекратилась, а все больше усиливалась большевистская агитация среди рабочих за новые смелые революционные выступления. Во второй половине ноября 1918 года начальник центральной контрразведки отмечал: «По всей линии Сибирской железной дороги идет в той или иной степени большевистская пропаганда, особенно в таких городах, как Новониколаевск, Томск, Красноярск, Ачинск, Мариинск, Иркутск, Чита и весь Алтайский район. Во всех этих пунктах работают хорошо поставленные большевистские организации...»¹

Усиление подпольной работы в городах было ответом на зверства белогвардейцев, беспощадно подавивших забастовочные выступления осенью 1918 года. Забастовочная и революционная борьба рабочих оказывала благотворное влияние на трудящихся крестьян. В свою очередь массовые революционные выступления в сибирской и уральской деревне содействовали нарастанию борьбы трудящихся масс города.

8 Революционное движение в деревне

Вопрос о революционных выступлениях крестьян Сибири и Урала в тылу интервентов и белогвардейцев вообще, а летом и осенью 1918 года в особенности изучен недостаточно. Не проанализирован в достаточной степени и процесс перехода

¹ ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 20 б,
л. 10.

сибирских и уральских средних крестьян на сторону диктатуры пролетариата.

Трудящееся крестьянство составляло на востоке страны, особенно в Сибири, гигантское большинство населения. Его поведение определяло в конечном счете исход борьбы между силами революции и контрреволюции. Деятельность коммунистов-подпольщиков, их тактическая линия в решающей степени зависели от колебаний крестьянства. Для правильного освещения деятельности большевистского подполья необходимо выяснить позиции трудящегося крестьянства в начале и в последующий период белогвардейской диктатуры.

Некоторые авторы отмечают, что поворот сибирского трудового крестьянства на сторону Советской власти начался осенью 1918 года. Но при этом не подчеркивают, что под трудовым крестьянством имеется в виду только (или почти только) середняк и что деревенская беднота задолго до осени 1918 года уже находилась в союзе с пролетариатом. Нельзя согласиться и с тем, что поворот середняка на сторону пролетариата к середине или к исходу зимы 1918/19 года завершился¹.

Колебания середняка, его отход от пролетариата и бедноты были использованы контрреволюцией. Мятеж чехословацкого корпуса и белогвардейского подполья получил определенную поддержку у среднего крестьянства. И все же нельзя считать, что все среднее крестьянство Сибири, тем более Урала поддержало контрреволюционный переворот. Позицию значительной (а кое-где и большей) части середняков следовало бы назвать пассивно-выжидательной. Они не выступали в защиту Советов, но и не вступали в контрреволюционные отряды. А когда началась насильственная мобилизация в белогвардейскую армию, немало середняков Сибири приняло участие в крестьянских восстаниях в конце лета и осенью 1918 года.

Что касается беднейшего крестьянства, то оно продолжало находиться в союзе с пролетариатом и вместе с ним приняло

¹ См. М. И. Стишов. *Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны*, стр. 381;

Д. К. Шелестов. *Борьба за власть Советов на Алтае в 1917—1919 гг.* М., 1959, стр. 100 и др.

удар контрреволюции, вынесло основную тяжесть гражданской войны. Правда, следует признать, что в Сибири часть бедноты, примыкавшей к середняку, также была подвержена некоторому колебанию. Об этом сообщалось в докладах, записках и других документах, поступивших через линию фронта из Сибири¹.

Пассивность некоторой части деревенской бедноты в Сибири объяснялась ее недостаточной сплоченностью и организованностью. Комбеды, сыгравшие огромную роль в сплочении и активизации бедноты, в Сибири, как и в значительной части Урала, не успели organizоваться. Восстания крестьян свидетельствовали о серьезных сдвигах в деревне, об изменениях в настроении трудящегося крестьянства. Горький опыт вынудил крестьянскую бедноту организовать, обрести смелость и решительность. Она активизируется, ее революционность возрастает.

Рассматривая поведение крестьянства в тылу белогвардейской армии, следует его дифференцировать. Восстания крестьян летом и осенью 1918 года необходимо характеризовать главным образом как бедняцко-батрацкие. Они были как бы продолжением борьбы деревенской бедноты против контрреволюции, которая велась до прихода к власти белогвардейцев и в первые же дни по ее установлении. Эта борьба стала более решительной. Беднейшее крестьянство сбрасывало с себя инертность и пассивность. Летние и осенние восстания в Сибири в 1918 году подтверждали, что беднота оставалась в союзе с пролетариями города и этот союз продолжал укрепляться. Для бедноты и батраков Сибири, составлявших большую часть трудового крестьянства, эти выступления были не началом поворота, а продолжением и усилением борьбы за Советскую власть. Все эти восстания свидетельствовали именно о том, что беднота оставалась верной Советской власти, поддерживала рабочий класс. Прежде всего о наличии союза пролетариата и беднейшего крестьянства говорили разразившиеся вскоре после контрреволюционного переворота вооруженные восстания крестьян Сибири. Только отметив это обстоятельство, можно говорить о начале поворота той незначительной части крестьян-бедняков, которые

¹ ИАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1431, л. 61—63; см. «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 63.

к лету 1918 года проявили колебания вместе с середняками.

В восстаниях принимала участие и часть середняков и даже кулаков. Но многие середняки (не говоря уже о кулаках) вступали в ряды повстанцев не по своей воле, не потому, что они определили к лету и осени 1918 года свои позиции в отношении Советской и белогвардейской власти. Руководители восстаний, как правило, объявляли и пытались проводить поголовную мобилизацию крестьян соответствующих возрастов. На пороге первых трудностей и при первой возможности эти «мобилизованные на восстание» и проявлявшие колебания крестьяне покидали повстанческие армии. Поэтому нельзя согласиться с выводом Д. К. Шелестова о том, что «основной движущей силой восстаний явилось трудовое крестьянство» и что в них не принимала участия лишь «зажиточная верхушка деревни — кулачество, торговцы, спекулянты»¹.

И все же нужно сказать, что определенный поворот в среднем крестьянстве Сибири и Урала летом, тем более осенью 1918 года наметился. Патриотизм мелкобуржуазных масс стал поворачивать к большевикам, как отмечал В. И. Ленин². Это же отмечается в решениях 2-й Сибирской подпольной конференции (ноябрь 1918 года) и отдельными видными представителями большевистского подполья, в частности А. А. Масленниковым и А. Я. Валеком³.

Но ни эти источники, ни многочисленные документы, характеризующие положение в белогвардейском тылу, не дают основания для вывода о том, что поворот середняка Сибири (а также Урала) на сторону пролетарской диктатуры в указанный период и даже к концу зимы произошел. Речь может идти лишь о начале этого поворота, об отходе от контрреволюции некоторой части середняка. Колебания середняка в общей массе продолжались еще длительное время. Только этим и можно объяснить тот факт, что белогвардей-

¹ Д. К. Шелестов. *О начале поворота сибирского трудового крестьянства в сторону Советской власти.* — «История СССР», 1962, № 1, стр. 133.

² См. В. И. Ленин. *Полн. собр. соч.*, т. 37, стр. 215, 216.

³ См. «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 63; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1431, л. 61.

цам удалось довести численность своей армии до огромных размеров в значительной мере за счет мобилизации сибирских крестьян.

Изучение документов и материалов о вооруженных восстаниях крестьян в Сибири летом и осенью 1918 года дает основание не согласиться с М. И. Стишовым, который полагает, что эти восстания вплоть до весны 1919 года носили стихийный характер и только с этого времени «сибирские большевики-подпольщики, преодолев при помощи ЦК РКП(б) свои тактические ошибки, сумели овладеть стихийным антиколчаковским движением сибирского трудового крестьянства и направить его в русло борьбы за восстановление Советской власти»¹.

Выходит, что до весны 1919 года крестьянские выступления были стихийными и как будто не были направлены на борьбу за восстановление Советской власти.

На самом же деле как ни сложно было положение в сибирской и уральской деревне, но уже летом 1918 года коммунисты и советские работники вели там революционную работу. Руководители подпольных организаций на Урале и в Сибири с самого начала уделяли определенное внимание работе в деревне. В решениях 1-й Сибирской конференции большевиков указывалось на необходимость подготовки восстания рабочих и солдат в городах, а крестьян в деревне как на важнейшую задачу.

В. И. Ленин в известной работе «Что делать?», определяя сущность революционного рабочего движения, отличие его от стихийного, указывал на ряд непрременных условий: рабочее движение должно быть вооружено социалистическим сознанием, должно преследовать конкретные политические революционные цели, быть руководимым социал-демократическими (марксистскими) организациями².

Эти ленинские мысли необходимо учитывать и при анализе крестьянского движения. Рассматривая вооруженные выступления крестьян, нужно относить к стихийным такие выступления, которые не являются организованными, не пресле-

¹ М. И. Стишов. *Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны*, стр. 352.

² См. В. И. Ленин. *Полн. собр. соч.*, т. 6, стр. 28—33.

дуют определенной политической цели и протекают без сознательного (в данном случае большевистского) руководства.

В деревне, как и в городе, большевистское подполье летом и осенью 1918 года складывалось по-разному. В некоторых, правда довольно редких, случаях партийные организации при отходе советских отрядов из занимаемых белогвардейцами районов оставляли часть коммунистов для организации подпольной работы. В конце лета и осенью такая практика имела место на Среднем Урале. Так, в тылу врага были оставлены коммунисты и беспартийные активисты села Нижней Синячихи, а также в некоторых селах близ Туринска и в других местах. В нижнесинячихинской группе были В. Д. Харлов, Г. А. Заякин, С. А. Шалаев — всего 22 коммуниста. Они были хорошо вооружены, имели винтовки, револьверы, гранаты и находились в лесу на партизанском положении. Группа имела связи с подпольщиками в селах. В дальнейшем, когда в октябре каратели стали прочесывать леса и искать подпольщиков, большинство их ушло к фронту под Кушву на соединение с Красной Армией. Другие продолжали скрываться, затем вернулись в село¹.

В большинстве же случаев подпольные группы в селах создавали коммунисты, которых белогвардейский переворот застал дома, а также те, кто вернулся домой из разбитых красногвардейских отрядов. Скрываясь от преследования, в села прибывали коммунисты, советские работники, красногвардейцы из городов, промышленных поселков, с железнодорожных станций.

Численность коммунистов в селах Урала и Сибири накануне иностранной военной интервенции и гражданской войны была невелика. Партийные ячейки были оформлены в небольшой части сел. Многие сельские коммунисты ушли на фронт или скрывались. Вот почему и в тех селах, где при Советской власти имелись большевистские организации, с приходом белогвардейцев они распались. Сохранилась только некоторая часть ячеек. Они перешли на нелегальное

¹ ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 87, л. 152, 153; ф. 41, оп. 1, д. 259, л. 30, 63—66.

Ф. Н. Плотников

положение. Возможность сохранения большевистских ячеек имелась там, где широкие крестьянские массы сочувствовали Советской власти и кулачество было изолировано. Помощь в создании подпольных групп на селе со стороны городских подпольных организаций летом 1918 года была незначительной, так как последние только складывались, делали первые шаги в работе. Чаще всего сельские подпольные группы возникали самостоятельно. Это было характерно и для Сибири, и для Урала.

На Урале подпольная работа стала налаживаться во многих сельских районах: в Златоустовском, Бирском и других уездах Уфимской губернии, в районе Бузулука, Оренбурга, Троицка, Челябинска на Южном Урале, в Зауралье, близ Екатеринбурга и Красноуфимска, в других местах, в том числе и удаленных от промышленных центров. Так, в деревне Королево Аскинской волости Бирского уезда действовала солдатская организация, созданная для борьбы за Советскую власть и социалистические преобразования еще зимой 1917/18 года. Ею руководил член большевистской партии Василий Филатович Зуев. Кроме него в организацию входили И. Г. Борисов, Н. Ф. Зуев, Ф. Н. Плотников, Д. И. Лузин и другие коммунисты и сочувствующие партии.

В начале сентября стало известно о победоносном походе отрядов В. К. Блюхера из района Белорецка на север Уфимской губернии. 10 сентября партизанский авангард — отряд Н. Д. Томина вошел в Королево. При участии местных подпольщиков была проведена запись добровольцев в партизанскую армию. В нее вступили члены солдатской организации В. Ф. Зуев, Ф. Н. Плотников, Д. А. Щукин, И. Г. Борисов, Н. И. Колокольников, пожилые крестьяне

Н. С. Плотников, Н. Трапезников и др. Они проделали с блюхеровцами завершающий этап легендарного полуторатысячекилометрового рейда по глубокому тылу белогвардейских войск и в дальнейшем сражались в рядах прославленных 30-й и 21-й стрелковых дивизий Красной Армии¹

Революционная работа, в основном агитация против белогвардейской власти, постепенно развертывалась в башкирских и татарских селах Уфимской губернии. Южнее и юго-западнее Уфы подпольные группы сочувствующих большевикам, кое-где возглавляемые членами партии, имелись в Кармалах, Сафарово, Таперыше, в башкирских селах Мавлютовской, Метелевской и Давлетбаевской волостей Челябинского уезда. В числе подпольщиков-агитаторов были Т. А. Басыров, З. Исмагилов, Г. Габбасов².

Более значительным было революционное подполье в восточной части Урала и в Зауралье. В селах Седельникове, Ново-Михайловском, деревне Павловке, в латышских колониях (хуторах) и других населенных пунктах Тарского уезда быстро налаживается подпольная работа, образуются организации и группы. В Павловке в августе подпольную работу развернул бежавший из Омска М. Я. Полевцев. В Седельникове и Ново-Михайловке работали А. И. Избышев, С. Абрамов, братья Максим и Дмитрий Дубко и др.³

Крупный очаг подпольной революционной работы возник восточнее Семипалатинска, на стыке между Семипалатинским и Змеиногорским уездами Семипалатинской области и Змеиногорским уездом Алтайской губернии. Действовали подпольные организации в Шемонаихе, Новой Шульбе, Красном Яре, Лаптевом Логу и во многих других селах. В Семипалатинской области и юго-западной части Алтайской губернии исключительно большую роль в создании большевистских подпольных организаций сыграли

¹ ЦГА БАССР, ф. 723, оп. 1, д. 83, л. 1—5; ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 817, ч. 1, л. 92; ф. 1293, оп. 1, д. 546, л. 348; именной список лиц, эвакуировавшихся со сводным уральским отрядом В. К. Блюхера из Аскинской и других волостей Бирского уезда; воспоминания и письма В. Ф. Зуева; документы об участии в пар-

тизанском движении В. Ф. Зуева и Ф. Н. Плотникова (личный архив автора).

² ЦГАОР, ф. 209, оп. 1, д. 6, л. 1, 2, 9.

³ ГАОО, ф. Р-230, оп. 1, д. 622, л. 6; см. «В огне революции и гражданской войны», стр. 171, 172.

питерские коммунисты рабочие Семянниковского и Обуховского заводов, приехавшие в эти районы для создания сельскохозяйственных коммун. Придя к власти, белогвардейцы обрушились на эти коммуны. Часть рабочих была брошена в тюрьмы, расстреляна. Другие скрылись. Некоторые поселились в сибирских городах, влились в революционные рабочие коллективы. Большинство питерцев остались в тех же районах, только перебрались в другие села. Там, где они селились, появлялись подпольные группы.

Разветвленная сеть подпольных организаций возникла в Алтайской губернии. В районе крупных лесоразработок на речке Камышевке начали работу участник революции 1905 года К. Н. Брусенцов, а также М. А. Розинкин и Е. Мотиков. Революционная работа охватила большой район Алтая, устанавливались связи с другими подпольными группами и организациями¹

В том же районе в селе Зимино осенью возникла другая подпольная организация. Ее создал питерский рабочий, работавший до выступления белогвардейцев в одной из коммун, член партии с 1908 года Г. С. Ивкин. С зиминцами установили связь Брусенцов и Розинкин. Восточнее Зимино в Быстром Истоке летом возникла подпольная революционная ячейка в составе 13 человек. Ее организовал член РКП(б) с 1917 года К. И. Плеханов. Осенью в село Быстрый Исток приехал представитель барнаульской большевистской организации А. И. Попов. Он установил связь с группой и возглавил ее. Руководимый им и связанный с Барнаулом подпольный комитет начал работу по созданию подпольных групп в других селах²

Подпольные группы возникают в Солоновской и Ново-Алейской волостях, в селе Богатском, близ города Камня, в Черном Доле, близ Славгорода, во многих других селах Алтайской губернии. Осенью 1918 года Барнаульский подпольный комитет имел связь с некоторыми сельскими подпольными группами и со скрывавшимися и начавшими революционную работу среди крестьян отдельными партий-

¹ *Партийный архив Казахского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ПА КФИМЛ), ф. 811, оп. 1, д. 7, л. 20*

(Воспоминания К. Н. Брусенцова).

² *См. «Повстанческое движение на Алтае», стр. 42, 43.*

ными и советскими работниками. Укрепляя и расширяя эти связи, барнаульская организация усиливала руководство революционным подпольем в селах Алтайской губернии.

В Томской губернии подпольные группы возникают в селах Новониколаевского, Щегловского, Томского, Мариинского уездов, в Нарымском крае. Летом и осенью 1918 года щегловскими большевиками Г. Д. Шуваловым и С. Ф. Голкиным совместно с сельскими коммунистами и сочувствующими партии крестьянами были созданы подпольные группы в восьми селах: Дидеево, Ягуново и др. Все они работали под контролем и руководством щегловской большевистской организации¹.

В Томской губернии роль подпольных организаций губернского центра и других городов и рабочих поселков в руководстве большевистским подпольем в селах уже в то время была весьма значительной. Не меньшее внимание руководству революционной борьбой в деревне уделяли Красноярский подпольный комитет, большевистские организации уездных центров, железнодорожных станций.

Подпольной работой были охвачены многие села всех уездов Енисейской губернии.

В Иркутской губернии подпольная работа в селах не получила такого широкого размаха, как в Енисейской губернии. Но и здесь возникло немало большевистских групп. Так, в селе Куде, севернее Иркутска, революционную работу развернул член партии с 1906 года бывший член Иркутского Совета Яков Карлович Кохберг².

Широкий размах приобрела революционная борьба в забайкальской деревне.

Важную роль в Восточном Забайкалье сыграли так называемые лесные коммуны — партизанские базы, возникшие осенью 1918 года. Они состояли из скрывавшихся от белогвардейцев коммунистов, советских работников, красногвардейцев и разместились в труднодоступных лесных горных районах, были связаны с подпольными группами в окрест-

¹ Выступление Г. Д. Шувалова в мае 1963 года на обсуждении книги М. И. Стишова «Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири» (личный архив автора).

² ГАОО, ф. Р-230, оп. 1, д. 403, л. 6 (Автобиография Я. К. Кохберга).

ных селах — получали через них продовольствие, одежду. Крупнейшими «лесными коммунами» были Алтагачанская, Нижне-Гирунинская, Курунзулайская, Онон-Борзинская в районе рек Талангуя, Курунзулая и Онона, к югу от Нерчинска¹.

Подпольные сельские группы складывались вблизи железной дороги, промышленных поселков, но нередко и вдали от них, в глухих таежных волостях.

Таким образом, на Урале и в Сибири работа коммунистов, революционных подпольных групп в деревне уже в первые месяцы белогвардейщины носила разносторонний характер. Они опирались на крестьянскую бедноту, часть которой в период борьбы красногвардейских отрядов с интервентами и белогвардейцами за Советскую власть была еще пассивной. Даже там, где не было коммунистов или оформившихся подпольных групп, крестьянская беднота многих сел и целых волостей долгое время отказывалась признавать белогвардейскую власть, отстаивала и сохраняла Советы. Алтайские губернские власти в начале сентября 1918 года отмечали, что в Змеиногорском уезде «до сих пор существуют исполнительные комитеты»².

Курганский уездный комиссар в июле 1918 года доносил, что в Шитинской волости «среди населения заметно явное тяготение к большевизму и на этой почве происходит явное неисполнение его [комиссара. — *И. П.*] распоряжений, в частности крестьяне решительно отказывались распускать волостные и сельские советы, причем записывали это в протоколах»³.

Эти выступления и действия трудящихся крестьян были продолжением борьбы за Советскую власть, которую не удалось отстоять в июне. Коммунисты призывали крестьян использовать каждую возможность для успешной борьбы с белогвардейцами, срывать все их мероприятия. Крестьяне отказывались от уплаты податей, поставок продовольствия,

¹ См. С. Киргизов. Партизанское движение в Восточном Забайкалье в 1919 г. (в кн.: «Борьба за Советы в Забайкалье». Сборник статей, материалов и документов. Чита, 1947, стр. 105, 106); «Таежные походы». Сбор-

ник эпизодов из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. М., 1935, стр. 398—400.

² ЦГАОР, ф. 3497, оп. 1, д. 5, л. 31.

³ ЦАКО, ф. 3219, оп. 2, д. 5, л. 32.

фуража, лошадей и повозок. В большинстве случаев крестьяне упорно продолжали занимать подлежащие изъятию у них земли, а то и запахивали новые участки.

Большой остроты борьба за землю достигла на Урале и в Зауралье, в частности в Курганском и Бирском уездах.

Коммунисты вели настойчивую работу по срыву мобилизации крестьян в белогвардейскую армию. Во время летне-осенней мобилизации 1918 года крестьяне целых волостей отказывались давать своих сыновей в антинародную белую армию. Мобилизация была сорвана во многих волостях и уездах. В некоторых селах Курганского, Змеиногорского, Усть-Каменогорского, Семипалатинского и других уездов крестьяне выносили резолюции: «Не давать солдат», «Разоружать добровольческие отряды»¹.

В Сибири мобилизация в белогвардейскую армию явилась непосредственным поводом ряда крестьянских восстаний. Некоторые подпольные организации выпускали листовки обращенные к трудящимся с призывом к борьбе против мобилизации и белогвардейской власти вообще. Применявшееся белогвардейцами насилие при мобилизациях заставляло трудящихся крестьян глубже задумываться над ходом событий, толкало их на активные выступления не только против мобилизации и многочисленных поборов, но и против контрреволюционного режима вообще, за Советскую власть.

В авангарде вооруженной борьбы выступили трудящиеся крестьяне Западной Сибири. В 20-х числах августа 1918 года имели место вооруженные выступления в Тюкалинском уезде. Ими руководили коммунисты-подпольщики. 29 августа повстанцы ворвались в Тюкалинск, но удержаться в городе не смогли и были разбиты. Волнения в конце августа и в сентябре охватили Тарский уезд Тобольской губернии: Омский уезд Акмолинской области².

Более крупное восстание произошло в Славгородском уезде. Поскольку это восстание оказало огромное влияние

¹ Государственный архив Курганской области (ГАКО), ф. Р-852, оп. 1, д. 53, л. 288, 338; ЦГАОР, ф. 3497, оп. 1, д. 5, л. 70; ф. 148, оп. 1, д. 21, л. 283; ф. 260, оп. 1, д. 4, л. 825—831.

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 47 л. 46; см. Т. В. Голубев. Крестьянское восстание (в кн.: «В огнь революции и гражданской войны», стр. 181, 182).

на крестьянские массы Сибири и в освещении его допускаются ошибки и неточности, остановимся на нем подробнее. В Славгородском уезде немало было подпольных групп. Одна из них действовала в селе Черном Доле (Архангельском), в восьми верстах от Славгорода. Ее возглавлял большевик, питерский рабочий, бывший член президиума Славгородского уездного Совета Степан Галактионович Светлов (Топтыгин). В организацию (группу) входили коммунисты и сочувствующие партии беспартийные крестьяне. Чернодольцы поддерживали связь с революционно настроенными крестьянами других деревень, а также со славгородской большевистской организацией во главе с Г. Д. Евминым¹.

Чернодольская организация решила не только сорвать мобилизацию, но и готовить вооруженное восстание. По мере приближения срока явки (29 августа) новобранцев на сборный пункт в Славгород обстановка в уезде, особенно в Черном Доле и окрестных селах, накалялась. Со Славгородским большевистским комитетом связались подпольщики Маслак и Доценко. 25 августа они встретились с членом подпольного комитета Павлюченко, рассказали ему о намерении чернодольцев поднять восстание. Об этом Павлюченко сообщил Г. Д. Евмину. Было немедленно созвано заседание членов комитета Евмина, Павлюченко, Бежалова, Прокопьева и Бежаловой. Вопрос о восстании был всесторонне обсужден. Против восстания возражала лишь Бежалова, считавшая, что оно не будет иметь успеха.

Комитет решил восстание проводить, поднять на него рабочих и политзаключенных, которых в Славгороде было около 100 человек, и окрестных крестьян. Разработка плана восстания и руководство им были возложены на Павлюченко и Евмина. Как отмечал в воспоминаниях Евмин, на его квартире с участием Маслака и Доценко был разработан план восстания. Решили начать его «против 3 сентября» (очевидно, в ночь на 3 сентября).

28 августа вновь созывается заседание комитета. Предложенный план был утвержден. По этому плану большое значение придавалось городским рабочим, ядро которых состав-

¹ ПЛАК ф. 1061, оп. 1, д. 324, л. 1.

ляли коммунисты. Отряд в 50 человек под командованием Евмина должен был снять в городе посты и освободить тюрьму. Комитет решил еще до начала восстания создать рабоче-крестьянский революционный штаб, предварительно наметил членов штаба — коммунистов, включая бывшего члена президиума Славгородского Совета питерского рабочего Е. А. Кононова, который находился в тюрьме. Евмину, через которого поддерживалась связь с тюрьмой, было поручено проинформировать политзаключенных через Кононова о подготовке восстания, чтобы те подготовились к освобождению и немедленному участию в восстании после освобождения. Эта задача Евминым была выполнена. К восстанию одновременно начали готовиться партийная организация, рабочие Славгорода, политзаключенные и трудящиеся крестьяне¹.

Решение Славгородского комитета, план восстания были доведены до подпольной организации в Черном Доле. Но события были ускорены действиями белогвардейцев, которые дважды (29 августа и 1 сентября) выезжали в Черный Дол и учинили там кровавую расправу над крестьянами схватили «зачинщиков» срыва мобилизации, в том числе С. Г. Светлова².

Вечером 1 сентября около тысячи крестьян начали наступление на город и окружили его со всех сторон. Телеграфно-телефонная связь была нарушена. Восставшие начали разрушать и железнодорожную линию. С наступлением темноты в город вошла небольшая вооруженная группа (человек 15) во главе с Шерстeneвым. В 11 часов ночи они явились к Евмину и Павлюченко (они жили вместе), разбудили их и сообщили, что крестьяне ждать больше не могут. Членам Славгородского комитета пришлось, учитывая сложившуюся обстановку, немедленно подключиться к руководству начавшимся восстанием — на сутки ранее намеченного срока³.

Перед утром повстанческие отряды в соответствии с поставленными перед ними задачами двинулись на Славгород

¹ ПААК, ф. 1061, оп. 1, д. 324, л. 1—3 (Воспоминания Г. Д. Евмина).

² ЦГАОР, ф. 3497, оп. 1, д. 5, л. 41; см. «Партизанское движе-

ние в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 152—154.

³ ПААК, ф. 1061, оп. 1, д. 32 л. 2, 3.

и стали захватывать важные военные объекты и административные учреждения. К тюрьме поспешил отряд под командованием П. И. Фисенко (Фесенко). Коммунисты, находившиеся в тюрьме, предупрежденные членами Славгородского подпольного комитета о начавшемся восстании, были готовы к нему. После освобождения они включились в борьбу. К восставшим стали присоединяться рабочие и часть собравшихся в Славгороде новобранцев.

Утром 2 сентября город был очищен от белогвардейцев. Они были наголову разгромлены. Наиболее опасные из них были расстреляны, другие заключены в тюрьму. В избранный на многочисленном собрании крестьянско-рабочий штаб, как отмечал С. Г. Светлов, вошли член большевистской партии с 1917 года П. И. Фисенко, коммунисты С. Г. Светлов, Е. А. Кононов, В. В. Минеев и члены черnodольской подпольной организации, сочувствующие партии крестьяне Сипко, Загрудный, Заровный¹. Членом штаба был избран также представитель Славгородского большевистского комитета, очевидно Павлюченко, один из руководителей восстания. Между штабом, разместившимся в Черном Доле, и Славгородским большевистским комитетом поддерживалась связь. Как отмечал Евмин, комитет осуществлял за штабом «надзор».

Таким образом, восстание готовилось и возглавлялось коммунистами. Восставшие высказывали полную солидарность с революционными массами Советской России, боровшимися с белогвардейщиной.

В Славгороде и вокруг него сосредоточилось несколько тысяч повстанцев. Наибольшее число бойцов дали Славгородская, Самарская, Петровская, Подсосновская, Троицкая, Ореховская и некоторые другие волости. Всего восстало 17 волостей — почти все волости уезда².

В Славгород прибывали также крестьяне из Каменского и Павлодарского уездов. Часть восставших оставалась в своих волостях. Под руководством штаба из прибывавших повстанцев формировались подразделения — взводы, роты, батальоны, выбирался командный состав. Одновременно началась

¹ См. «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 154. ² ЦГАОР, ф. 3497, оп. 1. д. 5 л. 42.

подготовка созыва съезда крестьян Славгородского уезда, намечавшегося на 12 сентября¹.

В город уже прибывали делегаты съезда, но состояться ему не было суждено.

Несмотря на отчаянное сопротивление, повстанцы 8—9 сентября терпят поражение и из района станции Бурла отходят к Черному Долу и Славгороду. Повстанцы имели численный перевес над белогвардейцами, но их силы не были сконцентрированы на угрожаемом участке, не завершилось формирование отрядов и подразделений, винтовки имели немногие. Запасы оружия в Славгороде были невелики, в городской и уездной милиции удалось захватить только около 50 винтовок и 5 тысяч патронов².

Вероятно, немногим больше винтовок и патронов взяли на оружейном складе и в штабе гарнизона. Этого оружия могло хватить лишь на одну роту. Повстанцы были вооружены вилами, косами, лопатами, топорами, а то и просто дубинами. Попытка усилить повстанческую армию мобилизацией всех мужчин уезда, способных носить оружие, не могла быть осуществлена в короткое время. Мобилизация проходила успешно, но к Славгороду успели прибыть крестьяне только ближайших волостей. Сам характер всеобщей мобилизации, отказ от классового принципа в формировании революционных войск подрывали их основу. Кулаки и находившиеся в то время под их влиянием многие середняки вносили дезорганизацию, разложение в ряды восставших.

Недоставало организованности, целеустремленности и в крестьянско-рабочем штабе. Имея в начале сентября уже значительные военные силы, руководители восстания несколько дней обсуждали, но так и не выработали план дальнейших действий.

Восстание потерпело поражение. После неудач 8—9 сентября было решено повстанцам разойтись мелкими группами и укрыться, вести подпольную борьбу, готовить массы к новым боям. Часть отрядов распалась стихийно. Их бойцы

¹ *Партийный архив Павлодарского обкома Коммунистической партии Казахстана (ПАПО КПК), ф. 3, оп. 31, д. 7, л. 2 (Воспоминания И И Романен-*

ко); см. «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 156.

² ЦГАОР, ф. 3497, оп. 1, д. 5, л. 42, 43.

расходились по домам вследствие распространения кулацкими элементами панических слухов.

10 сентября белоказаки атамана Анненкова захватили Славгород и Черный Дол. Началась чудовищная расправа над восставшими. Около 1500—2000 человек было убито, еще больше — выпорото и искалечено¹

Тюкалинское и особенно славгородское восстания имели огромное значение. Весть о них разнеслась по Сибири и Уралу

Вооруженное крестьянское восстание произошло также в Змеиногорском уезде Алтайской губернии, Семипалатинском и Усть-Каменогорском уездах Семипалатинской области. Центром этого восстания, начавшегося во второй половине августа, явилось село Шемонаиха. Подпольные группы этого и других сел разослали по всему району агитаторов, призывавших крестьян «не давать новобранцев и восстановить Советскую власть».

В Шемонаихе была создана дружина. Узнав, что туда идет карательный отряд, подпольная группа стала расширять дружину. Когда прибыл карательный отряд, то ему был оказан вооруженный отпор. Потеряв 11 человек, белогвардейцы бежали. В Шемонаиху стекались отряды из других сел. Общая их численность достигла тысячи пеших и конных повстанцев. Небольшие отряды имелись и в других селах. Всюду готовили оружие, ковали пики. Восстание охватило около полусотни населенных пунктов. Восставшие держались длительное время. Как отмечали белогвардейцы, крестьяне намерены были сорганизоваться, двинуться на Семипалатинск, занять его, вооружиться, свергнуть контрреволюционную власть и восстановить Советскую власть² Но, надеясь накопить силы и лучше организовать, восставшие наступательных действий не предпринимали, были нерешительны и потерпели поражение.

В середине октября началось крестьянское восстание в Мариинском уезде Томской губернии. Оно охватило более десяти волостей: Чумайскую, Алчедатскую, Тисульскую,

¹ См. «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 156, 157; газета «Советская Сибирь», 30 августа 1927 г.

² ЦГАОР, ф. 3497, оп. 1, д. 5, л. 70.

Шестаковскую, Верхне-Чебулинскую, Корчуковскую и др. В Мариинском (Чумайском) восстании, по мнению белогвардейцев, участвовало в общей сложности до 7 тысяч вооруженных крестьян. Это восстание было одним из наиболее крупных в Сибири. Белогвардейцы неизменно указывали, что «восстание вспыхнуло на почве большевистской агитации», что восставшие, их руководящий костяк — бывшие красногвардейцы боролись за возвращение Советской власти¹.

Имеются архивные источники, свидетельствующие о деятельности коммунистов в Мариинске и селах уезда. Так, в Мариинске в то время работал видный коммунист в дальнейшем член Томского подпольного комитета А. И. Галуно (под фамилией Попов)².

Н. П. Кирсанов и З. П. Мельников рассказывают о деятельности связанных между собой большевистских подпольных групп летом и осенью 1918 года в Тисуле, Шестакове, Чумае, Ивановке, Михайловке, Кураково и других селах, там есть там, где произошло восстание; о руководстве подпольных групп этим восстанием³.

В первые же дни восстания из Чумая была послана группа представителей в Томск для установления связи с большевистским комитетом. Оружия комитет выделить не смог, и направил в район восстания коммунистов Александра Байкова, Александра Бушуева, Ивана и Бориса Байновых. По сведениям И. С. Дмитриева и Е. М. Кужелевой, они были в район восстания и сделали все, что было возможно для организации военных сил и политического руководства повстанцами⁴.

Восстание продолжалось около двух недель. К 28 октября оно было окончательно ликвидировано⁵.

Причины поражения мариинского восстания были примерно теми, что и славгородского восстания.

¹ Газета «Народная Сибирь» (Новониколаевск), 1 ноября 1918 г.; см. «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)», стр. 370, 378, 379.

² ПАТО, ф. 4204, оп. 3, д. 29, л. 23 (Воспоминания А. И. Галунова).

³ «За власть Советов». Сборник воспоминаний. Кемерово, 16 стр. 134—140.

⁴ Воспоминания Е. М. Кужевой (личный архив автора).

⁵ См. «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)», стр. 367—379.

Едва успели белогвардейцы подавить маринское восстание, как в ноябре вспыхнули два новых восстания в Бийском и Минусинском уездах. Более крупным было минусинское восстание. Оно началось в первых числах ноября и закончилось 22 ноября 1918 года. Повстанческая армия достигала 10 тысяч человек. Полностью в восстании участвовали Нижне-Михайловская, Бейская, Костеровская, Шупенская, Ермаковская, Александровская, Моторская, Сагайская и Луговская волости, часть сел некоторых соседних волостей. В восстании приняли участие и трудящиеся хакасы. В улусе Усть-Кындырлинском на борьбу против белогвардейцев С. И. Чачиев поднял 19 семей. Затем он выехал в волостной центр Аскиз, вел там агитацию за восстание, но был арестован¹.

Восстание возглавили подпольные большевистские группы, которых в том районе имелось немало. Некоторые из них были связаны с красноярской подпольной организацией РКП(б), готовились к выступлению по ее сигналу. Однако восстание началось преждевременно по инициативе подпольной группы села Дубенского, возглавлявшейся рабочим Кульчицким².

Восставшие были вооружены чрезвычайно плохо. Слабой была и революционная дисциплина. Проведенная в селах всеобщая мобилизация засорила повстанческие войска кулацкими, антисоветскими элементами. В этом важнейшие причины поражения восстания.

О чем свидетельствуют массовые выступления крестьян летом и осенью 1918 года?

Первые месяцы власти белогвардейцев дали трудящимся крестьянам наглядный урок и показали, чьи интересы защищают эсеры и меньшевики. Эти месяцы на протяжении которых белогвардейцы восстанавливали дореволюционные аграрные отношения и расправлялись с активными защит-

¹ ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 66, л. 370, 514.

² См. Г. А. Васильев. Коммунистическая партия — организатор и руководитель партизанского

движения в Восточной Сибири в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (Приенисейский край). Красноярск, 1957, стр. 26, 27.

никами и сторонниками Советской власти, привели к полевению трудового крестьянства.

А. Я. Валек, анализируя положение в сибирской деревне, революционные выступления крестьян в октябре 1918 года, отмечал: «Этот процесс оздоровления коснулся глубоко даже сибирской деревни, ярким показателем чего служит отношение крестьян к только что законченной мобилизации двух призывных годов... Сотни деревень сказали: «Для борьбы с нашими братьями мы солдат не дадим», и по всей Сибири в связи с этим прокатился белый террор. Деревни, волости и даже целые уезды встречали казаков и чехов с косами, винтовками»¹

Но «оздоровление» коснулось только части середняков. Даже в тех уездах, где произошли восстания, на борьбу поднималась в основном беднота.

Крестьянские восстания, конечно, содержали в себе элементы стихийности. В целом они представляли собой разрозненные, локальные выступления. Далеко не все организаторы и руководители восстаний были связаны с городскими большевистскими подпольными комитетами. С Сибирским областным комитетом РКП(б) установили связь только маринцы. Прибытие в район восстания представителей этого партийного центра запоздало, и они не смогли оказать на ход событий существенного влияния. Можно и нужно говорить о слабой организованности, элементах стихийности в этих восстаниях. Но стихийными целиком, безусловно, их характеризовать нельзя. Крупнейшие восстания готовились и возглавлялись подпольными революционными группами и организациями, отдельными коммунистами и сочувствующими им крестьянами, нередко и рабочими.

Крестьянские восстания, на характеристике которых мы останавливались, имели также ясную политическую направленность — восстановление Советской власти. Основная часть повстанцев вполне сознательно боролась за осуществление политических лозунгов свержения белогвардейской диктатуры и восстановления Советской власти. Об этом свидетельствуют все приведенные нами документы и материалы.

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1431, л. 63.

Первые крупные восстания в деревне, их кровавое подавление послужили большой школой для дальнейшего политического воспитания трудового крестьянства. Назревали условия для резкого расширения социальной базы союза пролетариата и трудящегося крестьянства. Если до этих выступлений рабочие Сибири и Урала имели поддержку со стороны меньшинства трудящихся крестьян, то теперь эта поддержка стала несравненно ощутимее. Союз пролетариата с крестьянской беднотой упрочился. Проявившие колебание некоторые бедняцкие слои и часть середняков определенно вставали на сторону Советской власти.

Заканчивая рассмотрение вопроса о вооруженных восстаниях крестьян, необходимо остановиться и на партизанском движении.

В Сибири и особенно на Урале партизанское движение имело место не только осенью и зимой, но и летом 1918 года. Оказавшись в окружении врага, красногвардейские отряды на Южном Урале, по существу, перешли на партизанское положение. В южных уездах Урала шел бурный процесс формирования красногвардейских и партизанских отрядов.

В дальнейшем все они были объединены, переформированы в полки и составили мощное соединение под командованием В. К. Блюхера и братьев Н. Д. и И. Д. Кашириных. В него вошли рабочие нескольких уральских городов, многих заводских поселков, крестьянская и казацкая беднота Южного Урала, Уфимской губернии. Сводный Уральский отряд (так официально было названо это воинское соединение), насчитывавший более 10 тысяч бойцов, не считая тысяч беженцев, совершил героический победоносный рейд по глубоким тылам врага и в середине сентября западнее Красноуфимска соединился с Красной Армией. Полуторатысячекилометровый рейд уральских партизан сыграл выдающуюся роль в дезорганизации тыла противника, нанесении поражения частям Уральского корпуса и других белогвардейских соединений. Он содействовал росту революционности трудящихся масс Урала¹.

Летом 1918 года на Урале имелись партизанские отряды и в других районах. Часть из них прорвалась через ли-

¹ См. И. Ф. Плогников. Десять уральских партизан во главе с тысячей героев (Легендарный рейд В. К. Блюхером). М., 1967.

нию фронта, другие оставались в тылу врага, скрывались в лесах, не предпринимая активных действий, в дальнейшем распадались. В Сибири в ряде мест группы бойцов и командиров разгромленных красногвардейских отрядов, партийные и советские работники скрывались в лесах, некоторые из них вели борьбу против белогвардейской власти. Эти отряды и группы в общем представляли собой остатки советских войск. Их борьба была как бы продолжением той борьбы, которую вели части Красной Армии и красногвардейские отряды до занятия Сибири и Урала белогвардейцами. В то же время это было началом грандиозного партизанского движения, которое развернулось позднее.

В партизанском движении наблюдались те же процессы, что и в борьбе трудящихся масс, в частности крестьянства, против контрреволюции. Поражение советских войск, временная утрата Советской власти не привели к прекращению борьбы трудящихся с белогвардейцами. Эта борьба продолжалась. Одной из ее форм было партизанское движение. Незначительное вначале, оно крепло и развивалось. Провала, перерыва в революционной борьбе рабочих и даже крестьян против белогвардейцев и интервентов в период между моментом временной утраты Советской власти и крупнейшими восстаниями не было. Имел место лишь резкий спад в борьбе, особенно вооруженной.

Необходимо указать еще на такие важные обстоятельства. Вооруженным восстаниям трудящихся крестьян лета и осени 1918 года, как правило, предшествовало создание подпольных и полуполигальных дружин (отрядов). Это были в сущности партизанские отряды. Они составляли ядро повстанческих войск и после поражения восстаний переходили вновь на партизанское положение, уходили в леса и горы. Однако партизанское движение не было уделом только трудового крестьянства, как полагают некоторые авторы. В нем с самого начала принимали активное участие рабочие, а также бежавшие из белогвардейских частей солдаты. Особенно велика была роль рабочих в партизанском движении на Урале. В Сибири партийные организации некоторых городов летом 1918 года предпринимали попытки создать рабочие партизанские отряды и начать вооруженную борьбу. Так, в Новониколаевске были сформированы и направлены в сельскую местность один за другим два

отряда вооруженных рабочих под командованием Михаила и Владимира Кеппов. Элементами, составной частью партизанского движения являлись и боевые группы (дружины, подрывные группы), создававшиеся в городах при подпольных организациях. Уже летом и в начале осени такие группы были созданы в Челябинске, Омске и других городах. Начата была подрывная работа на многих участках Транссибирский железнодорожной магистрали.

Подобные действия боевых групп в городах В. И. Ленин отнес к партизанскому движению. «Такие партизанские действия, — писал Ленин, — неизбежные при наличии двух враждебных вооруженных сил и при разгуле временно восторжествовавшей военной репрессии, в то же время служат к дезорганизации неприятеля и готовят грядущие открытые и массовые вооруженные действия»¹. Ленин считал партизанскую борьбу неизбежной формой борьбы в то время, когда между «большими сражениями» в гражданской войне наступают более или менее крупные промежутки².

Эти высказывания Ленина, сделанные на основе анализа революции 1905 года, полностью подтвердились и всем ходом развития революционной борьбы в тылу белогвардейцев и интервентов.

Таким образом, партизанское движение на Урале и в Сибири, начавшись еще летом 1918 года, развертывалось не только в сельской местности, но и в промышленных районах, на железной дороге. С некоторым основанием можно говорить, что не вооруженные восстания крестьян в конце лета и осенью 1918 года предшествовали партизанскому движению, а, наоборот, партизанское движение предшествовало вооруженным восстаниям и в какой-то степени готовило для них почву. Основа для мощного партизанского движения в тылу противника на Урале и в Сибири закладывалась летом и осенью 1918 года. Крупнейшие вооруженные восстания расширили эту основу, упрочили ее. Тот факт, что уже летом и осенью 1918 года в Сибири и на Урале шла острая классовая борьба между значительными (а затем широкими) слоями трудящихся и контрреволюционными силами, эксплуататорами, что эта борьба нахо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 228.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 7.

дила свое выражение и в вооруженных восстаниях, партизанском движении, говорит о продолжавшейся, так сказать, «внутренней» гражданской войне в этих районах. Эта война антагонистических классов в тылу противника была неотъемлемой составной частью гражданской войны в стране в целом.

* * *

Подведем общие итоги деятельности большевистского подполья на первом ее этапе.

Сложившаяся на Урале и в Сибири после прихода к власти интервентов и белогвардейцев обстановка для деятельности коммунистов была чрезвычайно тяжелой. Она потребовала от коммунистов незамедлительного перехода в подполье и применения нелегальных методов борьбы при соблюдении строжайшей конспирации.

Организацией большевистского подполья на Урале и в Сибири руководили Центральный Комитет партии и местные партийные органы. Возникали подпольные ячейки и самостоятельно. Инициативу их создания брали на себя активные партийные и советские работники, оказавшиеся во вражеском тылу. Большевистское подполье складывалось главным образом в процессе самодеятельности партийных масс, сочувствующих коммунистам рабочих и крестьян. Более значительными силы подполья оказались в тех районах, которые были захвачены внезапно, быстро и где вследствие этого осталось много коммунистов. Они стали основной силой большевистского подполья от начала и до конца. Процент партийных работников, прибывших из советской части страны, был сравнительно невысок.

Партийными организациями РКП(б) Сибири и Урала почти с самого начала их деятельности руководили Оргбюро, а затем — областной комитет, избранный на 1-й Сибирской большевистской конференции.

Большевистское подполье в целом не было в точном смысле слова партийным. В нем были организации и группы, состоявшие из членов РКП(б) и сочувствующих партии рабочих, солдат, крестьян, а также выходцев из мелкобуржуазных партий, вставших на советскую платформу. Беспартийные подпольщики в процессе революционной борьбы пополняли ряды нелегальных большевистских организаций.

В основу организационного строения подполья были положены небольшие конспиративные группы — «пятерки» и «десятки». Лишь в некоторых случаях подпольные организации не были разделены на группы, и это, как правило, отрицательно сказывалось на их деятельности.

К концу осени 1918 года подпольные большевистские организации во главе с комитетами имелись почти во всех губернских и областных центрах, в уездных городах, в промышленных поселках, во многих селах. Появились первые подпольные комитеты, организации и группы в белогвардейских частях. В общей сложности число членов подпольных организаций достигало нескольких тысяч человек.

В процессе революционной борьбы подпольщики широко использовали профессиональные союзы, больничные кассы, кооперативы, учреждения культуры, самодеятельные кружки и другие легальные организации и через них завоевывали на свою сторону трудящиеся массы.

Центр подпольной работы коммунистов находился в Западной Сибири, в Томске. Виднейшую роль играли также челябинская, красноярская и особенно омская организации. Осенью вооруженными выступлениями в Тобольске и Томске было положено начало городским восстаниям. В их подготовке и проведении деятельное участие принимали коммунисты. Вооруженное восстание рассматривалось большевиками как главное средство борьбы за свержение контрреволюционной власти. Летом 1918 года началось партизанское движение на Урале и в Сибири.

Борьба против интервентов и белогвардейцев развертывалась по широкому фронту, охватывая город и деревню, рабочих, солдат и крестьян. Она являлась продолжением ожесточенной борьбы за сохранение диктатуры пролетариата и составной частью гражданской войны в стране в целом. С помощью большевиков под воздействием сложившейся обстановки, социально-политического и экономического гнета преодолелись колебания, неустойчивость и инертность теми слоями трудящихся, которые были им подвержены. Началось высвобождение середняка из-под влияния мелкобуржуазной идеологии.

Сибирский областной подпольный комитет РКП(б) принимал меры к развертыванию революционной работы в сельской местности, нацеливал на это местные комитеты. Мно-

гие городские и губернские комитеты посылали своих представителей в села, устанавливали связи с действующими подпольными организациями и группами, создавали новые, руководили ими. Однако некоторые городские организации, находясь в стадии формирования, работу на селе не вели или делали в этом отношении только первые шаги. Поэтому подчас вооруженные восстания крестьян вспыхивали неожиданно и для Сибирского обкома, и даже для отдельных, близких к очагам восстаний городских подпольных комитетов. Однако к этим восстаниям большевики-подпольщики имели самое прямое отношение: сельские подпольные организации поднимали трудящихся крестьян на выступления и руководили ими. Восстания свидетельствовали о возраставшей революционности бедноты, которая продолжала находиться в союзе с пролетариатом, о заметных сдвигах в сторону Советской власти в деревне вообще.

Итоги первых месяцев деятельности коммунистов Урала и Сибири в тылу противника определенно указывали на их способность хорошо ориентироваться в сложной обстановке, избирать в общем правильные направления борьбы, совершенствовать ее формы и методы, творчески подходить к использованию богатейшего опыта борьбы большевистской партии за диктатуру пролетариата.

Глава II Коммунисты во главе революционной борьбы

(вторая половина ноября
1918 — вторая половина
апреля 1919 года)

1 Колчаковщина

Осенью и в конце 1918 года положение Советской республики оставалось сложным. В связи с капитуляцией Германии мировая империалистическая война закончилась. Навязанный Советской республике кабальный Брестский договор ВЦИК 13 ноября объявил аннулированным, обязательства по уплате контрибуции и территориальным уступкам — недействительными.

Но поражение Германии было использовано империалистами для усиления интервенции и помощи белогвардейцам в России: численность войск Англии, США, Франции, Японии и других стран к концу 1918 года была доведена до 400 тысяч солдат и офицеров. В некоторых западных районах по предложению Антанты оставила свои войска и Германия. Численность белогвардейских войск увеличилась до 700 тысяч человек.

Вместе с тем росла и укреплялась Красная Армия. Осенью 1918 года в ней было уже более 800 тысяч человек. В. И. Ленин поставил задачу увеличить Красную Армию до 1 миллиона, а затем до 3 миллионов бойцов. В марте 1919 года Красная Армия насчитывала уже 1,5 миллиона

человек, из которых почти половина находилась на фронтах¹.

Огромное внимание Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли Восточному фронту. На Восточный фронт направлялись не только воинские части, новые пополнения, но и тысячи мобилизованных по решению ЦК партии коммунистов. К осени 1918 года положение советских войск на Восточном фронте упрочилось. Белогвардейцы стали терпеть поражение в Поволжье, оставив в сентябре Казань, Симбирск, Вольск, 3 октября Сызрань, 7-го Самару. В Прикамье советские войска также достигли успеха, заняв Ижевск и Воткинск. В ночь на 31 декабря была освобождена Уфа. Зимой Красная Армия освободила Оренбург, Орск, Уральск, Белебей, Бирск.

Иначе сложилась обстановка на северном участке фронта, где войска 3-й армии оставили Пермь. Лишь после того как были приняты чрезвычайные меры по укреплению 3-й армии, во второй половине января 1919 года она начала наступление и заметно продвинулась к Перми.

Резкий перелом на Восточном фронте способствовал успехам Красной Армии на других фронтах, в том числе и на Южном, ставшем с ноября 1918 года главным. К концу зимы положение на фронтах гражданской войны улучшилось. Красная Армия освободила обширные районы. Первые крупные поражения белогвардейских войск на Восточном фронте осенью 1918 года внесли замешательство в ста урало-сибирской контрреволюции и интервентов. Крупнейшие крестьянские восстания, революционные выступления рабочих содействовали ослаблению белогвардейских и иностранных войск. Появились явные признаки их разложения.

Уральская и сибирская буржуазия все чаще поднимают вопрос о необходимости «сильной власти», военной диктатуры. Правительства стран Антанты принимают срочные меры для укрепления белогвардейского режима. При непосредственном участии интервентов был подготовлен и проведен колчаковский переворот. Адмирал А. В. Колчак в в гоне английского генерала Нокса был доставлен в Омск

¹ См. «История гражданской войны в СССР», т. III. М., 1957, стр. 321.

4 ноября включен в качестве военно-морского министра в правительство. В ночь на 18 ноября часть членов этого правительства — эсеров была арестована, позднее их выслали за границу. Совет министров вручил Александру Колчаку всю полноту власти, присвоив ему титул «верховного правителя России».

Таким образом, эсеры и меньшевики своими контрреволюционными действиями подготовили приход к власти Колчака и буржуазная диктатура в сложившихся условиях переросла в колчаковский военно-террористический режим. Колчаковщине «помогли родиться на свет, — писал В. И. Ленин, — и ее прямо поддерживали меньшевики («социал-демократы») и эсеры («социалисты-революционеры»)». Они «на деле сыграли роль *пособников белогвардейщины*»¹.

Как бы для полного и окончательного саморазоблачения в глазах трудящихся масс сибирские лидеры эсеров и меньшевиков вошли в колчаковское правительство. Вологодский остался председателем Совета министров, эсер Михайлов возглавлял министерство финансов, меньшевик Шумиловский — министерство труда, эсер Старынкевич был министром юстиции. Буржуазия и интервенты нуждались в этих и многих других эсерах и меньшевиках, входивших в местные органы власти, постольку, поскольку они могли по-прежнему служить ширмой для прикрытия военной диктатуры.

С приходом к власти Колчака усилилось наступление буржуазии, помещиков и кулаков на интересы трудящихся масс. Нужда и бедствия трудящихся, особенно рабочих, возросли: удлинился рабочий день, снизилась реальная заработная плата в связи с ростом цен на продовольствие и промышленные товары. Вследствие отмены хлебной монополии и государственного регулирования торговли процветала спекуляция. Рабочие были обречены на голод².

В то же время усилилось обогащение капиталистов. Получая огромные ссуды и дотации, они не спешили вкладывать их в развитие производства. Основная часть полученных сумм капиталистами присваивалась.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 156.

² См. «Колчаковщина на Урале (1918—1919 гг.)». Свердловск, 1929, стр. 49, 50.

Хищническое хозяйничанье временщиков-капиталистов, разграбление предприятий, разрушения, причиненные войной, привели в конечном итоге к полной дезорганизации и упадку промышленного производства. Из каждых пяти уральских заводов действовал только один, да и то с неполной нагрузкой. Заводы не имели топлива, смазочных масел, сырья и других материалов. В 1919 году производство железа и стали составляло только 9% к уровню 1913 года. В тяжелом положении оказались металлообрабатывающее производство, угольная промышленность, транспорт. Через установление «контроля» американские и другие капиталисты стали прибираться к своим рукам и транспорт и предприятия. Над железными дорогами нависла угроза полного захвата их иностранцами. Иностранный капитал всячески проникал и в торговлю, хватая на Урале и в Сибири все, что можно. Продажное колчаковское правительство в 1919 году передало Англии, США, Японии и Франции более 9200 пудов золота — значительную часть золотого запаса России¹

Так под флагом «спасения» России с иностранными империалистами сомкнулись русские капиталисты и совместно грабили ее национальное достояние.

Аграрная политика правительства Колчака была направлена на восстановление порядков, существовавших при царизме. Повышались налоги, с крестьян взыскивались недоимки за все прошлые годы. В ответ на эту политику трудящееся крестьянство усиливало революционную борьбу против белогвардейской власти. Колчаковское правительство вынуждено было отказаться от форсирования возвращения земель прежним землевладельцам. 8 апреля 1919 года была принята декларация «российского правительства» по земельному вопросу, в которой признавалось право собирать с земельных участков урожай теми, кто их обработал и в чьем пользовании они находились. В то же время правительство вновь угрожало: «Впредь никакие самовольные захваты ни казенных, ни общественных, ни частновладельческих земель допускаться не будут и все нарушители чужих земельных прав будут предаваться законному суду»².

¹ См. Л. М. Спиринов. *Разгром армии Колчака*. М., 1957, стр. 29.

² Газета «Правительственный вестник» (Омск), 10 апреля 1919 г.

Но трудовое крестьянство Урала и Сибири было уже начато почти годичным хозяйничаньем белогвардейцев и не впадо в ошибку в отношении истинной подоплеку декларации от 8 апреля.

Белогвардейцы при отступлении, будучи бессильными бороться с Красной Армией, вымещали злобу на трудящихся. Они обирали крестьян до нитки, поджигали, как это было в Златоустовском, Челябинском, Екатеринбургском уездах, постройки. Один из белогвардейцев писал епископу уфимскому Андрею, что колчаковские войска ограбили крестьян Златоустовского уезда, которые «ни на минуту не забывают, что их семьи остались без лошадей, коров, сбруи. Кто сейчас они, эти крестьяне? Они большевики»¹

С приходом Колчака стала проводиться еще более реакционная политика и в области национальных взаимоотношений. По отношению к многочисленным народностям Урала и Сибири: башкирам, татарам, марийцам, казахам, ойротам, хакасам, тувинцам, бурятам, якутам и другим — проводилась политика «единой и неделимой России» Все права, полученные национальными меньшинствами от Советской власти, были отменены. Подавляя всякое сопротивление шовинизму, великодержавной политике, правительство Колчака вместе с тем вслед за Директорией восстанавливало привилегии феодалов, местной буржуазии, кулаков, духовенства.

Диктатуру Колчака В. И. Ленин характеризовал как самую эксплуататорскую, хищническую, хуже царской. Репрессии достигли чудовищных размеров. Порки, истязания, массовые казни стали важнейшей составной частью политического курса колчаковских властей и интервентов. Безудержным террором они стремились запугать трудящиеся массы, подавить их волю к революционной борьбе за восстановление Советской власти. Колчаковщина явилась новым подтверждением того непреложного исторического факта, что для защиты своих интересов и власти господствующие классы идут на самые крайние средства вплоть до массового физического истребления трудящихся.

В марте 1919 года Колчак повелел генералу Розанову, возглавившему карательные войска в Енисейской и части Ир-

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1430, л. 8.

кутской губернии, «покончить с енисейским восстанием, не останавливаясь перед самыми строгими, даже жестокими мерами в отношении не только восставших, но и населения, поддерживающего их. В этом отношении существует пример японцев в Амурской области...»¹

В начале 1920 года на следствии в Иркутске Колчак отклонял обвинения в том, что он повинен в кровавой расправе над мирным населением, сжигании целых сел и расстрелах их жителей. Приведенный документ свидетельствует, что эти обвинения были обоснованы: генералы и офицеры, осуществляя чудовищные карательные операции, руководствовались распоряжением именно Колчака. На основе этого бесчеловечного повеления генерал Розанов приказал начальникам отрядов: «Селения, население которых встретит правительственные войска с оружием, сжигать; взрослое мужское население расстреливать поголовно; имущество, лошадей, повозки, хлеб и т. д. отбирать в пользу казны»².

И приказ этот выполнялся; целые волости превращались в безлюдные пепелища. В Енисейской и других губерниях люди истреблялись тысячами. Только на территории Екатеринбургской губернии было замучено более 25 тысяч человек и подвергнуто порке около 200 тысяч человек.

В. И. Ленин писал: «Теперь правда о Колчаке (а Деникин — его двойник) раскрыта вполне. Расстрелы *десяток тысяч* рабочих. Расстрелы даже меньшевиков и эсеров. Порка крестьян целыми уездами. Публичная порка женщин. Полный разгул власти офицеров, помещичьих сынков. Грабеж без конца»³.

Такова была обстановка в тылу белогвардейцев и интервентов на Урале и в Сибири. Не удивительно, что районы, занятые колчаковцами, стали ареной острейшей классовой борьбы.

В чем состояли главные причины относительно длительного сохранения на Урале и в Сибири режима Колчака? Каковы были силы, на которые он опирался? Колчак дер-

¹ ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 76, л. 372.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 47.

² ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1429, л. 4.

жался на иностранных штыках, благодаря поддержке международного империализма. Но главную его опору составляли внутренние контрреволюционные силы: помещики и их сынки — офицеры, промышленно-торговая буржуазия, кулачество, казачья верхушка. Однако этих сил было недостаточно без поддержки части трудового крестьянства, казачества, мелкой буржуазии города, составлявших огромное большинство населения. Для политики Колчака было характерно, с одной стороны, зверское подавление всяких революционных выступлений трудящихся, террор, насилие и грабежи, с другой — всяческое содействие восстановлению капитализма и особенно развитию свободной торговли. Свобода торговли в Сибири и на Урале, где крестьянство в 1918 году имело большие излишки хлеба, была главным экономическим козырем контрреволюции. Потребовался длительный период времени, пока трудящиеся крестьяне (средняки) поняли, что свобода торговли ведет к восстановлению дореволюционного буржуазно-помещичьего строя и выгодна лишь кулачеству. Чем больше убеждался в этом середняк, тем нестерпимее для него становился и тот гнет, на который обрекала его колчаковщина, и те мобилизации, которые отрывали от хозяйства крестьянских сынов и вовлекали их в недоброе дело войны против трудящихся Советской республики.

Опыт контрреволюционной деспотии, особенно колчаковщина, реакционная, антинародная политика белогвардейской власти во всех областях жизни общества, бедствия и лишения, на которые было обречено трудовое население, чудовищные репрессии, порки, расстрелы вызвали на Урале и в Сибири коренные сдвиги в соотношении классовых сил. Уже к концу зимы 1919 года резко повышается революционная активность рабочих и крестьян. На борьбу против белогвардейской власти поднялись все новые слои трудящихся. Ряды борцов за восстановление власти Советов ширились из месяца в месяц. «Колчак дал нам, — говорил В. И. Ленин, — миллионы сторонников Советской власти в самых отдаленных от промышленных центров районах, где нам трудно было бы их завоевать»¹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч.,
т. 39, стр. 241.

Нараставшая в тылу колчаковской армии революционная волна была одним из решающих факторов победы трудящихся над интервентами и белогвардейцами.

2 1-я Общесибирская (2-я Сибирская) подпольная конференция РКП(б)

Изменение обстановки в Сибири и на Урале, усиление реакции крайне усложнили работу подпольных большевистских организаций. В этих условиях была созвана очередная партийная конференция.

Конференция готовилась длительное время. Состоялась она в Томске 23 ноября, через пять дней после колчаковского переворота. На конференцию прибыли делегаты от большевистских организаций: омской (А. А. Масленников, А. Я. Нейбут), томской (Х. Я. Суудер, В. С. Митряев), новониколаевской (Амосов, В. С. Онучин), красноярской (И. А. Дорофеев), челябинской (О. П. Хотеев) и иркутской. Сибирский областной комитет РКП(б) был представлен К. М. Молотовым, М. М. Рабиновичем, И. С. Дмитриевым¹.

К моменту созыва конференции большевистские организации значительно выросли, в крупнейших из них было по 250 членов и больше. Поскольку на этой конференции было полнее, чем на первой, представлено большевистское подполье Восточной Сибири, она получила наименование 1-й Общесибирской.

Делегаты обсудили доклад Сибирского областного комитета (о текущем моменте), доклады с мест, вопросы о партийной тактике, об организационно-партийной и военной работе². Доклады, проекты резолюций и временного устава подпольных организаций были подвергнуты всестороннему обсуждению. До нас дошли только две резолюции, принятые на конференции: «По текущему моменту» и «О белом терроре». Обе они опубликованы³. Нами найдена резолюция

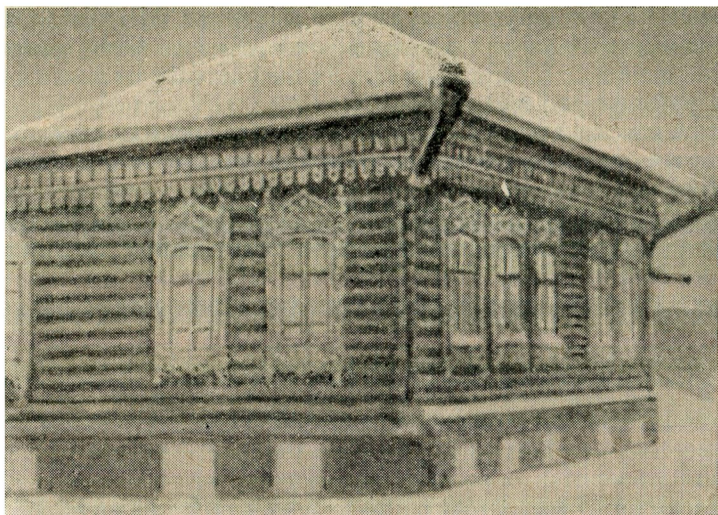
¹ ПАРК, ф. 64, оп. 5, д. 164, л. 1, 2; см. К. Молотов. *Контрреволюция в Сибири и борьба за Советскую власть*, стр. 23.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 632, л. 7; см. *«Партизанское движение в За-*

падной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 54—56.

³ См. *«Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)*», стр. 61—66.

Томск, ул. Белая, 5 (дом во (2-я Сибирская) подпольная дворе). Здесь в ноябре 1918 года конференция РКП(б) проходила 1-я Общесибирская

«По текущему моменту», представленная руководителями подполья Сибирскому бюро ЦК РКП(б) Она несколько полнее опубликованного варианта. В ней дан анализ международного положения, учитывая которое конференция призвала коммунистов и трудящихся к «самой решительной и самой энергичной поддержке Советской России». При анализе положения в Сибири говорится о «свирепой военной буржуазной диктатуре», массовых расстрелах, разоблачается предательская политика мелкобуржуазных партий, отмечено нарастание революционной борьбы трудящихся масс. Определяя задачи и тактику большевистских организаций, конференция решила «поставить своей основной задачей подготовку восстания против буржуазной диктатуры в Сибири, восстания за восстановление власти Советов рабочих и крестьянских депутатов, восстания в целях соединения с Советской Россией...» Следует подчеркнуть, что в седьмом пункте резолюции выдвинута задача организовать «всеобщее восстание рабочих, беднейших крестьянских и солдатских масс» (подчеркнуто нами. — И. П.)¹.

¹ ЦАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 32—39.

В резолюции, опубликованной в сборнике «Партизанское движение в Западной Сибири», этот чрезвычайно важный тезис искажен. Там говорится лишь о подготовке «восстания рабочего класса».

Опираясь на этот урезанный текст резолюции, некоторые историки неточно освещают решения конференции, работу Сибирского областного комитета РКП(б), подполья в целом. Они утверждают, будто бы 1-я Общесибирская конференция ориентировала местные организации на проведение только городских восстаний.

Как видно из приведенного более точного текста резолюции, конференция совершенно определенно и четко ставила задачу подготовки восстания не только рабочих и солдат, но и беднейших крестьянских масс. Важно отметить и то, что конференция выдвигала задачу подготовки к восстанию совместно с рабочими лишь крестьянской бедноты. В резолюции говорится о резком повороте в настроении и середняка, о том, что вся обстановка, положение толкают сибирское крестьянство к пролетариату, в сторону Советской власти, но вывода о том, что середняк уже повернул на сторону Советской власти, нет.

Безусловно, определяя ближайшие задачи, конференция учитывала продолжающиеся колебания середняка, хотя и не сформулировала конкретных задач по организации работы со средним крестьянством.

Однако до VIII съезда партии и знакомства с работой В. И. Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина» сибирские коммунисты вряд ли могли самостоятельно определить политический курс по отношению к середняку.

Естественно, наиболее мощный удар по колчаковщине могло нанести всеобщее восстание рабочих, беднейших крестьян и революционно настроенных солдат. Но в условиях колчаковской реакции и иностранной интервенции поднять такое восстание практически было в высшей степени трудно.

Тем не менее резолюция говорит о всеобщем восстании как конечной цели всей организационно-политической работы. Следовательно, Общесибирская конференция подтвердила решения 1-й Сибирской конференции, но подошла к разработке тактики вооруженной борьбы более конкретно. Она предусматривала и давала установку не только

непосредственно на всеобщее вооруженное восстание. В резолюции названы еще два вида восстаний, на которые ориентировались подпольные организации. «ЦК организует также, — говорится в резолюции, — в целях восстановления Советской власти и этим самым расширения базы социалистической революции восстания, охватывающие более или менее крупные районы при наличии особо благоприятных условий... При приближении Советских войск к тому или иному центру Сибири ЦК организует местные восстания для удара в тыл контрреволюционным бандам»¹.

Таким образом, решения 1-й Общесибирской подпольной большевистской конференции о вооруженном восстании вполне соответствовали революционному творческому духу марксизма-ленинизма, требованию В. И. Ленина об отношении к восстанию как искусству.

Однако в исторической литературе решения этой конференции, так же как и первой, трактуются и оцениваются несколько иначе. Так, например, М. В. Наумов утверждает, будто 1-я Общесибирская конференция «основной задачей большевистских организаций Сибири поставила немедленную организацию местных восстаний», а М. И. Стишов пишет, что большинство делегатов конференции высказалось «в пользу восстаний местного характера»². С такой точкой зрения нельзя согласиться. Конференция ориентировала большевистские организации прежде всего на всеобщее восстание, а при определенных условиях и на местные, но только в крупных районах. Причем предусматривалось вовлечение в них и рабочих, и беднейших крестьян, и солдат.

Большое значение имела также установка конференции большевистскому подполью руководить «всеми восстаниями, восстаниями рабочего класса и крестьянства, даже стихийно возникшими в Сибири, поскольку невозможно задержать их

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 37. В сборнике «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)» (стр. 64) данные положения резолюции также искажены.

² М. В. Наумов. Омские большевики в авангарде борьбы про-

тив белогвардейцев и интервентов (июнь 1918—1919 гг.). Омск, 1960, стр. 62; М. И. Стишов. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны, стр. 106.

до всеобщего выступления по призыву РКП... Ни одно выступление рабочих и крестьян на территории Сибири не должно идти помимо руководства и вмешательства партии»¹.

Конференция нацеливала коммунистов Сибири и Урала на использование самых разнообразных форм борьбы, отвечавших конкретным условиям в тылу колчаковской армии. Большое значение имели также указания конференции о необходимости создания при областном комитете партии и при местных комитетах специальных органов и учреждений для подготовки восстаний в городе и деревне, в частности нелегального Красного Креста.

Через всю резолюцию проходит идея отказа от объединения и политических соглашений с мелкобуржуазными партиями, на чем настаивал перед конференцией Б. З. Шумяцкий.

В Сибири, где к лету 1918 года среди членов партии еще не были до конца изжиты тенденции к объединению с левосоциалистическими и другими группами, важно было сохранить самостоятельность большевистских организаций. Конференция сочла возможным допустить лишь использование «в момент восстания их боевых сил, насколько таковые у партии имеются».

Конференция приняла также резолюцию о белом терроре и, как вспоминал К. М. Молотов, временный организационный устав сибирских организаций и положение о военной организации².

Работа конференции закончилась избранием партийного центра Сибири и Урала, получившего название Центрального комитета РКП(б) Сибири. В него были избраны А. Я. Нейбут (председатель), А. А. Масленников, М. М. Рабинович, М. С. Русаков и В. С. Митряев (Дмитриев). На первом же заседании ЦК был организован военный штаб, в составе которого, как вспоминал В. С. Митряев, были созданы отделы организационный, мобилизационный, учета и распределения, оперативный и Красный Крест³.

¹ ПАО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 37. Приведенный тезис значительно отличается от соответствующего тезиса опубликованного варианта резолюции.

² См. «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 56.

³ ПАО, ф. 5, оп. 2, д. 632, л. 8; д. 584, л. 32; ЦПА ИМЛ, Архив

Х. Я. Суудер

Местом пребывания ЦК РКП(б) Сибири был намечен Омск. Перемещение подпольного центра из Томска в Омск было продиктовано рядом причин. Омск был крупным промышленным центром Сибири. В нем насчитывалось не менее 10 тысяч рабочих и тысячи большевистски настроенных заключенных в лагерях. Подпольная большевистская организация Омска стала к тому времени крупнейшей в Сибири и на Урале и была тесно связана с другими организациями. Здесь в подготовке вооруженного восстания были достигнуты серьезные результаты: важно было нанести первоочередной удар белогвардейцам и интервентам именно в Омске — столице Колчака.

Вскоре после окончания конференции ЦК РКП(б) Сибири и военный штаб переехали в Омск. Из членов ЦК только В. С. Митряев остался в Томске и продолжал здесь работу вместе с Томским комитетом, возглавляемым Х. Я. Суудером.

Членам Сибирского ЦК и некоторым местным комитетам вновь пришлось столкнуться с Б. Э. Шумяцким и его немногочисленными сторонниками, еще более настойчиво добивавшимися принятия их платформы. Шумяцкий установил связь с членами Сибирского краевого комитета правых эсеров, с лидерами других мелкобуржуазных организаций и групп, вел с ними переговоры на предмет заключения соглашения и объединения их с коммунистами. При этом шла речь о взаимных уступках друг другу. Об этом стало

главного секретариата редакции «Истории гражданской войны в СССР», ф. 6, оп. 5, папка 19, д. 1; см. также «Партизанское движе-

ние в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 61. По некоторым сведениям в комитет был избран и Х. Я. Суудер.

известно управляющему (комиссару) Иркутской губернии эсеру Яковлеву и затем колчаковскому правительству. Директор департамента милиции отмечал: «Краевой комитет партии социалистов-революционеров вел соглашательские переговоры с делегатом большевиков — Борисом Шумяцким.. занимающим у большевиков крайнюю правую...»¹

В белогвардейских материалах неизменно говорится, что Шумяцкий кого-то представлял. В некоторых случаях они отмечали, что он имел полномочия от нелегальной большевистской конференции. В действительности, кроме кучки растерявшихся, впавших в панику соглашателей, он никого не представлял. Не соответствовало действительности и сделанное позднее заявление самого Шумяцкого о том, что его по вопросу немедленного объединения со всеми «социалистическими партиями» поддержали четыре подпольных комитета областных организаций².

Члены Барнаульского комитета В. Ф. Тиунов и Е. М. Кузелева, другие подпольщики отмечали, что Шумяцкому, ознакомившему их со своими соглашательскими тезисами был дан отпор. Так было в Барнауле и Новониколаевске где длительное время находился и выступал Шумяцкий.

Нами найдены эти тезисы. После ознакомления с резолюциями 1-й Общесибирской подпольной конференции в первой половине декабря Шумяцкий направил членам ЦК РКП(б) Сибири письмо, озаглавленное «Наши задачи» Тезисы включены в него полностью³.

В то время, когда партия призывала к решительной борьбе против мелкобуржуазных партий, к разоблачению их предательства, Шумяцкий предлагал объединиться с ними, вступить в политический блок. Путь завоевания трудящегося крестьянства на сторону большевистской партии он видел в изоляции и разгроме эсеров и прочих «народнических элементов, от которых к декабрю 1918 года отошли уже многие из заблуждавшихся до того крестьян, а во всепрощающем альянсе с ними.

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 20 а, л. 1, 3.

² «Газета печатников». Издание Московского профессионального союза рабочих печатного дела, 10 февраля 1919 г.

³ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 679, л. 4-6 (Письмо Андрея Червоного (Б. Шумяцкого) к товарищам сибирякам «Наши задачи»).

В. И. Ленин отмечал, что часть мелкобуржуазных партий от Колчака отошла, что осуждение колчаковщины некоторыми представителями этих партий является положительным фактом. Но вместе с тем Ленин указывал на то, что эти мелкобуржуазные политиканы по-прежнему не раскаивались в сделке с реакцией, считали ее допустимой и продолжали обманывать народные массы лозунгами «свободы и равенства». «Я утверждаю, — говорил В. И. Ленин, — что эти люди, если они обладают элементарной политической грамотностью, то они колчаковцы, как бы они от этого лично ни отрекались, как бы лично ни претила им колчаковщина, как бы лично они от Колчака ни пострадали и хотя бы перешли на нашу сторону»¹.

В. И. Ленин отмечал также, что мелкобуржуазные демократы мечутся между двумя лагерями и перебегают к «победителям»². Он звал к дальнейшей борьбе с мелкобуржуазными партиями, разоблачению их, не допускал политического блока с ними, политических уступок им, считал возможными только такие соглашения, когда они под контролем Коммунистической партии могли участвовать в борьбе с Колчаком.

Не понимая природы мелкобуржуазных партий, игнорируя исходящие от них опасность и вред для социалистической революции, Шумяцкий утверждал, что мелкобуржуазные партии могли «нести известные обязанности как в процессе борьбы и разрушения старых, капиталистических порядков, так равно и в деле создания и устройства нового, коммунистического строя»³.

Не удивительно, что письмо Шумяцкого, его тезисы были решительно отвергнуты руководителями сибирско-уральского большевистского подполья. Члены Сибирского ЦК РКП(б) 20 декабря 1918 года направили их вместе с докладом со специальным курьером в Центральный Комитет партии. Доклад руководителей сибирского подполья был кратким. В нем отмечались рост подпольных организаций и повышение их активности, сообщалось о партийной конференции и избрании нелегального центра. К докладу были

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 344—345.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 197.

³ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 679, л. 5.

приложены резолюции «По текущему моменту» и «О белом терроре», принятые на 1-й Общесибирской конференции¹.

Все эти материалы, предназначенные для ЦК партии, в январе 1919 года были переданы курьером, только что созданному Сибирскому бюро ЦК РКП(б), о существовании которого сибирским и уральским коммунистам еще не было известно.

3 Деятельность Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК РКП(б)

Центральный Комитет партии испытывал значительные затруднения при подготовке коммунистов к подпольной работе и отправке их в тыл врага, в Сибирь и на Урал. А между тем установление колчаковской диктатуры привело к усилению белого террора. Подпольные большевистские организации несли большие потери. Без их пополнения опытными партийными кадрами невозможно было развертывать работу в массах. Руководители сибирско-уральского подполья, представители местных организаций не раз просили ЦК РКП(б) об усилении им помощи.

17 декабря 1918 года Центральный Комитет принял постановление: «Образовать Сибирское бюро ЦК в составе тт. Нейбута, Масленникова, Франца, Голощекина и Смирнова»²

Бюро преднамеренно было составлено из работников, находившихся в советской части России (Ф. И. Голощекина и И. Н. Смирнова) и в тылу врага (А. Я. Нейбута, А. А. Масленникова и М. И. Сычева). Предполагалось, что Нейбут и Масленников, не оставляя непосредственной подпольной

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 2; д. 584, л. 27, 31.

² «Из истории гражданской войны в СССР». Сборник документов и материалов, т. I. М., 1960, стр. 445. К моменту образования бюро Франца (Ф. Суховерхова — М. И. Сычева) уже не было в живых, о чем ЦК партии еще не было известно. Члены бюро ЦК

работали на паритетных началах, вот почему нельзя признать правильными утверждения многих авторов о наличии председателя бюро (называются то Ф. И. Голощекин, то И. Н. Смирнов). Филипп Исаевич Голощекин (1876—1941) — член партии с 1903 года.

работы в колчаковском тылу, будут поддерживать контакт с другими членами бюро.

Однако крайняя сложность обстановки на фронте и в тылу колчаковской армии, необычайная занятость одних на непосредственной подпольной работе, других на организации помощи подпольным организациям из Советской республики не позволили осуществить первоначальный замысел. Ни одной встречи между двумя группами членов Сибирского бюро не произошло. К тому же Нейбут в начале февраля, а Масленников в середине апреля 1919 года погибли. Фактически вплоть до августа 1919 года работали только два члена бюро — Голощекин и Смирнов.

Когда создавалось Сибирское бюро ЦК, Голощекин и Смирнов находились в Москве. Они провели большую подготовительную работу по обеспечению деятельности бюро, неоднократно встречались с Я. М. Свердловым. Для начала работы членам бюро была выдана крупная денежная сумма и различное имущество, в том числе одежда для переправлявшихся в тыл врага коммунистов. Завершив 24 декабря намеченную со Свердловым работу в Москве, Голощекин выехал на Восточный фронт, так как было решено, что бюро должно находиться там, где будет Реввоенсовет 5-й армии. Смирнов выехал из Москвы 1 января 1919 года в только что освобожденную от колчаковцев Уфу, где обосновался Реввоенсовет 5-й армии¹

Для работы в бюро ЦК направляется несколько коммунистов, в том числе член партии с 1904 года Д. К. Гончарова (секретарь бюро), М. А. Чистяков, А. Я. Бакаев. В бюро длительное время работали также искусный мастер фабрикации печатей, штампов, необходимых документов М. И. Шмидт (Эзерман), Гольдман и некоторое время З. И. Лобков, готовившийся к переходу в тыл врага².

Члены бюро по согласованию с Я. М. Свердловым решили создать отделение бюро на северном участке Восточного фронта. Необходимость создания отделения обуславливалась

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 86, оп. 1, д. 38, л. 69, 93, 99 (Блокнот Я. М. Свердлова); ПАКБО, ф. I—V, оп. 8, д. 54, л. 55.

² ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, д. 672,

л. 3, 4, 11, 14 (Автобиография А. Я. Бакаева); ф. 71, оп. 15, д. 318, л. 5, 6 (Воспоминания Д. К. Гончаровой); ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 11, 12.

Ф. И. Голощекин

неудачами советских войск в районе Перми, временной утратой к январю 1919 года большей части территории Урала и намечавшейся ликвидацией Уральского обкома партии, который наряду с решением других задач уделял внимание и организации подпольной работы в тылу врага. Приехав в Вятку, где в то время находился Уральский обком РКП(б), Голощекин договорился с руководителями обкома о формировании отделения бюро ЦК. Для работы в отделении Голощекин пригласил Н. И. Уфимцева, С. Ф. Баранова и С. А. Килина (последний был не

членом, а сотрудником отделения). Несколько позднее в состав отделения были кооптированы А. А. Ляк и М. А. Беляев. Председателем отделения был Уфимцев, секретарем — Ляк. Помимо Килина в качестве сотрудников отделения вначале работали М. А. Медведев и Мясников, а затем Я. Т. Желтов, И. Г. Феофанов, А. Н. Беломоин и др.¹

Бюро ЦК при его учреждении получило название «Сибирское бюро ЦК РКП(б)» и имело печать, на которой значилось: «Сибирское бюро Центральный комитет РКП»².

На вопросе о названии бюро ЦК и его отделения следует остановиться в связи с противоречиями в литературе³.

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1186, л. 2—4; см. также «Гражданская война на Южном Урале. 1918—1919 гг.». Сборник документов и материалов. Челябинск, 1962, стр. 211—212. Кратковременно в отделение бюро входил К. М. Ракай (Бакай). Он прибыл в Вятку из Москвы в первой половине января 1919 года. Задачи Ракай в ЦК партии были определены

так: «Организовать связь с Сибирью через лесничества и лесничих Урала», затем передать ее в распоряжение бюро, его отделения (ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 9).

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 42; оп. 6, д. 97, л. 1.

³ См. А. Я. Казаков. О времени создания и месте деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б). —

Постановление об образовании бюро было принято ЦК партии в середине декабря 1918 года, когда во многих районах Урала еще сохранялась Советская власть. За Сибирь же при самых оптимистических прогнозах предстояло воевать длительное время. Вот почему в процессе подготовки вопроса и в день его решения 17 декабря речь шла о создании партийного центра по руководству большевистским подпольем именно в Сибири. Однако в связи с захватом колчаковцами районов Северного и Западного Урала и ликвидацией Уральского обкома партии Сибирское бюро ЦК становится органом по руководству подпольной деятельностью коммунистов не только в Сибири, но и на Урале.

В соответствии с таким расширением функций и задач меняется и название бюро. Наряду с прежним в документах появляется новое: «Урало-Сибирское бюро ЦК РКП(б)». В первые месяцы работы оно употреблялось изредка, а летом 1919 года — часто, причем в документах, относящихся как к Уралу, так и к Сибири¹.

Л. Серебряков, извещая отделение о возобновлении работы бюро, именует его Сибирским²; и, после того как летом 1919 года Красная Армия освободила Урал, бюро именуется только так. Таким образом, в связи с изменением объема работы и района деятельности видоизменялось и название.

Что касается отделения бюро, то оно неизменно именовалось Урало-Сибирским. Под докладами в ЦК и в бюро ЦК ставилась подпись: «Отделение Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б)», а после временной ликвидации бюро — «Урало-Сибирское бюро ЦК РКП(б)». Это же название значилось на печати³. Отделение часто именовалось и как «Особая комиссия

«Вопросы истории КПСС», 1960, № 1, стр. 126—133; А. Я. Казаков, Л. М. Спирикин. Еще раз к вопросу о Сиббюро ЦК РКП(б). — «Вопросы истории КПСС», 1965, № 8, стр. 112—113.

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО), ф. Р-1350, оп. 1, д. 1, л. 50; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 97, л. 1; д. 584, л. 56, 127; оп. 6, д. 120, л. 10; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 7, 117; д. 505, л. 162 и др.; см. также «Партизанское движение в Западной

Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 57—59, 114—118.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 154.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 3, 4, 7 а, 9; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 140; д. 883, л. 1, 20, 47, 52, 53; д. 1186, л. 2—4; ф. 221, оп. 2, д. 106, л. 217, 218, 250—252; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 44—48; д. 585, л. 48; «Колчаковщина на Урале (1918—1919 гг.)», стр. 175—177.

Вятского губернского Военно-революционного комитета». Но это параллельно существовавшее название было принято в конспиративных целях. В письме начальнику политотдела 30-й дивизии члены отделения бюро писали: «Предупреждаем, что действительное наименование нашей организации: *Урало-Сибирское бюро ЦК РКП(б)* мы стараемся сохранить в тайне и для обычных сношений пользуемся бланком Особой комиссии Вятского губернского Военно-революционного комитета»¹

Создав Сибирское бюро, Центральный Комитет партии спешит сообщить об этом в Сибирь руководителям большевистского подполья. Я. М. Свердлов передал Ф. И. Голощекину в 20-х числах декабря 1918 года письмо, которым А. Я. Нейбут, А. А. Масленников и другие извещались о создании специального Сибирского бюро и принимаемых мерах по усилению помощи подпольным организациям. Голощекин 7 января 1919 года написал записку, предназначавшуюся также для передачи руководителям сибирского и уральского подполья. В ней говорилось о создании отделения бюро ЦК («Технического аппарата в пермском направлении») и что для подпольного центра в Перми оставлено 500 тысяч рублей и направляется с «тов. Андреем» еще 100 тысяч рублей².

Ф. И. Голощекин сообщал также, что для работы в районе Челябинск — Екатеринбург он направил двух работников и одного курьера. Это были А. А. Григорьев, С. Г. Логинов и О. Д. Гержеван-Латти³.

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 140.

² Здесь имелись в виду полмиллиона рублей, врученных группе коммунистов во главе с А. Я. Валеком для передачи сибирскому подпольному центру (ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 1). 100 тысяч рублей были вручены Голощекиным Алексею Александровичу Григорьеву, имевшему паспорт на имя Андрея Александровича Голицына. Данная записка (точнее, ее копия) неоднократно публиковалась в сборниках документов (см., например, «Омские большевики в

борьбе за власть Советов (1917—1920 годы)», стр. 163), но не датировалась. В двух найденных нами копиях записки имеется точная дата — 7 января 1919 года (ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 24, л. 22; ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1071, л. 89). Об авторстве Голощекина на эту записку, ранее приписывавшемся Я. М. Свердлову, мы сообщали в докладе Военно-историческому обществу при ЦМСА в июне 1961 года.

³ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1499, л. 18; д. 1503, л. 6; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 835, л. 75.

Передав письма Григорьеву, который вместе с другими членами партии готовился перейти линию фронта, Голощекин примерно 10 января выехал из Вятки в Уфу. Но ни письма, ни деньги сибирско-уральский подпольный центр не получил. Письма и 100 тысяч рублей были искусно помещены в чемодан с двойным дном и вручены Григорьеву вместе с удостоверением на его имя. Благополучно перейдя линию фронта, он в начале марта 1919 года прибыл в Челябинск, но только во второй половине марта чемодан и его содержимое передал Л. З. Годисовой. Она увезла чемодан в Омск, но в связи с арестами в этом городе уехала в Новониколаевск и там в апреле была арестована. Деньги и письма были изъяты колчаковцами¹.

Группа А. Я. Валека также не сумела передать деньги Центральному комитету РКП(б) Сибири вследствие ареста коммунистов-курьеров колчаковцами и захвата ими партийных денег. Подобных случаев, когда посланцам ЦК и Сибирского (Урало-Сибирского) бюро не удавалось прибыть в Омск и другие города, было немало. Враг был хитер, коварен и жесток. Избежать сетей, расставлявшихся опытными контрразведчиками, было нелегко.

В воспоминаниях членов и секретаря бюро отмечается, что Центральным Комитетом партии Сибирскому бюро поручалось установление прочной и регулярной связи с коммунистами, работавшими в Сибири, информирование их о положении в Советской России, передача директив ЦК, развертывание революционной борьбы, в том числе постановка разведки, дезорганизация вражеского тыла путем разрушения железнодорожных путей и военных складов, разложение белогвардейских войск, подготовка вооруженных восстаний. Позднее к этому прибавилось и руководство партизанским движением, охватившим обширные районы Сибири².

Придавая особое значение военной работе, бюро наметило проводить ее в двух основных направлениях: в прифронтной полосе и в тылу колчаковской армии.

С целью более планомерного ведения работы Сибирское бюро выделило пять районов: преддверие Урала, Южный

¹ См. «Из истории гражданской войны в СССР», т. I, стр. 458.

² ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, д. 318,

л. 3—5; см. также «Борьба за Урал и Сибирь». М — Л., 1926, стр. 123—127.

Урал, Северный Урал, Западная Сибирь и Средняя Сибирь. Следовательно, в планах бюро не предусматривалось руководство подпольной работой в Забайкалье и на Дальнем Востоке. И все же Сибирское бюро некоторое внимание уделяло и Дальнему Востоку.

Бюро и отделение разграничили районы действия. Создавая отделение, Голощекин поставил перед ним задачу «организовать постоянную границу (то есть линию связи с подпольными организациями. — *И. П.*) на Кунгур, Пермь и заводы Северного Урала»¹.

Отделение ограничилось горнозаводским Уралом с Челябинском как конечным пунктом на юге, разделив его на девять районов: Пермский, Лысьвенский, Кунгурский², Богословский, Гороблагодатский, Нижнетагильский, Алапаевский, Екатеринбургский и Кыштымский. В свою сферу отделение не включило большую часть Южного Урала, в частности Симский округ, а также занятые врагом районы Башкирии и Оренбуржья, так как в непосредственной близости от них располагалось Сибирское бюро. Намеченные отделением план работы и район действий Сибирским бюро были приняты и утверждены.

В деятельности бюро ЦК РКП(б) следовало бы выделить пять периодов: 1) от начала деятельности бюро и его отделения до второй половины марта 1919 года; 2) со второй половины марта до начала июня, когда функции временно упраздненного Сибирского бюро взяло на себя отделение в Вятке; 3) с начала июня по август; в это время бюро возобновляет, а отделение в связи со стремительным продвижением Красной Армии постепенно свертывает свою работу, переезжает из Вятки в Пермь, оттуда в Екатеринбург и в конце июля — начале августа ликвидируется; 4) с сентября по декабрь; в этот период меняются состав и задачи бюро: оно чем дальше, тем больше переключается на работу по восстановлению партийных организаций, Советской власти и народного хозяйства в освобождавшихся районах, а затем реорганизуется в обычный, но крупный партийный центр — Сибирское областное бюро ЦК РКП(б); 5) с декабря 1919 по март 1920 года, когда руководство большевистским под-

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 1.

² В некоторых документах вме-

сто Кунгурского указывается Курганский район.

польем в тылу противника уже не является основной задачей бюро¹.

Для организации работы и помощи подпольным организациям Урала и Сибири бюро и отделению были переданы огромные денежные суммы. В январе для начала работы членам бюро было выдано в Москве 150 тысяч и в Вятке 500 тысяч рублей. Но вскоре эти деньги были почти полностью израсходованы, и бюро запросило ЦК о новых, более крупных суммах. По распоряжению Я. М. Свердлова от 26 января 1919 года в Уфе для Сибирского бюро был открыт кредит «до двух миллионов» рублей. Несколько позднее бюро получило возможность использовать такую же сумму, спрятанную при отступлении советских войск на Южном Урале. Отделением бюро от руководителей Уральского областного комитета партии и других органов с января по май включительно было получено 2 398 897 рублей. Частично на нужды подпольной работы пошли деньги, переданные перед отъездом в Вятку К. М. Ракаю в сумме 30 тысяч рублей².

Таким образом, в январе — мае в распоряжении бюро и отделения оказалось более 7 миллионов рублей. Даже для того времени, когда деньги обесценились, это была крупная сумма.

Но не всегда деньги доходили по назначению. В середине января в Сибирское бюро прибыл из Москвы некто Ф. А. Сатке. Он привез 1,5 миллиона рублей, с которыми по поручению Реввоенсовета республики должен был переправиться в Сибирь. В процессе подготовки к переходу линии фронта у членов и сотрудников бюро возникли серьезные сомнения в преданности Сатке Советской власти, однако они не сочли себя вправе задерживать его, только решили все же забрать у него половину денег и направить их дальше со своим работником. Последний должен был встретиться с Сатке в Челябинске.

К сожалению, подозрения подтвердились. По сведениям П. Г. Кринкина и других, Сатке в Челябинске выдал контр-

¹ Впервые периодизация деятельности Сибирского бюро ЦК была предложена Л. М. Спириным. Он называет только два периода: «Первый период занимает время с момента организации бюро до середины марта 1919 года. Второй период — с начала июня

1919 года до освобождения Урала и Сибири» (см. «Вопросы истории КПСС», 1961, № 2, стр. 101).

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 3; ф. 86, оп. 1, д. 39, л. 84; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 593, л. 209; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 885, л. 9.

разведке белых группу работников, перешедших линию фронта. В архивах имеются документы, подтверждающие, что Сатке оказался в контрразведке 6-го Уральского корпуса и дал сведения о Сибирском бюро и его сотрудниках¹

Сибирское бюро и отделение очень строго конспирировали свою работу. Помещения, в которых они разместились, числились за другими учреждениями и не бросались в глаза горожанам. Для подготовки коммунистов к переходу в тыл врага, для временного пребывания вернувшихся с Урала и из Сибири работников снималась одна или несколько специальных квартир².

И все же, несмотря на большие меры предосторожности и соблюдение правил конспирации, белогвардейцам очень скоро стало известно о существовании и практической работе бюро ЦК и отделения.

Белогвардейская контрразведка стала тщательно изучать методы работы бюро, охотиться за его посланцами, усилив охрану и патрулирование на лесных участках, где подчас не было сплошной линии фронта, предприняла даже попытку проникнуть в отделение бюро и установить наблюдение за всей его работой. Белогвардейцы использовали с этой целью опрометчивость и неопытность коммуниста М. И. Соловьева. Вместе с П. Н. Спиридоновым Соловьев был послан отделением бюро в Надеждинск для организации и руководства подпольной работой. Но во время проезда по железной дороге они были арестованы колчаковцами, доставлены в Пермь и заключены в местную тюрьму. Прежде чем устроить пытку и допрос, как это обычно делалось колчаковскими садистами из контрразведки, к Соловьеву был подослан провокатор, выдавший себя за подпольщика. Ему удалось вызвать доверие Соловьева и получить сведения не только о цели перехода линии фронта последним, но и о бюро ЦК³.

¹ ЦГАОР, ф. 236, оп. 6, д. 360, л. 34, 38; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1421, л. 2. 28 сентября по указанию начальника колчаковской контрразведки Сатке был выпущен из омской тюрьмы. После освобождения города в ноябре 1919 года Красной Армией Сатке был арестован советскими орга-

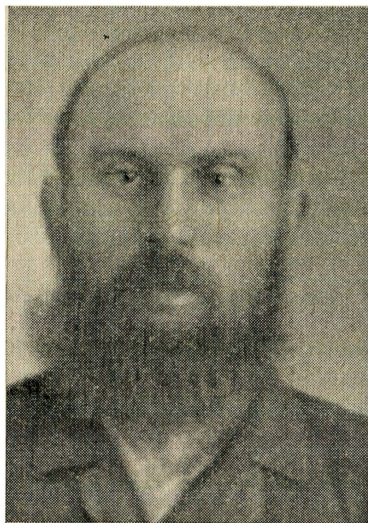
нами и после следствия, установившего его предательство, по приговору суда расстрелян.

² ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1433, л. 2—5.

³ ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1 а, л. 84; д. 15 в, л. 263; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 32.

П. Ф. Тарасов

Этим обстоятельством решил воспользоваться начальник контрразведки. Он подробно проинструктировал шпиона и поставил перед ним задачу — под видом связного от Соловьева проникнуть в отделение бюро ЦК. Соловьев, не подозревая о провокации, вручил контрразведчику две записки. Подателя записок он характеризовал как коммуниста и человека вполне надежного. Вражеский разведчик явился в отделение бюро, предъявил записки Соловьева и «проинформировал» о революционной работе в Перми. Враг держался уверенно. Но у опытных партийцев его рассказ и поведение из-за некоторых несообразностей сразу же вызвали подозрение. Проверка произведена была самым обычным, но безотказным по результатам методом, который применялся в отношении слаонервных и трусливых вражеских лазутчиков: ко лбу мнимого подпольщика приставили револьвер. Он сразу же размяк, сознался во всем и сам дал ценные для отделения сведения о положении в Перми¹

После этого случая каждого человека, прибывавшего с Урала или из Сибири как курьера или представителя какой-либо подпольной организации, тщательно проверяли, опасаясь новой провокации. Так, внимательно был проверен А. И. Чижев, посланный в ЦК с письменной информацией Сибирским областным комитетом партии².

В трудные дни 1919 года в воинских частях, партийных, советских и хозяйственных учреждениях каждый член Коммунистической партии был на строгом учете. Вот почему

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 217, 219; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 48; д. 585, л. 32.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 6; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 122.

перед бюро ЦК сразу же встала трудность номер один — проблема подбора кадров. Члены бюро жаловались на то, что людей маловато, особенно годных на ответственную работу, и настойчиво просили ЦК направлять в их распоряжение побольше работников¹.

Во время пребывания Ф. И. Голощекина и Д. К. Гончаровой в марте 1919 года в Москве с помощью работников ЦК были подобраны и направлены в бюро несколько коммунистов для ответственной работы и двое в качестве связных. В числе коммунистов, в разное время направленных в бюро и отделение Центральным Комитетом партии, были В. И. Хотимский, А. А. Григорьев, И. Б. Борисов (Цветков), А. Я. Михеева, А. А. Карлов, Д. Д. Киселев. Все они были направлены на Урал и в Сибирь с ответственными поручениями и прекрасно проявили себя.

Но подавляющая часть работников для переправы во вражеский тыл была подобрана в Уфе и Вятке членами бюро и отделения при содействии местных партийных организаций и политотделов 5-й и 3-й армий.

Одним из первых в Сибирское бюро прибыл Залман Иудович Лобков, молодой, энергичный организатор, до начала гражданской войны один из руководителей омской (акмолинской) областной партийной организации.

Члены бюро привлекли немало находившихся в Уфе коммунистов с южноуральских заводов (например, К. М. Туманова, Ф. Фатеева, В. П. Заикина, М. В. Летучева, Е. Е. Энтальцева).

Отделением в Вятке подбирались коммунисты из числа ответственных работников в значительной части с дореволюционным партийным стажем. Среди них были члены партии: с 1902 года — М. П. Туркин, с 1904 года — Н. С. Завьялов, с 1905 года — П. И. Смирнов, В. М. Лифанов, И. П. Маликов, с 1907 года — А. Ф. Фадеев.

Немало коммунистов было принято отделением бюро и по их личным и настоятельным просьбам. Вот одно из заявлений, поданных коммунистами в партийные организации с просьбой отправить их на подпольную работу на Урал:

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 9;
ПАНУ, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 24.

В губернский комитет РКП (большевиков) члена РКП (большевиков) организации станции Вятка II-я Тарасова Павла Федоровича, № партийного билета 11 (Пермской организации)

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу губернский комитет РКП сделать все от него зависящее для того, чтобы иметь возможность быть связующим звеном между товарищами, работающими подпольно в тылу белых. Изъявляю желание посвятить себя этой работе.

2. III. 19 г.

Тарасов Павел.

Просьба П. Ф. Тарасова, пермского рабочего, члена большевистской партии с мая 1917 года, была удовлетворена¹.

В конспиративных целях в партийных организациях Вятки и других выбытие коммунистов, направленных за линию фронта, мотивировалось то срочной командировкой в Москву, то необходимостью неотложного лечения и т. д. Отделение брало на себя заботу о материальной поддержке семей коммунистов, отправлявшихся во вражеский тыл. С помощью ответственных политработников подбор коммунистов производился и среди красноармейцев. Так, за несколько месяцев около 20 человек было направлено в отделение из Особой бригады 3-й армии².

Таким образом, уже к началу марта 1919 года в распоряжении отделения оказалось около 40 человек. В результате тщательной проверки до десяти человек было отклонено по болезни, недостатку опыта и т. д., а некоторые и по политическим мотивам³.

В подготовке коммунистов к подпольной работе в тылу врага принимали участие все члены Сибирского бюро и отделения и некоторые сотрудники. В Вятке эту работу успешно вели А. А. Ляк, С. А. Килин. В отличие от бюро отделение

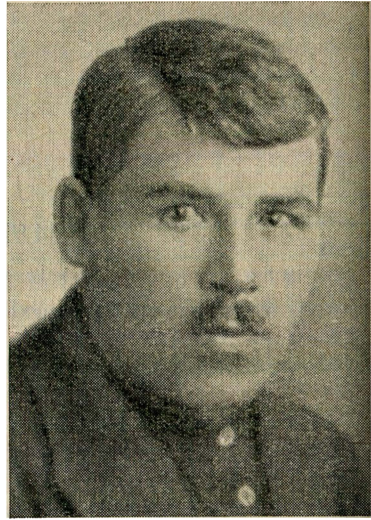
¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 211.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 73, 108; д. 505, л. 28, 29, 111; д. 883, л. 48, 54.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 4; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 14.

М. Н. Миков

для переправы коммунистов на Урал ввело специальную систему резидентов. Резидентами на участке 30-й дивизии был член партии с 1902 года В. А. Иванченко, в 29-й дивизии — член партии с 1905 года А. А. Пастаногов, а в Особой бригаде — ее комиссар М. Н. Миков¹. Первые двое были освобожденными сотрудниками отделения, а Миков продолжал выполнять обязанности комиссара. Под его руководством работу вел специально освобожденный от должности комиссара полка Н. П. Терентьев. Он и сам неоднократно переходил линию фронта, благополучно возвращался, принося ценные сведения для командования 3-й армии².

Для бюро ЦК и отделения на всем протяжении их деятельности сложной и первостепенной проблемой было получение и вручение отправляющимся во вражеский тыл коммунистам явок в подпольные организации Урала и Сибири. На первых порах бюро пользовалось в основном явками, которые осенью 1918 года оставил в ЦК А. Я. Валек. Среди них были явки в Томск, Омск, Красноярск, Иркутск, Челябинск. Некоторые явки были к руководящим подпольным работникам Сибири В. С. Митряеву, К. М. Молотову, М. М. Рабиновичу и др.³

Позднее бюро ЦК и отделению были сообщены явки курьерами, посылавшимися через линию фронта сибирским подпольным центром и местными организациями. После ряда крупнейших провалов на Урале и в Сибири весной 1919 года бюро оказалось в особо трудном положении. Крайне опасно

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 263, 264; д. 2211, л. 2.

² Партийный архив Пермского обкома КПСС, ф. 90, оп. 3, д. М-20 (Воспоминания М. Н. Микова).

³ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 636, л. 24, 25.

было давать прежние явки, так как они могли быть проваленными, и в то же время почти бесполезно было посылать работников без явок. немало коммунистов вынуждено было вернуться, так и не добившись встречи с представителями подпольных организаций.

Переправа коммунистов через линию фронта отделением бюро производилась на участках дивизий и Особой бригады, входивших в 3-ю армию, где постоянно находились резиденты. Особенно часто отделение пользовалось северным участком Восточного фронта, часть которого занимала Особая бригада. Отделение иногда прибегало и к помощи политработников 2-й армии¹.

Организация переправы коммунистов Сибирским бюро была несколько иной. К этой работе здесь также привлекались политработники и командиры. Однако непосредственными исполнителями операций по переправе коммунистов за линию фронта были разъездные сотрудники А. Я. Бакаев, М. И. Шмидт (Эзерман), Гольцман и др. Они в первые же недели работы бюро нащупали участки, наиболее удобные и безопасные для перехода. В январе — феврале 1919 года сделать это было нетрудно, так как сплошной линии фронта на участке 5-й армии в то время не было. В докладе Центральному Комитету партии о работе Сибирского бюро за январь месяц отмечалось: «В уфимском направлении нами организуются две границы (то есть линии, направления. И. П.), через которые пойдет вся работа»²

Оба указанных участка находились юго-восточнее Уфы в районе сел Никольского и Темясова. От них на десятки километров в глубину вражеского тыла в селах создавались пункты-явки у надежных местных крестьян. Коммунисты от линии фронта сопровождалась проводниками иногда до крупных центров (Златоуста, Челябинска) Одним из проводников южной линии переправы (в районе Темясово) был местный крестьянин Ит-Мухамет Мижавиров. Помогали бюро ЦК и другие крестьяне-башкиры. В районе Никольского в качестве проводников также привлекались местные крестьяне и рабочие Симско-Миньярского заводского района.

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 883, л. 28, 29, 43, 52; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 5.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 1.

Около месяца успешно использовались обе линии переправы, но затем в конце февраля начались осложнения. В связи с усиленной подготовкой колчаковцев к весеннему наступлению на фронт стали прибывать новые белогвардейские части. Обнаженные участки фронта заполнялись. В самых что ни на есть медвежьих углах стали появляться заставы и разъезды. В дальнейшем в каждом отдельном случае приходилось отыскивать новые относительно безопасные пункты по фронту 5-й армии.

В материалах бюро и отдельных воспоминаниях участников революционной борьбы против Колчака встречаются сведения о том, как осуществлялся переход линии фронта, какие огромные трудности приходилось преодолевать коммунистам. Одними из первых в конце января 1919 года во вражеский тыл были направлены питерский рабочий И. Б. Борисов (Цветков) и один из старейших членов миньярской организации большевиков — К. М. Туманов. Переправа через линию фронта была возложена на А. Я. Бакаева. До Аша-Балашевского завода Туманов добрался лишь через два дня после прибытия туда Борисова (будучи задержан в прифронтной полосе, он сумел скрыться). По его прибытии Борисов был отправлен в Златоуст. Пробыв некоторое время в Аше-Балаше, Туманов благополучно доехал до Миньяра¹.

Но случалось и иначе. Отделением бюро весной 1919 года была подготовлена и переправлена группа коммунистов для работы в Екатеринбурге во главе с членом партии с 1905 года П. И. Смирновым. По прибытии в Екатеринбург он должен был установить связь с местным подпольем, если таковое окажется, создать крупную организацию, отыскать склады оружия, оставленные летом 1918 года, подготовить в городе вооруженное восстание и поднять его в момент приближения фронта.

Помимо П. И. Смирнова в группу вошли коммунисты, находившиеся до того на ответственной партийной работе в Вятке, — В. М. Лифанов, С. Г. Грачев, Г. Е. Иванов, а также В. П. Андреева. Группа перешла линию фронта, но была задержана в расположении Чердынского полка. Один из белогвардейцев, обыскивавший Андрееву, нашел у нее в при-

¹ ИАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 11, оп. 1, д. 1213, л. 120, 190; д. 1252, 12; д. 585, л. 22, 23; ПАСО, ф. 41, л. 84—87.

ческие искусно спрятанные документы: мандат отделения бюро, выданный П. И. Смирнову, явки в Екатеринбург к В. П. Мельникову, А. П. Ярцевой, С. Д. Морозовой и к Г. Л. Гудыреву в Уфалей. В складках кофточки и сорочки у Андреевой были обнаружены инструкции, пароли и пр. Белогвардейцы бросили Андрееву в пермскую тюрьму, а П. И. Смирнова, В. М. Лифанова, С. Г. Грачева и Г. Е. Иванова расстреляли. Используя полученные в связи с арестом этой группы сведения, белогвардейцы произвели несколько арестов, повысили бдительность в прифронтовой полосе, в том числе и на северном участке фронта¹.

Отправка коммунистов во вражеский тыл раньше была начата Сибирским бюро, нежели его отделением. В конце января через линию фронта помимо Туманова и Борисова были переправлены А. И. Катунин и Тренин (Алексеевский). Катунин прибыл в Уфу из Москвы, имея поручение от Наркомата по иностранным делам, и направлялся в Благовещенск. В Сибирском бюро ему дали дополнительные поручения и 50 тысяч рублей для передачи подпольному центру в Омске. С такой же суммой денег для работы в Челябинске и Златоусте был направлен Алексеевский. В район между Челябинском и Екатеринбургом для работы были посланы Филиппов и Удалов. В резерве для посылки на Урал и в Сибирь бюро в начале февраля имело З. И. Лобкова и прибывшего из Челябинска для связи М. С. Иванова, а также Гольцмана, курьера (по-видимому А. Я. Михееву) и подбравшихся в Уфе коммунистов Симско-Миньярского заводского района².

С первыми переправленными через фронтную линию коммунистами Сибирское бюро передало ряд важных общих и конкретных указаний членам ЦК РКП(б) Сибири. Некоторые из них явились результатом анализа материалов, поступивших в бюро в середине января из Сибири. Были доставлены краткий доклад Сибирского ЦК, резолюции 1-й Общесибирской (2-й Сибирской) нелегальной большевистской конференции и письмо Б. З. Шумяцкого в ЦК РКП(б) Сибири «Наши задачи». Доклад ЦК, решения конференции,

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 143, 144, 150—153, 163; ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1433, л. 2—5.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 1, 2; д. 585, л. 23.

устное сообщение курьера о положении в подпольных организациях и в тылу колчаковской армии вообще свидетельствовали о подъеме революционного движения, решимости коммунистов к дальнейшей борьбе против Колчака и интервентов. Все это находилось в явном противоречии с письмом Шумяцкого. Сибирское бюро разобралось в сущности спора между коммунистами Сибири и этим оппортунистом. Члены Сибирского бюро пришли к выводу, что Шумяцкий совершенно неправильно характеризует положение в Сибири, позиции эсеров и меньшевиков, отстаивает антипартийные взгляды по вопросу об отношении к ним. Вместе с тем, высказываясь против соглашений, тем более объединения с обанкротившимися эсерами, бюро ЦК полагало, что их поиски связей с коммунистами, своего рода капитуляцию, необходимо использовать для усиления натиска на контрреволюцию.

Сибирское бюро, проанализировав решения подпольной конференции, нашло нужным указать на имеющиеся в них недостатки и потребовать от руководителей подполья внести в тактику некоторые коррективы. В отчете Сибирского бюро в ЦК партии за январь 1919 года сообщалось: «Во-первых, предложили изменить название ЦеКа на областной комитет, работающий под руководством бюро ЦК; во-вторых, высказались против эксов, индивидуального террора и изолированных в глубоком тылу восстаний рабочих и солдат в городах и предложили поддерживать крестьянские восстания в деревнях, а восстания рабочих и солдат в городах и заводах поднимать в близком тылу в связи с военными действиями; в-третьих, использовать капитуляцию с.-р. в военно-техническом смысле и дать отпор развращающему влиянию направления Шумяцкого»¹.

Подпольные организации Сибири и Урала поступали, как правило, именно так, как предлагало Сибирское бюро ЦК. Но по-прежнему другой точки зрения придерживался Шумяцкий. Он не считался с мнением и волей сибирского под-

¹ ПАНУ, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 2. Цитируемый доклад Сибирского бюро был опубликован в сборнике «Партизанское движение в Западной Сибири в 1918—1919 гг.», стр. 29—32; «Партия в период

иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.)». М., 1964 (стр. 135, 136). Но при публикации допущены отдельные неточности, искажения подлинника.

польного центра, решениями 1-й Общесибирской подпольной конференции. Шумяцкий продолжал поддерживать тесные связи с обанкротившимися лидерами сибирских эсеров. Получив решительный отпор от подпольного центра и местных комитетов, 8 декабря он пишет письмо, адресованное Центральному Комитету, В. И. Ленину, и направляет его через линию фронта с одним из эсеров. Из Уфы письмо через местный ревком было отослано в Москву. Еще до передачи письма в ЦК эсеры сняли с него копию, и 10 февраля 1919 года это письмо под тенденциозным заголовком «Крик сознания, совести и чести» с предосланным ему эсеровским вступлением появилось в меньшевистской «Газете печатников»¹

Поскольку письмо увидело свет и в нем делались выпады на политический курс Коммунистической партии, Центральный Комитет решил дать отповедь автору письма. В «Правде» за 13 февраля появилась статья видного деятеля партии Е. М. Ярославского под названием «Крик неверия — крик измены». В статье указывалось на неправильные сведения Шумяцкого о положении в Сибири, выдвигалась задача вести трудящимся в тылу Колчака дальнейшую смелую и решительную борьбу, отвергались капитулянтские предложения о создании единого «республиканско-демократического фронта» с предателями и врагами революции.

Сообщая сибирским и уральским коммунистам о позициях ЦК РКП(б) по отношению к мелкобуржуазным партиям, выдвигая задачи непримиримой борьбы со взглядами Шумяцкого и его сторонников, Сибирское бюро ЦК содейство-

¹ Л. М. Спири́н в статье «О деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б) в годы гражданской войны» («Вопросы истории КПСС», 1961, № 2, стр. 108) пишет, что члены Сибирского бюро, находившиеся тогда (в январе 1919 года) в Москве, были ознакомлены с этим письмом и получили от ЦК указание «объяснить коммунистам Сибири всю пагубность предложений Шумяцкого и тех, кто его поддерживал». Это высказывание Л. М. Спири-

на основано на недоразумении. В январе 1919 года членов бюро ЦК в Москве, как показано выше, не было, следовательно, они не получали и тех указаний от ЦК, о которых пишет автор статьи. Члены Сибирского бюро познакомились с позициями, взглядами Шумяцкого, будучи в Уфе по совершенно другому письму («Наши задачи»). В дальнейшем членам бюро стало известно и о письме Шумяцкого к В. И. Ленину.

вало дальнейшему совершенствованию тактики революционной борьбы, которую под руководством коммунистов вели трудящиеся Урала и Сибири.

Сибирское бюро продолжает посылать туда одного коммуниста за другим. В феврале в Омск направляется молодая петроградская коммунистка А. Я. Михеева. Затем в Челябинск выехал З. И. Лобков. Ему давались большие полномочия. В докладе бюро Центральному Комитету РКП(б), написанному в 20-х числах февраля, сообщалось: «Челябинск должен стать руководящим центром уральской и западносибирской работы»¹.

Делая ставку на челябинскую подпольную организацию как центр, вокруг которого должны сплачиваться подпольные организации всего Урала и отчасти Сибири, бюро ЦК решило усилить позиции коммунистов в Златоусте, который на пути к Челябинску занимал важное стратегическое положение.

Бюро 18 февраля направляет в Златоуст И. И. Антонова — работника особого отдела 5-й армии, совсем еще юного (девятнадцатилетнего), члена партии с 1918 года. Он должен был создать в Златоусте партийный комитет из четырех-пяти человек, причем особо важное значение придавалось организации военно-боевой работы².

Разработка задания для И. И. Антонова — документ, свидетельствующий о том, как верно подмечали члены Сибирского бюро ЦК характерные особенности положения в колчаковском тылу, насколько глубоко продуманными были их конструктивные установки. Антонов благополучно перешел линию фронта, заехал для связи в Челябинск, прибыл в Златоуст и, став одним из руководителей местной подпольной организации, успешно выполнил задание Сибирского бюро.

Бюро ЦК уже за первые полтора-два месяца работы направило в Сибирь и район Челябинска несколько десятков опытных работников и курьеров, снабдив их деньгами на развертывание работы. Некоторым из них были вручены крупные суммы для передачи партийным комитетам³.

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 635, л. 8.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 15.

³ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 22;
см. «Партия в период иностран-

ной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.)», стр. 340.

Сибирское бюро направляло в белогвардейский тыл немалое количество печатных изданий. Особое значение для мобилизации трудящихся масс на борьбу с Колчаком имели три листовки, выпущенные в середине февраля 1919 года¹. Все они представляли собой единую серию и адресовались прежде всего к самым широким трудящимся слоям населения — к рабочим, крестьянам и казакам, а также к солдатам колчаковской армии. Листовки, изданные за авторитетной подписью Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б), в тысячах экземпляров переправленные за линию фронта, сыграли большую роль в политическом просвещении населения и солдатских масс, раскрывая им глаза на ту пропасть — войну против трудящихся центральных районов страны, в которую их толкала реакция, и подняли дух сторонников Советской власти.

Реввоенсовет 5-й армии, с которым Сибирское бюро было тесно связано, рассчитывал с наступлением весны развить новое наступление вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги. В план разрабатываемой операции органически вплетались вооруженные восстания в ближайшем тылу противника. В докладе Сибирского бюро Центральному Комитету партии, написанном в начале февраля, отмечалось: «Особое внимание нами в данный момент уделяется району Уфа — Златоуст, где расположен ряд заводов, рабочие которых вполне на нашей стороне. Усиление внимания и работа в этом районе диктуются и тем, что фронт близок подходит к этим заводам и со стороны рабочих может быть оказана большая помощь войскам пятой армии (разведка, партизанские отряды в тылу, восстания, взрывы, предотвращение взрывов неприятелем в узком коридоре железной дороги между Аша-

¹ Все три листовки имеются в ПАНО (ф. 5, оп. 2, д. 587, л. 1—3; д. 589, л. 1). Две из них хранятся также в ПАСО (ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 11, 13). Они опубликованы (по материалам ПАНО) в сборнике «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)» (стр. 57—59 и 114—115) и частично в ряде других сборников, однако с искажениями и ошибочной датировкой.

В материалах Сибирского бюро имеются дневник работы за февраль месяц и ряд других документов, позволяющих установить точные даты выпуска листовок. 13 февраля были выпущены листовки «Вставай, подымайся, рабочий народ!» и «Солдаты и казаки», 14 февраля — «Ко всем мобилизованным уральским рабочим и крестьянам» (ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 7).

Балашевской и Мурсулимской); для этой работы мы подбираем рабочих этих заводов, которые делают дорогу по тропинкам, им одним известным, связываются с заводами и организуют руководящую ячейку в этом районе»¹.

С середины февраля Сибирское бюро главное внимание сосредоточило на подготовке вооруженного восстания, предупреждении стихийных выступлений и выводе скрывавшейся в лесах молодежи в распоряжение 5-й армии. 14 февраля бюро проводит совещание с находившимися в Уфе южноуральскими рабочими. Было решено организовать штаб, который всеми мерами должен содействовать боевым успехам 5-й армии. Для формирования штаба и организации всей работы по подготовке благоприятных условий для наступления 5-й армии решили послать в Миньяр группу коммунистов во главе с В. П. Заикиным. Вместе с ним должны были пойти Е. Е. Энтальцев и М. В. Летучев. Группе поручалось встретиться в Миньяре с К. М. Тумановым и руководителями миньярской подпольной организации. Задачи штаба определялись следующим образом: 1) установить постоянную связь штаба с Сибирским бюро; 2) объединить в боевые единицы скрывающихся в лесах призывников и дезертиров колчаковской армии; 3) наметить пункты сбора для них и разработать систему сигнализации; 4) создать ряд продовольственных пунктов; 5) точно выяснить количество, вид оружия, места его хранения подпольщиками и вооружить им создаваемые отряды; 6) всеми мерами мешать отправке мобилизованных из района южноуральских заводов².

16 февраля группа Заикина, вооруженная наганом и бомбами, выехала к линии фронта поездом. Доехав до станции Тавтиманово, Заикин, Энтальцев и Летучев кратчайшим путем благополучно пришли в Миньяр. Попутно они доставили туда большой транспорт литературы — 15 тысяч только что изданных Сибирским бюро листовок, много номеров газет «Правда» и «Известия»³.

К моменту прихода в Миньяр группы Заикина местным подпольным комитетом и Тумановым была проделана большая организационная работа по сплочению коммунистов и скрывавшихся рабочих. Молодежь, подлежавшую мобилиза-

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 1, 2.

³ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 9.
ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 9.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 9;

ции, по согласованию с Сибирским бюро решили отправлять через линию фронта в 5-ю армию. Через неделю после прибытия в Миньяр Туманова был организован и направлен в 5-ю армию отряд коммунистов и беспартийных рабочих-миньярцев в составе 39 человек, вооруженных 9 винтовками и 12 бомбами. 14 февраля отряд был уже в Уфе, его представители в тот же день встретились с членами Сибирского бюро¹.

Через неделю вслед за этим отрядом отправляется группа миньярцев в полтора десятка человек, преимущественно коммунисты, бывшие ответственные советские работники. С ними вместе вернулись в Уфу Заикин, Энтальцев и Летучев.

Бюро ЦК обогатилось новыми и разнообразными сведениями о положении во вражеском тылу, причем не только в Миньяре, но и на многих других заводах и в городах, в том числе и Златоусте. Все рабочие просили направить их в ряды Красной Армии и быстрее послать в бой. Но бюро решило привлечь их к выполнению задуманной операции по организации восстания в тылу белых и направило обратно всю группу Заикина с новым заданием².

Для обеспечения перехода скрывающейся от мобилизации молодежи в распоряжение 5-й армии в Миньяре развернулась бурная деятельность коммунистов и комсомольцев при участии К. М. Туманова.

Практическое выполнение плана было возложено на молодого коммуниста бывшего члена Уральского обкома Союза социалистической рабочей молодежи Василия Грачева. В короткое время были изготовлены лыжи, извлечены из тайников оружие и боеприпасы. В назначенный срок молодые рабочие стали перебираться из поселков в лес к сборному пункту у Моховых углежогных печей. Всего собралось до 180 человек, но осталось около 170: всех, кто был без лыж, отправили обратно. Командиром отряда становится К. М. Туманов, комиссаром — В. Грачев. Примерно каждый второй в отряде имел винтовку, некоторые были вооружены револьверами и гранатами. Многие, рассчитывая на быстрый пере-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 77, л. 232; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 7, 8.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 16.

ход через линию фронта, продуктов питания взяли не более чем на сутки-двое¹.

26 февраля отряд тронулся в путь. Погода не благоприятствовала переходу. Вначале была оттепель, падал мокрый снег. Пробирались по бездорожью, по глубокому снегу, через крутые горы, чащобы, в обход сел и деревень. Лыжи приходилось то и дело снимать, идти, проваливаясь в снег по колено, а порой и по пояс. Все вымокли, хоть выжимай. И вдруг ударил сорокаградусный мороз. Одежда лыжников покрылась ледяной коркой. Коченели руки и ноги, сводило суставы. Мороз обжигал лицо, затруднял дыхание. Промерзали до костей.

Не спасала и быстрая ходьба, к тому же на нее не хватало сил. Люди страдали не только от мороза, но и от голода: через два дня похода кончились продукты. Положение стало ужасным. Пять суток продолжался этот двадцатикилометровый переход!

В районе Тереклы авангардная группа отряда неожиданно наткнулась на белогвардейцев. Начался неравный бой. Некоторые изможденные, замерзшие рабочие не в состоянии были даже снять с плеча винтовку, они шли за товарищами в состоянии полузабытья, пока не падали в снег, потеряв сознание. Врагу удалось захватить в плен несколько человек. Часть авангарда сумела скрыться в лесу.

Услышав шум боя, отряд свернул в сторону и избежал столкновения с белогвардейцами.

Встреча с войсками 5-й армии произошла в селе Никольском. Но не всем суждено было пережить радость этой встречи: в дороге погибло или попало в руки врага около 15 человек, а еще 10 настолько обморозились, что почти все стали инвалидами².

4 марта во фронтовой сводке по 5-й армии было отмечено, что из Миньярского завода перешел вооруженный отряд, в котором было 150 рабочих. Миньярцы были настоящими героями, людьми удивительной стойкости и воли к победе.

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, л. 136, 190; д. 1252, л. 89—105, 140; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 16; ЦГАОР ф. 1248, оп. 1, д. 13, л. 94.

² ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 82, 83; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1760, л. 11, 12; см. также «Коммунисты Урала в годы гражданской войны», стр. 256.

Всего в февральские дни в Уфу пришло более 200 миньярцев, десятки аша-балашевцев и симцев. Переходили также и молодые крестьяне¹. В дальнейшем почти всем им довелось вместе сражаться в рядах Красной Армии.

В феврале же началось формирование специального отряда лыжников, главным образом рабочих Миньярского, Аша-Балашевского и Симского заводов. Командиром отряда был назначен С. Д. Павлов. Численность отряда в начале марта достигла 270 человек. Он был хорошо вооружен, в частности имел не менее восьми пулеметов. В тыл колчаковских войск он должен был пройти на участке 2-й бригады 26-й стрелковой дивизии 5-й армии.

8 марта отряд прибыл на указанный ему участок. Ночью ему предстояло пройти в горы. Но в этот день выяснилось, что вражеская Западная армия, перешедшая за два дня до того в наступление, вынудила соседнюю 27-ю стрелковую дивизию отступить.

В тяжелом положении находилась и 26-я дивизия. В связи с нависшей угрозой прорыва противника на участке 2-й бригады отряд Павлова был передан в распоряжение командования 26-й дивизии. В упорных оборонительных боях отряд понес огромные потери: 9 апреля в нем осталось только 60 человек².

Положение на Восточном фронте осложнилось. Сибирское бюро было ликвидировано. Судя по некоторым документам, на этом настоял Троцкий, который в то время был председателем Высшего военного совета республики. Членам бюро, находившимся в Белебее, 22 марта 1919 года была послана телеграмма. В ней сообщалось, что в ЦК РКП(б) принято постановление всех работников бюро влить в Красную Армию впредь до изменения положения на фронте, после чего они могут возобновить свою деятельность³.

Ф. И. Голощекин был назначен членом Реввоенсовета Туркестанской армии. Сотрудники бюро получили назначение на военно-политическую работу в 5-ю армию (например, Д. К. Гончарова работала в одном из запасных полков).

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 10.

² Там же, л. 11; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 9, 20.

³ См. Л. М. Спиринов. О деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б) в годы гражданской войны. — «Вопросы истории КПСС», 1961, № 2, стр. 101.

С этого времени Сибирское бюро как коллективный орган в течение двух с лишним месяцев не функционировало. Некоторую работу в этот период вел лишь И. Н. Смирнов, будучи членом Реввоенсовета 5-й армии¹.

При отступлении советских войск Сибирское бюро и Реввоенсовет 5-й армии по договоренности с местными партийными комитетами оставляли в Уфе и других городах, в поселках и селах группы коммунистов и сочувствующих Советской власти рабочих и крестьян для нелегальной работы в тылу противника. Об их успешной деятельности говорится и в некоторых документах штаба 6-го корпуса колчаковской армии, причем белогвардейцы отмечали трудности борьбы с подпольщиками Уфы, так как их поддерживало и укрывало население города².

После временной ликвидации Сибирского бюро поднялась роль его отделения. Оно не только не прекращало, но и усилило в этот период всю работу. Она стала более разносторонней и плодотворной. На первых порах мешали его работе большие трения между членами отделения и К. М. Ракаем, претендовавшим на роль руководителя. В середине марта по требованию Ф. И. Голощекина Ракай сдал все дела и отправился в Москву для отчета в ЦК о своих действиях. После его отъезда работа отделения стала более слаженной.

23 февраля отделение выпускает первый (и единственный) номер специальной газеты «Пламя восстания». Газета была издана как «орган Урало-Сибирского бюро ЦК РКП». Ее название говорит само за себя: газета должна была способствовать развитию революционного движения в тылу белогвардейцев. Весь материал пронизывала идея неизбежности победы Красной Армии над контрреволюцией. Трудящиеся и солдаты колчаковской армии призывались к организованному вооруженному восстанию. Газета «Пламя восстания», изданная во многих тысячах экземпляров, распространялась в тылу врага и среди солдат колчаковских войск посланцами отделения Урало-Сибирского бюро и политических отделов 3-й и 2-й армий.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 10, 11; ф. 124, оп. 2, д. 672, л. 3—14; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 13.

² ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 122.

Поскольку отделение взяло на себя руководство большевистским подпольем не только на Южном Урале, но и в значительной части Сибири, стало посылать и туда партийных работников, оно как бы заместило бюро, продолжало начатое им дело в меру своих возможностей. По-видимому, это произошло не стихийно, а было согласовано с ЦК партии и членами бюро ЦК. Весной члены отделения поддерживали связь не только с И. Н. Смирновым, но и с Ф. И. Голощекиным. Члены отделения и сотрудники стали посылать доклады, обращаться за помощью и директивными установками непосредственно в Центральный Комитет партии. Они выезжали в Москву для встречи с членами и сотрудниками ЦК¹.

Подтверждением того, что отделение заместило бюро, взяв на себя его функции, и так или иначе получило на это санкцию от членов бюро и ЦК партии, может служить документ от 27 марта 1919 года о том, что ЦК РКП командирует В. И. Хотимского в Вятку «в распоряжение Сибирско-Уральского бюро ЦК согласно предложению т. Голощекина»².

Тогда же, с первой половины апреля, отделение и само стало именоваться Урало-Сибирским бюро ЦК РКП(б) Разработанные в момент реорганизации отделения документы названы: «Общая схема организации Урало-Сибирского бюро», «План организации Военного подотдела Урало-Сибирского бюро РКП» Официальные письма, доклады оформляются с этого времени от имени Урало-Сибирского бюро. Была изготовлена и соответствующая печать. Отделение в инструкциях своим работникам ставит задачу организации и руководства подпольной работой на Урале и в Сибири³.

В результате перестройки работы отделения его функции, задачи, район действий значительно расширились. Все большее внимание уделяется Сибири. Из Вятки в Омск и другие сибирские города направляются коммунисты для постоянной, в том числе и руководящей, организаторской работы, хоодоки, разведчики. Отделение стремилось установить связи с Си-

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 52, 78, 101; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 48, 49.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 117

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 117; д. 883, л. 20; ф. 221, оп. 2, д. 106, л. 106, 217—221.

бирским областным подпольным комитетом, прервавшиеся после весеннего провала большевистских организаций. Для объединения подпольной работы в масштабах всего Урала и Сибири к отправке в колчаковский тыл стал готовиться член отделения С. Ф. Баранов. Центральный Комитет партии направляет в Вятку видных партийных работников для засылки на постоянную работу в Сибирь.

5 апреля отделение принимает решение о создании военного отдела. Заведование отделом поручается М. А. Беляеву, который в связи с этим был кооптирован в состав отделения бюро ЦК. Подбор работников и определение плана и методов действий «в целях сохранения строго партийного характера всего дела» отделение оставило за собой¹. Отделу поручалась прежде всего военная разведка.

План работы военного отдела отделения бюро ЦК, в официальных сношениях именованного контрольным отделом Военного совета 3-й армии, стал претворяться в жизнь сразу же после принятия постановления о его создании. Начиная с 9 апреля в тыл врага направляются отдельные лица и группы работников, подготовленных военным отделом².

Первые два-три месяца работы Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК и его отделения дали чрезвычайно большие результаты. Руководство подпольными организациями на Урале и в Сибири со стороны ЦК партии стало более оперативным. Сибирско-уральскому центру, некоторым местным нелегальным большевистским организациям стали доставляться средства, литература, информация. Но особенно важное значение имело усиление помощи подпольным организациям кадрами и конкретными директивными установками, разработанными в ЦК партии и в бюро с учетом опыта революционной борьбы коммунистов в тылу колчаковской армии, применительно к условиям, в которых приходилось действовать.

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 885, л. 4; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 48, 49. В документах, причем в одних и тех же, военный отдел называется и подотделом (ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 106, л. 218—221; ф. 41, оп. 1, д. 883, л. 1; д. 885, л. 4). Но в таком важном доку-

менте, как «Общая схема организации Урало-Сибирского бюро», во всех случаях речь идет о военном отделе наряду с хозяйственным и паспортным.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 152.

4 Весна 1919 года. VIII съезд партии. 2-я Общесибирская (3-я Сибирская) подпольная конференция РКП(б)

Временная ликвидация Сибирского бюро ЦК РКП(б), значительное ослабление весной 1919 года связей с подпольным центром и местными организациями Сибири были непосредственно связаны с ухудшением положения советских войск на Восточном фронте, наступлением армии Колчака. С наступлением весны положение Советской республики ухудшилось. Международная реакция усиливала натиск на революционную Россию. Провал отчаянных попыток империалистов задуть Советскую республику зимой 1918/19 года не охладил их пыла и реакционных устремлений. Усиливая злобную кампанию лжи и клеветы на Коммунистическую партию и Советскую Россию, империалисты развернули подготовку нового наступления на многочисленных фронтах. Был задуман комбинированный поход, который по замыслу интервентов и белогвардейцев должен был привести к разгрому Красной Армии, захвату Москвы и Петрограда.

Основной удар наносил советским войскам Колчак. Ему оказывалась огромная военная помощь. Масса оружия, боеприпасов и снаряжения поступала из Соединенных Штатов Америки: в 1919 году в восточные районы страны из США было завезено около 400 тысяч винтовок, 1 тысяча пулеметов, много орудий, сотни миллионов патронов и миллионы снарядов, 2 миллиона пар обуви и другое военное имущество¹. Непрерывным потоком в Сибирь поступали оружие, боеприпасы, обмундирование из Англии, Франции, Японии. В 1918—1919 годах правительства этих четырех стран доставили белогвардейцам и белочехам на востоке страны до миллиона одних только винтовок. Общая численность войск интервентов на Дальнем Востоке, в Сибири и на Урале достигла 130 тысяч солдат и офицеров. Колчаковская армия, вскормленная и до зубов вооруженная международным империализмом, к началу весны 1919 года стала наиболее сильной и многочисленной из всех белогвардейских армий:

¹ См. Л. М. Спирин. Разгром армии Колчака, стр. 89—90.

в ней насчитывалось более 400 тысяч человек и она продолжала увеличиваться.

4—6 марта 1919 года колчаковские войска перешли в наступление. К середине марта Колчак имел в первой линии фронта 112 тысяч пехотных и кавалерийских войск при 764 орудиях против 96 тысяч штыков и сабель при 377 орудиях Красной Армии¹. Используя численное превосходство в живой силе и огневых средствах, враг продвигался на запад. Стойко оборонялись советские войска, но не выдержали напора превосходящих сил противника и стали отступать. В марте — первой половине апреля колчаковцы захватили Уфу, Стерлитамак, Белебей, Бирск, Оханск, Воткинск, Сарапул и другие города. Враг вновь оказался в непосредственной близости от Волги. Нависла опасность над Казанью, Симбирском и Самарой.

В марте перешел в наступление Деникин. Активизировались белогвардейцы и интервенты на других фронтах. Колчаковская и иностранная буржуазная пресса в один голос трубила о разгроме Красной Армии, о скорой гибели Советской власти.

Партия и правительство принимали решительные меры для отпора врагам, для разгрома белых армий. Огромное значение в сплочении трудящихся вокруг Коммунистической партии, ее местных, в том числе и подпольных, организаций, в повышении военной мощи страны и усилении натиска на белогвардейцев и интервентов сыграли решения VIII съезда партии.

Съезд состоялся в Москве 18—23 марта 1919 года. По важнейшим вопросам повестки дня — по отчету ЦК РКП(б), о программе партии и о работе в деревне — с докладами выступил В. И. Ленин.

В принятой съездом новой программе определялись задачи партии как руководящей силы в системе диктатуры пролетариата на весь переходный период от капитализма к социализму в государственном, хозяйственном и социально-культурном строительстве. Это была первая в истории мирового рабочего движения программа построения социализма. Она имела не только общероссийское, но и между-

¹ См. «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 43.

народное значение, ибо дала сильнейший материал для пропаганды и агитации коммунистов во всем мире за общее дело пролетариата — свержение господства класса капиталистов.

VIII съезд РКП(б) уделил исключительное внимание вопросу об отношении к среднему крестьянству. По предложению В. И. Ленина был провозглашен курс на прочный союз рабочего класса с середняком при опоре на бедноту. В связи с поворотом середняцких масс деревни на сторону Советской власти политика нейтрализации по отношению к ним перестала отвечать задачам времени. Союз с середняком, составлявшим основную массу крестьянства того периода, позволял успешно решать задачи борьбы с кулачеством и со всеми классовыми врагами Советской власти.

Ленинская установка на союз с середняком, выдвигавшаяся еще в 1918 году, новый лозунг партии по крестьянскому вопросу имели для Урала и Сибири, как и для всей страны, очень большое значение. Они ускорили формирование военно-политического союза рабочего класса и всего трудящегося крестьянства в тылу колчаковской армии и содействовали бурному нарастанию революционной борьбы в деревне.

Большое место в работе VIII съезда партии занял военный вопрос. В резолюции «По военному вопросу», принятой съездом, было сказано, что советский народ победит интервентов и белогвардейцев, если Красная Армия будет регулярной, с железной дисциплиной и централизованным управлением. Выдвинув задачу улучшения партийно-политической работы в Красной Армии, съезд с особой силой подчеркнул роль военных комиссаров, которая тем более значительна, если проводится при опоре на партийные ячейки.

Решения VIII съезда РКП(б) сыграли огромную роль в укреплении Советского государства и повышении роли Коммунистической партии, что обеспечивало успех дальнейшей борьбы против объединенных сил внутренней и внешней контрреволюции. Эти решения имели важное значение и для коммунистического подполья в тылу противника, усиления революционной борьбы масс. Однако во многие организации информация об этих решениях доходила с большим опозданием.

В обстановке продолжавшегося наступления Колчака, 10 апреля 1919 года В. И. Ленин обратился к рабочим Петрограда с письмом, в котором отмечал, что положение на Восточном фронте крайне ухудшилось, надвигается грозная опасность. Он призывал мобилизовать все силы на отпор врагу. Спустя два дня были опубликованы написанные Лениным «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта», явившиеся боевой программой борьбы с Колчаком. Центральный Комитет партии призвал всех коммунистов и трудящихся принять самое активное участие в обороне страны, поддержать объявленную накануне мобилизацию в Красную Армию, в прифронтовой местности вооружить поголовно всех членов профсоюзов, усилить агитацию среди красноармейцев и мобилизуемых, заменить мужчин-служащих женщинами, учредить на местах бюро помощи и комитеты содействия проведению мобилизации, снабжению советских войск и т. д. «Мы можем победить Колчака, — говорилось в тезисах. — Мы можем победить быстро и окончательно, ибо наши победы на юге и ежедневно улучшающееся, изменяющееся в нашу пользу международное положение гарантируют нам окончательное торжество.

Надо напрячь все силы, развернуть революционную энергию, и Колчак будет быстро разбит. Волга, Урал, Сибирь могут и должны быть защищены и отвоеваны»¹.

Боевой клич партии был горячо подхвачен широкими слоями трудящихся Советской республики. Были проведены партийная, профсоюзная и комсомольская мобилизации, давшие фронту десятки тысяч выдержанных и преданных пролетарской диктатуре бойцов. На Восточный фронт направлялись оружие и боеприпасы, обмундирование и продовольствие.

Обстановка на Восточном фронте уже во второй половине апреля коренным образом изменилась. Наступление Колчака захлебнулось. Повысили активность подпольные большевистские организации Урала, Сибири, Дальнего Востока. В каждодневной упорной борьбе с интервентами и колчаковщиной, в условиях быстро меняющейся исторической

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 274.

Е. С. Федорова

обстановки они совершенствовали тактику и методы борьбы.

В то время, когда в Москве работал VIII съезд партии, в Омске 20—21 марта состоялась 2-я Общесибирская (3-я Сибирская) конференция РКП(б). На нее прибыло до 20 делегатов — 3 от ЦК РКП(б) Сибири, остальные от 11-ти крупнейших организаций Урала, Сибири и Дальнего Востока. На ней были представлены Челябинск, Тюмень, Омск, Новониколаевск, Томск, Красноярск, Иркутск, Верхнеудинск, Чита и Благовещенск¹ В докладе П. Ф. Парякова, написанном несколько позднее, кроме этих городов

указывается также Владивосток².

Полностью персональный состав участников конференции не установлен. Несомненно лишь, что на ней присутствовали А. А. Масленников, М. М. Рабинович и М. С. Русаков (от ЦК РКП(б) Сибири), П. А. Вавилов (от Омска), Е. С. Федорова (от Томска), В. С. Онучин (от Новониколаевска), А. В. Байков (от Красноярска), С. М. Рогозинский (от Челябинска), С. И. Дерябина (от Иркутска), А. П. Вагжанов (от Верхнеудинска), А. Н. Усов (от Владивостока)³. Из-за провала не смогли прибыть на конференцию

¹ См. «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 104.

² См. «Омские большевики в борьбе за власть Советов. 1917—1920 гг.», стр. 164. В литературе, как правило, приводятся сведения из доклада С. И. Дерябиной, написанного по памяти летом 1919 года. Она называет только

девять городов, упустив Тюмень и Читу.

³ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 627, л. 17; ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 565, л. 1; см. также «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 66, 67 и др. Поскольку С. М. Дерябина отмечала, что всего на конференции, включая членов ЦК РКП(б) Си-

В. Ф. Тиунов (от Барнаула) и делегат от курганской организации, которой также было передано приглашение.

Руководил конференцией А. А. Масленников. На повестку дня были вынесены такие вопросы: 1) отчет ЦК РКП(б) Сибири; 2) доклады с мест; 3) текущий момент; 4) о тактике; 5) о вооруженном восстании; 6) об агитации среди пролетариев восточных стран; 7) о терроре; 8) об отношении к выборам в органы самоуправления; 9) организационные вопросы (включая вопрос об уставе подпольных организаций РКП(б) Сибири и Урала), 10) об активных товарищах, уклоняющихся от партийной работы; 11) текущие дела; 12) выборы областного комитета РКП(б) ¹.

Решения конференции неоднократно анализировались в работах историков. Однако нам удалось обнаружить в архивах новые материалы, в числе которых доклад Сибирского подпольного ОК РКП(б) Сибирскому бюро ЦК партии о работе и решениях конференции. Мы остановимся лишь на отдельных вопросах и приведем некоторые новые документы.

Центральное место в работе конференции заняло обсуждение проекта резолюции «По вопросам тактики» По этому вопросу выступили многие делегаты, причем между ними выявились разногласия. В докладе членов избранного на этой конференции комитета Сибирскому (Урало-Сибирскому) бюро ЦК говорилось. «Некоторые ораторы склонны были считать сибирский фронт (то есть революционную борьбу трудящихся в колчаковском тылу. — И. П.) самостоятельным, а отнюдь не частью общего фронта, другие же имели тенденцию рассматривать омский фронт (то есть революционные выступления под руководством большеви-

бири, было до 20 человек, то можно предполагать, что некоторые организации были представлены двумя делегатами. Однако во всех случаях, известных нам, организации выбирали на конференцию по одному делегату (Челябинск, Томск, Иркутск, Барнаул, Красноярск).

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 602, л. 20; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 315, л. 198; см. также «Партизанское

движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 69. В повестке стоял также вопрос об образовании Забайкальского фронта, но в ходе работы конференции он был снят. Главному штабу было поручено срочно изучить этот вопрос и «дать практические указания работникам на местах» (ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 602, л. 20).

стского подполья в районе Омска — И. П.) как особо важный из всех сибирских фронтов, единственно могущий играть роль центрально-сибирского; третьи ораторы, подчеркивая японскую опасность, находили необходимым отметить в тезисах о тактике особую важность восточных сибирских фронтов и наметить главные задания подрывной работы на востоке»¹.

Возобладала точка зрения о том, что в Сибири существует «многоцентрие» революционной борьбы и что большие революционные возможности имеются и на различных ее окраинах. В дальнейшем, по мере развития партизанского движения и вооруженных восстаний в городах, эта точка зрения полностью подтвердилась.

Горячий интерес делегатов вызвал коренной пункт резолюции — о вооруженном восстании. Выступавшие требовали четкой и ясной формулировки о необходимости поддержки стихийно вспыхивавших восстаний на местах, о введении их в организованное русло и расширении «до размеров крупнорайонного, а если возможно, и всесибирского восстания». Коллективными усилиями проект резолюции был конкретизирован. Во-первых, оттенялась необходимость всемерной организации восстаний, во-вторых, четко проводилась идея вооруженного выступления трудящихся в масштабе всей Сибири или хотя бы в рамках «обширных районов», где могла быть восстановлена Советская власть².

Характеризуя положение в Сибири, расстановку классовых сил, конференция в резолюции (тезисах) «По вопросам тактики» вновь уделила много места крестьянству. Перед рабочими Сибири, Урала, Дальнего Востока ставилась задача всемерного укрепления военно-политического союза с трудящимся крестьянством, вовлечения последнего в революционную борьбу за восстановление Советской власти. Если в решениях 1-й Общесибирской конференции шла речь о союзе пролетариата с беднейшим крестьянством, о совместном выступлении с ним, то теперь выдвигалась

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 602, л. 20 (Доклад Сибирского ОК РКП(б) Сибирскому бюро ЦК). Документу предпослан иной заголовок — «3-я Сибирская конференция», но

по содержанию видно, что его составил областной комитет.

² Там же; см. также «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 78.

установка на союз со всем крестьянством, на использование всех промежуточных слоев населения. Под крестьянством имелись в виду бедняки и середняки (в одном из пунктов резолюции указывалось, что кулачество составляет опору буржуазии в деревне).

В некоторых тезисах резолюции «По текущему моменту» (как и в резолюции «По вопросам тактики») речь идет о том, что многочисленная мелкая буржуазия (в том числе и крестьянство) «перешла на сторону пролетариата». Этот вывод несколько опережал события. Еще не вся мелкая буржуазия города и деревни, не все среднее крестьянство Сибири перестали колебаться и перешли на сторону пролетариата. Поворот сибирского середняка на сторону Советской власти нарастал, но к середине марта 1919 года он еще не завершился. Мы не находим вывода о переходе середняцких масс в целом на сторону пролетариата в материалах VIII съезда партии. Накануне съезда В. И. Ленин указывал на поворот лишь «значительной части крестьянских масс в пользу Советской власти»¹. Нельзя признать удачной и характеристику пролетариата Сибири, который будто бы только «становится гегемоном». В действительности сибирский пролетариат был гегемоном революционных масс не только в марте 1919 года и в последующие месяцы, но и до того. Речь могла идти об усилении руководящей роли пролетариата, о вовлечении под его влияние новых широких слоев трудящихся города и деревни.

Решения 3-й Сибирской подпольной конференции во многом совпадали с решениями VIII съезда РКП(б). Хотя лозунга по крестьянскому вопросу конференция не сформулировала, не подчеркнула особого значения союза пролетариата и крестьянской бедноты, тем не менее все данные для таких выводов в резолюциях были заложены. Конференция как на главный метод революционной борьбы указала на «организованные вооруженные восстания рабочих, крестьянских и солдатских масс, имеющих целью установить в обширных районах, и если возможно, во всей Сибири Советскую власть»².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 31.

² «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 78.

В исторической литературе встречаются высказывания, которые сводятся к тому, что 3-я Сибирская подпольная конференция якобы дала установку на партизанскую крестьянскую войну. Хотя этого или не хотят авторы, но они рассматривают партизанское движение только как крестьянское. Так, М. И. Стишов, анализируя решения 3-й Сибирской подпольной конференции, пришел к выводу, что «через них красной нитью проходит одна главная мысль: развернуть предстоящей весной и летом 1919 года большую партизанскую войну против белогвардейской реакции и иностранной военной интервенции, поднять на эту войну самые широкие массы трудового крестьянства...». Он полагает, что это была «новая и вместе с тем единственно правильная тактическая линия сибирских большевиков»¹

Вольно или невольно М. И. Стишов принимает неправильную точку зрения, суть которой сводится к тому, что руководство революционной борьбой крестьянства и вовлечение его в партизанское движение было будто бы единственно правильной тактикой, основным тактическим средством борьбы, тогда как коммунисты в партизанское движение вовлекали и рабочих, и солдат, помимо партизанского движения применяли многие другие нужные и правильные методы и формы революционной борьбы, включая вооруженное восстание как главный из этих методов.

В статье «Партизанская война» В. И. Ленин писал: «Никогда партия пролетариата не может считать партизанской войны единственным или даже главным средством борьбы... это средство должно быть подчинено другим, должно быть соразмерено с главными средствами борьбы, облагорожено просветительным и организующим влиянием социализма»².

К весне 1919 года произошли большие сдвиги в расстановке классовых сил в деревне в Сибири и на Урале в целом. Это потребовало пересмотра главных направлений работы, совершенствования форм и методов революционной борьбы, усиления внимания работе в деревне и партизанскому движению. В резолюции «По вопросам тактики»

¹ М. И. Стишов. *Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны*, стр. 186.

² В. И. Ленин. *Полн. собр. соч.*, т. 14, стр. 9.

выдвигались и такие методы революционной борьбы с колчаковщиной, как саботаж во всех областях хозяйственной жизни, усиленная агитация среди рабочих и крестьян, в колчаковской армии и иностранных войсках. Не исключалась возможность использования экономических и политических стачек, которые при наличии благоприятных условий могли способствовать вовлечению масс в вооруженную борьбу. Обсудив вопрос о терроре, конференция записала в резолюции: «Партия не признает террора как систематического метода борьбы и не организует его сама, но признает его допустимым; если террористические группы возникнут в среде ее членов, то она их поддерживает и берет под свое руководство»¹.

По вопросу об отношении к выборам в органы самоуправления конференция подтвердила пункт 11 резолюции 2-й Сибирской конференции «По текущему моменту», требующий полнейшего бойкота каких-либо выборов в них².

Устав Российской коммунистической партии большевиков для Сибири и Урала, принятый конференцией, не заменял Устава партии, принятого VI съездом РСДРП(б), а был как бы дополнением к нему. Устав предусматривал избрание Сибирского областного комитета РКП(б) и создание при нем двух бюро: Уральского и Восточно-Сибирского. В соответствии с указанием Сибирского бюро ЦК РКП(б) подпольный центр был назван не центральным, а областным комитетом. В уставе был подытожен, систематизирован весь опыт организационной работы, накопленный подпольными организациями за многие месяцы их существования. Конференция осудила тех членов партии, которые под разными предлогами уклонялись от революционной работы, и предупредила: если они не изменят своего поведения, то будут исключены из партии. Активным коммунистам было запрещено без разрешения партийных органов поступать на частную или иную службу и предложено заняться только партийной работой³.

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 602, л. 20.

² Там же; см. также «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 64, 65.

³ См. М. Н. Журавлев, Г. Н. Юдагин. *Большевики Новониколаев-*

ска в период иностранной военной интервенции и гражданской войны, стр. 35; *Воспоминания Е. М. Кужелевой (личный архив автора)*.

Важнейший вопрос, обсуждавшийся на конференции, — о вооруженном восстании — был рассмотрен и в связи с обсуждением резолюции «По вопросам тактики», и отдельным пунктом. Был заслушан доклад в плане практической подготовки вооруженного восстания, рассмотрен «План военных организаций РКП(б) для Сибири», утверждены «Инструкция по организации деревенских комитетов, крестьянских штабов и отрядов», «Инструкция и вопросник для подрывных отрядов», а также «Вопросник губернским штабам, партизанским и подрывным отрядам» и «Инструкция подрывным отрядам»¹

Все инструкции пронизывала идея обеспечения большевистского руководства вооруженными восстаниями и партизанским движением в целях быстрейшего восстановления Советской власти на освобождаемой повстанцами территории.

Конференция избрала Сибирский областной комитет РКП(б) (в некоторых документах он назывался «Сибирско-Уральский областной комитет РКП(б)»). В него вошли А. А. Масленников (председатель), Х. Я. Суудер, М. М. Рабинович, С. И. Дерябина, А. П. Вагжанов, М. С. Русаков и А. Н. Усов. Одновременно избираются С. Дерябина в Уральское, а А. Вагжанов в Восточно-Сибирское бюро областного комитета с поручением кооптировать в эти бюро недостающих членов и руководить их работой².

Решения 3-й Сибирской партийной конференции подпольных большевистских организаций Сибири, Дальнего Востока и Урала имели большое значение. Они были более развернутыми и конкретными, в них четко отражалась сложившаяся в тылу армии Колчака обстановка и формулировались назревшие задачи партийной и революционной работы.

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 602, л. 20; ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 389, л. 52, 103.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 627, л. 2, 14; см. также «Омские больше-

вики в борьбе за власть Советов (1917—1920 гг.)», стр. 166; «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 105.

5 Большевистские организации Урала

Зимой 1918/19 года революционная борьба трудящихся Урала усиливалась. Готовились к вооруженному восстанию и коммунисты Уфы. Железнодорожники создали склады оружия в Золотухинской слободе, на мельнице в селе Богородском и в других местах. Однако в первой половине декабря планы уфимских коммунистов нарушились, подготовка к восстанию была прервана: в организацию проник провокатор Деулин, который выдал ряд руководителей организации. Погибли Ф. И. Карклин и другие коммунисты, но многие успели скрыться¹.

Оправившись от частичного провала, уфимская большевистская организация продолжила подготовку восстания. Однако времени было мало. Советские войска ворвались в Уфу неожиданно в ночь на 31 декабря. Подрывная работа на железной дороге свою роль сыграла, дезорганизовав ближайший тыл белогвардейских частей. Вооруженные группы подпольщиков оказывали советским частям помощь в наведении порядка в городе.

Белогвардейцы были отброшены. Но в середине марта 1919 года они вновь оказались под стенами Уфы. В борьбе за город беззаветный героизм проявили рабочие, сведенные после оставления города 14 марта в полк. Они долго противостояли целой дивизии белогвардейцев и почти все погибли в боях. Среди них немало было и работников подполья.

Численность рабочих в городе резко уменьшилась. Оставленным в городе коммунистам работать стало гораздо труднее. Зверства колчаковцев не знали предела. Только на протяжении одного месяца они бросили в тюрьму 1117 человек, многих расстреляли².

В апреле уфимские коммунисты установили и поддерживали связь с челябинской организацией³, возможно, и с дру-

¹ См. И. И. Шеломенцев. В большевистском подполье (в кн.: «За власть Советов», стр. 294, 295); ПАРБО, ф. I—V, оп. 8, д. 54, л. 50—54 (Воспоминания А. Я. Бакаева).

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 13 а, л. 5; ф. 176, оп. 1, д. 60, л. 24.

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 546, л. 16—23.

гими, включая те, которые имелись в Златоустовском уезде. А в этом восточном уезде Уфимской губернии к началу зимы наиболее активными продолжали оставаться миньярская и симская подпольные организации. В них зимой и весной 1919 года было свыше 100 коммунистов, не считая вовлеченных в подпольную работу беспартийных рабочих¹. Они были тесно связаны с Сибирским бюро ЦК РКП(б) и действовали в соответствии с его установками.

Активными были и другие заводские большевистские организации этого района (аша-балашевская, усть-катавская, катав-ивановская, юрюзанская, саткинская, на станции Вязовая и др.). Рабочие-железнодорожники на линии от Аксеново — Шафраново — Уфа до Миньяр — Кропачево под руководством большевиков вели подрывную работу: искусственно замораживали паровозы при эвакуации, задерживали или совсем срывали ремонт паровозов и вагонов².

Златоустовская подпольная организация насчитывала несколько сот большевиков и сочувствующих рабочих, военнопленных, солдат³.

Готовя вооруженное восстание, Златоустовский комитет проводил установку бюро ЦК на одновременность выступления рабочих южноуральских заводов, договаривался с подпольными организациями Сатки, Юрюзани, Вязовой и с некоторыми другими заводами о сигналах, плане действий и т. д. Не удалось только связаться со станцией Бердяуш, которой в планах Сибирского бюро ЦК уделялось особое место⁴. В апреле 1919 года златоустовская организация располагала уже большим запасом оружия и боеприпасов. По решению комитета и штаба из нелегально проживавших в городе подпольщиков и скрывшихся из частей солдат была организована и отправлена за город дружина (отряд), обеспеченная оружием и продуктами питания⁵.

¹ ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 89; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 15.

² ЦГАОР, ф. 293, оп. 1, д. 6, л. 1.

³ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 1—3; д. 592, л. 157.

⁴ Там же, л. 2; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 342, л. 119—125.

⁵ Там же, л. 1, 2, 15; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1317, л. 1.

В Златоусте выпускалось большое число листовок, чаще всего рукописных. Часть листовок доставлялась из Челябинска¹

Как же после колчаковского переворота разворачивалась работа челябинских коммунистов?

К началу зимы 1918 года численность челябинской подпольной организации достигала не менее 150 человек.

11 декабря 1918 года в Челябинске была проведена тщательно подготовленная комитетом общегородская подпольная конференция, составившая важную веху в жизни и деятельности коммунистов всего Южного Урала. На конференции присутствовало до 20 делегатов от подпольных организаций и групп предприятий города, в том числе заводов Столля и винокуренного, от железнодорожников, от Челябинских копей, от солдат. Материалы этой конференции дают представление не только о ее работе, но и о деятельности всей организации.

Вырабатывая проекты решений, инструкций, Челябинский комитет РКП(б) руководствовался установками и материалами 1-й Общесибирской конференции. В числе других вопросов был заслушан доклад о текущем моменте и о работе городской организации, с которым выступил член подпольного комитета С. М. Рогозинский. Большое внимание было уделено обсуждению устава организации.

Конференция утвердила также «Инструкцию организации партийных ячеек в войсковых частях города Челябинска», «Инструкцию отделу связи», «Инструкцию Центральному и районным военно-революционным штабам при Челябинском общегородском комитете Российской коммунистической партии (большевиков)»².

Общегородская большевистская конференция завершила свою работу избранием комитета и формированием штаба. В общегородской комитет, как вспоминает А. Н. Зыков, вошли те, кто входил в него еще до 11 декабря: В. И. Гершберг (председатель), Д. Д. Кудрявцев, О. П. Хотеев, С. А. Кривая, С. М. Рогозинский, А. Н. Зыков и М. С. Ива-

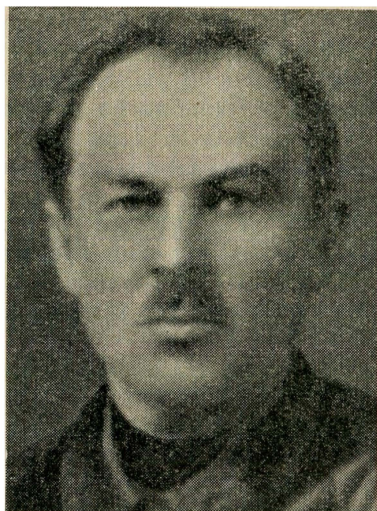
¹ ЦГАОР, ф. 293, оп. 1, д. 6, л. 3; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 2, 40, 41; д. 592, л. 15.

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 31, л. 9—13; ПАНО, ф. 5, оп. 3, д. 123, л. 3—5.

Д. Д. Кудрявцев

нов. Кандидатами в члены комитета были избраны В. Я. Екимов и А. И. Чикишев¹.

Говоря о подпольной работе коммунистов Челябинска зимой 1918/19 года, нельзя не сказать и о том, что они в этот период стали прибегать к помощи левых эсеров и анархистов. Подпольный комитет РКП(б) решил нелегальную работу вести совместно с организацией, возглавлявшейся Образцовым, Скребковым и Берестовым². Это не было слиянием организаций. Но отдельные ячейки (например, на заводе Столля) ста-

сливаться. Некоторые левые эсеры и анархисты были привлечены к работе Центрального военно-революционного штаба.

Подпольные ячейки в Челябинске существовали буквально на всех предприятиях, а также в некоторых учреждениях. «Десятки», «пятерки» и «тройки», входившие в челябинскую организацию, создавались и вне города: на угольных коях, на железнодорожных станциях и разъездах, во многих селах. Челябинский комитет и военно-революционный штаб на протяжении многих месяцев вели большую работу в войсках, вовлекая солдат в революционную борьбу. Весной 1919 года большевистское подполье имелось почти во всех частях гарнизона³.

Огромную работу в войсках выполняли члены подпольного комитета Д. Д. Кудрявцев, мобилизованный в армию, М. С. Иванов, а также старый большевик И. Х. Васанов и его сын Ибрагим, В. Г. Киселев, И. С. Солодовников,

¹ ПАЧО, ф. 596, оп. 2, д. 1, л. 19.

² ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 329, л. 2.

³ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 626, л. 2.

В. А. Вожаков, М. О. Авейде, М. В. Карabanов, Р. А. Костяповская и многие другие коммунисты¹.

Результаты большевистской агитации в частях, находившихся в Челябинске и затем посланных на фронт, сказались еще зимой. Так, 13 января 1919 года многие солдаты 21-го Челябинского полка во время боя под деревней Соколовской перешли на сторону красных². Позднее на сторону Красной Армии по прибытии на фронт перешли солдаты 141-го и имени Шевченко полков.

Листовки выпускались очень часто, в некоторые месяцы — по одной, по две в неделю. По мнению И. С. Солодовникова, всего было выпущено до 20 тысяч экземпляров различных листовок и прокламаций. В Челябинске редко можно было встретить место, где бы не было листовок большевистской организации.

Не менее действенной была и устная агитация. Группы подпольщиков вели агитацию в самых людных местах: на сборных пунктах мобилизованных, на вокзале, на базаре. Агитация усиливалась всякий раз, когда с фронта поступали известия о победах Красной Армии³. Численность большевистских подпольных ячеек в марте 1919 года только среди рабочих Челябинска превысила 200 человек, сотни под-

¹ ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 329, л. 28—30; д. 334, л. 106, 112; д. 335, л. 41, 134—147 Ни один из названных челябинских подпольщиков-коммунистов, организовавших работу в воинских частях, кроме Р. А. Костяповской, не упомянут в книге «Гражданская война на Южном Урале. 1918—1919 гг.» (стр. 103—117), а левые эсеры и анархисты, группировавшиеся вокруг Н. Образцова, фигурируют как члены большевистской подпольной организации. Хотя они и принимали участие в подпольной работе, но, во-первых, не играли активной роли, во-вторых, их руководителем Н. Образцов и И. Зыков в конце марта, после ареста, стали предателями и из-за них погибли десятки подпольщиков.

К числу руководителей левозеровской группы принадлежал и Ф. Скрёбков — банковский служащий, коллежский регистратор. В сборнике «Гражданская война на Южном Урале. 1918—1919» (стр. 250) приводится белогвардейский документ, в котором говорится, что Скрёбков был секретарем организации, которой руководил Образцов (имелась в виду эсеровская организация). К документу дано неправильное примечание, якобы «Скрёбков являлся видным работником челябинской большевистской организации и не был секретарем Образцова».

² ЦГАОР, ф. 276, оп. 1, д. 32, ч. 1, л. 104.

³ Там же, л. 37; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 335, л. 144—145.

польщиков имелись в частях гарнизона. Курьеры и партийные работники, доставлявшие весной 1919 года в Сибирское бюро ЦК и его отделение информацию, указывали, что в челябинской подпольной организации насчитывалось не менее тысячи членов партии, сочувствующих и дружинников (красногвардейцев). В. Г. Киселев называл даже цифру «около 3000»¹.

Челябинская организация в то время наряду с омской была крупнейшей в тылу колчаковской армии.

Именно в марте подпольная работа в Челябинске достигла наивысшего подъема. В некоторые города были направлены видные работники для связи и укрепления руководства подпольными организациями: в Екатеринбург в первой половине марта выехали М. О. Авейде, прибывшая в Челябинск из Иркутска, а также В. А. Вожаков; в Кустанай (через Троицк) отправился во второй половине марта Кузьмин (Слесарь).

С середины марта подготовка восстания стала первостепенным делом всех звеньев челябинской организации. На крупных предприятиях, на копах, в Железнодорожном районе формировались рабочие отряды. Их должны были поддерживать крестьяне: в подпольные группы, имевшиеся в уезде, для ознакомления с планом были посланы представители комитета и штаба, в том числе И. Х. Васанов.

Восстание намечалось провести в середине апреля². Но восстание не произошло и не только потому, что наступление Красной Армии на Восточном фронте началось гораздо позднее. В последних числах марта челябинскую подпольную организацию постиг страшный удар. Колчаковской контрразведкой были разгромлены общегородской комитет, военно-революционный штаб, некоторые райкомы и многие ячейки.

Провал начался после того, как 20 марта группа левых эсеров совершила самовольную экспроприацию. Правда, следует отметить, что колчаковцы уже с начала марта с

¹ ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 106, л. 248. Вероятно, он включал в это число всех распространяемые материалы, подготовленные к восстанию солдат, в частности весь

полк имени Шевченко (около тысячи человек).

² ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 325, л. 222 (Воспоминания Башкирова); д. 335, л. 135 (Воспоминания Р. Н. Черепанова).

помощью провокатора Никольского (Барболина) напали на след организации, установили слежку, держали в поле зрения С. А. Кривую во время ее пребывания в Омске, знали о работе некоторых других коммунистов. Но с арестами они не спешили. Первые аресты начались 20—21 марта. После ареста И. Зыкова и других участников экспроприации, а 24 марта — Н. Образцова, предавших известных им подпольщиков, провал принял массовый характер. За четыре дня было арестовано около 60 человек. Продолжались аресты и в последующие дни. По сообщению белогвардейской печати, всего было «задержано до 200 человек, причастных к большевистской организации»¹

В лапы белогвардейской контрразведки попали З. И. Лобков, А. А. Григорьев, С. А. Кривая, В. И. Гершберг, Д. Д. Кудрявцев и другие руководители подполья, партийный актив завода Столля, копей и других предприятий. Арестована была и часть организации левых эсеров и анархистов. 66 подпольщиков были увезены в Уфу. В мае 1919 года по приговору военно-полевого суда свыше 30 человек было заколото, изрублено, расстреляно, другие приговорены к каторге и отправлены в Сибирь, лишь девять человек по суду были оправданы².

Ареста удалось избежать четверем членам подпольного комитета: О. П. Хотеевскому, С. М. Рогозинскому, А. Н. Зыкову и М. С. Иванову. Хотеевский успел выехать из города и намеревался перейти линию фронта, однако в Златоусте был арестован и расстрелян. Рогозинский вернулся из Омска с подпольной конференции в самом начале арестов, числа 24 марта, но успел скрыться и уехал обратно в Омск. Иванов выехал сначала в Златоуст, а затем также отправился в Омск³.

Таким образом, челябинские коммунисты, оставшиеся на свободе, оказались разобщенными. Подпольного центра в городе не стало. Проваленными оказались многие явки и конспиративные квартиры. Были разгромлены и райкомы партии. Практически не тронутой оказалась лишь желез-

¹ Газета «Телеграммы народной газеты» (Шадринск), 26 апреля 1919 г.

² См. «Колчаковщина на Урале», стр. 196, 197.

³ ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 23, л. 1, 7, 18; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 335, л. 147—149.

подорожная организация, в которой состояло более 100 человек. Но многим ее членам угрожал арест. Им приходилось скрываться в городе или покинуть его, уехать в села и в партизанский отряд, находившийся в районе Тютяры. В Челябинске наступил спад в подпольной работе, особенно в первые недели после провала.

К этому времени на Южном Урале активно действовали коммунисты в Троицке. Там подпольная организация возникла сравнительно поздно — в феврале 1919 года. До этого времени в городе имелись только небольшие группы коммунистов, которые вели главным образом агитационную работу¹.

В первых числах февраля из Челябинска в Троицк «для основания подпольной большевистской организации» направляется коммунист питерский рабочий Н. С. Полухин. В городе началась организованная работа. Примерно 10 марта была проведена общегородская подпольная конференция². Она избрала руководящий орган — военно-революционный штаб из пяти человек; среди них были Н. С. Полухин (председатель), А. Я. Наумкин (товарищ председателя), Д. А. Пенькова (секретарь и казначей)³.

В апреле троицкая большевистская организация выросла до нескольких десятков человек.

Так обстояло дело с революционной борьбой коммунистов на Южном Урале, в Оренбургской губернии. Оживилась также подпольная работа в Пермской губернии, прежде всего в Екатеринбургe. Это объяснялось главным образом тем, что в захваченной в декабре 1918 года колчаковцами Перми осталось много коммунистов. Часть из них не успела выехать из города или попала в окружение и плен, другие были специально оставлены для подпольной работы. В Перми Уральским обкомом партии была оставлена группа во

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 19, л. 10.

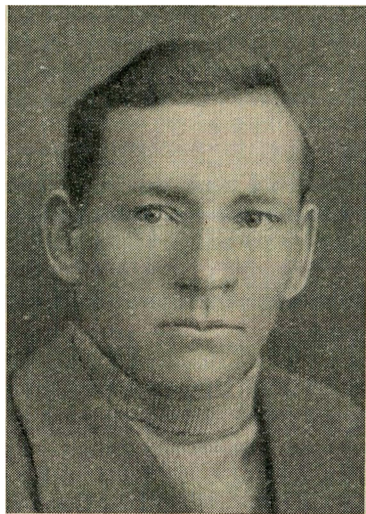
² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 18, 19; д. 1320, л. 2; ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 31, л. 11. П. С. Лучевников («Гражданская война на Южном Урале. 1918—1919 гг.», стр. 131) датирует конференцию 1 марта, но это не точно.

³ Д. А. Пенькова пишет, что кроме названных были избраны еще двое, фамилии которых она не помнит (ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 323, л. 174). Н. С. Полухин называет также И. Г. Сепетова и «по нации — немца», фамилию которого он не запомнил (ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 26, 27).

Н. С. Полухин

главе с А. Я. Валеком, который приехал из Москвы в начале ноября. Одним членам группы предстояло переехать в Екатеринбург и начать там работу, другим — в Сибирь для связи с подпольными центрами и передачи им денег. Часть членов группы была арестована в Перми и ее районе и погибла.

По приезде в начале января 1919 года в Екатеринбург А. Я. Валек не без труда установил связь с отдельными коммунистами и группами. Создается городской подпольный комитет в составе А. Я. Валека (председатель), А. Я. Попова (товарищ председателя) и А. Самкова (секретарь)¹. Екатеринбургское подполье было построено по принципу конспиративных «пятерок».

Когда организация разрослась, город был разделен на несколько районов, те в свою очередь делились на участки, а последние — на кварталы. Каждое из этих звеньев возглавлялось руководящей «пятеркой»².

Большой активностью отличались подпольные группы железнодорожников. Ими руководил член горкома А. Самков. Они неустанно вели подрывную работу, выводили из строя подвижной состав, устраивали крушения воинских эшелонов, чем существенно облегчали положение Красной Армии на фронте.

Эффективно действовала зимой и весной 1919 года военная группа екатеринбургской подпольной организации. Гарнизон в Екатеринбурге, где находился штаб сибирской

¹ Газета «Уральский рабочий», 15 июля 1922 г.; см. Р. Валек. Жизнь в борьбе. Свердловск, 1963, стр. 96, 97, 104.

² ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1 г, л. 101, 102.

А. Я. Валек

армии белых, был огромным. Кроме того, здесь размещались войска интервентов — белочешские и английские. На руководстве революционной работой в воинских частях целиком сосредоточил свое внимание и силы член комитета А. Я. Попов.

Немалую роль в разложении блوغвардейских частей сыграла и комсомольско-молодежная группа в составе Н. Прохорова, М. Тарантина, А. Луговых, В. Самодурова и др.¹

В Екатеринбурге находился многолюдный лагерь военнопленных венгров и немцев.

Там также велась большевистская работа, имелись подпольные группы. Одним из руководителей подполья среди военнопленных был Франц Оттович Вальтер, непосредственно связанный с горкомом РКП(б)².

Весной 1919 года екатеринбургская организация, по самым скромным подсчетам, насчитывала не менее сотни человек. В ней довольно четко выделялись изолированные одна от другой группы, руководимые из единого центра — горкома партии: городская, железнодорожная, военная и в лагере военнопленных.

Коммунисты Екатеринбурга поддерживали связь с Туринским, Березовским, Нижне-Тагильским, Полевским, Сысертским, Уфалейским и другими заводами, выезжали и в Пермь. Постоянными стали связи с Челябинском, откуда проезжал член общегородского комитета М. С. Иванов. Связи с Сибирью также имелись. С томскими подпольщиками они поддерживались через Т. П. Сибирцеву, которая находилась

¹ ГАСО, ф. 1200, оп. 1, д. 40 с, л. 4—21; д. 174 к, л. 3; ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 659, л. 1—23.

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 113 а, л. 36; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 51, л. 149.

в Екатеринбурге для связи с 13 томскими коммунистами, заключенными в тюрьму, и принимала участие в работе местной организации. К Сибирцевой из Томска через Омск приезжали В. Р. Лебедева, К. И. Власова¹.

К весне организация окрепла, развернулась подготовка вооруженного восстания. Выступление намечалось примерно на середину апреля, как и в Челябинске. Очевидно, планы действий этих двух крупнейших уральских организаций согласовывались. Но в разгар подготовки к вооруженному восстанию организацию постиг жестокий удар. В ночь на 28 марта белогвардейская контрразведка с помощью некоего Гончарова, проникшего в одну из ячеек организации, выявила и арестовала пять подпольщиков в Екатеринбурге. В Перми были схвачены выехавшие туда А. Самков (Рябков) и П. И. Державина. Однако нитей к другим звеньям организации колчаковцам в этот момент получить не удалось.

Но в это же время удар по организации последовал с другой стороны. В ходе следствия по делу челябинской организации колчаковская контрразведка получила сведения о существовании организации в Екатеринбурге и о пребывании там С. Г. Логинова (И. И. Дмитриева). В Екатеринбург с запиской от видного подпольщика срочно направляется офицер контрразведки Иванов².

Но Логинов держался осторожно. Тогда местная контрразведка с участием Иванова в тот же день, 31 марта, арестовала Логинова. «Получив должное внушение», он выдал А. Я. Валека, М. О. Авейде, В. А. Вожакова и С. М. Буздеса, которые в ту же ночь — на 1 апреля — были арестованы. На путь предательства встал и М. Вейнберг. Дали показания и некоторые другие арестованные подпольщики, не выдержавшие пыток³.

¹ ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 17, ч. 1, л. 4, 9, 18; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2226, л. 103.

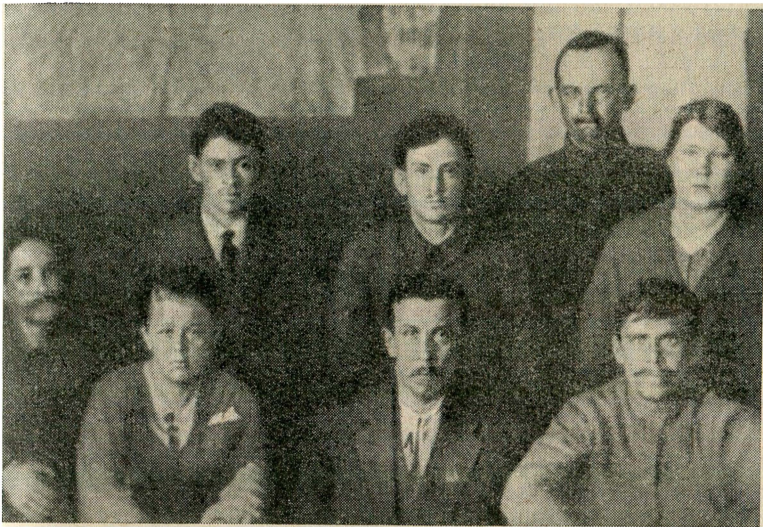
² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1499, л. 12, 16. В материалах контрразведки говорится, что Иванов имел удостоверение, принудительно подписанное одним из арестованных в Челябинске... с которым можно явиться к на-

званному Дмитриеву под видом товарища». Со слов жены Лобкова — О. Д. Гержеван-Латги, находившейся в то время в Екатеринбурге, Р. И. Валек свидетельствует, что записка была от З. И. Лобкова.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 51, л. 149 (Заявление Р. И. Валека в особый отдел ВЧК при 3-й армии

Перед казнью. 1-й ряд (слева направо): М. Ш. Брод, М. О. Авейде, А. Я. Валека, В. А. Вожаков;

2-й ряд: С. М. Буздес, В. А. Голубь, Ф. О. Вальтер, Е. К. Коккина

В городе еще продолжались аресты, а колчаковцы поспешили вынести некоторым подпольщикам смертный приговор. 8 апреля казнили восьмерых осужденных, в том числе А. Я. Валека, М. О. Авейде, В. А. Вожакова. 16 и 26 апреля были вынесены приговоры еще двум большим группам подпольщиков. Почти все они также были казнены. Иначе сложилась судьба активных членов военной группы. В разное время (начиная с 10 апреля) были арестованы А. Попов, А. Чирухин, А. Глухих, В. Барышников, В. Птухин, П. Батин и П. Паршин. Их содержали на верхисетской гауптвахте, в «камере смертников». Они перепилили решетку и ввосьмером (включая коммуниста А. Филатова, арестованного раньше) в ночь с 1 на 2 июня бежали. Барышников, Глухих и Филатов пробрались в район Михайловского завода и вступили в партизанский отряд¹

В Екатеринбурге аресты продолжались на протяжении почти всего апреля. Хватали не только членов большевистской

в 1919 году); ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1499, л. 12—16.

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 824,

л. 76; ЦГАОР, ф. 147, оп. 11, д. 92, л. 8; см. «В боях и походах», стр. 368—371.

А. Г. Чирухин

подпольной организации, но и подозреваемых в принадлежности к ней революционно настроенных рабочих. Всего было арестовано до 300 человек¹.

Понадобилось длительное время, чтобы оставшиеся на свободе коммунисты возобновили организованную работу.

В центральных районах Урала зимой и весной 1919 года продолжали действовать подпольные группы на Сысертском, Михайловском, Березовском, Полевском, Ревдинском заводах, в Алапаевске, Камышлове и других городах². Началась подпольная революционная работа в Кушвинско-Тагильском промышленном районе, оставленном советскими войсками в конце осени — начале зимы³.

На активную борьбу с колчаковщиной рабочие поднимались не только из-за террора, но и вследствие крайне бедственного положения: лишь в Нижнетагильском округе в апреле 1919 года более половины рабочих были уволены⁴. К весне 1919 года возникла подпольная организация в Верхней Туре. Ее создал член партии П. Н. Андреев⁵.

В Нижнем Тагиле, как указывается в воспоминаниях одного из рабочих, И. В. Рубленова, имелась подпольная организация, которая была связана с екатеринбургским подпольем. Большевицкое подполье возникло и на севере Урала — в Надеждинском заводе. Здесь остались, не успев

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 11, д. 92, л. 8; газета «Алтайская мысль» (Барнаул), 29 апреля 1919 г.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 259, л. 47—52; д. 2226, л. 112, 113.

³ ЦГАОР, ф. 3845, оп. 1, д. 14, л. 123.

⁴ ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 20, л. 32.

⁵ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1300, л. 19—29 (Воспоминания П. Н. Андреева).

эвакуироваться, коммунисты А. Д. Жуйков, М. А. Устинов и др.¹ В конце осени сюда приехали из Омска члены партии М. Д. Соловьев и О. Н. Соловская. Они поступили на работу в лесничество, начали собирать партийные силы. В ячейки входили преимущественно беспартийные. В подпольную работу включилось и несколько левых эсеров, стоявших на советской платформе, среди них А. И. Никитин, сразу по освобождении завода вступивший в большевистскую партию².

Видную роль в подполье играл беспартийный в то время бывший член Омского Совета С. Ф. Таннин (Шахов). В работе подпольщиков Надеждинска было много специфического. Они, в частности, умело использовали легальную организацию — биржу труда. Заведующим биржей труда был Таннин. Весь небольшой штат биржи он подобрал из подпольщиков. Биржа использовалась как место явок. Она оказывала посильную помощь рабочим в устройстве на завод, выдавая им поручительство в «благонадежности». Таким образом на завод было устроено много бывших красногвардейцев и сочувствующих большевикам рабочих. Часть из них включилась в подпольную работу в цехах.

В Надеждинске колчаковцы свирепствовали, как и всюду. Они решили выявить рабочих, которые устроились на работу с помощью биржи, чтобы арестовать их и начать расследование. Однако подпольщики заранее узнали об этих намерениях, сожгли подлинные списки направленных на завод рабочих и составили новые, с вымышленными фамилиями. После этого биржа самоликвидировалась, ее сотрудники скрылись на нелегальных квартирах. В начале апреля 1919 года колчаковцы схватили коммунистов М. Д. Соловьева, О. Н. Соловскую и других³, но большинство подпольных ячеек не пострадало и революционная работа продолжалась.

Что касается Западного Урала, то здесь подпольная работа не достигла большого размаха. Судя по документам

¹ Нижнетагильский филиал ГАСО (НТФ ГАСО), ф. 195 р, оп. 1, д. 27, л. 68, 74—76.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2227, л. 1—20; д. 2267, л. 2, 3.

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2085, л. 2—5; д. 2227, л. 2, 19, 20; см. М. Д. Соловьев. Пермские рабочие в боях за родной Урал (в кн.: «В боях и походах», стр. 190, 191).

и материалам, в районе современной Пермской области было не более 10 подпольных организаций и групп. Подпольная работа в Перми, где были оставлены коммунисты Верник и другие, к весне 1919 года постепенно налаживалась¹. Коммунист Александр Котлов, перешедший линию фронта, в докладе отделению Урало-Сибирского бюро ЦК сообщил, что подпольные группы существовали на заводах Балашова, Леснера, а также в Мотовилихе. Во главе подпольной группы леснеровского завода стоял большевик Резвых. Сам Котлов входил в подпольную группу завода Балашова. В ней состояли коммунисты, а также беспартийные и левые эсеры. Работа велась и в речной флотилии, в городской милиции, состоявшей в значительной части из пленных красноармейцев. Подпольщики Перми и Мотовилихи срывали на предприятиях выполнение военных заказов, готовились к восстанию².

Коммунисты вели агитацию среди населения, проникали в воинские части, разлагали их. Подпольная работа велась и среди военнопленных венгров. В Пермь дважды приезжали представители екатеринбургской организации, включая члена горкома А. Самкова³.

Развертыванию подпольной работы в Перми содействовали и присылавшиеся сюда работники из-за линии фронта — отделением Урало-Сибирского бюро и другими органами. Так, при участии нескольких работников, прибывших из-за фронта, была создана подпольная большевистская организация в 3-м батальоне морских стрелков. Ее численность к концу апреля достигла 80 человек⁴.

В марте — апреле 1919 года в Перми производились многочисленные аресты подпольщиков. В печати отмечалось, будто в начале мая были «арестованы последние члены пермской большевистской организации, действующей здесь с первых дней взятия Перми»⁵. Но колчаковцы ошибались. Подполье не было уничтожено полностью. Отдельные группы сохранились и работали.

¹ ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 15 в, л. 263.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 119, 129, 130.

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 835, л. 75, 76.

⁴ ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 15 б, л. 222.

⁵ Газета «Свободная Пермь», 11 мая 1919 г.

Еще менее организованным и значительным было революционное подполье в Кунгуре. В городе распространялись листовки¹. На Чусовском заводе остались коммунисты М. П. Щипанов, Д. К. Середенко и др. Многие из них погибли, попали в тюрьму. Достаточно организованного подполья на заводе не было, но рабочие, создавая небольшие группы, вели посильную борьбу с колчаковцами².

Организованную работу близ Лысьвы и на самом заводе начала группа во главе с коммунистом П. И. Куликовым. Более активным было подполье в Кизеле, состоявшее преимущественно из беспартийных рабочих. Кизеловцы работали совместно с группами рабочих Александровска и Усольской. Некоторая подпольная работа велась в Сарапуле³.

Следовательно, на Западном Урале, который находился в руках врага около шести месяцев, также успело сложиться большевистское подполье. Однако оно было гораздо слабее, чем в других районах Урала, и состояло по преимуществу из небольших и разрозненно действовавших групп в городах и на заводах. Даже там, где некоторые группы были связаны между собой, как это было, например, в Перми, до создания единого руководящего центра дело не доходило.

С наступлением зимы 1918/19 года проявило себя большевистское подполье в Тобольской губернии. В Тобольске продолжалась подпольная работа в тюрьмах, усилилась агитация среди рабочих и солдат, в частности в местной команде⁴.

Более организованным было большевистское подполье в Тюмени и Кургане. Подпольщики Тюмени сохранили связи с некоторыми другими городами, особенно с Омском. Из Тюмени в Омск приезжали работники, имея явки на некоторые конспиративные квартиры. Перешедший линию фронта видный сибирский подпольщик В. М. Аврамов в докладе Сибирскому бюро ЦК РКП(б) сообщал, что в Тюмени в 1919 году была небольшая организация, работавшая среди рабочих и военнопленных. Эта организация была представлена

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 14, д. 20, л. 124, 125.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 883, л. 78; д. 1462, л. 19—23.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, д. 151, л. 10.

⁴ ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 45, л. 4, 5, 45, 50.

на 3-й Сибирской конференции. С наступлением 1919 года деятельность тюменского подполья усилилась¹.

В архивах нами найдено несколько воспоминаний, в которых содержатся сведения о работе тюменских подпольщиков. Так, И. В. Онуфриев рассказывает, что на 7-м участке службы пути станции Тюмень работала группа примерно из 10 человек, среди них А. Козин, И. В. Онуфриев, Екунас, Н. Серова. Они вели агитацию среди рабочих, солдат и «проезжей публики». Подпольная группа не была изолированной от других. Через А. Серову она поддерживала связь с городским подпольным центром, получала от него указания и информацию².

О подпольной работе в цехах железнодорожного депо идет рабочий-подпольщик Чубаров³. Контрразведка через свою агентуру установила, что среди рабочих агитацию вели Зайцев и Сабенин⁴.

Важным направлением работы коммунистов и сочувствующих партии было развертывание забастовочной борьбы. Рабочие Тюмени бастовали и летом, и осенью, и зимой. По признанию белогвардейцев, забастовки в Тюмени внешне выглядели экономическими, но на самом деле возникали по политическим мотивам в результате большевистской агитации.

Особенно крупной была забастовка тюменских водников, начавшаяся 18 февраля. В нее постепенно включились почти все рабочие и команды судов. Забастовка закончилась 7 марта после вмешательства военных властей⁵.

К исходу 1918 года усилилась тяга рабочих в подпольную организацию в Кургане⁶. Организация выросла; она не прерывала связей с Омским и Челябинским комитетами, с коммунистами в Петропавловске. В Кургане некоторое время скрывалась и работала омская коммунистка Л. З. Годисова. Для организационной и агитационной работы на предприятиях, в воинских частях комитет выделил отдельных ком-

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 627, л. 7; д. 1499, л. 4; ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 45, л. 19; ф. 1429, оп. 1, д. 93, л. 65; д. 94, л. 2, 6.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1827, л. 12—14.

³ ПАОО, ф. 19, оп. 24, д. 83, л. 1.

⁴ ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 6, л. 369.

⁵ ЦГАОР, ф. 1429, оп. 1, д. 95, л. 3, 274; д. 96, л. 3, 5, 35—48.

⁶ ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1 а, л. 3.

мунистов. Чаще стали выпускаться листовки. К весне общая численность городской организации превысила 60 человек¹.

Были созданы ячейки в Макушино и Лебяжьем, куда специально выезжали курганские коммунисты. Конспиративные «десятки» создаются в 34-м пехотном полку, в 1-м авиапарке и других частях гарнизона. Курганская организация, больше чем какая-либо другая в Зауралье, уделяла внимание деревне. При Курганском комитете РКП(б) существовал небольшой, но постоянный штат опытных работников для руководства нелегальной революционной работой в деревне. В их числе были коммунисты В. Курчевский и А. Лебедкин. По некоторым данным, подпольные организации и группы в селах Курганского уезда, руководимые городским комитетом, уже в декабре 1918 года насчитывали около 200—250 членов. Весной 1919 года их стало гораздо больше. Курганский комитет поддерживал непосредственные связи с 17 сельскими подпольными группами и руководил их работой².

С конца марта основная тяжесть работы коммунистов была перенесена в деревню. Изредка проводились совещания руководителей подпольных групп нескольких сел. Такое совещание (конференция) под руководством В. Курчевского и А. Лебедкина состоялось в восточной части уезда³, где имелись группы в Моршихе, Пьянково, Казаркино, Быково, Частоозерском, Долговском и других селах. Под их руководством срывалась весенне-зимняя мобилизация в армию Колчака.

Широкое распространение в Зауралье, а также на Урале и в Сибири получила такая форма борьбы, как требования крестьян выдать им удостоверения, что они не добровольцы, а насильственно мобилизованные в колчаковскую армию. Власти издали «обязательные постановления» о пресечении всяких попыток к получению подобных удостоверений.

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1826, л. 2—3 (Воспоминания А. Лебедкина); ПАКО, ф. 3219, оп. 2, д. 5, л. 10; ф. 5857, оп. 1, д. 5, л. 35.

² ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 428, л. 2; д. 437, л. 12; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1826, л. 2.

³ ПАКО, ф. 5857, оп. 1, д. 74, л. 4 (Воспоминания Н. Д. Стеникова).

Таковы наиболее значительные сведения о большевистском подполье на Урале и в Зауралье за сравнительно небольшой отрезок времени — конец ноября 1918 — первая половина весны 1919 года.

6 Большевистские организации Западной Сибири

Зимой 1918/19 года наивысшего размаха достигла революционная борьба в Омске. Ею руководили городской и районные комитеты, а также Центральный (областной) комитет большевиков Сибири. В этот период шла напряженная работа по организации вооруженных восстаний. Несмотря на огромные потери сил подпольщиков и революционных рабочих, численность омской организации держалась на уровне нескольких сот человек. На место погибших и брошенных в тюрьмы вставляли новые борцы. Все время производился прием в партию новых членов.

Представление о том, что было проделано помимо подготовки и проведения вооруженных восстаний, дает доклад делегата омских коммунистов на 3-й Сибирской конференции РКП(б). В этот доклад были включены сведения с 18 ноября 1918 до середины марта 1919 года. В нем отмечалось. «В настоящий момент комитет состоит из 8 человек. Город разбит на три района, кроме того — латышский, литовский и иностранных пролетариев. Прием новых членов установлен только по рекомендации. В 1-м районе организовано боевых 15 человек, во 2-м — 15 человек, в 3-м 35 человек, в литовском — 90 человек, в латышском — 35 человек, в районе иностранных пролетариев — 80 человек. Комитет состоит из президиума и отделов: крестьянского, военного, Красного Креста, редакционного и паспортного, установлена связь с 50 деревнями. В Тарском у имеется 150 человек с оружием, там была выпущена листовка. За все время комитетом было выпущено 8 листовок, имеется библиотека. Красный Крест организовал передачи в тюрьму и в концентрационный лагерь, где сидит 3 тыс. арестованных, также оказывает помощь семьям расстрелянных и

Э. А. Радо

арестованных. Паспортный отдел поставлен хорошо»¹.

Из доклада видно, что в структуре омской организации произошли некоторые изменения. Если перед вооруженным восстанием город имел четыре территориальных района и два национальных (латышский и иностранных пролетариев), то к весне стало три территориальных и три национальных. Районом иностранных пролетариев называлась организация коммунистов и сочувствующих партии венгров, немцев и других бывших военнопленных. Колчаковское правительство широко использо-

вало их труд на предприятиях, различных подсобных и строительных работах, в мастерских. Но режим в лагере военнопленных был не таким строгим, как в лагере политзаключенных. Они бывали в городе, общались с населением. Большой подпольный коллектив «иностраных пролетариев» возглавлялся Эдмундом Александровичем Радо, Кендрой (Капитан Келемен), Палачеком²

Литовская организация еще летом 1918 года находилась в тесном единении с городской организацией, в прямом подчинении Омского комитета. Выделение национальных групп в отдельные организации было целесообразным, так как создавалась возможность лучше поставить агитационно-политическую и боевую работу.

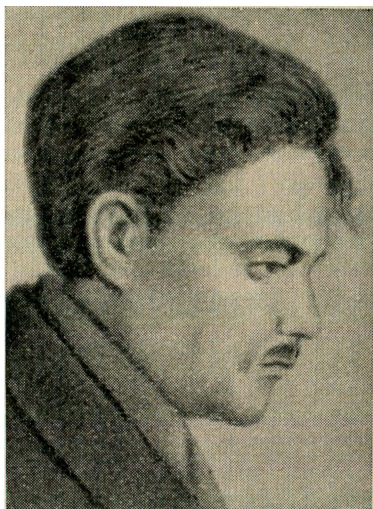
Несколько иначе обстояло дело с латышской организацией. Ее руководители К. Карлсон и другие претендовали на особое положение, которое на деле выливалось в сепара-

¹ «Колчаковщина», стр. 168, 169. В состав Омского комитета на основе специального соглашения входили и члены ЦК РКП(б) Сибири, находившиеся в городе.

² ПАОО, ф. 19, оп. 24, д. 88, л. 7—10; см. И. Матвеев. У истоков вечной дружбы. Новосибирск, 1959, стр. 24.

П. А. Вавилов

тизм. К концу 1918 года был создан Западно-Сибирский областной центр (комитет) латышских групп. К февралю 1919 года он объединил 12 подпольных групп, число членов которых достигало 200. Они располагались в Омске, Таре и в поселках (колониях) близ этих городов. Большинство членов латышской организации в Омске работало совместно с коммунистами города; некоторые из них входили в единые с русскими рабочими подпольные ячейки. Подпольщики-латыши много сил отдавали военно-боевой работе. Паспортное бюро организации успешно фабриковало нужные документы. По признанию колчаковцев, подделки можно было распознать лишь при долгом и тщательном изучении¹

Стремление латышского центра обособить организацию вызвало осуждение со стороны ЦК (ОК) РКП(б) Сибири. 3-я Сибирская конференция отказала латышской организации в представительстве как отдельной областной организации. После конференции руководителям латышской организации было предложено, чтобы они вошли в подчинение соответствующих территориальных партийных органов на общих основаниях²

Это решение было выполнено. Допускавшиеся отдельными активными латышскими коммунистами ошибки были изжиты. Омская организация была одной из тех, которые стали средоточием коммунистов, лучших представителей многих национальностей России и других стран, в единых рядах сражавшихся за великие идеи марксизма-ленинизма.

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 17, л. 6, 7, 13, 14; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 607, л. 1—9.

² ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1052, л. 87.

После 3-й Сибирской подпольной конференции омская организация берет курс на усиление работы в деревне, на расширение и укрепление связей с рабочими и солдатскими массами. Подготовка к восстанию в городе стала более тесно связываться с задачами развития партизанского движения, организацией революционных выступлений в деревне. Апрель должен был дать серьезные результаты этой работы.

Но организацию постиг новый, третий (после декабрьского и февральского) тяжелый удар со стороны реакции. Колчаковская охранка и контрразведка нанесли удар в самое сердце организации — по Сибирскому и Омскому комитетам. В ночь со 2 на 3 апреля был произведен налет на три конспиративные квартиры, где жили руководители сибирского большевистского подполья. Были арестованы А. А. Масленников (Иосиф Францевич Раугялло), М. М. Рабинович (Лев Семенович Костин) — члены областного комитета, П. А. Вавилов (Иосиф Моисеевич Болтровский) — председатель главного штаба при Сибирском ОК, Э. П. Козак — активная коммунистка. В ту ночь и в последующие были схвачены также И. М. Арбузов, Э. П. Мезит, А. Я. Витольд и еще несколько активных работников подполья. В ночь с 18 на 19 апреля по приговору белогвардейского суда руководители подполья А. А. Масленников, М. М. Рабинович и П. А. Вавилов были расстреляны¹

В связи с арестом А. А. Масленникова и М. М. Рабиновича, отъездом на восток А. П. Вагжанова, подготовкой к отъезду на Урал С. И. Дерябиной, отсутствием Х. Я. Суудера (оставался в Томске) областной комитет как коллегияльный партийный орган работать не мог. В Омске оставались только два члена областного комитета — М. С. Русаков и А. Н. Усов (незадолго до того приехавший с Дальнего Востока). После арестов в комитет были кооптированы П. Ф. Парняков, член РКП(б) с 1915 года, бывший член Центросибири, и М. С. Никифоров².

В этом составе комитет работал лишь около двух недель.

¹ ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 13, ч. 1, л. 274, 275; д. 13, ч. II, л. 157; см. «Омские большевики в борь-

бе за власть Советов. 1918—1919 гг.», стр. 181, 182.

² См. «В борьбе с контрреволюцией». Омск, 1959, стр. 106.

Аресты в Омске продолжались. 17 апреля во время перевозки из типографии только что отпечатанных листовок и частично напечатанного первого номера газеты «Правда коммуниста» был арестован А. А. Улыбин. Вечером 19 апреля около казармы 43-го Сибирского стрелкового полка колчаковцы схватили П. Ф. Парнякова. В те же дни в разных местах были арестованы А. Н. Усов, М. С. Никифоров, К. Г. Дергачев, А. Д. Свищева и многие другие¹.

После арестов омская организация оказалась в крайне тяжелом состоянии. С этого времени она перестала играть ведущую роль и работу в прежнем объеме восстановить не смогла.

Долгое время считалось, что причина провала большевистских организаций в Сибири и на Урале коренится прежде всего в провокаторстве Карповича (Станислава Матеушевича Rogozинского). Будто бы уже после провала челябинской организации колчаковская контрразведка оформила агенту-провокатору Карповичу мандат для участия в 3-й Сибирской подпольной конференции².

Карпович был заподозрен в провокаторстве и по решению Омского комитета 12 апреля убит группой подпольщиков³.

На самом деле С. М. Rogozинский не был провокатором. Произошла тяжелая ошибка. Имя этого подпольщика должно быть реабилитировано и названо среди светлых имен виднейших борцов против колчаковщины.

С. М. Rogozинский был одним из создателей челябинской подпольной организации. На нелегальную конференцию он действительно был делегирован. После конференции выехал в Челябинск и приехал туда примерно 23—24 марта. Поскольку здесь шли аресты, он скрылся и вернулся в Омск⁴.

Не подтверждается и главный аргумент обвиняющих Rogozинского в провокаторстве, будто он выехал на конферен-

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1499, л. 6, 7; ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 20 б, л. 129; см. «Омские большевики в борьбе за власть Советов. 1917—1920 гг.», стр. 182.

² См., например, М. И. Стшшов. *Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири*

в годы гражданской войны, стр. 187.

³ ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 14, ч. 1, л. 396, 466—468.

⁴ ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 335, л. 147—149 (Воспоминания И. В. Шмакова).

цию после того, как провалилась челябинская подпольная организация. Конференция состоялась 20—21 марта — раньше, нежели произошел провал в Челябинске. Материалы охраны и контрразведки колчаковцев также не подтверждают версии о провокаторстве Карповича — Rogozинского. Если бы среди делегатов был провокатор, колчаковцы имели бы более или менее верные сведения о подпольной конференции, но у них не было этих сведений¹

Невиновность Rogozинского не вызывает сомнений. Документы и воспоминания П. Г. Куркина, И. В. Шмакова и других омских и челябинских активных подпольщиков свидетельствуют о том, что провал произошел в результате провокационной деятельности А. Барболина (Никольского) и ряда других предателей, осветивших и выдавших колчаковской контрразведке многих работников².

Таковы факты, связанные с апрельским провалом Сибирского и Омского подпольных комитетов и городской организации.

Говоря об Акмолинской области, мы осветили только большевистское подполье в Омске. В этой обширной области подпольная работа проводилась и в уездных городах³.

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 23, л. 35, 39; ф. 236, оп. 1, д. 14, ч. 1, л. 459—468; д. 19 а, л. 427, 428 и др.

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 23, л. 1—30; ф. 236, оп. 1, д. 13, ч. 1, л. 274, 275; д. 19 а, л. 333, 357, 393, 398, 433, 449; ПАОО, ф. 19, оп. 24, д. 56, л. 6; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 335, л. 149. Большую работу по выяснению подлинных причин и обстоятельств провала в Челябинске и Омске весной 1919 года проделала тематическая группа Военно-исторического общества под руководством Ф. Н. Петрова и С. Г. Черемных. На одном из ее заседаний в июне 1961 года был заслушан наш доклад «К вопросу о партийных центрах по руководству большевистским подпольем на Урале и в Сибири в период гра-

жданской войны», в котором дана новая трактовка указанного вопроса. Доклад был опубликован (см. «Из истории уральских партийных организаций». Свердловск, 1964). В мае 1962 года тематическая группа заслушала и обсудила интересные сообщения и воспоминания С. Г. Черемных, А. Н. Зыкова, А. Я. Казакова, А. И. Сухно, Е. С. Гуревич, А. В. Бердниковой. В них убедительно показывается непричастность С. Rogozинского к провалу подпольных организаций, вскрывается предательская роль А. Барболина. Но этот запутанный в свое время вопрос требует дальнейшего изучения.

³ ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 20, л. 70, 123; Государственный архив Целинной области (ГАЦО), ф. 258, оп. 12, д. 1, л. 90 (Авто-

К началу 1919 года значительного размаха достигла подпольная работа в Семипалатинске и области. В Семипалатинск из Барнаула в октябре 1918 года приехал Нестор Григорьевич Калашников, член партии с 1903 года, один из виднейших большевиков Томска, член городского комитета до захвата белогвардейцами Сибири. С ним была его жена Т. К. Калашникова, член партии с 1917 года. Калашников подпольной организации в городе не обнаружил. Он встретился с В. А. Курамжиным и с его помощью устроился на работу в неторговый отдел Семипалатинского областного союза кооператоров. Этим отделом заведовал Курамжин.

В. А. Курамжин был меньшевиком-интернационалистом, к тому времени включившимся в борьбу с белогвардейцами. По освобождении города он вступил в РКП(б) с оформлением партийного стажа с 1917 года. Калашников и Курамжин положили начало подпольной группе в Семипалатинском областном союзе кооператоров¹.

Несколько позднее к ним присоединились приехавшие из Омска бывший член Омского ревкома А. И. Богданов с женой Е. П. Груздевой и слесарь Омских железнодорожных мастерских Додыко.

В феврале 1919 года в Семипалатинск приехал видный омский советский работник А. П. Оленич-Гнененко. Подпольщики устроили его на работу в тот же неторговый отдел. Позднее в группу вошел Н. С. Рахвалов. Он поддерживал связь с партизанами и сплотил вокруг себя группы подпольщиков, в числе которых был бывший матрос Я. С. Иноземцев. В апреле Оленич-Гнененко выехал в Новониколаевск по данной ему в Семипалатинске явке к Е. Б. Ковальчук и остался там на подпольной работе².

биография Ф. И. Калюты); ПА КФИМЛ, ф. 811, оп. 1, д. 28, л. 15—22 и др.

¹ См. А. П. Ботин. *Борьба трудящихся Семипалатинской области против белогвардейщины* (в кн.: «За власть Советов». Семипалатинск, 1961, стр. 101). Авторы данной книги допускают неточность, относя начало подпольной работы группы Калашникова

к весне 1919 года. Она началась раньше.

² ПА КФИМЛ, ф. 811, оп. 1, д. 18, л. 3 (Воспоминания А. П. Оленич-Гнененко); д. 148, л. 3—5; см. также А. Оленич-Гнененко. *Суровые дни* (в кн.: «Суровое время». Воспоминания. Новосибирск, 1959, стр. 204—206). *Партийный архив Семипалатинского обкома Коммунистической*

В апреле 1919 года белогвардейцы раскрыли сильную подпольную организацию в Затоне, которая характеризовалась как большевистская. Число арестованных достигало 65. При обысках у подпольщиков было найдено до 80 винтовок, гранаты, револьвер, патроны¹.

Для революционной подпольной работы в городе и уездах было характерно тесное единение трудящихся русской и казахской национальностей. Управляющий областью в марте 1919 года доносил об этом в министерство внутренних дел².

Большевистская работа в первые месяцы 1919 года велась также в Зайсане, Павлодаре, Усть-Каменогорске, Змеиногорске. В январе 1919 года в Усть-Каменогорске была развернута бурная агитация. Подпольщики разбросали по городу большевистские прокламации³.

Подпольная большевистская организация в Павлодаре была создана под руководством коммунистов И. И. Сызранцева и А. В. Левченко, приехавших из Омска. В городе до них существовали небольшие разрозненные группы. Видную роль в создании подполья играли также прибывший из Семипалатинска С. И. Мазилев и местный большевик Г. И. Анохин. Сызранцев и Левченко устроились на жительство в станице Потанино, в 12 верстах от города, где также была создана подпольная группа. К весне в Павлодаре был избран подпольный комитет: И. И. Сызранцев (председатель), А. В. Левченко, Г. И. Анохин, И. Иванов и К. Субботин. Через Якимцева они установили связь с тюрьмой, в которой велась революционная работа.

Павлодарский подпольный комитет установил связь с местной воинской командой. Связались и с другими организациями, в том числе славгородской. В марте 1919 года комитет направил в Экибастуз А. В. Левченко. Задание комитета он выполнил, установив через В. В. Петрова связь с шахтерами⁴. В восточных волостях Павлодарского уезда имелись

партии Казахстана (ПАСО КПК), ф. 103, оп. 1, д. 50, л. 5, 6; ПА КФИМЛ, ф. 811, оп. 1, д. 18, л. 1—3.

¹ См. «Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане», т. 1. Алма-Ата, 1963, стр. 629.

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 104, л. 1 а.

³ ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 340, л. 28.

⁴ Партийный архив Павлодарского обкома Коммунистической партии Казахстана (ПАПО КПК), ф. 3, оп. 31, д. 2, л. 5,

подпольные организации в селах Романовке, Рождественке, Вознесенке и других, на юго-востоке — в Б. Владимировке, Семеновке, в поселке Ермак (там группа насчитывала 30—35 человек)¹.

В восточной части Семипалатинского уезда имелись подпольные группы в Шемонаихе, Новой Шульбе, Бородулихе и других селах. Группу в Новой Шульбе возглавляли Левченко, Юрченко, А. Пикалов. Она была связана с подпольной группой 2-го Барабинского полка, который дислоцировался в Новониколаевске, а также с другими сельскими организациями, вела военно-боевую работу².

В Усть-Каменогорском и Зайсанском уездах продолжалась организация подпольных групп. Одним из их организаторов был коммунист Демин. В десятках сел восточной части Семипалатинской области весной 1919 года шла напряженная подготовка к восстанию. Готовилось объединение всех групп и организаций, создание единого партийного органа. Но этого сделать не удалось из-за арестов многих подпольщиков в Подгорном, Пятигорском, Петропавловском, Белом и других селах. Часть арестованных была расстреляна³.

В соседней Алтайской губернии подпольная работа успешно развивалась и в деревне, и в городах, особенно в Барнауле, где к началу зимы произошло дальнейшее сплочение коммунистов. Центральный комитет РКП(б) Сибири прислал в Барнаул для работы в городском комитете Е. М. Кужелеву. Она привезла с собой материалы и решения 2-й Сибирской подпольной конференции и ознакомила с ними организацию⁴.

По вопросу об отношении барнаульской организации к вооруженной борьбе и о положении в ней в исторических работах имеются различные суждения. Так, В. Г. Мирзоев пишет, что барнаульской организации с самого начала пришлось вести борьбу с вредными установками ряда работ-

¹ 13 (Воспоминания М. С. Долинского); д. 4, л. 35, 36 (Воспоминания М. Н. Кулик); Государственный архив Павлодарской области (ГАПО) (Воспоминания А. Р. Ежова), л. 17—19.

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 11, д. 64, л. 1.

² ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1082, л. 1.

³ Центральный государственный архив Казахской ССР (ЦГА КазССР), ф. 1375, оп. 1, д. 1, л. 9 (Воспоминания М. Долженко).

⁴ Письма Е. М. Кужелевой (личный архив автора).

ников. Автор отмечает, будто одна группа, «исходя из явно троцкистского отрицания партизанского движения, предлагала готовить и проводить восстание только в городе. Она отрицала революционный характер партизанского движения, видя в нем бессмысленный и стихийный бунт». Вторая группа «считала необходимым, напротив, вообще отказаться от какой-либо партийной работы в городе и перенести ее целиком в деревню. Предлагалось сделать единственной формой партийной работы партизанское движение. Это было попыткой ликвидировать партию, вырвать ее рабочую основу в городах и таким образом обезглавить партизанское движение, за которое как будто ратовала эта группа»¹.

Вопрос о борьбе в барнаульской организации освещается также в монографии М. И. Стишова. Автор утверждает, что М. Ворожцов и А. Сухно допускали «крестьянский уклон», требуя «вывода всей партийной организации из города в деревню», а П. Коваленко и некоторые другие «активисты-подпольщики» выражали неверие в возможность «руководства и возглавления партизанского движения большевистской партийной организацией и рабочими города»².

Оба автора ссылаются на воспоминания А. А. Малиновского. В этих воспоминаниях говорится, что М. Ворожцов и А. Сухно выступали за вывод партийной организации в деревню, мотивируя это тем, что взятие власти только рабочими города невозможно при сложившемся соотношении сил. Малиновский далее пишет, что «у ряда членов комитета» были явно «антипартийные, троцкистские установки, которые выражались в неверии в возможность руководства и возглавления партизанского движения большевистской партийной организацией и рабочими города. Это граничило с предательством по отношению к партийной организации»³.

Что можно сказать по поводу этих высказываний, сделанных в 30-е годы? С ними нельзя согласиться. Оценка Малиновского излишне резка и субъективна. С февраля 1919 года он входил в Барнаульский комитет. Себя он, разумеется, из числа сторонников «антипартийных, троцкистских уста-

¹ В. Мирзоев. *Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1919 гг.)*. Кемерово, 1957, стр. 50.

² М. И. Стишов. *Большевист-*

ское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны, стр. 193.

³ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1014, л. 34.

новок» исключал. Кроме него в комитет входили И. В. Сурнов, Е. М. Кужелева, В. Ф. Тиунов, А. Медведев, Н. Разницын и, возможно, А. И. Сухно. Никого из них Малиновский конкретно к сторонникам «троцкистских» установок не относил. В других многочисленных воспоминаниях оппортунистических взглядов этим работникам не приписывается. Все это требует осторожного, критического отношения к высказываниям Малиновского.

Воспоминания И. В. Сурнова, В. Ф. Тиунова, Е. М. Кужелевой, А. И. Балеевского и других дают иное освещение положения в организации. В них говорится о естественных спорах между членами партийного комитета по вопросам тактики, форм и методов работы в сложной и постоянно меняющейся обстановке, об отдельных, подчас совершенно неправильных взглядах некоторых работников, которые отказывались от них, как только убеждались в их ошибочности. От этих работников организация не «очищалась», никто из членов Барнаульского комитета из его состава не выво- дился.

Особый разговор должен идти о П. А. Коваленко, который, по всей видимости, в комитет не входил. Е. М. Кужелева вспоминает, что во время пребывания в Барнауле члена Сибирского подпольного ЦК М. М. Рабиновича, ему было сообщено о поведении Коваленко. Рабинович беседовал с ним и другими членами партии, стоявшими в стороне от работы подпольной организации, и пришел к выводу, что «Коваленко проявляет себя как обыватель, что он сторонится от всяких связей с большевистским подпольем, потому что бережет себя»¹. Интересовался Рабинович и поведением Б. З. Шумяцкого, который некоторое время находился в Барнауле и тоже не принимал участия в практической революционной работе, но на заседании комитета отстаивал свои тезисы (на которых мы останавливались выше). Барнаульским коммунистам он заявил, что будет докладывать о поведении Шумяцкого и Коваленко Центральному комитету РКП(б) Сибири.

М. М. Рабинович, приезжавший в Барнаул в первой половине февраля 1919 года, оказал местной организации боль-

¹ Воспоминания Е. М. Кужелевой о М. М. Рабиновиче (личный архив автора).

шую помощь. В день его приезда вечером состоялось расширенное заседание подпольного комитета и активистов в составе И. В. Сурнова, Е. М. Кужелевой, А. А. Малиновского, В. Ф. Тиунова, Э. А. Алексеевой, Я. Кельмана и Г. Шергова¹. Член сибирско-уральского подпольного центра проинформировал руководителей алтайских коммунистов-подпольщиков о положении в стране, о революционных выступлениях за рубежом и операциях Красной Армии, сообщил о предстоящей общесибирской подпольной конференции и передал барнаульской организации приглашение принять в ней участие. Рассказав о двух омских восстаниях, Рабинович подчеркнул, что массы проявили огромную революционную энергию. Он остановился на причинах неудачи выступлений и на уроках, которые большевистскому подполью следовало извлечь из омских событий для последующей борьбы. Перед барнаульскими коммунистами и всем подпольем Алтая выдвигались задачи тщательно проверить свою военную организацию, укрепить связи с рабочими города и партизанами и энергично готовить массовое революционное восстание к весне.

После отъезда Рабиновича подпольный комитет стал готовить нелегальную конференцию и провел ее во второй половине февраля. О том, что конференция проводилась в феврале и до провала организации, писали в воспоминаниях все три члена подпольного комитета первого состава: И. В. Сурнов, В. Ф. Тиунов и Е. М. Кужелева. Так, Тиунов отмечал: «Примерно во второй половине февраля или начале марта мы устроили общегородскую конференцию», что он был избран делегатом на 3-ю Сибирскую конференцию, получил мандат, который во время ареста вынужден был незаметно изжевать и проглотить. Все это подтверждает Е. М. Кужелева. Она считает, что провал начался в ночь на 23 февраля, а конференция состоялась на день-два раньше².

¹ Воспоминания Е. М. Кужелевой (личный архив автора). В работе В. Мирзоева «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1919 гг.)» (стр. 49, 50) подробно описывается подпольная конференция, будто бы состоявшаяся 3 декабря 1918 го-

да в Барнауле под руководством Рабиновича. Такой конференции не было ни 3 декабря, ни позднее, а совещание под руководством Рабиновича состоялось два месяца спустя.

² Личный архив автора. Эти данные подтверждаются доку-

В работе конференции участвовало более 20 делегатов¹. Судя по воспоминаниям Тиунова и Малиновского, в повестке дня стояли такие вопросы: 1) текущий момент и ближайшие задачи организации (докладчик И. В. Сурнов); 2) тактика в условиях текущей нелегальной работы (докладчик В. Ф. Тиунов), 3) организационные вопросы (докладчик А. А. Малиновский); 4) выборы партийного комитета и делегата на 3-ю Сибирскую подпольную конференцию²

Конференция наметила задачи: усилить работу по расширению и укреплению связей с рабочими массами; обратить большое внимание на создание революционных подпольных ячеек в деревне; разнообразить тактические средства; укрепить связь с партизанами; улучшить военно-боевую работу; повести более интенсивную работу в белогвардейских частях; мобилизовать все революционные силы города и деревни для подготовки вооруженного восстания и восстановления Советской власти. Новым в этих решениях было то, что они определенно ориентировали организацию на усиление работы в массах, особенно среди трудящихся крестьян, и на развитие партизанского движения. Однако в этих направлениях работа барнаульскими коммунистами проводилась и прежде, только недостаточная. Некоторая работа проводилась в частях гарнизона, в села выезжали представители организации³.

Вряд ли можно согласиться с суждением историков, будто прежний курс был принципиально иным, чуть ли не опи-

ментами. 20 мая 1919 года начальник алтайского губернского управления государственной охраны писал управляющему Томской губернией: «В г. Барнауле во второй половине февраля месяца была задержана и передана в распоряжение следственной комиссии прибывшая из г. Томска слушательница высших женских курсов Е. Николаева, ныне оказавшаяся Кужелевой» (ГАТО, ф. 810, оп. 1, д. 6, л. 10).

¹ В. Ф. Тиунов писал, что на конференции было около 20 человек; А. А. Малиновский указы-

вал, что было 25—30 человек (ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1014, л. 21—24).

² Воспоминания В. Ф. Тиунова (личный архив автора); см. также М. И. Стишов. Большевицское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны, стр. 128. При аресте у В. Ф. Тиунова была обнаружена тетрадь с проектом устава организации. Подготовленный комитетом проект устава, очевидно, не обсуждался.

³ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1014, л. 8, 9.

бочным и т. д.¹ Такое противопоставление тем более неуместно, что с докладами по основным вопросам выступали члены комитета первого состава И. В. Сурнов и В. Ф. Тиунов. Вряд ли можно согласиться и с противопоставлением решений Барнаульской конференции линии Сибирского ЦК.

Конференция решила также улучшить структуру организации, больше внимания обращать на конспирацию, расширить состав и права подпольного комитета, в частности дать ему право кооптировать новых членов. Комитет был избран из семи человек. В 1934 году Малиновский назвал шесть имен: А. А. Малиновский (председатель), А. Медведев, М. И. Ворожцов, А. И. Сухно, Н. Разницын и П. Коваленко². Но эти сведения нельзя считать точными. Как вспоминает Е. М. Кужелева, в комитет вошли все три члена его первого состава. Сурнов, Тиунов и Кужелева, причем председателем остался Сурнов. О том, что были избраны также Малиновский, Медведев и Разницын, говорится в нескольких воспоминаниях, но кто вошел в комитет седьмым, сказать трудно. Возможно, Сухно, однако Кужелева считает, что он вошел в комитет позднее. Что же касается Ворожцова и Коваленко, то они не могли быть членами комитета: Ворожцов был председателем штаба и поэтому в комитет не избирался, а Коваленко в то время участия в подпольной работе не принимал, вел себя недостойно и не мог быть членом комитета³.

Решения конференции имели для коммунистов Барнаула и Алтайской губернии исключительно большое значение. Если не считать конференции (скорее небольшого совещания

¹ См. В. Мирзоев. *Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1919 гг.)*, стр. 51; М. И. Стишов. *Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны*, стр. 128, 195 и др.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1014, л. 24; см. также М. И. Стишов. *Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны*, стр. 129.

³ Кужелева считает, что Коваленко не был членом комитета.

Малиновский назвал его в числе членов комитета, избранных на конференции, но в том же выступлении отмечал, что после провала была собрана небольшая группа актива, «в том числе был приглашен Коваленко П., который на это совещание не явился» (ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1014, л. 23). Отсюда можно заключить, что Коваленко, которого специально приглашали на совещание, не был членом комитета.

партийного актива), проведенной в сентябре 1918 года и не принявшей специальных решений, февральская конференция была единственной в истории барнаульской подпольной организации. Ее решения, учитывавшие особенности работы на Алтае, помогли коммунистам расширить сеть подпольных организаций и усилить руководство революционной борьбой масс.

Но не успели барнаульские коммунисты приступить к претворению решений конференции в жизнь, как в 20-х числах февраля последовал провал организации. В нее проник левый эсер Николаев (Прозоровский), который узнал в лицо нескольких видных подпольщиков и всех их выдал.

Всего было арестовано до 30 человек, в числе первых — члены Барнаульского комитета В. Ф. Тиунов (Терещенко) и Е. М. Кужелева (Николаева). Тиунову под руководством Э. А. Алексеевой был организован побег. Председатель комитета И. В. Сурнов не был арестован случайно, так как накануне выехал в деревню для агитации. В тот период у подпольщиков и населения Барнаула колчаковцы отобрали 31 винтовку, 7 револьверов, 2 бомбы и много патронов¹.

Организация оказалась в трудном положении. Однако ни комитет, ни военно-революционный штаб не были разгромлены, выбыли из строя только отдельные их члены. Сурнов и Тиунов, несмотря на угрозу ареста, из района Барнаула не уезжали, считая своим долгом восстановить комитет и передать дела другим работникам. Только во второй половине марта они выехали в Омск.

Комитет возобновил работу в середине марта. В нем состояли А. А. Малиновский, который принял в восстановлении комитета самое деятельное участие, А. Медведев и Н. Разницын. В это время и позднее в комитет были кооптированы Л. А. Папардэ — член партии с 1912 года, Я. Кельман, П. Г. Канцелярский, А. И. Сухно (если он не был избран в комитет на февральской подпольной конференции), А. И. Балеевский².

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 11, д. 64, л. 6, 7.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1014, л. 26; д. 1018, л. 9. В некоторых воспоминаниях, в частности

Е. М. Кужелевой и А. А. Малиновского, в числе кооптированных членов комитета называется Э. А. Алексеева.

В соответствии с решениями общегородской конференции стала расширяться работа в городе и губернии. На нужды организации были употреблены деньги, изъятые М. И. Ворожцовым и П. Я. Новиковым у Петра Коваленко¹.

При Барнаульском комитете РКП(б) имелись отделы: агитационный с издательским подотделом, информационный, связи, Красный Крест, паспортное бюро. На правах отдела продолжал работу военно-революционный штаб, который по-прежнему возглавлял М. И. Ворожцов (Анатолий). Барнаульская подпольная организация была разделена на шесть (по другим сведениям — на пять) районов: Городской, Железнодорожный, Подгляденский, Нагорный, Зайчанский и Затонский. В них были организованы районные подпольные комитеты. В Затонском районе комитета не было: единственная имевшаяся там «пятерка» была непосредственно связана с общегородским комитетом. В районах имелось до 33 «пятерок» с общим числом членов от 183 до 204².

Барнаульский комитет послал в Бийск группу работников во главе с А. И. Поповым. В феврале — марте там была создана подпольная группа численностью не менее 30 человек. В ней состояли не только коммунисты, но и левые эсеры, меньшевики-интернационалисты, беспартийные. Возглавляло их бюро из пяти человек: А. И. Попов, А. И. Перевалов (порвавший с левыми эсерами, впоследствии вступивший в большевистскую партию), В. И. Замарацкая, Р. С. Губанов и И. А. Бородин³.

В Бийске в то время имелась еще одна организация, возглавлявшаяся штабом. В нее входило примерно 20 человек. Председателем штаба был П. М. Мерлин, комиссаром — В. С. Шадрин. Главной задачей организации была подготовка вооруженного восстания, создание партизанских отрядов и руководство их действиями. Было подготов-

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1014, л. 12. Воспоминания Е. М. Кужелевой (личный архив автора). Коваленко получил деньги для подпольной работы летом 1918 года, но передать их подпольной организации отказывался (по сведениям И. В. Сурнова — 45 тысяч рублей, а по сведениям Е. М. Кужелевой — 25 ты-

сяч). Большую часть этих денег Барнаульский комитет передал Сибирскому обкому.

² См. М. И. Стишов. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны, стр. 129.

³ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1019, л. 8—10, 27—29.

лено воззвание, призывавшее население к вооруженному выступлению. Но совершенно неожиданно в ночь с 18 на 19 мая члены штаба были арестованы и преданы военно-полевому суду. Пять человек (П. М. Мерлин, В. С. Шадрин, М. К. Казанцев, И. М. Казанцев, М. М. Митрофанов) были приговорены к повешению и в ночь с 26 на 27 июня казнены. Остальные приговорены к различным срокам каторжных работ и тюремного заключения¹. Подпольная же организация во главе с А. И. Поповым работу продолжала.

В конце осени 1918 года и зимой на Алтае возникло много подпольных организаций и групп в селах. Барнаульский комитет по приезде из Томска Е. М. Кужелевой специально рассмотрел вопрос о развертывании революционной борьбы в деревне. По утверждению И. В. Сурнова, по данному вопросу была разработана особая инструкция².

Подпольная организация с центром в Быстром Истоке в январе 1919 года охватила 11 сел и насчитывала более 300 человек³. Правда, затем она в связи с частичным провалом и вынужденным отъездом А. И. Попова несколько уменьшилась. Другой крупнейшей организацией была зиминская, также включавшая в себя подпольщиков нескольких сел⁴.

В губернии имелось еще несколько крупных и множество мелких организаций и групп, членами которых состояли в подавляющем большинстве беспартийные крестьяне. В группы некоторых сел, например в Костином Лого, входили одни беспартийные⁵. Однако крестьяне-подпольщики считали себя большевиками, а свои группы и организации чаще всего именовали большевистскими. Некоторыми из них руководил Барнаульский комитет, бийская и другие большевистские организации.

Одной из наиболее крупных в Сибири организаций РКП(б) была томская. Возглавлял ее по-прежнему Хендрик Янович Суудер. Томская организация, как и другие, к восстанию

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 9, д. 5, л. 116; ф. 236, оп. 1, д. 1 б, л. 129; ф. 261, оп. 1, д. 22, л. 101.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1014, л. 8, 9.

³ См. «Повстанческое движение на Алтае», стр. 43, 44.

⁴ См. «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 187, 188.

⁵ Государственный архив Актюбинской области (ГААО), ф. 98, оп. 1, д. 100, л. 3.

готовилась, но там сказывались последствия неудачного выступления политзаключенных и солдат 1 ноября. На запрос ЦК РКП(б) Сибири из Омска в начале декабря было сообщено, что на подготовку восстания нужно еще по крайней мере две недели¹.

Вопрос о позициях Томского комитета и лично Суудера относительно вооруженного восстания в декабре в литературе не выяснен. Обнаруженные нами документы и материалы говорят о том, что Томский комитет во главе с Суудером решил восстание в Омске поддержать. В Томск были вызваны представители судженской, анжерской и других большевистских организаций губернии. Поскольку в Томске достаточных сил для успешного проведения восстания не имелось, было решено основную ставку сделать на Судженку, Анжерку, Тайгу, где большие коллективы рабочих были подготовлены к восстанию. Одновременно готовился и партизанский отряд Петра Лубкова, который должен был подойти к железной дороге и принять меры к подготовке восстания в селах. С целью усиления боевых сил комитет решил вызвать в Томск часть коммунистов-подпольщиков с периферии.

Члены Судженского комитета И. Лобов и А. Губов (нелегальные фамилии), вернувшись из Томска на копи, написали командиру партизанского отряда Лубкову письмо: «Мы были в Томске, принята резолюция в таком виде: Если центр, Омск, не отложит выступление на месяц, то немедленно сделать массовое выступление в деревнях. Судженка, Анжерка, Тайга должны взорвать Сибирский путь и выставить заслон на Мариинск, Томск, Новониколаевск. Томск сделает массовый террор, Омск выступит открыто. Боготол, Ачинск, Минусинск выступят открыто. Приезжай немедленно. Судженка. Скажи всем своим деревням быть готовыми к выступлению до вашего приезда. Ждем. Немедленно приезжай»²

Таким образом, еще до ответа из Омска об отсрочке восстания коммунисты Томска и губернии принимают конкретные меры к выступлению одновременно с Омском и, как ожидалось, другими городами Сибири. Сибирский

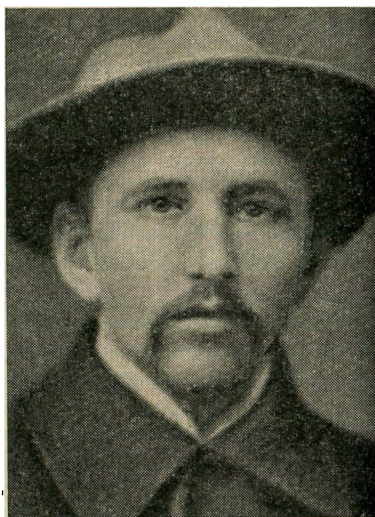
¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 632, л. 8
(Воспоминания В. С. Митряева).

² ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 12,
л. 23.

К. П. Ильмер

ЦК РКП(б) отсрочил восстание лишь до второй половины декабря. О конкретном сроке выступления было сообщено местным организациям, в том числе и в Томск.

Томский комитет в середине декабря послал своих работников на места, в села. В назначенное время, как отмечал В. С. Митряев, в то время член Сибирского подпольного ЦК РКП(б), работавший в Томске, по распоряжению Томского комитета в некоторых деревнях, например Святославке, выступление было начато. Но 22 декабря была получена

условная телеграмма о том, что восстание в Омске потерпело поражение. В этих условиях о выступлении в Томске, где подготовка к восстанию еще не закончилась, не могло быть и речи. В тех селах, где восстание началось, повстанцы были переведены на партизанское положение¹

Подготовка к восстанию продолжалась. Вечером 2 марта в Томске была предпринята попытка поднять восстание, но она сорвалась, а через два дня произошел провал. Колчаковцы схватили 16 коммунистов, включая К. П. Ильмера и И. С. Григорьева².

В марте томская организация постепенно восстанавливала работу, оправляясь от провала. В середине марта на совещании, состоявшемся в доме № 15 по Большой Вокзальной, был избран временный подпольный комитет из семи человек. По сведениям участника совещания Л. А. Бурова (Т. Т. Галущенко) и Н. Т. Байбородина, в комитет вошли Виктор (председатель), Катя (казначей), поляк (секретарь)

¹ ПАТО, ф. 4204, оп. 2, д. 47, л. 15—17; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 632, л. 8.

² См. «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)», стр. 402.

и приехавший из Красноярска латыш по имени Антон¹. Если расшифровать эти имена, то можно прийти к выводу, что в комитет вошли В. С. Митряев (председатель), Е. С. Федорова (казначей), неизвестный нам поляк (секретарь) и Антон Один, бывший до приезда в Томск членом Красноярского комитета².

Комитет срочно делегировал на 3-ю Сибирскую подпольную большевистскую конференцию Е. С. Федорову. В марте — апреле 1919 года Томский комитет продолжал работу по укреплению ячеек, организовал выпуск прокламаций, налаживал связи с другими организациями губернии, с сельскими ячейками, партизанскими отрядами³.

Особенно тесными были связи томских коммунистов с тайгинской большевистской организацией. Там еще в январе 1919 года стала формироваться боевая группа под названием «Дружина фронтовиков». Ею руководил А. Мокрушин. В Тайге распространялись прокламации. 9 января под председательством Мокрушина в Тайге состоялось нелегальное совещание, созванное по поручению Томского комитета РКП(б). На нём присутствовали не только местные подпольщики, но и представители других организаций. Совещание рассматривало вопрос о готовности местных организаций к восстанию. На следующее утро участники совещания, выданные предателем Шредером, почти все были схвачены⁴. Но основная часть организации уцелела и продолжала работу.

Расширяли и укрепляли свои ряды кольчугинская, щеголовская, анжерская, судженская организации. Большое внимание уделялось предупреждению провалов, усовершенствованию системы конспирации, укреплению дисциплины всех коммунистов. Подпольный комитет судженской организации подготовил и обсудил на собрании актива вопрос о дисциплине. В принятом постановлении содержались три важных, в сущности, уставных положения: «1) Каждый вступающий в организацию должен быть готов во всякое время выступать с оружием в руках на защиту революци-

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1515, л. 5; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 623, л. 106, 108.

² ЦАКК, ф. 64, оп. 4, д. 337, л. 1—8; д. 325, л. 1.

³ ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 228 а, л. 85, 86; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 668, л. 2.

онных завоеваний рабочего класса и расширения таковых; в настоящий момент это должно выразиться в свержении буржуазно-монархической диктатуры и борьбе против мелкобуржуазно-соглашательских идей «народовластия» за власть Советов. 2) В боевой партийной организации должна быть строгая ответственность: рядовые бойцы всецело подчиняются районному комиссару и без его ведома и разрешения не могут отлучиться из копей на срок более 10 часов. Районные комиссары подчиняются военно-революционному штабу, а члены последнего — общему постановлению, они ответственны перед всей организацией. 3) Члены боевой организации, вступившие в таковую с целью провокации, изменяющие организации или в решающий момент уклоняющиеся от своих прямых обязанностей, подлежат смертной казни. Настоящее постановление распространить среди членов организации»¹.

Новониколаевская большевистская организация, как и томская и другие, работала главным образом в городе, сплавивая рабочих и солдат, сочувствующих Коммунистической партии. Работали подпольщики и в белопольских частях. Доносы предателей, слежка за рабочими навели контрразведчиков на след организации. 4 и 30 марта, а затем в начале апреля были арестованы три группы подпольщиков, включая А. В. Бердникову, которой, однако, удалось бежать в Иркутск. У подпольщиков было найдено оружие и воззвания от имени большевистской организации к войскам и трудящимся².

Организация была очень ослаблена. Но в конце марта и в апреле Сибирский обком и Омский комитет послали в Новониколаевск несколько видных коммунистов: И. В. Сурнова, Н. Т. Заливину, М. Ф. Кузнецову. Комитет возглавил И. В. Сурнов. В качестве члена комитета продолжал работать В. С. Онучин (дядя Вася), представлявший организацию на 3-й Сибирской конференции³.

Второй этап в работе подпольных организаций в Западной Сибири сопровождался в начале резким подъемом, а затем

¹ ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 12, л. 22.

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 10 б, л. 88; д. 118, л. 6.

³ Воспоминания И. В. Сурнова (личный архив автора).

некоторым спадом. Ни в каких других районах Сибири и Урала зимой 1918/19 года не наблюдалось такого бурного роста подпольных организаций, как в Западной Сибири, повышения их активности и роли в революционной борьбе трудящихся масс. Огромные потери, понесенные подпольными организациями Омска, Томска, Новониколаевска, Барнаула и других городов в феврале — апреле 1919 года, были почти невосполнимы. Особенно это относилось к омской организации, потерявшей сотни членов подпольных ячеек и бойцов-дружинников.

7 Большевицские организации Восточной Сибири

Во всех без исключения районах Восточной Сибири с конца осени 1918 года начался бурный подъем в работе большевистских партийных организаций и революционной борьбе. Зимой сформировались некоторые городские организации и комитеты.

Зимой и весной 1919 года Красноярский комитет, восстановленный в конце осени 1918 года, возглавлявшийся вначале Ф. Я. Лейманом, затем А. В. Байковым, был постоянно связан с Центральным комитетом РКП(б) Сибири, получал от него инструкции, деньги и другую помощь. Представители красноярской организации приняли участие в работе обеих общесибирских подпольных конференций. На первой присутствовал И. А. Дорофеев, на второй — А. В. Байков¹.

Красноярский партийный комитет развернул кипучую деятельность в городе и губернии, укрепляя подпольные ячейки, создавая новые организации и группы. Рабочие-железнодорожники были главной опорой большевистской организации.

Успешно вели революционную борьбу и все другие рабочие. Комитет стал больше уделять внимания водникам. Когда в Затоне произошел провал партийного ядра (были арестованы четыре-пять работников), то туда на работу был

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 627, л. 17, 18; ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 164, л. 1—3.

направлен коммунист Н. Т. Тиунов, работавший в организации с ноября 1918 года. Водники срывали бронирование пароходов, захватили один из них и передали его вместе с вооружением партизанам¹.

В Красноярске продолжал работу Красный Крест. По-прежнему основную часть продуктов и средства для оказания помощи политзаключенным и их семьям он получал от кооперативного общества «Самодеятельность», торговый оборот которого достиг 7 миллионов рублей. Зимой и весной 1919 года через служащих этого общества оказывалась большая помощь партизанам Степно-Баджейского фронта. При участии П. Н. Меженина, Г. Д. Чернова, А. А. Садиной-Чернавиной и других обеспечивалось снабжение партизан порохом и разного рода припасами из складов общества. Некоторую работу красноярские коммунисты вели и в профсоюзных организациях. Часть сумм на нужды Красного Креста поступала от этих организаций, в частности от железнодорожной². Большая работа проводилась красноярской организацией в воинских частях, включая иностранные, и в белогвардейской милиции.

Первая попытка поднять восстание была предпринята еще примерно в начале декабря 1918 года. Но в условленном месте — у кирпичных сараев — собралось лишь около 100—150 человек. Взвесив создавшуюся обстановку, руководители В. А. Уланов, И. Ф. Кузьменко и другие решили восстание отменить. Все разошлись³.

В дальнейшем, в феврале — марте, подготовка восстания срывалась из-за частичных провалов. 6—8 марта были арестованы девять подпольщиков, затем еще несколько человек. 26 марта управляющий губернией отмечал: «Удалось захватить, видимо, значительную часть организации, но не всю. Предстоит трудная задача выяснения организации, ведущей пропаганду в армии»⁴.

В сложных условиях протекала работа коммунистов в других городах (Енисейске, Ачинске, Канске), заводских поселках, на железнодорожных станциях. В связи с ослаб-

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 3, д. 157, л. 11—20 (Воспоминания Н. Т. Тиунова).

² ЦГАОР, ф. 176, оп. 1, д. 8, л. 24. л. 305; ф. 1711, оп. 1, д. 8, л. 24.

³ ПАНО ф. 5, оп. 3, д. 124, л. 29; ПАРК, ф. 64, оп. 5, д. 231, л. 3, 4; д. 620, л. 3, 4.

⁴ ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 16, л. 341; оп. 10, д. 10 б, л. 51, 74.

С. И. Дерябина

лением канской городской организации в феврале и весной 1919 года большую роль, чем прежде, стали играть коммунисты в местной тюрьме. В феврале и марте они усиленно готовились к восстанию, спланировали политзаключенных. Подпольная группа из тюрьмы укрепила связь с городской большевистской организацией, заручилась ее согласием на участие в восстании. Подпольщики ставили целью освободить тюрьму, создать отряд, вооружиться и соединиться с партизанами, нанеся удар колчаковцам с тыла.

7 марта канские коммунисты из тюрьмы писали командиру партизанского отряда П. Е. Щетинкину, что «в тюрьме насчитывается надежных бойцов более 100 человек... Просим ваших инструкций. С вашего согласия мы не остановимся ни перед чем. И укажите нам время действия»¹.

Таким образом, канские подпольщики намеревались выступить совместно с партизанами, ориентируясь на их план действий. Но восстания не произошло. Письмо, направленное Щетинкину, было перехвачено колчаковцами. Ачинские подпольщики также ориентировались в работе на действия партизан и оказывали им помощь².

С наступлением зимы постепенно в число ведущих в Восточной Сибири выходит иркутская большевистская организация. Слабость большевистского подполья в Иркутске объяснялась прежде всего отсутствием опытных руководителей. Об этом прямо было сказано делегатом от иркутской организации на 3-й Сибирской подпольной конференции С. И. Дерябиной.

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 14, д. 20, л. 49.

² ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 484, л. 2, 3; д. 654, л. 4, 82.

В конце зимы — начале весны в город прибыли Л. В. Решетников, И. А. Дорофеев, П. Ф. Москалев и другие работники, что не замедлило сказаться на состоянии подпольной работы.

В начале января 1919 года в Иркутск приехал как посланец ЦК партии Д. Д. Киселев. Его информация и инструктаж влили струю бодрости в деятельность местных коммунистов, послужили решающим толчком для улучшения работы¹

Большую помощь в налаживании работы иркутским подпольщикам оказывали красноярская, читинская и другие организации, с которыми поддерживалась связь еще до наступления нового года. К началу 1919 года установилась связь с владивостокской организацией. Представители последней передали иркутянам явки в организации Забайкалья и Дальнего Востока. Из Читы в конце января 1919 года приезжала представитель Читинского комитета А. И. Куприянова. Она договорилась с местными коммунистами о координации действий подпольных организаций, проинформировала их о революционной работе в Чите².

Большую роль играли коммунисты, освободившиеся из заключения. Среди них была С. И. Дерябина, которая в феврале и начале марта стала одним из руководителей организации. Видную роль в организации продолжали играть А. С. Скундрик, А. М. Винокамень и особенно К. И. Мионов. До появления в организации Дерябиной они составляли руководящую группу. Единая подпольная организация в Иркутске и городской комитет были созданы именно зимой.

Общегородской партийный центр, вероятнее всего, был создан в первой половине января 1919 года, во время пребывания в городе Д. Д. Киселева, на одном из проведенных им заседаний. Можно предполагать, что в партийный центр (общегородской коллектив) входили К. И. Мионов, А. С. Скундрик, А. М. Винокамень. Позднее был создан подпольный комитет из пяти человек. По получении приглашения послать делегата на 3-ю Сибирскую конференцию

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 16; оп. 3, д. 156, л. 15, 16.

² ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 142, л. 27; см. А. И. Куприянова. Работа подпольщика (в кн.: «Пар-

тизаны Прибайкалья» (Воспоминания участников гражданской войны в Бурят-Монголии). Улан-Удэ, 1957, стр. 133, 134).

созывается, как писала Е. Алексеева, совещание. Вероятно, это была конференция. Она состоялась примерно в середине марта и была многочленной: на ней присутствовало около 30 представителей ячеек. Она заслушала информацию о предстоящей общесибирской конференции и доклад С. И. Дерябиной о международном положении. По докладу была принята резолюция. Делегатом на общесибирскую конференцию была избрана Дерябина¹.

До конференции была проделана большая организационно-политическая работа. Произошло дальнейшее укрепление глазковской организации железнодорожных рабочих: она насчитывала уже до 60 членов, плативших членские взносы; была сформирована рабочая дружина численностью около 50 человек. Зимой развернулась усиленная коммунистическая агитация среди железнодорожников (особенно рабочих депо) на станции Иннокентьевская. Почти вся масса рабочих станции шла за коммунистами.

Железнодорожники Иркутска и Иннокентьевской, действуя под руководством коммунистов, разрушали железнодорожные сооружения и добывали оружие и все то, что было необходимо для борьбы. Подпольщики сообщали друг другу с одной станции на другую и партизанам о движении поездов со снарядами и другими военными грузами. Эти поезда обстреливались или спускались под откос. К середине марта подпольные ячейки имелись на гвоздильном заводе, в пимокатных и в обозной мастерских и на других мелких предприятиях — всего около 10.

Общегородскому подпольному центру удалось установить связи с подпольем военнопленных в военном (Заиркутном) городке. Военнопленных насчитывалось около 4 тысяч. Они просили у подпольной организации оружие и рвались к выступлению².

Иркутская большевистская организация большое внимание уделяла работе в воинских частях, школе унтер-офице-

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 3, д. 156, л. 14—16. Может быть, на этой конференции (совещании) и был избран комитет из пяти человек, но С. И. Дерябина о его работе не говорила, так как после конференции уехала, а в отчете

сообщала только о проделанной работе, то есть о деятельности «общегородского коллектива» в составе трех членов.

² ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 142, л. 2; «Колчаковщина», стр. 169.

ров, казачьей сотне, артиллерийских дивизионах, Иркутском гусарском полку, среди румын и чехословаков. Так, в батареях 1-го Восточно-Сибирского легкого артиллерийского дивизиона, находившегося в городе зимой и весной 1919 года, существовала подпольная группа во главе с Павлом Юшковым¹.

Работе в войсках особое внимание уделяла глазковская организация. Один из ее руководителей, член партии с 1917 года А. Калинин, стал работать в 53-м полку оружейным мастером. В качестве фельдшеров, писарей и разных специалистов в белогвардейские полки подпольной организацией были направлены и другие ее члены. Калинин удалось утаить в оружейной мастерской и через рабочих и дезертировавших солдат передать подпольной организации и партизанам до 200 винтовок (они выносились в разобранном виде)².

Для работы в воинских частях при Иркутском комитете был создан военный штаб (отдел). По поручению комитета штаб начали создавать примерно во второй половине марта 1919 года П. Ф. Москалев, И. А. Дорофеев и другие коммунисты. В первой половине апреля штаб уже активно действовал, возглавляя всю военную работу. В это время он выпустил от своего имени обращение «К солдатам», которое было распространено в городе и в большом количестве отправлено на фронт³.

В иркутской организации имелись Красный Крест, вынужденный перейти в подполье, и паспортное бюро (отдел). В связи с получением Иркутским комитетом 6 марта от ЦК РКП(б) Сибири 15 тысяч рублей работа Красного Креста, да и всей организации, еще больше оживилась. В революционной работе использовались легальные рабочие организации — кооперативы и профсоюзы.

В марте — мае 1919 года в Иркутск прибыло много работников из подпольных организаций Западной Сибири, Красноярска и Забайкальской области. В их числе были А. В. Бердникова (Елена), К. П. Чудинова, Д. К. Чудинов,

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 9, д. 8, л. 15—18; ф. 296, оп. 2, д. 25, л. 4, 10.

² ПАОО, ф. 19, оп. 24, д. 132,

л. 48, 49 (Воспоминания А. Калинина).

³ ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 142, л. 82.

В. А. Орлова (Дуся), прошедшие большую школу подпольной революционной работы. Иркутская организация в апреле 1919 года насчитывала не менее 200 членов и, таким образом, выдвинулась в число самых крупных в Сибири. Если в результате ряда провалов некоторые уральские и западносибирские большевистские организации были ослаблены, число членов в них резко сократилось, то иркутская организация продолжала набирать силы, расти. Она была разделена на пять районов: Глазковский, Знаменский, Нагорный, Центральный и Иннокентьевский¹. В районах организовались районные комитеты РКП(б). При них были созданы районные военные штабы. Их работу направляли общегородской комитет и военный штаб при нем².

Иркутский комитет, как и многие другие общегородские комитеты Сибири, играл роль губернского партийного центра. Он посылал своих представителей в рабочие поселки, на станции, в села, устанавливал связь с местными коммунистами, помогал им наладить революционную работу. Зимой и весной 1919 года большую работу вели коммунисты Черемхово. Начальник иркутского отделения военного контроля в феврале отмечал, что в Черемхово имеется 15 тысяч рабочих и они «все почти большевики»³.

Большое беспокойство врагу причиняли подпольщики железнодорожных станций. Рабочие Усолья, Тулуна, Нижнеудинска, Тайшета много делали для выведения из строя железнодорожной линии и подвижного состава. С одной станции на другую сообщалось о прохождении эшелонов со снарядами и другими воинскими грузами. Производились крушения эшелонов. К началу апреля 1919 года только в районе Тайшета «не менее трех путевых сторожей» обвинялись колчаковскими военными властями в крушении поездов⁴.

Весной 1919 года действовало большевистское подполье в Нижнеудинске, Слюдянке, Бодайбо.

¹ См. «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии (1918—1920 гг.)». Сборник документов. Иркутск, 1959, стр. 61.

² А. Г. Солодянкин полагает, что районные комитеты и штабы были созданы в начале 1919 года

(см. А. Г. Солодянкин. Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной, стр. 21).

³ ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 49, л. 13.

⁴ ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 142, л. 65.

Важное значение придавалось организации революционной работы среди политзаключенных. В Иркутской губернии на 10 марта 1919 года в тюрьмах томилось 4700 человек, в том числе в губернской — 1950, в уездных — 600, в Заиркутном военном городке — 800, остальные — в Александровском центре и пересыльной тюрьме¹. В тюрьмах возникли подпольные организации и группы.

Бурные революционные события развертывались в селах губернии. Как отмечали колчаковские власти, в марте 1919 года в селах шла «усиленная борьба между разумными (читай: кулацкими. — *И. П.*) элементами и большевиками, красноармейцами, терроризирующими первых. Особенно это наблюдается в Балаганском уезде в волостях Шиверовской, Рютинской, Новоудинской и Светлолобовской»².

В далекой Якутской области, где Советская власть была установлена незадолго до белочешского переворота, партийные силы были сравнительно невелики. Белогвардейцы после прихода к власти повели яростную борьбу против коммунистов, советских работников, заточили многих из них в тюрьмы.

Тойонам, кулакам, якутской и русской буржуазии, военщине стремились всячески услужить эсеры и меньшевики. «Очищая» область, эсерово-меньшевистские контрреволюционные власти осенью 1918 года выслали в иркутском направлении около 300 неугодных им жителей Якутска и других населенных пунктов. В их числе были коммунисты, сочувствующие партии рабочие, интеллигенты, левые эсеры. Часть якутских коммунистов обосновалась на жительство в Иркутске и включилась в подпольную работу

Коммунистов, оставшихся на свободе в Якутске и других местах области, насчитывались буквально единицы. В течение 1918 года объединиться, организовать они не смогли. Подпольная большевистская группа в Якутске возникла только в феврале 1919 года. Руководящую роль в группе играли Б. М. Чижик, И. А. Васильев, Л. И. Парадовский, Ф. Я. Лебедев. По сведениям П. П. Кочнева, за сравнительно небольшой период времени создается около 10 «пя-

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 1, д. 6, л. 214.

² ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 76, л. 483.

терок». В них входили рабочие, матросы парохода «Лена», учащиеся¹.

Группа называлась «Якутская организация коммунистов-большевиков». В ней преобладали беспартийные, вставшие на позиции большевистской партии. Первостепенное значение для большевистской организации (группы) имело установление связей с тюрьмой, где томилось до 30 политзаключенных. В их среде велась подпольная работа видными борцами за победу Советской власти в Якутии В. Котенко, М. В. Мегежекским (Ксенофонтовым), С. Аржаковым, Л. Данишем и др. К ним примкнул Х. Гладунов — меньшевик. В середине марта 1919 года Мегежекский был освобожден из тюрьмы. Он включился в подпольную работу в городе и вместе с революционно настроенной молодежью — учащимися учительской семинарии якутами Г. Огостуровым (Бровиным), П. Санниковым, русскими юношами Ф. Тарасовым, С. Митрофановым и Н. Кононыхиним — создал нелегальный кружок (группу). Весной 1919 года коммунистами и молодежной группой были распропагандированы многие солдаты, в среде которых возникли мелкие подпольные группы².

Организации значительную помощь оказывала преподавательница женской гимназии Ж. И. Монье. Она была связана с передовой молодежью города и с коммунистами-подпольщиками³.

В Якутске возникла и левоэсеровская подпольная группа, которая стала искать связей с большевиками и объединения с ними, высказывая готовность поддержать всякие антиколчаковские выступления. Но коммунисты в тот период от объединения отказались, однако связь с левоэсеровской группой поддерживали. В нелегальную боевую дружину уходила молодежь, включая и некоторых левых эсеров⁴.

Закончим обзор деятельности большевистских организаций в рассматриваемый период Забайкальской областью. Верхнеудинский комитет под руководством члена партии с

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1607, л. 1 (Воспоминания Суковатицина); газета «Автономная Якутия», 15 декабря 1922 г., 15 декабря 1925 г., 16 декабря 1928 г.

² «Автономная Якутия», 15 декабря 1922 г., 15 декабря 1927 г.

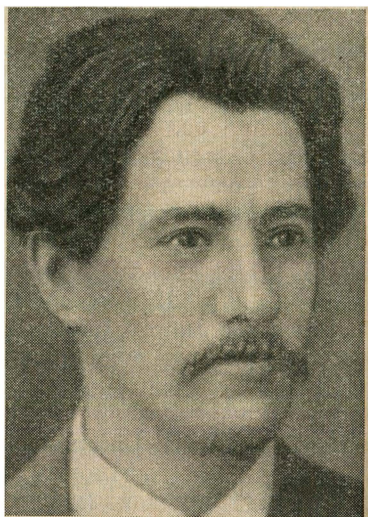
³ ЦГАОР, ф. 310, оп. 1, д. 197, л. 666—668.

⁴ «Автономная Якутия», 15 декабря 1925 г.

А. П. Вагжанов

1917 года Герасима Трофимовича Петрова (Трофимова) к концу 1918 года достиг значительных успехов в расширении сети подпольных ячеек в городе. Устанавливаются связи с некоторыми большевистскими группами, возникшими в Верхнеудинском и других уездах.

В декабре 1918 года в город прибыл А. П. Вагжанов. Он устроился сторожем в одном из магазинов общества потребителей «Экономия», имея на первых порах задачу вести подпольную работу в березовском белогвардейском гарнизоне. В начале 1919 года он кооптируется в состав

Прибайкальского подпольного комитета и избирается его председателем. К тому времени связи с подпольными организациями Сибири становятся обширными. Прибайкальский комитет был осведомлен о решениях двух первых подпольных большевистских конференций, о деятельности некоторых организаций, имел связи и с сибирским подпольным центром¹.

В Верхнеудинске подпольному комитету под руководством Г. Т. Петрова и А. П. Вагжанова удалось сплотить в ячейки всех коммунистов, сгруппировать вокруг них сочувствующих. Сильные подпольные ячейки были в «Экономии», железнодорожном депо, на стекольном заводе, среди типографских рабочих. Созданы были подпольные группы в Березовке, в Ганзурине, на Посольском консервном заводе, в селах, в частности в Усть-Селенгинском районе.

В апреле приехал в Верхнеудинск И. А. Кузнецов (по паспорту И. В. Воронов, партийная кличка Илья), направлен-

¹ См. «Борьба за Советы в Бурят-Монголии (1918—1920 гг.)», стр. 47—50; «Борцы за власть

Советов в Бурятии». Улан-Удэ, 1958, стр. 192.

ный из Омска председателем Сибирского обкома А. А. Масленниковым. Его посылка на руководящую работу в Прибайкалье была согласована с А. П. Вагжановым, который должен был возглавить Восточно-Сибирское бюро Сибирского обкома¹.

В Верхнеудинске началась подготовка подпольной конференции. Она состоялась в конце апреля. Ячейки были представлены 15 делегатами. Конференция избрала новый состав комитета. В него вошли И. А. Кузнецов (председатель), Г. Т. Петров, А. А. Кузнецов, Е. В. Лебедев и др.²

Подпольные организации в Забайкалье являлись более многочисленными, чем прибайкальские. Однако в историю их формирования и деятельности необходимо внести ясность.

В Чите и некоторых других пунктах Забайкалья после свержения Советской власти к подпольной работе приступили не только коммунисты, но и принимавшие участие в защите Советской власти отдельные группы левых эсеров, анархистов-коммунистов, максималистов. Некоторые из представителей этих партий и групп в период господства семеновцев и колчаковцев стали порывать с мелкобуржуазными идейно-политическими воззрениями, искать возможности вступить в ряды Коммунистической партии, поняв, что только она является подлинным выразителем интересов трудящихся и эксплуатируемых. Другие продолжали оставаться в составе мелкобуржуазных партий, но фактически встали на платформу Советской власти, диктатуры пролетариата. Это было проявлением кризиса, надвигавшегося окончательного краха мелкобуржуазных партий. В Чите коммунисты сблизились с советски настроенными левыми эсерами и другими представителями мелкобуржуазных групп и затем включили их в организацию. Зимой 1918/19 года действует комитет смешанного состава.

Подпольщица А. И. Куприянова рассказывает, что в декабре 1918 года Читинский подпольный комитет направил ее в Благовещенск для связи с местной подпольной организацией, для передачи нового пароля и за деньгами. Задачу

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 627, л. 14.
² См. И. Кузнецов-Воронов. *Партия большевиков — организатор борьбы рабочих и крестьян за Советы в Бурят-Монголии* (в

кн.: «Борьба за Советы в Бурят-Монголии (1918—1920 гг.)», стр. 21); «Борцы за власть Советов в Бурятии», стр. 104, 112.

она выполнила. Вместе с ней в Читю выехал работник благовещенского подполья Александр Петров (Костя). Он вошел в Читинский подпольный комитет и стал его председателем¹.

Приехавший в январе 1919 года в Читю посланец ЦК партии Д. Д. Киселев установил связь с подпольным комитетом, его членами А. Е. Петровым и Л. Б. Литвиной. В докладе Сибирскому бюро ЦК он сообщил, что «в Чите имеется объединенная организация коммунистов (большевиков) левых с.-р., анархистов и максималистов»². Киселев указывал, что Петров является левым эсером, а Литвина — коммунисткой. Он отмечал также, что и благовещенская организация, возглавляемая коммунистом Ф. Н. Мухиным, является смешанной и что обе организации работают успешно. В читинской организации работали также интернационалисты (мадьяры и др.).

В январе в Читю по поручению Красноярского комитета был прислан коммунист П. Ф. Москалев. Он также отмечал, что читинская подпольная организация состояла из коммунистов и левых эсеров³.

Выше мы указывали на примеры сотрудничества некоторых большевистских организаций Урала и Сибири с мелкобуржуазными подпольными группами, на объединение с ними в отдельных случаях. Но практически во всех этих случаях подпольные комитеты состояли из коммунистов, которые и руководили организациями. В читинской организации положение было иным. В ее комитет наряду с коммунистами входили и представители мелкобуржуазных групп.

Объединение читинских коммунистов с левыми эсерами и другими группами следует рассматривать как определенное нарушение общепартийных установок и решений 2-й и 3-й подпольных конференций большевистских организаций Сибири и Урала. В то же время является фактом и то, что читинская организация не вступала в контакты и сговор с эсеро-меньшевистскими подпольными организациями Сибири, которые в 1919 году, особенно во второй половине

¹ См. «Советское Забайкалье», стр. 16; «Борьба за Советы в Бурят-Монголии (1918—1920 гг.)», стр. 133.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 16, 17

³ ПАРК, ф. 64, оп. 5, д. 382, л. 4.

года, пытались перехватить власть у терпящих крах колчаковцев, предотвратить победу власти Советов. Читинская организация в общем должна, на наш взгляд, рассматриваться как большевистская (с соответствующей оговоркой). Основанием к тому служит то, что она, во-первых, в основной массе состояла из коммунистов; во-вторых, полностью входила в систему коммунистических организаций Сибири, последовательно проводила решения Коммунистической партии, подпольных большевистских конференций, указания ЦК, Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК и Сибирского обкома; в третьих, входившие в организацию левые эсеры и другие представители мелкобуржуазных партий на деле порвали со своими партиями, стали сочувствующими Коммунистической партии. В дальнейшем часть из них вступила в ряды коммунистов, другие остались беспартийными. Что касается А. Е. Петрова, то он был направлен на работу в Читинский Благовещенским подпольным комитетом, возглавляемым видным большевиком Ф. Н. Мухиным, как проверенный борец за власть Советов, в прошлом — видный работник Читинского Совета. Петров осенью 1919 года погиб.

Подпольная организация получила значительную помощь от Д. Д. Киселева, который проинформировал ее о положении в стране и дал установки на дальнейшее развертывание работы. Он указал на необходимость увеличения количества подпольных ячеек в Чите и во всем Забайкалье, расширения вооруженной борьбы, создания очагов партизанского движения, укрепления связей с другими организациями. Читинская организация разработала план борьбы с колчаковцами, семеновцами и интервентами. Этот план предусматривал не только агитацию в массах, но и активную боевую работу: создание дружин, отрядов и специальных подрывных групп, выведение из строя железнодорожного пути, приобретение оружия, подготовку вооруженного восстания¹.

Читинский подпольный комитет наладил выпуск листовок, прокламаций. Колчаковцы отмечали, что в Забайкалье распространяется «масса документов, прокламаций и воззваний»²

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 16.

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 14, д. 20, л. 145.

Интенсивно работал комитет по созданию новых ячеек в Чите и восточных уездах Забайкальской области. Подпольные большевистские организации и группы весной 1919 года успешно работали в Хилке, Зилово, Могзоне, на Нерчинском, Газимурском, Александровском заводах, на Черновских коях. В Зилово, на приисках, близ станции работало много бывших красногвардейцев. Часть из них вынуждена была жить нелегально. Среди них вели работу машинист Г. Чулков, мастер Кошель, В. Пилясов, Т. Чулкова, И. Агарков. Они объединились в небольшую группу, которой руководил коммунист Г. Чулков¹.

В конце января военный контроль Восточно-Сибирской белой армии напал на след организации, арестовал несколько человек, в том числе Н. Соколовского. Была захвачена переписка и другие вещественные доказательства, свидетельствовавшие о том, что организация ставила целью поднять вооруженный «мятеж» в Забайкалье и других местностях Сибири. Было установлено, что читинская организация поддерживала связи с Иркутском, Красноярском, Благовещенском и Омском. Связь с Омском путем переписки поддерживалась через М. М. Хоха — «начальника контрразведки» организации, успевшего скрыться. Этот провал был незначительным, он не сказался на работе подпольной организации в целом. Представитель Читинского комитета, приехавший в Иркутск в конце января, говорил, что «читинская организация крепкая, есть много оружия и при случае поддержит выступление»².

Большое внимание уделялось подрывной работе на железной дороге. «На Забайкальской железной дороге, — отмечал Д. Д. Киселев в мае 1919 года, — производились крушения всякий раз, как только партизаны читинской организации выходили на железную дорогу»³.

Примерно в конце зимы состоялось собрание представителей подпольных ячеек, избравшее делегата на 3-ю Сибирскую подпольную конференцию. В апреле организация была ознакомлена с решениями конференции⁴.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 37, л. 1, 2, 22—26.

² ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 142, л. 27.

³ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 16, 17.

⁴ См. А. И. Куприянова. Работа подпольщика (в кн.: «Партизаны Прибайкалья», стр. 134, 135).

Таким образом, большевистские организации Восточной Сибири к апрелю 1919 года выросли количественно, закалились идейно и укрепились организационно. В общем улучшился их качественный состав, повысились боеспособность, влияние на массы.

8 Вооруженные восстания в городах

Руководствуясь решениями нелегальных конференций, директивами Сибирского бюро, Центральный комитет подпольных организаций усилил работу по подготовке вооруженного восстания, которое, по возможности, стало бы всеобщим.

Основную роль в готовящемся восстании руководители подполья отводили вооруженному выступлению омских рабочих и солдат.

Омск занимал важное стратегическое положение на пути от глубокого тыла Колчака — большей части Сибири и Дальнего Востока — до Урала и фронта. От него отходили на Урал два железнодорожных луча — на Тюмень — Екатеринбург и Петропавловск — Челябинск. Овладевший восставшими Омским железнодорожным узлом — и они перерубали всю артерию, питавшую колчаковский фронт.

В обстановке успешно развернувшегося контрнаступления советских войск на центральном участке фронта даже временное удержание восставшими в своих руках Омска, не говоря уже о городах Сибири и Урала, могло бы ухудшить положение колчаковской армии, помешать ей реализовать план наступательных действий в пермском направлении, привести к новым неудачам в районе Уфы.

Большое внимание в планах коммунистов отводилось Омску и потому, что этот город был тогда центром революционного движения во всем колчаковском тылу. Многочисленный отряд омских рабочих, руководимый сильной большевистской организацией, был настроен по-боевому. Значительная часть гарнизона была распропагандирована и могла выступить на стороне рабочих. Другая часть колчаковских солдат в случае успеха восстания могла занять

нейтральную позицию, а при умелых действиях коммунистов — и поддержать восставших.

Важным фактором было и то, что в Омске находился ЦК РКП(б) Сибири, тесно связанный со всей подпольной организацией и с массами рабочих. Коммунисты, рабочие и революционно настроенные солдаты могли надеяться на поддержку крестьян Омского, Тюкалинского и других близлежащих уездов, где имелась разветвленная сеть подпольных организаций и групп. Центральный комитет РКП(б) Сибири не без некоторого основания надеялся на успех восстания в колчаковской «столице», на огромный резонанс его, на поддержку трудящихся в других районах, на уничтожение колчаковского правительства и внесение замешательства в белогвардейские и иностранные войска.

Центральный военно-революционный штаб разработал детальный план восстания. Каждый район получил конкретные задачи. Активные действия восставших во всех районах в конечном счете должны были привести к захвату города, подступов к нему, железнодорожных станций¹.

ЦК РКП(б) Сибири и военно-революционный штаб рассчитывали сразу же после овладения городом, захвата складов с оружием и боеприпасами создать двадцатитысячную армию и открыть три фронта. Немедленно должно было начаться наступление в восточном направлении, в сторону Новониколаевска, с тем чтобы вступить в пролетарские районы Кузбасса, соединиться с шахтерами, резко расширить и укрепить район восстания².

Подготовленные к восстанию и объединенные в дружины рабочие, политзаключенные, военнопленные, а также солдаты насчитывали несколько тысяч человек. Сначала восстание намечалось на первую половину декабря. Но в связи с неподготовленностью к нему томской и других организаций срок выступления был перенесен на вторую половину месяца, в дальнейшем — на час ночи с 21 на 22 декабря. Приведенные в готовность революционные силы ждали сигнала к выступлению.

Но не дремали в это время колчаковская контрразведка и охранка. Через агентурную сеть они установили, что го-

¹ ПАОО, ф. 19, оп. 24, д. 56, л. 18, 19.

² См. «В борьбе с контрреволюцией», стр. 101.

товится восстание, и решили предупредить его. С помощью провокаторов были выявлены две конспиративные квартиры во 2-м районе. Десятки подпольщиков были схвачены, почти 40 человек колчаковцы расстреляли¹.

Узнав об этом, военно-революционный штаб и руководители подполья начали совещание. Не имея точных сведений о положении во всех районах и предполагая полную осведомленность колчаковцев о плане вооруженного восстания в целом, они решили выступление отложить. В районы с сообщением об этом направляются связные. Однако вовремя оповестить все районы и предотвратить восстание не удалось. Оно вылилось в отдельные изолированные выступления рабочих и солдат. В 1-м районе дружина рабочих и команда примкнувших к ним солдат освободили из тюрьмы более 200 политзаключенных. В 3-м районе, несмотря на доставленное ночью распоряжение об отмене вооруженного восстания, на рассвете одна вооруженная группа попыталась занять вокзал, но, встретив сильный огонь, отошла и рассеялась. Часа в 3 ночи восстали иностранные военнопленные и бывшие красноармейцы в одном из концентрационных лагерей. Выступлением руководила группа в 40—50 человек².

В полночь на восстание поднялись сотни солдат 1-й, 3-й и частично других рот 8-го полка, пулеметной команды и команды конных разведчиков. Но наиболее значительными были выступления в Куломзино и Ново-Омске. Все эти выступления рабочих, солдат, политзаключенных были подавлены с исключительной жестокостью. По официальным данным, было убито от 300 до 500 человек, а по мнению участников восстания и очевидцев — более тысячи³.

К числу важнейших причин поражения восстания следует отнести: 1) опрометчивое решение ЦК РКП(б) Сибири и военно-революционного штаба об отмене восстания, не предотвратившее, но дезорганизовавшее его; 2) слабость разведывательной и контрразведывательной работы; отсут-

¹ См. М. В. Наумов. Омские большевики в авангарде борьбы против белогвардейцев и интервентов, стр. 65.

² ГАОО, ф. Р-230, оп. 1, д. 343,

л. 8—10; газета «Сибирская речь» (Омск), 25 декабря 1918 г.

³ ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 14, л. 10, 45, 46; ф. 236, оп. 1, д. 285, л. 237—249.

вие данных о степени осведомленности врага относительно готовящегося восстания; 3) недостаточную конспиративность подготовки восстания; 4) серьезные упущения в работе среди солдат гарнизона, что не позволило завоевать их на сторону рабочих или хотя бы нейтрализовать. В руках Колчака оставались большие силы, часть которых была использована для подавления восстания; 5) слабость вооружения повстанцев, недостаточная организованность, решительность и целенаправленность их действий; 6) отсутствие прочных связей и поддержки революционного выступления в Омске со стороны широких крестьянских масс и других городов и губерний Сибири и Урала. Единовременного выступления не получилось ни в самом Омске, ни в масштабах всей Сибири.

Несмотря на неудачу, восстание имело огромное политическое значение для раскачивания трудящихся масс на решительную борьбу с Колчаком. Весть о нем разнеслась по всей Сибири и Уралу. Чудовищная расправа над повстанцами и населением вызвала новый прилив ненависти у революционных масс, раскрыла глаза колеблющимся на характер утвердившейся власти. Восстание вынудило колчаковцев, опасавшихся нового выступления, держать в Омске большой гарнизон, что в определенной степени облегчало борьбу Красной Армии на Восточном фронте.

Непосредственным отзвуком на события в Омске было канско-иланское восстание, руководимое большевиками. Оно началось в ночь на 27 декабря, но потерпело поражение (в Канске — утром 27 декабря, а на станции Иланская — в 5 часов утра 28 декабря).

Канско-иланское восстание было единственным из тех, которые готовились и, как надеялся Сибирский ЦК, начнутся одновременно вслед за восстанием в Омске. Идея о всеобщем вооруженном восстании, которая вынашивалась подпольным центром еще с 1-й Сибирской подпольной конференции, оказалась неосуществленной.

В январе 1919 года вспыхнуло восстание в Бодайбо. В этот далекий восточносибирский город дошли вести о смелых вооруженных выступлениях рабочих, солдат и политзаключенных в Томске, Омске, Канске, на станции Иланской. Среди рабочих и солдат бодайбинского гарнизона распространились слухи о свержении колчаковщины в не-

которых сибирских городах, в том числе и в Иркутске, о восстановлении Советской власти.

Восстание началось в ночь с 25 на 26 января. Город был занят восставшими, патрулировался их отрядами. В восстании участвовали рабочие-железнодорожники и солдаты 2-й роты гарнизона, бывшие фронтовики¹.

В числе руководителей восстания были Березнер, Сорокин, Шаров, Бояркин. Утром жители города узнали о перевороте, смелость и решительность восставших привели их к успеху. Но с наступлением дня руководители восстания совершают одну ошибку за другой, их словно подменили. Они стали действовать нерешительно, не приняли мер к распространению восстания на прииски.

Колчаковцы спешно бросили на город 1-ю роту с Андреевского прииска. В городе из колебавшихся солдат, а также из буржуазных элементов населения офицеры сформировали контрреволюционные отряды. В этот момент проявили нерешительность рабочие: даже хорошо вооруженный отряд восставших позволил себя разоружить, поверив вероломному обещанию белогвардейцев о помиловании².

В ночь на 1 февраля состоялась новая попытка восстания в Омске. Ночью в разных концах города начали действовать группы рабочих. Но поднять на восстание солдат 51-го и 52-го полков не удалось. Неоднократные попытки захватить вагоны с оружием и боеприпасами на 753-й версте Омской железной дороги закончились неудачей. Вновь отличились куломзинские рабочие, выступившие примерно в числе 150 человек³.

Восстание так и не получило сколько-нибудь значительного размаха, вылилось в несколько разрозненных выступлений. Это было ухудшенное повторение выступлений 22 декабря. Организаторы восстания допустили просчет при оценке революционных сил, были дезориентированы оптимистическими сообщениями руководителей революционного

¹ В ряде исторических работ говорится о 1-й роте. В найденных нами документах говорится, что это была 2-я рота, 1-я рота находилась на Андреевском прииске (ЦГАОР, ф. 296, оп. 1, д. 88, л. 104, 105).

² ЦГАОР, ф. 296, оп. 1, д. 88, л. 104, 105; «Ленский шахтер», 23 июня 1927 г.

³ ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 40, л. 1; ф. 236, оп. 1, д. 13, ч. I, л. 45; см. «В борьбе с контрреволюцией», стр. 79.

подполья в воинских частях. Оказалось, что солдаты колебались и в последний момент не выступили. Расчет на солдат 51-го и 52-го полков как на главную ударную силу восстания оказался ошибочным. Не проявили активности и рабочие.

Колчаковцы и на этот раз были осведомлены о готовящемся восстании и приняли к его подавлению все меры¹.

Число арестованных участников неудачного восстания, по сведениям ЦК РКП(б) Сибири, достигло 100 человек. Были схвачены и расстреляны председатель Сибирского ЦК РКП(б) А. Я. Нейбут, член Омского комитета В. И. Чунчин, член Центрального штаба А. А. Бушуев и др.²

Не успели колчаковцы расправиться с участниками революционного выступления в Омске, как в ночь с 5 на 6 февраля началось восстание в Енисейске. Оно готовилось коммунистами еще с осени 1918 года. Рабочие накопили значительное количество оружия, несколько десятков винтовок. Они связались с местным гарнизоном, состоявшим из одной роты неполного состава, где из 80 солдат 70 были недавно дезертирами³

В городе в восстании приняли участие рабочие, главным образом бывшие красногвардейцы и солдаты. Власть перешла в руки временного революционного штаба, который возглавили С. Бабыкин, Н. Байкалов и др.

Штаб как революционный орган власти и руководитель вооруженных сил немедленно разослал по уезду своих представителей. К восстанию присоединились многие села. В Маклаково и ближайших селах восстание возглавила подпольная группа во главе с членом партии с 1917 года Ф. Я. Бабкиным⁴

Енисейское восстание вышло за рамки города, приняло широкий размах. Оно охватило рабочих, солдат, крестьян и продолжалось 21 день.

В ночь на 27 февраля сопротивление повстанцев было сломлено. В город прорвались каратели и начали расправу над трудящимися. Несмотря на лютую зимнюю стужу, пов-

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 16, л. 2—11; оп. 15, д. 31, л. 1.

² См. «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 107.

³ ПАКК, ф. 64, оп. 1, д. 920, л. 2; ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 16, л. 11.

⁴ ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 434, л. 1—3.

станческие отряды, уцелевшие от разгрома, разрозненные группы рабочих, солдат и крестьян ушли в тайгу, соединились с партизанскими отрядами Канского и Ачинского уездов.

В марте 1919 года произошли восстания мобилизованных на Урале. В Троицке в течение двух дней продолжались волнения среди 600 привезенных в город новобранцев. Причиной выступления было нежелание рабочей и крестьянской молодежи служить в колчаковской армии¹. Такое же восстание мобилизованных произошло 7 марта в Туринске. Руководили им И. Д. Белобородов, К. Харин, И. Пятков, А. Малков и др.²

13 марта произошло восстание в Тюмени — одно из самых крупных в тот период. В нем приняли участие около тысячи мобилизованных крестьян, рабочих и примкнувших к ним 206 военнопленных красноармейцев. Восстание готовилось подпольщиками-новобранцами, среди которых были и бывшие тюменские рабочие — коммунисты и члены подпольных групп, прежде всего железнодорожники. Одним из организаторов, а по некоторым сведениям — главным организатором восстания был П. С. Кустинский, бывший матрос. Но организовано восстание было наспех, слабо. К тому же о ходе его подготовки колчаковцы еще 11 марта получили подробные сведения через свою агентуру³

Восстание со страшной жестокостью было подавлено к вечеру того же дня. Несколько сот участников восстания погибли.

Последним в зимне-весенний период 1919 года городским восстанием было кольчугинское. В марте кольчугинская подпольная организация, состоявшая из коммунистов и беспартийных, была довольно многочисленной и способной нанести чувствительный удар по белогвардейской власти. По одним сведениям, в ней было до 300 рабочих и 150 крестьян.

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 254—259; д. 2058, л. 28, 29. Восстание, судя по приведенным материалам (см. «Гражданская война в Оренбуржье (1917—1919 гг.)». Документы и материалы. Оренбург, 1958, стр. 163), произошло примерно в середине марта. В книге «Гражданская

война на Южном Урале. 1918—1919 гг.» (стр. 137) восстание датируется 26 февралем, что нельзя признать правильным.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 561, л. 20; д. 799, л. 60; д. 1252, л. 253—268.

³ ЦГАОР, ф. 1429, оп. 1, д. 93, л. 65; д. 95, л. 4—11.

ян-подпольщиков ближайших сел, по другим — около 150 рабочих и 100 крестьян. Кроме того, в местном гарнизоне имелась подпольная группа — примерно 20 солдат 6-й роты 46-го Сибирского полка, составлявшая гарнизон. Подпольные группы были и среди иностранцев-военнопленных¹.

В 20-х числах марта в качестве представителя Томского комитета в Кольчугино приехал П. К. Голиков. Он ознакомился с положением дел и стал торопить коммунистов с завершением подготовки восстания, хотя обстановка в общем сложилась неблагоприятная в связи с неудачей мартовского выступления в Томске, арестом колчаковцами партийного актива города, провалом подпольных организаций и групп в ряде других мест, в том числе в Щегловске и Топках. При отсутствии вооруженных выступлений в других городах белогвардейцы могли быстро бросить против кольчугинских рабочих крупные военные силы и задушить восстание в самом начале.

Восстание, начатое в ночь с 5 на 6 апреля группой из 20—25 активистов организации, привело к победе и восстановлению в Кольчугино Советской власти².

Но, победив, восставшие не проявили активности в развертывании дальнейшей борьбы. Не на высоте было и руководство восстанием. Перед наступлением колчаковцев на Кольчугино, в ночь на 7 апреля, руководители штаба с отрядом примерно из 80 бойцов спешно направились в тайгу. Об этом не были извещены ни рабочие, ни даже отряд, находившийся в районе Раскатихи, который по возвращении из Кольчугино был разоружен.

8 апреля в Кольчугино вступил крупный карательный отряд. Началась расправа. В первые же дни по приговору военно-полевого суда было расстреляно до 60 рабочих, солдат и бывших военнопленных. Страшному разгрому подверглась подпольная большевистская организация. Свирепый террор обрушился на всех рабочих и их семьи³.

¹ ПАТО, ф. 4204, оп. 3, д. 60, л. 12, 16, 19.

² См. «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)», стр. 414, 415.

³ ПАТО, ф. 4204, оп. 3, д. 60,

л. 13—21; см. также «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)», стр. 415—424; В. Вихлянец. Кольчугинское восстание. — «Сибирские огни», 1939, № 6, стр. 150—159.

Отряд Голикова в районе деревни Каракана встретил партизанский отряд восставших крестьян примерно из 60 человек под командованием В. П. Шевелева, направлявшийся в Кольчугино. Отряды объединились. Командиром был избран Шевелев, а комиссаром — Голиков. В дальнейшем, после неудачной попытки отряда занять Центральный прииск в Мариинской тайге, П. К. Голиков вместе с Ф. Г. Гужевым из этого отряда ушел и направился в Томск¹.

Главными причинами поражения восстания в Кольчугино были его узколокальный характер, преждевременность выступления, слабость руководства и нерешительность командиров сформированных отрядов. Руководители восстания, безусловно, проявили поспешность. Они не взвесили всех обстоятельств, не изучили должным образом обстановку в районе Кольчугино, готовность к восстанию ближайших городов и промышленных районов.

Вооруженные восстания в городах, вспыхивавшие зимой и весной 1919 года, неизменно терпели поражение. Больше того, они не приобретали широкого размаха и (за исключением енисейского восстания, вспыхнувшего вдали от железнодорожной магистрали и охватившего солдат всего местного гарнизона, в результате чего колчаковцы лишены были возможности подавить его быстро) подвергались разгрому в первые же дни.

Несмотря на некоторые особенности, эти восстания имели много общего. Сходными были и причины их поражения. Восстания вспыхивали в разное время и в отдаленных друг от друга районах. Ни осенью, ни зимой попытка руководителей сибирско-уральского большевистского подполья организовать всеобщее восстание результатов не дала. Тот факт, что ни всеобщее вооруженное восстание, ни восстание в более или менее крупном районе не удалось, объясняется не только недостатками в работе Сибирского ОУ (ЦК) и местных комитетов, но и крайне неблагоприятными условиями для единовременного выступления рабочих, солдат и крестьян гигантского края. Подпольным организациям исключительно трудно было поддерживать между собой связь, координировать действия. В процессе подготовки

¹ *Воспоминания Г. Д. Шувалова (личный архив автора).*

вооруженного восстания подпольным организациям неизбежно приходилось вводить в круг вопросов подготовки восстания широкие слои рабочих и солдатских масс. Это вело, естественно, к ослаблению конспиративности в революционной работе вообще. Колчаковцы через агентов контрразведки сплошь да рядом узнавали о подготовке вооруженных восстаний заранее и принимали соответствующие меры к их подавлению.

К числу коренных причин неудачи восстаний следует отнести и то, что к зиме и даже к началу весны 1919 года борьба трудящихся Урала и Сибири еще не достигла наибольшего накала. Колебания середняцких масс крестьянства и мелкобуржуазных городских слоев населения к весне еще не кончились. Городские восстания не получили поддержки со стороны более или менее значительных слоев крестьянства. Коммунисты во многих городах недостаточно активно боролись за войско. Подавляющая часть солдат оставалась по другую сторону баррикад и использовалась колчаковцами во время подавления восстаний.

Огромную помощь колчаковцам в расправе над восставшими оказали интервенты. Городские восстания практически не были поддержаны и партизанскими отрядами, действовавшими к тому времени в ряде районов. Если учесть, что восставшие были слабо вооружены, то можно понять, что в крайне сложных и трудных условиях они не в состоянии были всерьез противодействовать регулярным войскам белогвардейцев и интервентов.

Вооруженные восстания в городах в большинстве своем планомерно готовились большевистскими подпольными организациями. Приведенные факты со всей убедительностью говорят о том, что восстания не были стихийными вспышками и не были спровоцированы колчаковцами. В этом отношении исключения не составляли и восстания мобилизованных в Тюмени, Туринске и Троицке. Однако эти три восстания, особенно два последних, нельзя назвать организованными в полном смысле этого слова.

Восстания в городах Сибири протекали гораздо организованнее и возглавлялись большевистскими организациями непосредственно. Но и они не были лишены элементов стихийности. Недостаточный уровень руководства, отсутствие должной согласованности между организаторами и отдель-

ными звеньями повстанцев, нерешительность руководителей, проявлявшаяся, когда уже достигались первые крупные успехи, локальность восстаний — все это привносило в них также элементы стихийности, неорганизованности. Не замечать этого нельзя. Но все восстания рабочих, солдат и новобранцев проходили под большевистскими лозунгами, были направлены на восстановление Советской власти. Они имели более ярко выраженный советский характер, чем имевшие место до того вооруженные выступления крестьян.

Несмотря на поражение, восстания в городах имели чрезвычайно большое значение. Они вносили дезорганизацию в планы и военные действия врага, выводили на время из строя средства железнодорожного сообщения и связи, задерживали переброску на фронт воинских формирований, оружия, боеприпасов, снаряжения и продовольствия. Колчаковцы вынуждены были увеличивать воинские гарнизоны для несения полицейской службы в сибирских и уральских городах. Революционные выступления в городах, как и партизанское движение, отвлекали на себя полки и дивизии белых, тем самым облегчалось положение Красной Армии. К весне 1919 года Колчак мог использовать непосредственно на фронте из огромной, почти полумиллионной армии только одну треть дивизий. Восстания дезорганизовали и расшатывали власть колчаковцев, снижали боеспособность их частей в тылу и на фронте. Вооруженные восстания в городах поднимали на самоотверженную борьбу новые слои рабочих и солдат, способствовали их объединению и сплочению.

Важнейшим результатом восстаний в городах зимой и весной 1919 года было их влияние на усиление революционных выступлений трудового крестьянства и рост партизанского движения.

9 Восстания крестьян. Рост партизанского движения

Первым крупным восстанием крестьян после установления диктатуры Колчака было Атбасарское (Муйнакское). Оно явилось прямым результатом деятельности подпольных

групп в поселках в районе Атбасара. В Муйнаке (Ново-Петропавловском) подпольщиков возглавляли Жуков и Редовский, в Митрофановке — Сушко и Радченко, в Борисовке — Ф. Нечипуренко, Т. Бельмас и другие, в Мариновке — Н. М. Ирченко. Имелись подпольные группы в Новоалександровке, Ермаковке, Красной Поляне и других селах¹.

Характеризуя обстановку, колчаковцы в декабре 1918 года писали: «Во всей северо-восточной части Атбасарского уезда уже давно был организован большевистскими агитаторами заговор. По поселкам рассылались писанные карандашом воззвания с призывом к неповиновению существующей власти. Благодаря этой преступной агитации на сходах писались приговоры о непризнании никакого правительства... отказе о выдаче новобранцев и объявлении гражданской войны»².

Восстание, начавшееся в Муйнаке и других селах во второй половине ноября 1918 года, потерпело поражение 4 декабря.

Наиболее крупные восстания крестьян зимой произошли в Восточной Сибири, главным образом в Енисейской губернии. Ноябрьский провал Красноярского комитета не нарушил установившихся связей с уездными центрами и сельскими подпольными организациями.

Приехавший в Красноярск из Ачинского уезда коммунист Е. Т. Марутко встретился с некоторыми активными работниками. Было созвано совещание. На нем лично Марутко представителю ачинской подпольной организации была дана установка на дальнейшую работу, выдвинута задача усилить подготовку крестьянских масс к вооруженному восстанию³.

16 декабря в Лапшихе — центре крупнейшей сельской подпольной организации в Ачинском уезде — состоялся

¹ ЦГА КазССР, ф. 544, оп. 1 б, д. 26, л. 143; Партийный архив Северо-Казахстанского обкома Компартии Казахстана (ПАС-КО КПК) (Воспоминания Ф. И. Калюты), л. 40—42; см. И. Кумач, Ф. Калюта. В Акмолинских степях. Страницы из истории борь-

бы за Советскую власть в Атбасарском уезде. Алма-Ата, 1936 стр. 23.

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 14 л. 33.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 11 л. 3; ЦАКК, ф. 64, оп. 4, д. 404 л. 37.

П. Е. Щетинкин

съезд делегатов подпольных групп. Прибыло до 50 делегатов — по 2—3 от каждой группы. Марутко представлял Красноярский, а Д. Суров и Волков — Ачинский подпольные комитеты. В работе съезда и подготовке восстаний принимал участие коммунист, бывший видным советским работником в 1918 году, Петр Ефимович Щетинкин. Съезд решил развернуть вооруженную борьбу против колчаковщины, создать единый партизанский отряд. В работу по руководству революционной борьбой крестьян включился также член партии с 1917

года Василий Алексеевич Уланов, прибывший из Красноярска. После съезда в волостях стали формироваться отряды.

В 20-х числах декабря 1918 года началась открытая вооруженная борьба трудящихся крестьян северных волостей Ачинского уезда. Восстание возглавляли коммунисты — представители Красноярского и Ачинского комитетов Е. Т. Марутко, В. А. Уланов, Д. Суров, местные подпольщики, в том числе П. Е. Щетинкин, избранный командиром отряда, выросшего в феврале 1919 года до 450 человек. В марте, по сведениям колчаковцев, в отрядах, которыми командовал Щетинкин, насчитывалась тысяча человек¹.

Успех продолжал сопутствовать партизанам. Действия отрядов Щетинкина вызвали большое беспокойство у колчаковцев. В середине марта против него с нескольких направлений двинулись части с артиллерией и пулеметами. Кольцо вокруг партизан все больше сжималось.

¹ См. «Документы героической борьбы», стр. 192.

В конце февраля и начале марта руководители восстания принимали меры к созданию нового партизанского очага в уезде, способного отвлечь силы врага и облегчить положение отряда Щетинкина. С этой целью в начале марта 1919 года в Тузлуковке был проведен съезд подпольных организаций Боготольской, Ново-Петровской, Итатской, Юрьевской и других волостей Ачинского и Мариинского уездов, где имелись сильные подпольные группы и работу которых направляли боготольские коммунисты. Делегаты съезда поддержали предложение представителя повстанцев Д. Сурова и решили организовать восстание, создать отряд начать борьбу с колчаковцами в районе Лебедевки — Тузлуковки и поднять восстание в районе Ужура. Отряд из рабочих Боготола и крестьян — бывших фронтовиков был создан. Его командиром был избран И. М. Бурков, бежавший осенью 1918 года из тюрьмы. В марте было поднято восстание в районе Ужура — Шарыпова¹

Часть сил колчаковское командование вынуждено было направить против новых очагов повстанческого движения. Но коренного изменения в соотношении сил на повстанческом фронте севернее Ачинска не произошло. 27 марта отряд партизан (400 бойцов) и беженцы двинулись на прорыв в направлении на Степной Баджей через станцию Критово. Партизаны с боями совершили переход в несколько сот километров и 17 апреля прибыли в Степно-Баджейскую волость, где действовали партизаны под командованием А. Д. Кравченко².

Более крупное восстание произошло в южных районах Красноярского и Канского уездов, куда в середине апреля прибыл отряд Щетинкина.

Основы только в Заманском районе существовало до 20 подпольных ячеек: степно-баджейская, кирзинская, зарзубейская, орешинская, койская, солонечно-таленская, отрядная, тюлюпская, суровская и др. В них состояло более 200 коммунистов и сочувствующих. Одной из наиболее сильных и активных была кирзинская подпольная органи-

¹ ГАКК, ф. 1752, оп. 1, д. 26, л. 110—117 (Воспоминания И. М. Буркова).

² См. «Годы огневые». Сборник воспоминаний участников красно-

ярского большевистского подполья и партизанского движения Енисейской губернии в борьбе за власть Советов (1918—1920 годы), Красноярск, 1962, стр. 158.

зация. Ее возглавляли И. Боган, Ф. Боган, П. Панько и др. В Степном Баджее руководили организацией коммунисты Рутковский, Н. Толстой, Грабовский. Эти две организации были ведущими в Степно-Баджейской волости Красноярского уезда. В Заманье скрывалось много членов партии — участники борьбы с белогвардейцами летом 1918 года. Большевики Степно-Баджейской волости имели связь с подпольными организациями Красноярска и Канска¹.

В середине ноября в деревне Кайжалике состоялось собрание руководителей некоторых подпольных ячеек. Они решили объединить всех подпольщиков и скрывающихся в тайге от преследования белогвардейской власти людей, с тем чтобы в середине декабря поднять восстание, освободить Заманье и захватить железную дорогу на участке от Канска до Красноярска².

В исторической литературе начало этого крупнейшего вооруженного восстания в южных районах Канского уезда и многие другие события датируются неправильно, с ошибкой в 20 дней. Документы позволяют точно датировать начало восстания. Оно началось 11 декабря по инициативе руководителей степно-баджейской и кирзинской групп³.

К этому времени в Степной Баджее прибыл небольшой отряд кирзинцев и зарзибейцев. Восстание развертывалось стремительно. Создается боевой штаб во главе с И. Боганом. Командиром отряда был назначен Ф. Боган. Выбирается революционный комитет в составе Рутковского (председатель), Грабовского, Н. Толстого (все трое коммунисты) и др. По призыву ревкома и под руководством подпольных групп на восстание поднялись десятки сел. Отряды стягивались к Степному Баджею. Одновременно шла подготовка к волостному съезду. Спустя примерно неделю после начала восстания в Степном Баджее состоялся съезд. Он принял решение о всемерной поддержке восстания, избрал волостной Совет. Его председателем стал большевик Никита Толстой⁴.

¹ ГАКК, ф. 1752, оп. 1, д. 29, л. 1—10 (Воспоминания Рутковского); см. «Славное сорокалетие», стр. 218.

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 14, д. 27, л. 43.

³ ЦГАОР, ф. 1712, оп. 1, д. 11, л. 140, 141.

⁴ ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 596, л. 27—36; ГАКК, ф. 1752, оп. 1, д. 29, л. 1—10; см. также Г. А. Васильев. Коммунистическая пар-

Рутковский стал постоянным представителем восставших при Красноярском комитете РКП(б). Через Мельниченко и других связных передавались в партизанский штаб информация, распоряжения, оружие, медикаменты. Рутковский одновременно по поручению комитета стал инструктором в железнодорожном районе, организовав нелегальные ячейки и готовя рабочих к восстанию¹.

К восставшим подключился А. Д. Кравченко (в РКП(б) он вступил в 1920 году, а тогда был левым эсером; к осени 1918 года он по существу отошел от этой партии, стал сочувствующим партии большевиков). При участии Кравченко шло формирование отряда, который во второй половине декабря одержал убедительные победы над карателями².

Заманцы, не упиваясь первыми успехами, предусмотрительно продолжали расширять очаг восстания. К ним примкнули соседние волости Канского уезда: Пировская, Рыбинская, затем Тальская.

Таким образом, к концу 1918 года вооруженное восстание из Степного Баджея распространилось на северо-восток и охватило несколько волостей³.

В самом начале января 1919 года повстанцы одержали важные победы над колчаковцами в районе деревни Новониколаевка, а затем под Пировским. После этого пировцы перешли в Заманье. Сюда стягивались и другие отряды восставших. Командующим отрядами стал А. Д. Кравченко⁴.

14 января повстанцы разгромили сильный белогвардейский отряд под Нарвой, затем под Солонечно-Талой. Противник вынужден был признать исключительное мужество партизан, которые не стреляли с дальних дистанций, а подпус-

тия — организатор и руководитель партизанского движения в Восточной Сибири в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (Приенисейский край), стр. 51, 52.

¹ ГАКК, ф. 1752, оп. 1, д. 29, л. 9—17.

² См. «Документы героической борьбы», стр. 114—116, 121.

³ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1421, л. 18—20; см. также П. П. Петров. Пировские красные партизаны (в кн.: «Годы огневые», стр. 241—252); «Документы героической борьбы», стр. 120.

⁴ См. А. Д. Кравченко. Камарчагский фронт (в кн.: «Годы огневые», стр. 133, 134).

А. Д. Кравченко

скаки врага как можно ближе и разили его метким огнем¹.

Колчаковцы наращивали силы, вводили в бой войска интервентов, но сломить повстанцев не могли. Зверства, предание огню целых сел, массовые расправы, расстрелы не запугали население. Партизаны пользовались помощью не только трудящихся крестьян, но и рабочих из Канска, Иланской, Камарчаги и особенно из Красноярскá².

В результате успешных действий партизан район восстания ни зимой, ни в начале весны не сокращался. Постоянно возрастала численность войск повстанцев. К концу зимы имелось четыре полка общей численностью до 3 тысяч бойцов. Отряд П. Е. Щетинкина составил 5-й Северо-Ачинский полк. Вскоре Щетинкин стал помощником главнокомандующего партизанским соединением³.

Во всем партизанском крае возродилась Советская власть. Был создан Армейский совет во главе с большевиком С. К. Сургуладзе. Затем возник объединенный Совет крестьянских, солдатских и рабочих депутатов. Восставшие действовали под большевистскими лозунгами. В зимние месяцы и в марте — апреле партизаны одержали много крупных побед, перемололи несколько вражеских частей.

¹ ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 76, л. 337

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 1, д. 83, л. 1; Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока (ЦГА РСФСР ДВ), ф. Р-2789, оп. 1, д. 159, л. 1.

³ См. Г. А. Васильев. Коммунистическая партия — организатор и руководитель партизанского движения в Восточной Сибири в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (Приенисейский край), стр. 54, 55.

Положение повстанцев стало еще более прочным, чем прежде¹.

К тому времени относится установление связи южноканцев с партизанами Тасеевского (Северо-Канского) фронта. В этом районе Енисейской губернии зимой 1918/19 года также произошло вооруженное восстание крестьян. В Тасеевской, Шеломковской, Рождественской, Фаначетской и других волостях проводилась весьма активная подпольная работа. Тасеево было старожильческим селом, но там среди коренных сибиряков еще с дореволюционных времен проживало много политических ссыльных. В селе сложилась массовая революционная организация, руководимая коммунистами. Тасеевские подпольщики укрепили и расширили связи с окружающими селами, были связаны с Канским подпольным комитетом.

По получении известия о восстании в Канске и Иланском в ночь на 30 декабря 1918 года крестьяне начали восстание. Ими руководили местные коммунисты-подпольщики В. Г. Яковенко, Н. М. Буда, Ф. А. Астафьев и др. Рабочие, прибывшие в Тасеевскую и другие волости после поражения восстания в Канске и Иланском, также примкнули к восставшим².

Повстанцы уже 9 января разбили белогвардейский отряд из 84 солдат и офицеров. Силы восставших продолжали расти, и к середине января численность отрядов достигла 400 бойцов. 24 января повстанцы разгромили отряд капитана Мартына, имевший не менее 500 человек, а 17 февраля отряд Красильникова — до тысячи солдат и офицеров при шести артиллерийских орудиях³.

После этого белогвардейцы долго не решались на активные боевые действия против североканских партизан. Зимой 1919 года возникли новые отряды, были открыты, как называли сами повстанцы, фронты: на северо-западе от Тасеево — Шилкинский и Кондаковский, на юго-востоке — Апанский, Асанский, Долгомостовский, в каких-нибудь 20

¹ См. А. Д. Кравченко. Камарчагский фронт (в кн.: «Годы огневые», стр. 135—140).

² ЦГАСА, ф. 185, оп. 8, д. 582, л. 101; см. В. Г. Яковенко. Та-

сеевские партизаны (в кн.: «Годы огневые», стр. 294).

³ ЦГАОР, ф. 296, оп. 1, д. 74, л. 293; д. 88, л. 328; см. «Документы героической борьбы», стр. 141.

километрах к северу от железной дороги — Кучеровский, а восточнее, в пределах Иркутской губернии, — другие. Каждый из названных фронтов (участков) имел свой штаб. Тасеевский военно-революционный штаб, именовавшийся районным, являлся высшим военным и административно-хозяйственным органом североканского партизанского района. В этом районе были возрождены волостные и сельские Советы¹.

По сведениям штаба Иркутского военного округа, уже в середине марта 1919 года в Тасеевском районе имелось 1000—1200 вооруженных партизан. Против партизан Канского, а также Красноярского, Ачинского и Енисейского уездов весной 1919 года колчаковцы вынуждены были направить многотысячные войска с двумя десятками орудий, держать большие гарнизоны в Красноярске и уездных городах².

К весне крупный очаг партизанского движения образовался и в Иркутской губернии. На ее территории партизанские отряды создавались, как правило, под руководством подпольных большевистских организаций. Характерной в этом отношении является история образования Шиткинского партизанского фронта, примыкавшего к Тасеевскому. Шиткинский фронт раскинулся в таежной местности севернее железнодорожного участка Тинская — Нижнеудинск. В районе Шитки имелось несколько подпольных групп. Так, в селе Нижней Заимке группа возглавлялась коммунистом А. К. Кепулом, прибывшим туда из Тайшета, подпольная организация которого была разгромлена. На участке Глинном подпольную работу возглавлял член РКП(б) с 1907 года М. П. Богданович (Волгин). В селах по реке Чуле работало немало коммунистов, политических ссыльных, сочувствующих партии крестьян и скрывшихся из городов рабочих, в том числе В. К. Брум и Ф. А. Антонов. В Шелаево, на реке Бирюсе, подпольной организацией руководил коммунист И. А. Бич (Таежный).

Под влиянием революционных выступлений в Канском уезде Енисейской губернии, в Нижнеудинском уезде

¹ См. В. Г. Яковенко. *Тасеевские партизаны* (в кн.: «Годы огневые», стр. 297).

² См. «Документы героической борьбы», стр. 192.

Иркутской губернии зимой 1919 года возникает несколько мелких партизанских отрядов. В конце февраля восстали крестьяне села Шитки. 1 марта они встретили залпами карательный отряд, высланный из Тайшета, нанесли ему урон и обратили в бегство¹.

К шиткинским крестьянам примкнули деревни Нижняя Заимка, Бузыканово, Балтурино, Неванка, Бирюса, Конторка и др. Отряды, число которых непрерывно возрастало, были объединены под общим руководством Главного штаба. К весне численность отрядов Шиткинского партизанского фронта достигла тысячи человек. В Шиткинский фронт входило несколько участков (фронтов), в том числе Баерский и Кучеровский. Движение охватило около 10 волостей.

Партизаны создали невыносимые условия для железнодорожных перевозок. Белогвардейцы считали положение на этом участке дороги катастрофическим.

В освобожденных районах восстанавливалась Советская власть, а 13 мая был проведен съезд рабочих, крестьянских и солдатских (партизанских) депутатов Шиткинского партизанского района. Коммунистам до съезда и на съезде пришлось вести острую борьбу с эсерами и меньшевиками, которые пытались захватить руководство партизанскими отрядами, использовать их в своих целях. На съезде эсеры и меньшевики были разгромлены. Съезд подтвердил восстановление Советской власти в районе и обратился к населению с воззванием «За власть Советов!». Был избран Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в составе Куприянова (председатель), В. И. Швайдецкого, А. К. Кепула, Рахманова (секретарь) и др.²

В марте началось восстание в Икейской волости. 23 марта около 500 восставших крестьян нескольких деревень прибыли в волостное село Икей, где крестьяне также были готовы к выступлению. Восставшие захватили Икей, прерва-

¹ См. П. Д. Кривоуцкий. *Шиткинские партизаны*. Москва — Иркутск, 1934, стр. 14; «Партизанское движение в Сибири», т. I. М. — Л., 1925, стр. 97.

² См. П. Д. Кривоуцкий. *Шиткинские партизаны*, стр. 26;

Г. А. Васильев. *Коммунистическая партия — организатор и руководитель партизанского движения в Восточной Сибири в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (Приенисейский край)*, стр. 71.

ли связь с Нижнеудинском и восстановили Советскую власть во всей волости. Во главе повстанцев стояли военнореволюционный штаб, большевики-подпольщики. Через день-два под влиянием большевистской агитации к восстанию примкнули трудящиеся крестьяне соседней Катарбейской волости, в течение последующих трех-четырёх дней — Перфильевской, Годалейской, Тулунской волостей. Здесь также стали восстанавливать Советы. 1 апреля восстали крестьяне Шебертинской волости. Икейское восстание продолжалось полмесяца. К исходу 9 апреля оно было подавлено во всех семи волостях¹.

Икейское восстание было одним из крупнейших в Сибири. Оно имело ярко выраженную советскую направленность и проходило под руководством большевистского подполья. В нем принимали участие рабочие.

В Иркутской губернии партизанские отряды возникали не только из крестьян, но и из скрывавшихся в тайге рабочих, бывших советских и партийных работников, красногвардейцев, а также из молодежи, уклонявшейся от мобилизации в колчаковскую армию. Такой отряд был создан в декабре 1918 года близ Черемхово, его возглавляли П. Станкевич, Л. Н. Карнауков, П. Козырев (Щепелев). Этот отряд поддерживал связь с черемховской организацией РКП(б). Под руководством Иркутского подпольного комитета был создан отряд, командовать которым в марте 1919 года было поручено Н. А. Каландарашвили, возглавлявшему в 1918 году красногвардейский отряд².

В Забайкальской области зимой и весной 1919 года произошло несколько крупных восстаний крестьян. В начале марта 1919 года подпольные организации в селах по долинам рек Чикюю и Хилку, руководимые Прибайкальским комитетом РКП(б), предприняли попытку поднять в этом районе восстание, но оно не было успешным³.

Иначе сложилось положение в Восточном Забайкалье. Здесь опорной базой Читинского комитета в работе среди

¹ ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 76, л. 411; д. 77, 241, 242; д. 78, л. 70; см. также Н. Дворянов, В. Дворянов. В тылу Колчака. М., 1966, стр. 100.

² См. А. Г. Солодянкин. Комму-

нисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной, стр. 67, 69.

³ См. П. Смолин. В долинах Хилка и Чикюя (в кн.: «Борьба за Советы в Забайкалье», стр. 78, 79).

трудящихся крестьян и казаков были «лесные коммуны», прежде всего Алтагачанская. Зимой 1919 года в ней было около 60 человек. В феврале член читинской подпольной организации Н. Н. Шитов передал им деньги и явки для связей с Читинским комитетом, договорился о плане боевой деятельности и сроке одновременного выступления Алтагачанской коммуны и Читы. С целью подготовки вооруженного восстания вся юго-восточная густонаселенная часть Забайкальской области была разделена на пять крупных районов. Курунзулайский, Александрово-Газимурский, Доновский, Ново-Цурухайтуйский и Казаковско-Кокуйский¹.

В феврале — марте 1919 года в юго-восточной части Забайкалья, именно в указанных районах, началось восстание рабочих, крестьянско-казацкой бедноты и части середняков под лозунгом «Вся власть Советам!». Одну из главных сил в начале восстания составляли «лесные коммуны», которые стали поднимать на борьбу крестьян ближайших районов. В самом начале выступления значительных успехов добился отряд из 70 членов Алтагачанской коммуны под командованием С. С. Киргизова. Он разгромил в Курунзулае две сотни 3-го казачьего полка. После этого в течение нескольких дней Киргизов сформировал четыре отряда численностью свыше 500 бойцов².

Крупные восстания произошли на Александровском и Газимурском заводах, во многих селах и казачьих станицах по течению рек Газимура, Урюмкана, Борзи и др.

Семеновцы начали против повстанцев наступление и в районе Газимурского завода нанесли поражение некоторым из отрядов. Неудачи не сломили морального духа основной массы повстанцев, а лишь ускорили их объединение. Партизаны с боями отошли на северо-восток. В апреле 1919 го-

¹ ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 181 в, л. 1—7. Трудно установить, кем, какой организацией был разработан и принят этот документ. Он был найден белогвардейцами в одном из «большевистских штабов» вместе с листовками подпольной организации и известной инструкцией об организации вооруженных сил и революцион-

ной власти в повстанческом районе (последний документ в литературе приписывается Алтагачанской коммуне).

² См. С. Киргизов. Партизанское движение в Восточном Забайкалье в 1919 году (в кн.: «Борьба за Советы в Забайкалье», стр. 107).

да из повстанческих отрядов было сформировано четыре полка. Командующим был избран П. Н. Журавлев, начальником штаба — С. С. Киргизов, комиссаром — М. И. Бородин. С этого времени партизанское движение в Забайкалье продолжало развиваться до полного разгрома белогвардейцев и интервентов. Партизанское соединение Журавлева было одним из наиболее мощных в Сибири.

Весной по числу и размаху массовых крестьянских выступлений на первое место вышли юго-западные районы Сибири (северо-восток Казахстана) Наиболее значительным было кустанайское, охватившее большой район Тургайской области, а также часть Акмолинской области и Тобольской губернии. Это восстание явилось результатом большой подготовительной работы подпольных большевистских организаций. Руководство подпольными группами этого большого района было сосредоточено во Введенском подпольном комитете, через него поддерживалась связь с кустанайской организацией, члены которой Н. С. Фролов, Е. П. Кияткин, Н. М. Попов и другие организовали закупку у солдат оружия и переправу его в поселки¹.

Предвестником кустанайского восстания было восстание, охватившее поселки западной части уезда. Началось оно 23 марта, возглавляли его подпольщики Львовки Ф. Ф. Царенко, М. Дзюба, И. Мешковский. Спустя примерно неделю после начала выступления в Львовку прибыл снятый с Оренбургского фронта казачий отряд 32-го Донецкого полка. Казаки подавили восстание².

Кустанайское восстание началось в те же дни. Поводом послужил арест колчаковской милицией в поселке Долбушинском одного из членов подпольной группы. Подпольщики совершили налет на милицию, перебили милиционеров, забрали оружие. Трудящиеся крестьяне поселка поддержали выступление. Затем 27 марта было совершено нападение на милицию в Боровском — более крупном поселке. Милицию уничтожили и здесь.

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 10 б, л. 94, 133; Государственный архив Кокчетавской области (ГАКЧО), ф. 361, оп. 1, д. 2, л. 11; см. «Борьба за власть Советов в Кустанайских степях». Сбор-

ник материалов. Кустанай, 1959, стр. 76.

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 23, л. 10; см. «Борьба за власть Советов в Кустанайских степях», стр. 85—87.

Восстание, инициаторами которого были А. С. Колодкин и А. Жилиев, было начато небольшой частью подпольщиков, даже не предупредивших Введенский комитет о своем намерении выступить. Разосланные из Боровского в поселки представители восставших просили о поддержке.

Подпольный комитет Введенки решил поддержать начавшееся восстание. Сформированный там отряд (батальон) из 670 человек был направлен в Боровское, где уже собралось более тысячи повстанцев, вооруженных винтовками, дробовиками, пиками, вилами. Был избран военный совет в составе М. Г. Летунова, К. М. Иноземцева, Н. И. Милыева, А. С. Колодкина, А. Жилиева и др. Командующим вооруженными силами повстанцев был избран беспартийный крестьянин А. Жилиев¹.

Белогвардейские подразделения, посланные в район Боровского, потерпели жестокое поражение. Повстанцы двинулись на Кустанай и в ночь на 5 апреля с боем овладели им. О наступлении на город были извещены подпольщики города. Под их руководством группы рабочих, имевших оружие, в тот момент, когда повстанцы прорвались в город, смело ударили в тыл белогвардейцам².

Таким образом, кустанайское восстание было не только крестьянским. В нем приняли активное участие рабочие, заранее готовившиеся к выступлению, а также солдаты-новобранцы и политические заключенные. Восстание разрасталось и охватило огромный степной район. В Кустанайе собралось несколько тысяч повстанцев. Но отсутствие единства в революционном военном совете и анархистские действия Жилиева, опиравшегося на группу своих приверженцев, весьма отрицательно сказывались на подготовке повстанческих войск к дальнейшим боям с колчаковцами.

Колчаковцы срочно направили под Кустанай регулярные части, включая фронтовые, под командованием полковника Сахарова. Карательный отряд состоял из 43-го и 49-го пехотных полков, 5-го Атаманского дивизиона при 4 орудиях и 20 пулеметах численностью до 1500 человек, а также дру-

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 10 б, л. 133; оп. 14, д. 20, л. 131; ЦГА КазССР, ф. 1376, оп. 1, д. 1, л. 32; ГАКЧО, ф. 361, оп. 1, д. 2, л. 12, 13 (Воспоминания К. В. Рома-

нова); см. «Борьба за власть Советов в Кустанайских степях», стр. 89, 90.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2299, л. 1.

гих частей — всего не менее 6 тысяч штыков и сабель при десятках пулеметов и примерно 3 артиллерийских батареях¹.

8 апреля каратели начали наступление на позиции повстанцев. Около двух сутокшло ожесточенное сражение. Сам по себе этот факт говорит о необыкновенной стойкости и отваге восставших. Вводя в бой всю массу войск, белогвардейцы тем не менее в первый день добиться успеха не смогли и понесли тяжелые потери. Сражение в Кустанае в краткой отчетной форме белогвардейцы описывали так: «Центр и левый фланг наступавших был встречен жестоким огнем красных. Особенно пострадал левый фланг, наступавший на реальное училище, занятое красными. Бой в течение дня продолжался на улицах, где красные стреляли почти из каждого дома. С наступлением темноты наши войска были выведены из города. На следующий день, 9 апреля, бой возобновился. Из упомянутого реального училища красные были выбиты лишь только после артиллерийского обстрела, каковой произвел в этом здании большие разрушения. После этого был вскоре занят и центр города. Красные задержались только на окраинах и в ночь на 10 апреля в числе 2500 человек покинули город. 10 апреля город очищался от задержавшихся мятежников, и все пойманные преданы расстрелу»².

Как видно, белогвардейским частям с огромным трудом удалось овладеть городом. Разгромить повстанцев им не удалось. Они отступили в общем организованно, несмотря на крайне тяжелое положение. После кустанайского боя восстание не закончилось. Оно продолжалось еще более месяца.

Отряд под командованием Жилиева двинулся на юг и в середине апреля в Шолоксае встретился с ранее вышедшим туда отрядом Л. И. Тарана, в котором было около

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 23, л. 18; ф. 293, оп. 1, д. 16, л. 1, 4, 34; в сборнике «Борьба за власть Советов в Кустанайских степях» (стр. 107, 108) говорится: «Теперь уже точно установлено, что для подавления восстания Колчак снял с фронта и бросил на

Кустанай около 15 000 солдат и офицеров». Но авторы сборника документов не приводят. На наш взгляд, это преувеличение.

² «Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане», т. 1, стр. 619.

340 человек. Оба отряда двинулись на Тургай, чтобы затем присоединиться к Красной Армии. Однако Жилиев вскоре со своим отрядом вернулся в район Кустаная, 23 апреля разбил казачью сотню в поселке Лихачевском и 1 мая прибыл в Боровское. По сведениям колчаковцев, в отряде было около 600 человек, а в результате пополнения добровольцами его численность достигла 5 тысяч бойцов (эта цифра, вероятно, преувеличена раза в три) 5 мая отряд вновь направился на юг¹.

Тем временем отряд Л. И. Тарана вышел к Тургаю, близ которого был разоружен алаш-ордынцами, 19 апреля свергнувшими в городе Советскую власть. Об этом тарановцы не знали и приняли алаш-ордынцев за советский отряд. Л. И. Таран и К. М. Иноземцев были убиты. Обезоруженных повстанцев сильный конвой повел в Атбасар, чтобы передать колчаковцам, но в поселке Державинском оставил их и спешно вернулся в Тургай, узнав, что к городу приближается другой отряд кустанайцев. Тарановцы мелкими группами и в одиночку разошлись по разным селениям.

18 мая кустанайцы развернули наступление на Тургай и разбили алаш-ордынцев. Затем, выйдя в район Челкара, они соединились с Красной Армией. Партизанский отряд был переформирован в 4-й Долбушинский революционный крестьянский полк. Его командиром был назначен А. С. Колодкин.

Жилиев за анархистские, антисоветские действия был осужден и расстрелян².

Кустанайское восстание имело огромное значение в расшатывании белогвардейского тыла. Из всех крупнейших крестьянских восстаний оно было ближе всего к фронту и началось в период опасного наступления колчаковских войск. На подавление восстания были брошены подготовленные для отправки на фронт части. Позиции колчаковцев были ослаблены и на южном и на западном участках фронта. Все это определенно способствовало тому, что к середине апреля Красная Армия приостановила наступление Колчака.

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 23, л. 45 а; ф. 236, оп. 1, д. 12, л. 62; д. 20 б, л. 160; ЦГА КазССР, ф. 125, оп. 1, д. 10, л. 18.

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 23, л. 45 а, 47; см. «Борьба за власть Советов в Кустанайских степях», стр. 122, 123, 131—137.

Большое значение придавал кустанайскому восстанию Владимир Ильич Ленин. В телеграмме Реввоенсовету Восточного фронта он писал: «Узнал... про восстание в Кустанае... Надо напрячь все силы на соединение. Что предпринимаете? Посылаете ли к ним аэроплан?.. Телеграфируйте мне подробнее»¹.

Велико было воздействие кустанайского восстания на подъем революционного крестьянского движения в других районах. Более крупным из них было Всесвятское, во главе которого стоял руководитель подпольной группы коммунист А. И. Миронов. Восстание началось 4 апреля, из Всесвятского распространилось на поселки Сорочинский, Ермаковский, Севастопольский и другие и было подавлено карательным отрядом только 15 апреля².

Но наиболее крупным и длительным было атбасарское (мариновское) восстание крестьян, тщательно подготовленное подпольщиками во главе с Н. М. Ирченко, А. Л. Белашом и др. Чтобы сорвать очередную мобилизацию, начатую колчаковцами в марте, подпольные группы Мариновки и других сел решили поднять восстание. «Почти в каждой селении есть маленькая ячейка, — писали колчаковцы об Атбасарском и Кокчетавском уездах, — и, кроме этого, почти все население этой части уезда сочувственно относится к большевикам и их скрывает, исключая только более зажиточный класс, который держится в стороне»³.

Восстание началось в апреле с выступления в Мариновке, где к тому времени имелись подпольный штаб и дружина. Во все концы штаб разослал нарочных в села Атбасарского, Кокчетавского и Акмолинского уездов с призывом к поддержке восстания. Восстание охватило большой район Атбасарского уезда и вышло за его пределы. Объединенными силами восставшие разбили несколько белогвардейских отрядов.

К 1 мая в Мариновке собралось до 3—4 тысяч повстанцев. Однако на их вооружении было только около 120 винтовок. В начале мая они намеревались начать наступление на

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 354—355.

² ЦГАОР, ф. 1700, оп. 1, д. 57, л. 41, 46; см. «Борьба за власть

Советов в Кустанайских степях», стр. 93.

³ ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 14, л. 223, 224.

Атбасар. Но уже 13 мая карательные отряды сводного казачьего корпуса генерала Волкова сломили сопротивление повстанцев и захватили их цитадель Мариновку. Многие тысячи людей были замучены в Мариновке и в других селах Атбасарского и других уездов¹.

Мы остановились на наиболее крупных восстаниях в сибирской деревне зимой и весной 1919 года. Помимо них происходили и другие, менее крупные восстания. Городские восстания, после поражения которых рабочие и революционные солдаты уходили в села, а также вооруженные выступления крестьян привели к бурному росту партизанского движения в Западной и особенно Восточной Сибири.

Характерной особенностью партизанского движения было то, что более крупные отряды и первые соединения возникали в результате массовых вооруженных восстаний. Это лишний раз подтверждает, что вооруженные восстания послужили толчком и базой для дальнейшего подъема партизанского движения.

* * *

В связи с колчаковским переворотом задачи большевистских организаций, как и их деятельность в целом, чрезвычайно усложнились. Однако, опираясь на опыт работы в предшествующий период, подпольные организации РКП(б) конкретизировали и совершенствовали тактику революционной борьбы, успешно боролись с оппортунистическим течением, охватившим кучку растерявшихся членов партии и представлявшим большую опасность для всей подпольной работы. В разгроме этого течения сибирским партийным организациям оказал помощь Центральный Комитет РКП(б).

С наступлением зимы 1918/19 года резко улучшилось руководство большевистским подпольем в тылу колчаковской

¹ ПА КФИМЛ, ф. 811, оп. 1, д. 1, л. 2; см. Л. М. Спирин. Разгром армии Колчака, стр. 142; «В огне революции» (Воспоминания участников Великой Ок-

тябрьской социалистической революции и гражданской войны в Казахстане). Алма-Ата, 1957, стр. 182, 183.

армии со стороны Центрального Комитета партии, прежде всего благодаря созданию Сибирского бюро ЦК РКП(б) и его отделения. Фактически только с этого времени руководство большевистским подпольем стало в полном смысле планомерным и централизованным.

В связи с упрочением связи с подпольным центром Урала и Сибири Центральный Комитет партии стал получать более подробную информацию о положении в колчаковском тылу, что позволяло разрабатывать оперативные планы по борьбе с врагом, оказывать разностороннюю и действенную помощь местным большевистским организациям. При этом приходилось преодолевать громадные трудности, связанные с переправой коммунистов через фронт, гибелью многих из них, утечкой средств, временной ликвидацией Сибирского бюро. Вследствие этого подавляющую часть партийных кадров и основные средства подпольные организации черпали на местах. Все это лишний раз говорит о жизненности и непобедимости революционных идей марксизма-ленинизма, способности отдельных звеньев Коммунистической партии действовать самостоятельно, принимать правильные решения и добиваться их осуществления даже в чрезвычайно сложных условиях.

Через все решения сибирских подпольных конференций красной нитью проходила идея организации всеобщего вооруженного восстания рабочих, солдат и трудящихся крестьян против Колчака. Но эта идея не получала конкретного развития. Не снимая задачи всеобщего вооруженного восстания, которое, как показал опыт зимних выступлений, в условиях колчаковщины провести было в высшей степени трудно, 3-я Сибирская нелегальная конференция РКП(б) сделала акцент на необходимости проведения восстаний в обширных районах, но отнюдь не местных, локальных (таковые в соответствии с сохранявшим силу решением предшествовавшей конференции допускались только в прифронтовых районах и в особо благоприятных условиях).

Центральный комитет РКП(б) Сибири и некоторые крупные местные организации, пытаясь организовать общесибирское вооруженное восстание, делали главную ставку на рабочие и революционно настроенные солдатские массы, то

есть на городские восстания. В то же время не сбрасывалось со счета и трудовое крестьянство. Ряд общегородских комитетов, руководствуясь решениями 2-й Сибирской подпольной конференции, указаниями ЦК, Сибирского бюро ЦК и сибирско-уральского подпольного центра, проводили большую работу в деревне, готовя одновременно восстание рабочих, солдат и крестьян. Для зимне-весеннего периода 1919 года характерно резкое увеличение восстаний рабочих и солдат в городах, солдат на фронте. Практика вооруженной борьбы дала несколько примеров совместных крупных выступлений трудящихся масс города и деревни, что было следствием совершенствования и расширения всей подпольной работы организаций, укрепления связей между рабочими и крестьянами, резко возросшей революционной активности трудового крестьянства. Восстания стали более организованными. Повысилась стойкость повстанцев-крестьян, однако их выступления, как и городские восстания, по-прежнему не были лишены элементов стихийности. Неудачи вооруженных восстаний в городах и селах, проходивших в большинстве случаев изолированно одно от другого, потребовали от подпольного центра и местных организаций резкого усиления работы среди крестьянства, вовлечения его в организованную вооруженную борьбу.

По мере большевизации среднего крестьянства, роста активности бедноты, изоляции кулачества улучшались условия для работы коммунистов, расширялась сеть сельских подпольных организаций близ промышленных очагов и в отдаленных районах. На Урале и в Сибири упрочился союз рабочего класса и крестьянской бедноты, завершался переход на сторону Советской власти середняка. Неизмеримо возросли революционность, сплоченность и боеспособность самого рабочего класса, его роль как гегемона всех трудящихся советски настроенных масс населения. Завершалось формирование военно-политического союза пролетариата и всего трудового крестьянства.

Поворот середняка на сторону пролетарской диктатуры оказывал непосредственное влияние на поведение солдат колчаковской армии. К весне 1919 года коммунисты достигли крупных успехов в борьбе за войско, в разложении белогвардейской армии и частей интервентов, завоевании на свою сторону солдат, вовлечении их в революционную борьбу,

обеспечении их перехода на сторону Красной Армии и партизан.

В Сибири возникли крупные очаги партизанского движения, руководимого большевистскими организациями. Все повстанческие соединения и крупнейшие отряды возникли в ходе вооруженных восстаний в промышленных и сельских районах. Восстания непосредственно влияли на развитие партизанского движения, а успехи партизан содействовали возникновению новых вооруженных восстаний трудящихся. Вооруженное восстание и партизанское движение как формы массовой и действенной революционной борьбы были тесно связаны между собой, взаимно обуславливали друг друга. Основопологающей, определяющей формой было и продолжало оставаться вооруженное восстание.

Исключительно важным по значению результатом деятельности большевистских организаций было успешное разоблачение контрреволюционной сущности эсеров и меньшевиков, их изоляция от широких слоев трудящихся. Глубокий кризис мелкобуржуазных партий, разброд и шатания в их рядах, вступление левых элементов в подпольную борьбу с Колчаком были использованы большевиками для расширения влияния на массы и усиления революционного натиска на реакцию.

К весне 1919 года по численности и по активности местных организаций большевистское подполье, особенно в городах, достигло наивысшего расцвета. Но наряду с важными достижениями в этот период в работе подпольных организаций имелись крупные упущения и отдельные ошибки: не получила большого размаха работа коммунистов в селах многих губерний; недостаточно прочными были связи между подпольными организациями, нередко они нарушались; Сибирский ЦК (ОК) РКП(б) далеко не всегда мог оперативно руководить большевистскими организациями и координировать их действия, что явилось одной из основных причин неудач вооруженных восстаний в городах. Недостатки в организационной работе, несовершенство конспирации, возникновение в большевистское подполье провокаторов и неустойчивых элементов привели в марте — апреле 1919 года к массовым провалам крупнейших организаций, а затем и к ликвидации областного подпольного комитета, вследствие

чего большевистское подполье было ослаблено, произошел спад в его работе.

В целом успехи коммунистов-подпольщиков в руководстве революционной борьбой трудящихся масс, забастовочные выступления рабочих, вооруженные восстания в городах и селах, усиление партизанского движения в Сибири и на Урале существенно повлияли на исход борьбы Красной Армии с белогвардейскими полчищами, содействовали провалу весеннего наступления Колчака.

Глава **III** **Разгром** **колчаковщины**

(конец апреля 1919 —
март 1920 года)

1 Руководство большевистским подпольем

Апрель 1919 года был переломным в сражении на Восточном фронте. Командование Красной Армии перехватило инициативу в жестокой борьбе и прочно ее удерживало.

Коренной перелом на Восточном фронте был подготовлен героическими усилиями прежде всего частей 1, 2, 3, 4, 5-й и Туркестанской армий. Достойный вклад в ослабление врага внесли боровшиеся в его тылу подпольщики, партизаны, революционные массы рабочих и крестьян. Именно к этому времени произошли наиболее значительные сдвиги в среднем крестьянстве Урала, где процесс большевизации шел несколько быстрее, а затем и Сибири. Середняк в основной массе, не говоря уже о бедноте, был завоеван на сторону Советской власти. Это выразалось прежде всего в дальнейшем усилении революционных выступлений в деревне, в массовом уклонении крестьян от мобилизации в колчаковскую армию и дезертирства из нее, в возникновении новых партизанских отрядов.

В марте Колчак еще держался и организовал наступление. Но армия Колчака в это время состояла уже не из офицеров и кулаков-добровольцев по преимуществу, а из мобилизованных трудящихся крестьян. До какой-то степени

по моральному и боевому состоянию армии можно было судить о настроении широких трудящихся масс крестьянства Сибири и Урала. В марте эта армия была еще очень сильна и ее быстрое наступление к Поволжью представляло огромную опасность для Советской власти.

В апреле поворот середняка, а затем и солдат колчаковской армии стал резко усиливаться, а после первых успехов Красной Армии в конце апреля и начале мая он стремительно нарастал и вскоре, к июню 1919 года, практически завершился. Вся трудовая деревня Сибири и Урала встала на сторону Советской власти. Поворот части среднего крестьянства к Советам к апрелю содействовал поражению Колчака на фронте, а последнее в свою очередь способствовало завершению этого поворота.

Небывалых размеров достигло дезертирство, резко увеличилось количество переходивших на сторону Красной Армии солдат, сдавались в плен целые полки и соединения. Вооруженная борьба крестьян достигла невиданного размаха, упорства и ожесточения.

Если в марте 1919 года В. И. Ленин указывал на поворот «значительной части крестьянских масс в пользу Советской власти», то в июле в целом ряде работ он указывает на развал «Колчакии» и переход трудящихся масс крестьянства Сибири на сторону Советов. «Миллионы крестьян Сибири пришли к большевизму, — там поголовно ждут большевиков...» В. И. Ленин писал также: «Без Колчака сибирский крестьянин не пришел бы в один год к убеждению, что ему нужна наша, рабочая власть. Только тяжелый опыт этого года убедил его в этом...»

Массы крестьянства перешли к большевикам — это факт. Это доказала лучше всего Сибирь¹.

Таким образом, переход крестьянских масс Сибири на сторону пролетарской диктатуры в основном завершился к истечению года существования белогвардейской власти, то есть примерно к началу лета 1919 года. К этому времени трудящиеся крестьяне в колчаковском тылу не только сочувствовали Советской власти, но и с огромным самопожертвованием боролись за нее. В течение весны завершился про-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 42, 87.

цесс складывания прочного союза пролетариата Урала и Сибири с середняком при опоре на бедноту

Советское командование разработало план контрнаступления на Восточном фронте. Выдающаяся роль в разработке и реализации этого плана принадлежит командующему Южной группой Восточного фронта М. В. Фрунзе.

25 апреля войска Южной группы начали наступление. 4 мая они заняли Бугуруслан, 13 мая — Бугульму, спустя 4 дня — Белебей, 9 июня — Уфу. Западная, наиболее мощная армия Колчака вынуждена была отступать на Урал.

Колчак и интервенты в начале июня двинули в наступление Сибирскую армию, действовавшую севернее Западной. 3 июня части Сибирской армии захватили Глазов, продвинулись вперед на других участках. Но в результате принятых по указанию В. И. Ленина мер наступление противника было остановлено. Вскоре он был вынужден начать отступление и здесь. Позднее был достигнут перелом в пользу Красной Армии на Южном Урале и в Степном крае. Начался разгром белоказацких армий Дутова и Толстова, Южной армии (группы) генерала Белова.

Ко второй половине августа 1919 года Красная Армия одержала выдающиеся победы. Колчаковские войска, понесшие огромные и невосполнимые потери, были отброшены к реке Тоболу 24 августа. В. И. Ленин подвел итоги борьбы с Колчаком и указал те уроки, которые следовало извлечь из опыта этой борьбы.

«Первый урок. Чтобы защитить власть рабочих и крестьян от разбойников, то есть от помещиков и капиталистов, нам нужна могучая Красная Армия...

Второй урок. Красная Армия не может быть крепкой без больших государственных запасов хлеба, ибо без этого нельзя ни передвигать армию свободно, ни готовить ее как следует. Без этого нельзя содержать рабочих, работающих на армию...

Третий урок. Чтобы до конца уничтожить Колчака и Деникина, необходимо соблюдать строжайший революционный порядок, необходимо соблюдать свято законы и предписания Советской власти и следить за их исполнением всеми...

Четвертый урок. Преступно забывать не только о том, что колчаковщина началась с пустяков, но и о том, что ей помогли родиться на свет и ее прямо поддерживали

меньшевики («социал-демократы») и эсеры («социалисты-революционеры»). Пора научиться оценивать политические партии по делам их, а не по их словам...

Пятый урок. Чтобы уничтожить Колчака и колчаковщину, чтобы не дать им подняться вновь, надо всем крестьянам без колебаний сделать выбор в пользу рабочего государства...

Рабочее государство — единственный верный друг и помощник трудящихся и крестьянства. Никаких колебаний в сторону капитала, союз трудящихся в борьбе с ним, *рабоче-крестьянская власть, Советская власть* — вот что значит *на деле* «диктатура рабочего класса»¹.

Ленинское «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» стало программой дальнейшего укрепления военной, политической и экономической мощи Республики Советов. Оно имело также самое непосредственное отношение к продолжению борьбы с Колчаком, так как он еще не был разгромлен и в связи с переброской части советских дивизий с Урала на другие фронты пытался зацепиться в Зауралье. Это письмо, как и другие ленинские выступления и решения VIII съезда партии, имело чрезвычайно важное значение для дальнейшего развертывания революционной борьбы в тылу колчаковской армии.

Центральный Комитет партии летом 1919 года рассматривает вопрос об усилении революционной борьбы в колчаковском тылу. 18 июля на заседании Оргбюро ЦК был обсужден вопрос «О партизанских отрядах в Сибири». На другой день этот же вопрос рассматривался на объединенном заседании Политического и Организационного бюро ЦК. В результате были разработаны и приняты директивы: «Постановить и довести до сведения партизанских отрядов Сибири, что сибирские партизанские отряды должны немедленно установить между собой постоянную связь и координировать свои действия и переход к централизации командования»; «Поручить политработникам востфронта выработать тезисы обращения Совета Народных Комиссаров к партизанам Сибири с целью установить их связи с местными политическими организациями о координации военных действий, с тем чтобы

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 151—158.

заранее были приняты меры обезвреживания отрицательных сторон партизанщины». Центральный Комитет партии в осуществлении этого решения прежде всего полагался на Сибирское бюро и местные организации в районах действий партизанских отрядов. Сибирскому бюро ЦК было предложено «оказывать отрядам материальную помощь через сибирские партийные организации»¹.

Таким образом, летом 1919 года, когда партизанское движение приобрело массовый характер, охватывало обширные районы и продолжало бурно нарастать, когда Красная Армия продвигалась в глубь Урала и Сибири, Центральный Комитет РКП(б) выдвигает своевременную и важную задачу объединения мелких отрядов в соединения с единым централизованным командованием. Деятельность партизанских отрядов ставилась в прямую зависимость от задач Красной Армии. Большевистские организации должны были уделить еще большее, чем прежде, внимание развертыванию партизанского движения, обеспечению политического и организационного руководства им.

До начала лета бюро ЦК фактически по-прежнему отсутствовало. Действовало лишь отделение. Во второй половине апреля, в мае и июне его работа достигла наибольшего размаха. Большое внимание уделяется организации разведывательной и диверсионно-подрывной работы, переброске на Урал и в Сибирь партизанских отрядов и групп. Задачи развертывания подрывной работы ставились не только перед теми работниками, которые шли в тыл врага по заданию военного отдела, но и перед всеми подпольными организациями и группами. Это видно из специальной инструкции, разработанной отделением Сибирского бюро ЦК².

К середине мая отделение бюро ЦК направило группы коммунистов во главе с резидентами во все районы Урала. Так, в Челябинск направляются член партии с 1905 года Григорий Лазаревич Гудырев, его жена Фаина (Сусанна), Ф. Ф. Вожаков, Г. А. Кантуганов и Х. К. Богданов, в Екатеринбург — Ф. Г. Куркодинов и для организации подполь-

¹ «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 119.

² ЦАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 345—347. Инструкция носит

общее название «Организация партийных организаций в тылу противника и направление работы их».

ной газеты В. Н. Воробьев и А. Ф. Ивакин. По несколько человек было отправлено в другие районы. На помощь тем коммунистам, которые были переправлены через линию фронта в марте — апреле, направляются для связи и постоянной работы новые группы и отдельные работники. Так, вслед за И. С. Белостоцким и Д. Т. Богатовым в Златоуст направляются И. П. Маликов, П. А. и Н. А. Фофановы. В связи с арестом белогвардейцами М. И. Соловьева и П. Н. Спиридонова на Северный Урал были направлены А. П. Устатов (руководитель группы), С. И. Каторгин, И. А. Шаров, А. Н. Кузнецов и А. В. Фомин. Группа имела поручение создавать подпольные большевистские ячейки в районе Надеждинска и других заводов, установить и поддерживать между ними связь и вести подготовку к вооруженному выступлению¹.

Помимо того, для работы в Сибири отделение направило пять человек. Видный партийный работник — посланец ЦК РКП(б) В. И. Хотимский под именем М. Б. Белопольского перешел линию фронта для налаживания связи между подпольными организациями и руководства ими. К аналогичной работе подготовился член отделения бюро С. Ф. Баранов, перед отправкой в Сибирь выезжавший в Москву, в Центральный Комитет партии². Для установления связи с подпольными организациями Сибири отделение бюро имело несколько явок.

В июне — июле отделение бюро продолжало посылку коммунистов на Урал и в Сибирь. В их числе были работники с большим партийным стажем и опытом. Некоторые получали задания вести военно-боевую работу, например группа из семи человек во главе с членом Коммунистической партии с 1909 года В. А. Сильных³.

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 90, 92, 120, 249—260; д. 505, л. 15; д. 885, л. 334—352.

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 45, л. 2; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 32. В докладе отделения (ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 106, л. 252) не сказано, кто именно был послан в Сибирь. Можно полагать, что это В. И. Хотимский и женщина, отправившаяся с

ним под видом жены, С. Ф. Баранов и Е. П. Колесов с И. С. Дулесовым. Последним двум не удалось переправиться в район Алапаевска, и они были направлены в Сибирь вместе с С. Ф. Барановым.

³ ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1 в, ч. II, л. 323; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 250—260.

Всего отделение бюро направило для постоянной подпольной работы на Урал и в Сибирь около 60 коммунистов. Однако следует отметить, что не менее 10—20 из них были арестованы и в большинстве своем погибли. За судьбой ряда посланцев отделения проследить не удастся в связи с отсутствием документов и воспоминаний. Некоторые, например Г. В. Здравосмыслов, И. П. Маликов, Фофанов, в связи с быстрым продвижением Красной Армии на Урал перейти линию фронта так и не успели¹

Те работники, которые были направлены в конце мая и в июне, к моменту освобождения Урала значительной работы провести не смогли. Однако и то, что они успели сделать, имело важное значение.

Много было сделано отделением бюро ЦК в конце апреля и в последующие два месяца по реализации плана работы воинского отдела. При участии Реввоенсовета 3-й армии усиленно готовились для засылки на Урал отряды партизан. Отделение бюро в мае — июне 1919 года направило на Урал четыре группы, насчитывавшие 71 человека. Они дезорганизовали белогвардейский тыл и в определенной степени содействовали успехам Красной Армии.

В соответствии с планом действий военного отдела отделение бюро уделяло большое внимание постановке разведывательной работы. К концу мая отделение послало две группы коммунистов для агентурных отделов в Перми и Кунгуре². Были подобраны работники и для остальных намеченных пунктов — Екатеринбург и Омска.

На Урал, в Сибирь и на Дальний Восток один за другим отправлялись ходоки и разведчики, в числе которых были С. А. Килин, И. И. Сакулин, П. Ф. Тарасов, И. Я. Спиридопов, А. Е. Емшанов, К. И. Будырев, К. Г. Рогозин, М. Б. Габов, С. Н. Горбушин. Ходоки находились во вражеском тылу до месяца и больше. Поездки их, как правило, бывали успешными. Они объезжали многие города Урала и Сибири и доставляли интересные военные и политические сведения.

Ценные сведения доставляли также представители подпольных организаций и партизан: курьер Сибирского обкома

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 41.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 49.

РКП(б) А. И. Чижев, посланец владивостокских коммунистов Кирилюк, представитель томской подпольной организации и западносибирских партизан П. Ф. Лапшин и др. Труден и опасен был их путь к фронту. Всюду подстерегал враг, малейшая оплошность могла привести к гибели.

Доставлявшиеся посланцами сибирского подполья, ходоками и разведчиками отделения бюро сведения о положении в белогвардейском тылу позволяли совершенствовать руководство большевистским подпольем, усиливать помощь ему. Эти сведения также передавались в ЦК, в реввоенсоветы 3-й армии и Восточного фронта.

На Урал, в Сибирь и на Дальний Восток отделение бюро направило примерно 17 ходоков и разведчиков. Таким образом, за все время работы отделение направило в тыл врага около 150 человек¹ И хотя некоторые из них не смогли пробраться в заданные районы и вернулись в отделение или были схвачены колчаковцами и погибли, вклад отделения в развертывание антиколчаковского революционного движения трудящихся на Урале и в Сибири был велик.

Отделение бюро Центрального Комитета РКП(б) оказывало большевистскому подполью и некоторую материальную помощь. Направлявшиеся в тыл врага коммунисты только за время с 20 февраля по конец мая 1919 года получили 741 680 рублей².

После освобождения Красной Армией Перми отделение бюро ЦК в середине июля переезжает туда. Отсюда к началу августа оно прибыло в Екатеринбург³.

Поскольку в это время вновь стало функционировать Сибирское бюро ЦК, осуществлявшее руководство подпольной работой в Сибири, а Урал был уже освобожден, отделение свою роль сыграло. Назрела необходимость в его упразднении. Члены Сибирского бюро 27 июля послали в ЦК телеграмму: «Бюро выезжает Челябинск точка Северное отделение необходимо ликвидировать, передав аппарат нам точ-

¹ Подсчитано на основе материалов ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, 505, 506, 885; ф. 221, оп. 2, д. 106; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 13; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 35, л. 71—72.

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 35, л. 70; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 885, л. 10.

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 189.

ка»¹. Постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) от 30 июля 1919 года отделение бюро было ликвидировано².

Сибирское бюро ЦК было восстановлено по предложению его членов. Уже в начале мая они обращаются в ЦК партии с предложением возобновить работу бюро. 3 июня Ф. И. Голощекин отмечал, что Сибирь является кипящим котлом и «чем скорее Сибирско-Уральское бюро начнет работать, тем лучше»³.

В начале июня Ф. И. Голощекин и И. Н. Смирнов вновь обратились в ЦК партии с просьбой о возобновлении работы бюро. Работники аппарата ЦК, в частности К. Т. Новгородцева-Свердлова, поддержали членов бюро. Уже в середине мая решено было выдвинуть вопрос на одном из заседаний Оргбюро ЦК. Новгородцева писала членам бюро, что, по ее личному мнению, работу бюро «необходимо постепенно восстанавливать, не дожидаясь формального разрешения ЦК. Действуйте самостоятельно, как диктуют обстоятельства. Вас временно ликвидировали до более удобного момента»⁴.

Сразу же по получении официального согласия ЦК РКП(б) на возобновление работы бюро в начале июня Новгородцева сообщает об этом Голощекину и Смирнову. Перед ними ставилась задача восстановить связь с отделением. Голощекин от работы в Туркестанской армии был освобожден и вновь целиком отдался работе Сибирского бюро ЦК. Вернулись в бюро его бессменный секретарь Д. К. Гончарова и сотрудник М. И. Шмидт. Работа бюро возобновилась 8 июня⁵.

Обосновалось Сибирское бюро вновь при Реввоенсовете 5-й армии в Мелекесе и Бугульме, размещаясь в железнодорожных вагонах. Вскоре после освобождения Уфы бюро

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 46, л. 21.

² См. Л. М. Спирин. О деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б) в годы гражданской войны. «Вопросы истории КПСС», 1961, № 2, стр. 100.

³ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 13.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 11; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 25.

⁵ Там же, л. 10, 27; оп. 4, д. 1079, л. 2; ПАСО, ф. 41, оп. 1,

д. 505, л. 154. Точную дату решения ЦК о возобновлении работы Сибирского бюро установить не удалось. Записка Новгородцевой не датирована. Вероятно, решение ЦК было принято 5 или 6 июня, так как, во-первых, 3 июня Голощекин писал о необходимости посылки новой телеграммы с предложением о восстановлении бюро, во-вторых, письмо, извещавшее о решении ЦК, датировано 6 июня.

переехало в этот город и поместилось на Аксаковской улице в одном из домов, арендованных от имени Реввоенсовета. Одним из первых мероприятий Сибирского бюро ЦК был выпуск новой листовки, четвертой по счету, — «Солдаты белой армии!» Она была выпущена за подписью Урало-Сибирского бюро ЦК партии. Будучи распространенной на фронте, эта листовка сыграла важную роль в разложении колчаковской армии.

ЦК партии создал для работы Сибирского бюро еще более благоприятные материальные условия, чем зимой 1919 года. В распоряжение бюро были переданы огромные денежные суммы. На 21 августа на руках у Д. К. Гончаровой имелось около полумиллиона рублей, в Самаре хранилось столько же, да в банке на счету бюро было около полутора миллионов рублей¹

В числе важнейших задач Сибирского бюро вновь стала организация восстания и развертывание партизанского движения на Южном Урале, в Златоустовско-Миньярском районе. Еще в мае, предлагая восстановить бюро, его члены считали необходимым «послать в глубокий тыл на Урал группу товарищей для организации связи с армией, освещения тыла противника, разрушения мостов и подготовки восстания»² Члены бюро не отказались от реализации того плана, который был ими разработан в феврале 1919 года и которому тогда не суждено было осуществиться.

В июне бюро с помощью Реввоенсовета 5-й армии формирует кавалерийский отряд в основном из миньярцев и ашбалашевцев, входивших в отряд С. Д. Павлова. В архивных материалах встречаются упоминания о том, что в отряде были и матросы. Это вполне возможно, ибо в мае Реввоенсовет 5-й армии ждал прибытия из Петрограда отряда матросов, которых вместе с южноуральскими рабочими намерен был послать в колчаковский тыл. Отряд насчитывал 57 человек. Командиром был назначен член РКП(б) с 1905 года делегат VI съезда партии Петр Васильевич Гузаков, его помощниками — К. М. Туманов и А. С. Коржаков³.

Отряд, переодетый в белогвардейскую форму, с «офицером» во главе примерно 20 июня отправился на выполнение зада-

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 11.

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 11.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 3, д. 541, л. 5; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 82, 93.

П. В. Гузаков

ния; на пароме он переплыл через реку Уфу и углубился в белогвардейский тыл. Несмотря на то что врагу стало известно об отряде, партизаны беспрепятственно вышли к Миньяру и остановились на Воробьиных горах, в семи верстах от заводского поселка. Через бойцов отряда, бывших участников подпольной работы А. А. Брагина, В. П. Заикина (дважды посланного Сибирским бюро из Уфы в Миньяр) и других, была установлена связь с подпольными организациями Аша-Балаши, Миньяра и Сима. От имени Сибирского бюро ЦК они дали указание местным коммунистам тайно собрать добровольцев и незаметно прибыть с ними в пункт сосредоточения для формирования партизанского отряда. В район расположения отряда Гузакова стали прибывать рабочие из Миньяра и Аша-Балаши. Только около десятка ашабалашевцев перехватили колчаковцы, остальные сумели уйти в леса незамеченными. Одновременно готовились оружие и боеприпасы.

Симцам указание приступить к формированию отряда доставил А. И. Нечаев. Скрывшиеся в лесу коммунисты и рабочие с завода стали собираться в условленном месте, у Кувшинова родника¹. К рабочим Миньяра и других заводов присоединялись некоторые крестьяне Биянки и других сел.

Пока рабочие, а также крестьянская молодежь собирались в отряды, Гузаков и Туманов начинают подрывную работу в районе железной дороги, чтобы внести замешательство в ряды противника и помешать ему организованно отступить. Под командой матроса Гаранина через Леузы открыто, на подводах, под видом солдат 8-го кадрового Тюменского полка к железной дороге направилась группа из 15—20 человек

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, л. 190; д. 1252, л. 72, 73.

для взрыва Кусинского моста. В тот же день две группы подрывников под командой Гузакова отправились к станциям Кропачево и Усть-Катав с целью взорвать железнодорожный мост через реку Юрюзань и поднять в этом районе восстание¹

Однако взорвать те мосты не удалось из-за большого скопления колчаковцев. В стычке с ними был убит командир одной из групп Гаранин, а Гузаков со своей группой направился к станции Симская и в трех верстах от нее взорвал железнодорожный мост через речку Ерал, сняв и обезоружив белогвардейский караул. И хотя мост был восстановлен сравнительно быстро, но панику в тылу отступающего врага партизаны наделали большую. Они также разрушали железнодорожную линию и телеграфно-телефонную связь. Подрывные отряды вернулись к Миньяру.

Как действия отряда Гузакова, так и формирование новых отрядов проходили в исключительно сложной обстановке. С каждым днем к Миньяру, Аша-Балаше, Симу приближался фронт. В этом районе сосредоточилось большое количество войск противника. Колчаковцы были осведомлены о переходе отрядом Гузакова линии фронта, о его боевых действиях и формировании новых отрядов в районе Миньяра и Сима. Однако попытки колчаковцев разгромить отряд Гузакова и обнаружить место формирования новых отрядов к успеху не привели.

Рабочие Миньяра и Аша-Балаша, а также крестьяне Биянки объединились в отряд численностью до 300 человек. Командиром отряда назначается рабочий М. Т. Фатеев, его помощником — И. Г. Соколов. Отряду было выдано из заранее подготовленных лесных запасов свыше 200 винтовок, до 40 ящиков патронов, 4 пулемета. Некоторые бойцы прибыли со своим оружием².

Так же успешно шло формирование Симского отряда. Он насчитывал до 200 человек, более половины из них имели винтовки. Командиром отряда избирается член партии с 1917 года Н. А. Масленников. Но симцы несколько затянули с организацией отряда, и им пришлось действовать одним,

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 82, 96, 97; ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1 в, ч. 1, л. 76.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252,

л. 97; см. «Коммунисты Урала в годы гражданской войны», стр. 325.

так как другие отряды в ходе боевых действий отклонились на запад¹.

Отряды Гузакова и Фатеева, двигаясь навстречу фронту, одержали несколько побед над отступавшими под ударами Красной Армии белогвардейцами. Около Гремячихинских казарм был разгромлен конный казачий отряд. Продвигаясь далее на запад, партизаны устроили засаду отступающей части противника, много белогвардейцев уничтожили, около 150 человек взяли в плен. Партизанам достался огромный обоз с оружием, продовольствием, обмундированием, телефонной аппаратурой, а также скот, который угоняли с собой белогвардейцы. На другой день произошла встреча с Красной Армией. Вместе с красноармейцами партизаны приняли участие в освобождении Миньяра и в дальнейших боях. Из района Кропачево они были возвращены на завод².

Симский отряд Н. А. Масленникова 1 июля лесом направился к фронту и присоединился к 3-й кавалерийской бригаде 26-й дивизии. Бригадой командовал И. Д. Каширин. Знакомыми тропами партизаны провели красных казаков на исходные позиции для штурма Симского завода, который обороняли части противника, имевшие артиллерию. В ночь на 2 июля каширинцы и партизаны освободили Симский завод³.

Вооруженную борьбу с колчаковцами в июле активно вели рабочие и крестьяне других районов Златоустовского уезда. Газета «На Красный Урал» 15 июля 1919 года сообщала: «В Златоустовском направлении нами сломлено упорнейшее сопротивление противника, бросавшего на это направление все силы, группировавшиеся в Уфимском районе... Потери противника огромны. Целиком уничтожены 3 полка, 2 полка потеряли $\frac{2}{3}$ состава. Противник в беспорядке отходит вдоль железной дороги Уфа — Златоуст... Наша операция облегчается тем, что не только рабочие, но и крестьяне относятся к нам доброжелательно и вступают в Красную Армию по первому зову и организуют партизанские отряды, сеющие панику в тылу противника. Заводы, за исключением Симского, уже работают. На Балашевском заводе остались

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1255, л. 21, 73; д. 1071, л. 48; ф. 221, оп. 2, д. 474, л. 2, 51, 58.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213,

л. 190 (Воспоминания А. Г. Иванова); д. 1252, л. 97—100.

³ См. «Гражданская война на Южном Урале. 1918—1919 гг.», стр. 318—319.

все машины и 400 000 пудов железа, стали и чугуна. Топлива на всех заводах хватит на год».

Высоко оценил революционный подвиг уральских рабочих В. И. Ленин. В начале июля 1919 года он писал: «Красная Армия, героически продвигаясь на Урале при помощи вступающих поголовно уральских рабочих, приближается к Сибири...»¹

Успешно руководя действиями коммунистов, возглавивших революционно настроенных рабочих и крестьян Южного Урала, Сибирское бюро ЦК РКП(б) не забывало и о подпольных большевистских организациях других районов, занятых колчаковцами. В течение июня — июля в бюро сосредоточились партийные кадры, предназначенные для подпольной работы на Урале и в Сибири. Некоторые коммунисты были направлены в распоряжение бюро Центральным Комитетом партии. Почти все они имели опыт подпольной работы в белогвардейском тылу. В их числе был Д. Д. Киселев трижды переходивший Восточный фронт по поручению ЦК и Сибирского бюро. Во второй половине мая 1919 года Киселев вместе с женой Екатериной Алексеевной перешел линию фронта западнее Уфы, затем приехал в Москву. Он подробно информировал Центральный Комитет партии о результатах своей поездки, изложил просьбы и нужды восточносибирских подпольных большевистских организаций. С ним беседовал В. И. Ленин, входя во все подробности работы подпольных организаций².

В Москве Киселев получил для подпольных организаций Восточной Сибири и Дальнего Востока 2 миллиона рублей. В конце июля он вновь вместе с женой из Уфы отправился на фронт и перешел его. По решению бюро Киселев должен был 2 миллиона рублей распределить следующим образом: в Иркутск — 100 тысяч, в Читту для Забайкалья — 400 тысяч, в Благовещенск для передачи части денег в Хабаровск и Харбин — 1 миллион и во Владивосток — 500 тыс. рублей. И на этот раз объезд Киселевым организаций был в общем успешным³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 44.

² ГАНО, ф. Р-1350, оп. 1, д. 1, л. 17; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 17—18.

³ ГАНО, ф. Р-1350, оп. 1, д. 1, л. 50; д. 5, л. 3; ПАНО, ф. 5, оп. 1, д. 97, л. 9.

В распоряжение бюро Центральным Комитетом партии был направлен также А. И. Чижов (курьер Сибирского ОК) и А. А. Карлов (член партии с 1905 года), а также два молодых коммуниста — Морской и Федоров. Последние двое принимали активное участие в революционной подпольной работе в Одессе. После восстановления в городе Советской власти Федоров и Морской обратились в ЦК партии с настоятельной просьбой направить их туда, где коммунистам было всего труднее — в тыл колчаковской армии. Их вызвали в Москву и затем направили в распоряжение Сибирского бюро. В конце июня Морской и Федоров выехали в район Златоуста — Челябинска — Екатеринбургa для организации разведывательной работы на железной дороге.

Ответственное и по преимуществу также разведывательное поручение получил Чижов: он должен был прибыть в Омск, возобновить связи с подпольной организацией, организовать сбор военной информации и направлять ее в Сибирское бюро. Карлов был командирован в район Средней Сибири вместе с П. Я. Наумовым. Им было поручено установить связь с подпольными организациями и партизанскими отрядами и вместе с сибирскими коммунистами развернуть организационно-политическую работу в этих отрядах. Линию фронта они перешли в начале сентября (был использован временный отход советских частей в районе Петропавловска — Ишима) Наумов уехал в глубь Сибири, а Карлов задержался в Тюкалинском уезде и помог местным восставшим крестьянам создать партизанский отряд. Затем Карлов направился в Новониколаевск, Анжерку и Судженку, Томск. Там, особенно в Томске, он сыграл видную роль в руководстве революционной борьбой трудящихся¹.

Сибирское бюро приняло участие в завершении подготовки и посылке в колчаковский тыл члена отделения С. Ф. Баранова. Его главные задачи были определены следующим образом: по согласованию с Омском образовать два центра для Сибири и Урала, связанных между собой; через них обеспечить партийное руководство всей революционной борьбой в тылу врага. Вместе с Барановым, наделенным обширными полномочиями, бюро направило трех курьеров с деньгами²

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 636, л. 15; ф. 124, оп. 1, д. 851, л. 4—7; оп. 6, д. 115, л. 3—5; ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, д. 318, л. 7.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 4.

На Урал Сибирское бюро переправило прибывших из Вятки И. П. Маликова, Н. А. и П. А. Фофановых вместе с коммунистами из Казани¹. Переправа на участке 26-й дивизии прошла удачно. Однако группа вскоре оказалась вновь на советской территории, так как дивизия ускорила темп наступления и обогнала подпольщиков. Заболевший И. М. Маликов и один из братьев Фофановых вернулись в бюро и были подвергнуты суровому осуждению. Остальные семь коммунистов вновь перешли фронтовую линию и приступили к выполнению возложенных на них поручений. Трое из группы, опережая других, двинулись 7 июля из Юрюзани к Челябинску. По пути следования они связались с крестьянскими подпольными революционными группами в селах Александровке, Николаевке и Емангулово. Руководителями в двух последних селах были крестьяне Подкорытов и Макар Хромой. 15 июля коммунисты прибыли в Челябинск. Но данные им явки оказались проваленными. Однако через старого революционера Глухих они сумели связаться с подпольными группами и приняли в их работе участие. Валиуллин из Челябинска выехал на подпольную работу в Омск. Один из казанских коммунистов Сибирским бюро был направлен в формировавшиеся белогвардейцами мусульманские части для организации в них революционных подпольных ячеек и обеспечения перехода мобилизованных мусульман на сторону Красной Армии².

В июне — июле на постоянную подпольную работу и курьерами было направлено немало и других коммунистов. Среди них были Романчук, ранее принимавший участие в подполь-

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 580, л. 1; д. 636, л. 15. Руководители казанской губернской партийной организации в период весеннего наступления Колчака подготовили для подпольной работы группу коммунистов на случай, если бы враг ворвался в город. Узнав от члена Революционного Восточного фронта С. И. Гусева о существовании Сибирского бюро ЦК, губком решил помочь ему и направил партийную группу в Уфу. В нее входили девять человек: Аристов, Зубайдуллин, Ва-

лиуллин, Саттаров, Виноградов, Сибиренков, Симаповский, В. и И. Соболевы. Руководителем группы был член Казанского губкома партии Всеволод Васильевич Аристов (Астров). Из двух групп, прибывших из Казани и Вятки, к концу июня бюро создает группу из девяти человек. Она была зашифрована как «группа № 107». Руководителями группы были В. В. Аристов и И. П. Маликов.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 21.

ной работе в Челябинске и на фронте, и, как отмечалось выше, И. П. Колесов, И. С. Дулесов. Они в большинстве своем были направлены в Сибирь. Один коммунист направляется в Курган. В район Камышловских заводов с целью организации партийной и военно-боевой работы бюро отправило четыре человека¹.

Отдельные коммунисты получили задания по установлению связей с партизанскими отрядами и обеспечению политического руководства в них. По прошествии некоторого времени бюро ЦК стало получать через курьеров, прибывших от подпольных организаций и партизанских отрядов, более подробную и свежую информацию о положении в Сибири и на Урале, в районах, охваченных повстанческим движением. Один из таких посланцев, прибывший из Енисейской губернии, доставил в бюро карту расположения партизанских отрядов². Такие конкретные сведения приобретали особо важное значение, так как Красная Армия приближалась к тем районам, где имелись наиболее значительные силы партизан.

Летом 1919 года Сибирское бюро ЦК стало специально заниматься подготовкой и переправой в Сибирь коммунистов-иностранцев для работы в войсках интервентов. В подборе работников членам бюро оказывал помощь Центральный Комитет партии и непосредственно участвовал ЦК чехословацких коммунистических групп в России. Во второй половине июля в бюро прибыли два иностранных коммуниста. В августе, когда бюро находилось в Челябинске, в его распоряжении имелось уже несколько коммунистов-чехословаков³.

Помощь сибирским и уральским подпольным организациям деньгами только за июнь — июль выразилась в миллионных суммах. Через отряд П. В. Гузакова миньярской подпольной организации было дано распоряжение передать оставшийся там 1 миллион рублей Сибирскому областному подпольному комитету партии. Для выполнения этого задания были выделены два коммуниста-миньярца, в том числе Н. С. Шалашов.

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 636, л. 15; см. «Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.)», стр. 352.

² ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, д. 318, л. 7 (Воспоминания Д. К. Гончаровой).

³ ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 120, л. 37, 39.

Установить связь с Сибирским ОК они должны были через Челябинский подпольный комитет. Но выполнить это поручение не удалось, так как явка, данная Сибирским бюро, оказалась проваленной. Пришлось с деньгами вернуться. В Сибирь с деньгами ездили несколько курьеров. Так, Романчуку, И. П. Колесову и И. С. Дулесову бюро вручило для передачи в Омск и другие города по 100 тысяч рублей каждому. «Группа № 107» получила 189 тысяч, а Морской и Федоров — 60 тысяч рублей, 500 тысяч рублей были посланы с А. А. Карловым и П. Я. Наумовым¹.

Но приведенные сведения, во-первых, относятся только к июню — июлю 1919 года, во-вторых, вне всякого сомнения, не являются полными. Во всяком случае денежная помощь подпольным организациям была весьма значительной.

С наступлением осени 1919 года по мере освобождения от колчаковцев Урала, а затем и Сибири перед бюро ЦК встают новые задачи — восстанавливать в освобождаемых районах партийные организации и органы Советской власти, налаживать народное хозяйство. В сентябре члены бюро направили в ЦК РКП(б) письмо, в котором предлагали утвердить новый статут Сибирского бюро. Они считали, что бюро должно вести работу не только по ту сторону фронта, но и практическую повседневную работу в освобожденных районах. Это предложение Центральный Комитет принял². С сентября функции и содержание работы Сибирского бюро коренным образом меняются. Почти полностью изменился и состав бюро.

В материалах Сибирского бюро за октябрь — декабрь 1919 года не встречается каких-либо сведений о его работе в прежнем направлении. Но это не означает, что бюро полностью прекратило помощь подпольным организациям в колчаковском тылу. Однако резкое сокращение объема этой работы бюро и сосредоточение почти всего внимания, сил и средств на возрождении новой Сибири, очищенной от иноземных захватчиков и белогвардейщины, несомненны.

В декабре 1919 года бюро претерпело новую, коренную реорганизацию: на его базе образуется фактически новый

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 636, л. 15; оп. 4, д. 1028, л. 4, 5.

² См. «Партия в период иност-

ранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.)», стр. 354.

партийный орган, получивший название «Сибирское областное бюро ЦК РКП(б)», просуществовавшее до 1924 года. Данное Сиббюро ЦК и прежнее Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК — это не одно и то же. С декабря 1919 года бюро представляло собой обычный крупный местный партийный орган вроде Донбюро ЦК, Уралбюро ЦК и т. п. Таким образом, с сентября отчасти, а с декабря 1919 года полностью бюро ЦК перестает быть своего рода функциональным партийным органом для руководства подпольной деятельностью коммунистов в тылу врага. Оно становится областным, территориальным партийным органом.

Трудно переоценить ту большую и исключительно важную работу, которую провели в течение одного года Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК РКП(б) и его отделение. С их помощью Центральный Комитет партии имел возможность оперативно руководить подпольной деятельностью коммунистов, революционной борьбой тысяч и тысяч трудящихся за восстановление Советской власти в громадном районе страны. Только по материалам Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и партийных архивов Свердловского и Новосибирского обкомов партии Сибирское бюро, включая отделение, подготовило и направило на Урал и в Сибирь примерно 260 подпольщиков и партизан. Из них на подпольную работу, ходаками, курьерами и разведчиками было послано 132 и в составе партизанских отрядов — 128. Однако резкой грани в заданиях подпольщиков и партизан небольших отрядов (групп) не было.

Отделение направило за линию фронта 141 работника, бюро ЦК — 112, и 7 были направлены совместно. Однако если цифра, отражающая работу отделения, более или менее точна, то сведения о количестве посланцев Сибирского бюро можно считать приблизительными, так как они учитывают лишь время с января по начало марта и с начала июня по июль 1919 года. Несомненно также, что бюро направляло коммунистов в Сибирь и осенью, и зимой 1919/20 года.

Что касается денежных средств, то, по данным архивов, в колчаковский тыл для подпольных организаций и партизан было послано почти 8 миллионов рублей. Но это далеко неполные данные. Здесь учтены лишь те суммы, которые были направлены Сибирским бюро ЦК в январе — феврале и в июне — июле и отделением — с 20 февраля по май 1919 года.

Деньги направлялись на Урал и в Сибирь (вне всякого сомнения, меньшими суммами) и в другие месяцы работы бюро и отделения. Выше отмечалось, что далеко не все деньги, направленные на Урал и в Сибирь, были доставлены по назначению. Однако и то, что было передано подпольщикам и партизанам, представляет весьма внушительную сумму.

Таковы важнейшие направления деятельности Сибирского бюро ЦК по руководству большевистским подпольем, революционной работой трудящихся масс в тылу армии Колчака.

Активизация деятельности Сибирского бюро летом 1919 года не осталась незамеченной колчаковской контрразведкой. Во второй половине июня колчаковцы отмечали: «По полученным агентурным путем сведениям большевики... посылают преданных себе лиц в Сибирь, снабжая их громадными деньгами. В Сибири эти агитаторы высматривают элементы, недовольные существующим порядком, и составляют из них пятерки, с тем чтобы каждый из их членов организовал дальше... Действия большевиков, их планомерная военная организация, а в последнее время интенсивное фабрикование патронов указывают на то, что агитаторы из Советской России прибывают и усиливают свою работу»¹.

В своей повседневной деятельности по организации революционных выступлений трудящихся масс в тылу белых армий и интервентов Сибирское бюро ЦК РКП(б) и его отделение опирались на подпольные большевистские организации крупных городов и пролетарских центров, и прежде всего на Сибирский областной комитет РКП(б). Только благодаря героической, самоотверженной работе сибирских большевиков организующая и направляющая деятельность Сибирского бюро ЦК могла быть эффективной и успешной.

Тотчас после восстановления в июне 1919 года Сибирское бюро ЦК, направляя своих посланцев в Омск и Иркутск, возобновляет утраченные в апреле связи с Сибирским подпольным комитетом РКП(б). На этом придется остановиться подробнее, так как в исторической литературе распространилась ошибочная точка зрения, будто бы после ареста в апреле 1919 года членов Сибирского обкома (в Омске) подпольного центра в белогвардейском тылу до ноября не было².

¹ ЦГА РСФСР ДВ, ф. Р-548, оп. 1, д. 48, л. 84.

² См. М. И. Стишов. Большевистское подполье и партизан-

В действительности все обстояло иначе. В апреле были арестованы не все члены комитета — Х. Я. Суудер и М. С. Русаков не были арестованы, А. П. Вагжанов был арестован позднее в Чите, а С. И. Дерябина — в Екатеринбурге. Эти четыре члена обкома вели работу в Томске, Красноярске, Иркутске, Верхнеудинске, Чите, Омске и Екатеринбурге. Один из них, Хендрик Янович Суудер (А. Сируль), находившийся в Томске, получив известие об арестах в Омске, выехал в Красноярск и уже в начале мая начал подготовку созыва 4-й Сибирской подпольной конференции. С помощью местных коммунистов он подыскивал подходящее место для ее работы (с этой целью ездил в Знаменский стекольный завод член Красноярского комитета А. И. Гун). Конференция должна была воссоздать не только областной комитет РКП(б), но и центральный штаб. Вместе с Суудером в Красноярске вел работу и приехавший туда из Омска член штаба Э. А. Радо¹.

Попытка именно там созвать 4-ю подпольную конференцию не была случайной. Уже вскоре после 3-й Сибирской конференции у членов областного комитета зародилась мысль перенести резиденцию подпольного центра из Омска в Красноярск, где была очень сильная организация и в районе которого мощного размаха достигло партизанское движение. В докладе члена Сибирского обкома П. Ф. Парнякова Центральному Комитету партии, написанном в середине апреля 1919 года, незадолго до его ареста, указывалось, что «необходимость быть ближе к месту более важных действий заставила облаком переехать в Красноярск»².

Парняков находился в Омске, но писал так, словно комитет уже переместился в Красноярск. Очевидно, он вместе с М. С. Никифоровым и М. С. Русаковым должен был выехать в этот город в ближайшие дни.

В Красноярске провести конференцию не удалось из-за провала местной организации. Суудер выехал в Иркутск и там еще более настойчиво готовил созыв конференции. Местная организация и приехавшая в Иркутск группа красноярских коммунистов подключаются к этой работе. В сибирские

ское движение в Сибири в годы гражданской войны, стр. 189, 190, 274; Н. Дворянов, В. Дворянов. В тылу Колчака, стр. 186—187.

¹ ЦГАОР, ф. 3819, оп. 1, д. 11, л. 8, 38; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 627, л. 17.

² См. «В борьбе с контрреволюцией», стр. 107.

города были разосланы представители для передачи организациям приглашения принять участие в работе нелегальной партийной конференции. Приехавшие в Новониколаевск два иркутских подпольщика сообщили председателю комитета Сурнову, что о созыве конференции извещены все крупные города. От новониколаевской организации на конференцию был делегирован И. В. Сурнов¹.

Но не все организации, которым было передано приглашение, прислали своих делегатов. Так, на Омской общегородской конференции делегатом был избран П. Г. Кринкин. Он доехал до Новониколаевска, встретился с местными работниками и, получив неправильные сведения, что конференция не состоится, вернулся в Омск².

В Иркутске собралось всего четыре человека: И. В. Сурнов, представлявший новониколаевскую организацию, А. Н. Сафонова — томскую, К. И. Миронов — иркутскую и Х. Я. Суудер — Сибирский областной комитет. Во второй половине июня, подождав несколько дней представителей других организаций, делегаты приступили к работе. Проведено было несколько совещаний. О подготовке конференции и ее работе подробно писал в воспоминаниях И. В. Сурнов. Он характеризует ее именно как конференцию³.

Эти совещания вполне правомерно считать конференцией, поскольку там были представлены три крупные организации Западной и Восточной Сибири и областной комитет. Иркутские коммунисты в коллективных воспоминаниях так и именуют ее — «4-я Сибирская нелегальная конференция РКП(б)»⁴.

Совещаниями руководил Суудер. Он познакомил делегатов с решениями 3-й Сибирской конференции и доложил о событиях в Сибири, в частности в Омске. С сообщениями о работе своих организаций выступили Сурнов, Миронов, Сафонова. Общий вывод, к которому пришли делегаты, был таким: сибирские большевистские организации весной по-

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 603, л. 1—4; см. И. В. Сурнов. Последний этап борьбы с колчаковщиной (в кн.: «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии (Воспоминания активных участников Великой Октябрь-

ской социалистической революции)». Иркутск, 1957, стр. 400).

² ПАОО, ф. 19, оп. 24, д. 56, л. 27.
³ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 603, л. 1—8.

⁴ ПАНО, ф. 5, оп. 3, д. 156, л. 20.

несли тяжелые потери, но в последний период их работа стала вновь оживляться, в Иркутске развертывается наиболее успешно. Основными задачами, по мнению делегатов, были: собрание сил внутри организаций, укрепление комитетов, создание при них военных штабов, упрочение связей с партизанскими отрядами, усиление борьбы с колчаковщиной. Решено было возродить областной комитет и под его руководством сплотить все крупнейшие организации, в том числе забайкальские и дальневосточные. Был сконструирован Сибирский комитет из Х. Я. Суудера (председатель), И. В. Сурнова и К. И. Миронова. Предполагалось, что комитет будет пополнен представителями других организаций, не приславших делегатов, путем кооптации¹.

Но комитет вынужден был работать в таком узком составе, ибо другие города, связи с которыми налаживались медленно, своих представителей не прислали. Таким образом, Сибирский областной комитет РКП(б), руководимый Х. Я. Суудером, по существу был Средне-Сибирским, так как вел работу преимущественно в районе Иркутска и Красноярска.

Сибирский комитет был тесно связан с местным комитетом, опирался на него и на всю иркутскую организацию. Члены обкома выезжали в ближайшие районы, вели работу по созданию новых организаций и ячеек в Иркутской губернии, установлению связей с партизанами, созданию новых отрядов, не забывали о большевистском подполье в других городах. Когда в ноябре произошел провал подпольного комитета РКП(б) в Красноярске, туда был послан коммунист Шабалин, сыгравший значительную роль в восстановлении подпольного центра и в подготовке вооруженного восстания. Направлялись коммунисты и в другие города. Так, летом выехал в Барнаул и там был кооптирован в комитет А. И. Балеевский²

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 3, д. 156, л. 20; см. «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии», стр. 400—402. Судя по воспоминаниям И. В. Сурнова и группы иркутских коммунистов, в комитет были включены все четыре участника конференции. Однако А. Н. Сафонова (Яковлева) сразу

же уехала в Томск и никакого участия в работе областного комитета не принимала. Комитет иногда именовался Центральным комитетом РКП(б) Сибири.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 603, л. 9, 10; д. 1018, л. 57, 58 (Воспоминания Д. Ф. Пешникова).

По инициативе Суудера через линию фронта с докладом был послан В. М. Аврамов (Лавров)¹.

При Сибирском областном комитете партии существовал военный штаб, проводивший огромную работу в белогвардейских войсках, готовивший вооруженное восстание.

Таким образом, со второй половины июня в Сибири вновь стал действовать областной подпольный центр, созданный прежде всего по инициативе члена комитета прежнего состава Суудера. В середине сентября 1919 года Суудер был арестован. В ноябре он заболел и умер в тюремной больнице.

Сурнов и Миронов приняли меры к расширению состава комитета. Ширямов в воспоминаниях писал, что в конце 1919 года была сделана попытка созвать 3-й Сибирский съезд РКП(б) (то есть 3-ю Общесибирскую конференцию). Но в конце ноября собрались только представители четырех комитетов: Иркутского (К. И. Миронов), Владивостокского (А. А. Ширямов), Новониколаевского (И. В. Сурнов) и Томского (М. И. Сумецкий). Было проведено совещание; и так как «положение требовало централизованного руководства», то совещание «выделило из своей среды» Сибирский комитет в составе всех четырех участников². В автобиографии Ширямов указывает, что он из Владивостока был направлен на 3-ю Всесибирскую партийную конференцию в Иркутск и на ней был избран председателем Сибирского комитета³.

Воспоминания Ширямова использовались историками как единственный источник сведений о создании Сибирского областного комитета. Вот почему сложилось мнение, будто областной комитет был воссоздан только в конце ноября.

В некоторых случаях Ширямов называет ноябрьское совещание 3-й Всесибирской конференцией, хотя для этого нет оснований: Сибирский областной комитет функционировал и до его приезда и в конце ноября был только пополнен. После появления воспоминаний Ширямова в печати И. В. Сурнов сделал в их адрес критические замечания, указав, что

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 627, л. 2.

² См. А. А. Ширямов. *Борьба с колчаковщиной* (в кн.: «Послед-

ние дни колчаковщины». М. — Л., 1926, стр. 21).

³ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 2165, л. 7, 15, 16.

в действительности «4-я по счету нелегальная конференция имела место в июне 1919 г., где и был сконструирован Сибирский комитет»¹.

Если именовать совещание, состоявшееся в конце ноября, конференцией, то она должна иметь порядковый номер 5. Но данное совещание можно называть конференцией лишь с оговоркой, поскольку полномочными делегатами были представлены только владивостокская и, возможно, иркутская организации. Сурнов в Новониколаевск за мандатом не ездил и этой организации уже не представлял. Сумецкий, которого Ширямов назвал делегатом от томской организации, на самом деле в Томске не был и не мог его представлять (незадолго до того он был освобожден из александровской тюрьмы). В многочисленных и подробных воспоминаниях томских коммунистов нет ни малейших намеков на факт делегирования Сумецкого на подпольную конференцию.

Сурнов пишет, что в связи с прибытием из Владивостока Ширямова в Иркутске было проведено совещание двух членов Сибирского комитета — его самого и К. И. Миронова, а также А. А. Ширямова и опытного партийного работника М. И. Сумецкого, которых было решено кооптировать в состав комитета².

Не исключено, что и Ширямов был послан в Иркутск для кооптации в состав комитета по просьбе двух его членов. Так или иначе, в Сибирский областной комитет были включены и Ширямов, избранный председателем вместо погибшего Суудера, и Сумецкий. Но последний пробыл в составе комитета недолго.

Сибирский областной комитет РКП(б) под руководством Ширямова, члена партии с 1903 года, проделал в Иркутске и губернии огромную работу, в первую очередь по подготовке и проведению вооруженного восстания и по руководству партизанским движением. Но комитет в этот период по сравнению с тем его составом, который работал летом и осенью 1919 года под руководством Суудера, был еще в меньшей степени Сибирским в точном смысле этого слова.

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 603, л. 1, 2.

² См. И. В. Сурнов. Последний этап борьбы с колчаковщиной

(в кн.: «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии», стр. 414).

Но тем не менее весной и летом 1919 года большевистские подпольные организации Урала и Сибири не оставались без централизованного руководства и помощи. С июня в связи с воссозданием Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского подпольного комитета, руководство подпольными организациями стало улучшаться.

2 Большевистское подполье на Урале

На деятельности партийных организаций Урала благотворное влияние весенне-летнего наступления Красной Армии сказалось в самом начале и более непосредственно. Большевистское подполье в уральских городах, включая те организации, которые были весной разгромлены, повысило активность и уровень руководства революционной борьбой трудящихся масс.

Один за другим уральские города и уезды превращались в прифронтовые.

В период наступления советских войск активизировалось уфимское подполье, поддерживавшее связи с Челябинском и некоторыми другими городами. Массовые аресты и обыски не дали колчаковцам желаемых результатов. Они вынуждены были констатировать, что в Уфе работают подпольные большевистские группы, выпускаются листовки¹.

Разведывательные сведения, поступавшие от подпольщиков, помогли Красной Армии освободить 9 июня 1919 года Уфу. Вновь стал прифронтовым Миньярско-Симский район. Руководствуясь указаниями Сибирского бюро ЦК, коммунисты Аша-Балаша, Миньяра, Сима, Катав-Ивановска и других заводов готовились к решительной вооруженной борьбе. Успешно формировались партизанские отряды, составившие вместе с отрядом П. В. Гузакова значительную ударную силу в тылу врага. Другой важной задачей коммунистов было обеспечение срыва эвакуации готовой продукции, оборудования и сырья с заводов. Успешно решалась и эта задача. Большую часть оборудования удалось сохранить.

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 13 а, л. 5; ф. 176, оп. 1, д. 60, л. 24.

Сибирское бюро ЦК большие надежды возлагало на выступление в Златоусте и его районе. Они отчасти оправдались, так как при вступлении в этот район частей 5-й армии партизанское движение там усилилось и сыграло известную роль. Но вооруженного восстания в Златоусте не произошло. В начале мая усилилась слежка за руководителями подполья, в частности за И. И. Антоновым. По решению городского комитета он поселился в лесу близ завода. Все подпольщики, которым угрожал арест, город покинули и влились в партизанский отряд. В эти майские дни произошел провал организации. Оставшиеся в городе подпольщики восстановить организацию не смогли. Но небольшие подпольные группы организовали рабочих станции и депо на подрывные действия в ближайшем тылу белогвардейской армии. Таким образом, рабочие внесли определенный вклад в блестяще проведенную командованием Красной Армии златоустовскую операцию, завершившуюся освобождением города 13 июля. Белогвардейцы в панике бежали, оставив советским войскам 30 паровозов, около 600 вагонов, бронепоезд, 8 орудий, 32 пулемета, продовольствие. Более 3 тысяч солдат сдались в плен. В районе Златоуста на заводах находилось свыше 3 миллионов пудов чугуна и стали, 2 миллиона пудов угля, 20 тысяч пудов меди¹.

В Челябинске положение подпольной организации после весеннего провала было весьма тяжелым. Известную роль в налаживании там подпольной организации сыграли представители троцкого штаба Н. С. Полухин и И. Н. Вишняков. По договоренности с ними подпольщики, которым угрожало арест, направлялись в партизанский отряд к озеру Увильды².

Троицкая большевистская организация также готовила трудящихся города, крестьян многих сел и солдат к вооруженному восстанию и партизанской борьбе. Не имея возможности получать листовки из Челябинска, коммунисты Троицка наладили массовый выпуск листовок собственными силами. Агитация в городе и среди солдат гарнизона давала свои плоды. Революционное движение усиливалось. Росла подпольная организация. В июле в ней «по твердому списку»,

¹ См. Л. М. Спиринов. Разгром армии Колчака, стр. 197

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1460, л. 25; д. 2058, л. 37

то есть официально оформленных в организации, было 76 человек. К ним примыкало немало рабочих, солдат и политзаключенных, принимавших участие в подпольной работе¹.

Троицкая организация усилила работу среди крестьян уезда и принимала меры к восстановлению и расширению связей с подпольными организациями Урала. В Челябинск, в Уральский (Карабашский) партизанский отряд, в Златоуст и Кусу выезжал М. Л. Александров. Летом его вместе с коммунисткой М. А. Полухиной военно-революционный штаб направил через фронтную линию для установления связи с представителями партии и командования советских войск.

Информация троицких коммунистов сыграла известную роль в разработке оперативных планов по освобождению районов Карабаша и Троицка.

К лету 1919 года большого размаха достигла подпольная работа в Пермской губернии, включая ее северные районы. В Перми действовали разрозненные подпольные группы, избежавшие провала. Перед изгнанием из города колчаковцев в Перми и Мотовилихе сделаны были некоторые шаги к созданию крупных организаций и активизации их работы. В этот период подпольные группы имелись в мастерских пермской пристани и среди речников. Они принимали меры к сохранению оборудования мастерских и пароходов. С появлением на Мотовилихинском заводе представителя отделения Урало-Сибирского бюро ЦК А. Ф. Фадеева подпольщики А. Бажин, Н. Фадеев и другие стали смелее спланировать рабочих, организовали их на спасение завода. Рабочие прятали оборудование, а в ящики для отправки складывали металлолом и испорченные детали машин. Таким образом, завод почти совершенно не пострадал и был пущен через три дня после освобождения Мотовилихи Красной Армией².

Оживилась деятельность подпольщиков в Кунгуре. В городе распространялись листовки. Во второй половине июня контрразведка указывала на факты массового распространения листовок, часть из которых заканчивалась словами: «Да здравствует товарищ Ленин!»

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2058, л. 31.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2334, л. 30—32 (Воспоминания А. Ф. Фадеева).

С именем великого Ленина трудящиеся связывали свои лучшие надежды. Имя Ленина звало на неустанную борьбу за Советскую власть, за свободу и социализм. Вот текст одной из таких бесхитростных листовок:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи, еще не поздно вооружиться против тех, кто, убивая пролетариев, спасается сам за спинами этих тружеников. Товарищи, стыдно спать сложа руки и ничего не говорить тем, которые убивают трудящихся. Пора за работу. Пора взять обратно ту власть, которую кровопийцы у нас — трудящихся отняли; отняли все, созданное на наши трудовые деньги и нашими собственными мозолистыми руками. Отняли тираны и сейчас отдыхают, а для создания им капитала работают тысячи рабочих, недосыпая, недоедая, работают через силу, губя свое здоровье на этих тиранов. Неужели это так будет и дальше?! Товарищи, пора взяться за оружие, пора направить его против Колчака и других сторонников капитала. Долой Колчака! Да здравствует тов. Ленин!

*Голос пролетариата*¹.

В Лысьве и Кизеле под руководством коммунистов рабочие боролись за спасение заводского оборудования, срывали его эвакуацию. Летом кизеловские подпольщики и связанные с ними подпольные группы в Александровске и Усольской организовали диверсии на железной дороге. При этом особенно отличились рабочие Александровского завода; в ночь на 8 июля, когда началось бегство колчаковцев, они спустили под откос между станциями Копи и Вильва эшелон с орудиями, боеприпасами и продовольствием, прервав тем самым движение по железнодорожной линии²

В южных районах Пермской губернии большевистское подполье продолжало быть более активным. В Екатеринбурге после апрельского провала оставшиеся на свободе члены подпольной организации постепенно возобновляли работу. С наступлением мая она быстро расширяется. Сложившаяся в исторической литературе точка зрения, что после провала

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 28, л. 59.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1970, л. 11—14.

организации, возглавлявшейся А. Я. Валеком, всякая подпольная революционная работа в этом городе прекратилась, несостоятельна. Примерно в середине апреля в Екатеринбург приехала член Сибирского обкома партии, руководитель намеченного к формированию Уральского бюро обкома С. И. Дерябина¹.

Революционная работа в Екатеринбурге возобновлялась по инициативе снизу подпольными группами и отдельными работниками. Особенно значительный подъем в работе наблюдался на Верх-Исетском металлургическом заводе, на механическом заводе Ятеса и других предприятиях, где в апреле 1919 года аресты не были значительными, а также среди железнодорожников. Сеть подпольных организаций возникла в частях гарнизона. Между революционным подпольем в войсках и на предприятиях поддерживалась связь. Наряду с ячейками в воинских частях и на предприятиях в городе продолжали существовать и работать районные и квартальные «пятерки» Резко повысилась роль венгерско-немецкой подпольной организации. Ею руководили Ф. Ф. Пакерт и И. И. Беккэ. Она поддерживала связь с большевистским подпольем города².

Таким образом, в Екатеринбурге в мае — июне революционная подпольная борьба достигла широкого размаха. Однако в документах нет указаний на наличие единого подпольного центра в городе. Очевидно, его не было. Подпольные организации в июне — июле усилили подготовку вооруженного восстания, но провести его не удалось. В середине июня в городе начались новые массовые аресты, продолжавшиеся фактически целый месяц вплоть до прихода Красной Армии³.

Жестокость и трусость у колчаковцев уживались вместе. Еще за несколько дней до подхода к городу советских войск, с 9 июля, среди белогвардейцев и в буржуазных слоях населения началась паника, беспорядочное бегство из города.

¹ Вскоре по приезде С. И. Дерябина была опознана на улице и арестована как одна из руководителей самарской большевистской организации в 1917—1918 годах. В тюрьме она тяжело заболела, но была освобождена

лишь после вступления в Екатеринбург Красной Армии.

² ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 181, л. 10, 12; д. 182, л. 8; ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 306, л. 1—10.

³ ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 18, л. 6; ф. 1437, оп. 1, д. 182, л. 8, 10.

Этой панике немало содействовала дезорганизация железнодорожного транспорта. Рабочие выводили из строя паровозы и вагоны. А в день освобождения города, 14 июля, рабочие железнодорожного узла с риском для жизни спасали вагоны, склады, постройки, подожженные белогвардейцами. Группа молодых подпольщиков освободила из тюрьмы более 30 политзаключенных, подлежащих расстрелу¹.

Так же смело боролись с врагом руководимые большевиками рабочие Надеждинска, Нижнего Тагила, Михайловского, Алапаевска, Шадринска.

Неудержимо ширилась большевистская агитация в селах Пермской губернии. Была сорвана июльская мобилизация в колчаковскую армию. Крестьяне отказывались ехать из своих сел в город. Они разбежались по окрестным лесам, брались за оружие. В селе Песчано-Заозерском Батуринской волости Шадринского уезда агитировал за Советскую власть С. Осипов, сидевший прежде «за большевизм» в тюрьме. Осипов выступал и в других селах. По татарским селам ездила группа большевистских агитаторов-татар. Она вовлекала в подпольную работу верных людей, искала оружие².

В Тюмени подпольщики-рабочие борьбу с колчаковщиной вели вместе с военнопленными венграми. В городе значительную часть населения составляли татары и башкиры. В мае 1919 года для подпольной работы среди них из-за линии фронта партийными органами был послан коммунист Галимджан Ибрагимов. По прибытии в Тюмень он установил связь с отдельными подпольными работниками и группами татар и башкир. Оказалось, что они ведут революционную работу в контакте с местной большевистской организацией и настроение мусульманского населения и солдат «определенно советское». В Тюмени работали также подпольные организации и группы среди водников, грузчиков и железнодорожников³.

В Кургане после арестов в марте 1919 года подпольная работа широкого размаха не приобрела. В городе действовали

¹ ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 182, л. 13; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 787, л. 14—16; д. 1485, л. 20—22; ф. 221, оп. 2, д. 659, л. 20—23.

² ЦГАОР, ф. 1476, оп. 1, д. 4, л. 16; д. 26, л. 4, 5.

³ ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 2 а, л. 111; оп. 15, д. 24, л. 69; газета «Вестник Приуралья» (Челябинск), 19 июня 1919 г.

небольшие группы. Курганские подпольщики продолжали работу в селе. Особую активность проявлял коммунист В. Курчевский. Он почти постоянно находился в разъездах, связывал сельские организации между собой, координировал и направлял их работу¹.

Крупные организации имелись в Моршихе, Суслово и других восточных волостях уезда. Выделялись своей активностью группы в Казаркино, Чистом, Долговском, Частоозерском, Быково. В последних подполье возглавлялось А. Волосняковым, А. Лесниковым и Я. Черепковым. Под их руководством был организован взрыв железнодорожного полотна вблизи Крысинского разъезда, вызвавший крушение белогвардейского эшелона.

Агенты Петропавловского пункта колчаковской контрразведки получили сведения о существовании этой крупной организации. В села были посланы два агента, которые, несмотря на скрытность крестьян, все же дознались о существовании подполья. Туда неожиданно нагрянул отряд карателей из 80 человек. Начались аресты. Подпольщиков избивали и пытали. Но с каким достоинством и стойкостью держали себя схваченные колчаковцами подпольщики — эти простые сельские труженики! Например, А. С. Волосняков на последнем допросе заявил: «Что вы знаете относительно нашей организации, то и будете знать, но от меня вы ничего не узнаете. Лучше я умру один, а остальные, оставшиеся на свободе, смогут сделать пользу для трудящегося класса. Сегодня я умру, а завтра вы; если же я выдам своих идейных работников, то у нас никогда народ не достигнет того, чего уже добивается десятки лет. Больше вам сказать ничего не могу, а сейчас могу умирать»².

Арсений Волосняков, как и многие другие крестьяне-подпольщики, погиб как герой.

Некоторые успехи в работе были достигнуты большевиками в Тобольске, Туринске, Ялуторовске, Ишиме, Тюкалинске, Таре и их уездах. Все усилия уральских и зауральских большевиков были сосредоточены на мобилизации трудящихся города и деревни на самоотверженную борьбу с колчаковщиной. Вместе с линией фронта перемещалась на восток

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 93, 94; д. 1826, л. 2.

² ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 389, л. 25—39.

волна массовых революционных выступлений в непосредственном тылу войск противника. Чем быстрее продвигалась в глубь Урала и Сибири Красная Армия, тем острее разгоралась классовая борьба в тылу колчаковских войск, расширялась вооруженная борьба.

3 Большевистское подполье Западной Сибири

Для некоторых западносибирских организаций, включая омскую, новый, завершающий этап борьбы начался с неудач: продолжавшихся потерь опытных партийных кадров, разгрома колчаковцами партийных комитетов. Партийному активу пришлось заново возобновлять связи между сохранившимися конспиративными группами, восстанавливать нелегальные центры.

После апрельских арестов в Омске, разгрома областного и городского комитетов вокруг М. С. Русакова сложилась инициативная группа. Она выделила организационное бюро в составе М. С. Русакова, Карла Карлсона и М. Н. Байкова. Под его руководством в первых числах июня была созвана общегородская конференция, на которой был избран Омский общегородской комитет из пяти человек: Карла Карлсона (председатель), Исидора Михайловича Скрябинского, Ивина (Булла), Павла Георгиевича Кринкина и Иожефа Шомоди. Был избран и делегат на 4-ю Сибирскую конференцию, которая должна была состояться в Иркутске, — П. Г. Кринкин (Георгий) ¹.

Избранный на этой конференции комитет в дальнейшем претерпел изменения из-за гибели части его членов. Председателем комитета после ареста и гибели К. Карлсона стал И. М. Скрябинский. В комитет вошел, в частности, Д. П. Долбешкин ².

В Омске наиболее массовым было большевистское подполье среди железнодорожных рабочих. Оживляется работа подпольных ячеек и на предприятиях. Существовали взаимно

¹ ПАОО, ф. 19, оп. 24, д. 56, л. 24—27; «Пролетарская революция», 1928, № 1, стр. 82, 83.

² ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, д. 259, л. 79.

Члены Омского подпольного комитета РКП(б). Слева направо: М. Н. Байков, И. М. Скрыбинский,

Д. П. Долбешкин, Е. Ф. Тиунов, П. Г. Кринки

связанные большевистские организации на 1-м литейно-механическом, шрапнельно-химическом, автомобильном заводах, на заводе «Энергия» и др. Под их руководством на предприятиях, находившихся в ведении Военно-промышленного комитета, рабочие саботировали военные заказы, срывали их выполнение и вместе с тем снабжали подполье оружием и боеприпасами. Так, подпольная организация 1-го литейно-механического завода накопила к середине июля до 100 трехлинейных винтовок и большое количество патронов¹.

Под руководством инициативной группы, а затем общегородского комитета омская организация вновь сплотилась и усилила руководство революционной борьбой трудящихся масс в Акмолинской области, прежде всего в Омском и Татарском уездах Акмолинской области, а также в Тарском и Тюкалинском уездах Тобольской губернии. Пропаганда в селах велась почти открыто, создавались новые ячейки, устанавливались связи между ними².

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 20, л. 194; ф. 236, оп. 1, д. 11, л. 2; д. 18, л. 194.

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 28, л. 80.

Подпольные организации Седельниковской, Муромцевской, Кыштовской, Мало-Красноярской и других волостей Тарского и Татарского уездов вновь усилили подготовку вооруженного восстания. В июне подняли восстание крестьяне Тарского, Татарского и Каинского уездов. Оно было начато по инициативе кыштовских подпольщиков во главе с Коркиным и Чубыкиным и продолжалось около двух месяцев. В руководстве этим восстанием и действиями партизан видную роль сыграл омский коммунист Г. Ф. Захарченко¹

В Таре и селах уезда летом 1919 года большую роль сыграл капитан Келемен (Кендра), один из руководителей подпольной организации бывших военнопленных в Омске. В августе контрразведка установила, что он был послан омской организацией в Тару, и принимала меры к его розыску и аресту. Но подпольщик был неуловим. В Омске работой среди венгерских и других коммунистов руководили соратники Э. А. Радо и Кендры — И. Шомоди и Палачек. Организация иностранных пролетариев летом достигла, по сведениям белогвардейцев, 270—300 человек².

Омский подпольный комитет большевиков наладил выпуск листовок в частных типографиях и создал новую подпольную типографию, которая работала непосредственно в городе. 4 июня вышла в свет прокламация «За что воюет сибирская армия» Она была адресована к солдатам и обличала белогвардейскую пропаганду, реакционные порядки в колчаковской армии, ее антинародные цели. В июле выпускается листовка «Рабочим, крестьянам и солдатам». В том же месяце появляется на улицах города и в казармах обращение к «Солдатам и офицерам» о том, чтобы они поспешили отмежеваться от контрреволюции³.

Обращение не только к солдатам, но и к офицерам о переходе на сторону революции было своевременным. К тому времени офицерский корпус Колчака сильно изменился по своему составу. Прослойка кадровых царских офицеров-дворян резко уменьшилась, появились наспех подготовленные

¹ См. М. И. Дьяков. *В партизанском отряде*; И. С. Втюрин. *Таежные партизаны* (в кн.: «В огне революции и гражданской войны», стр. 165—174).

² ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1 б, л. 62; д. 20 б, л. 265—282; ПАОО, ф. 19, оп. 24, д. 88, л. 9.

³ ЦГАОР, ф. 147, оп. 9, д. 14, л. 45; ф. 236, оп. 1, д. 1 г, ч. II, л. 137, 179, 439.

из унтер-офицеров, цензовиков, сельских учителей подпрапорщики и прапорщики; часть из них была связана с трудящимися слоями населения и поддавалась большевистской агитации.

В Акмолинской области наиболее значительная (после омской) подпольная организация имела в Петропавловске. Подпольщики особое внимание уделяли работе в депо, на кожевенных заводах, среди солдат и казаков¹.

Большевистские подпольные группы имелись также в Татарске, возглавляемые единым центром. Он организовал на революционную борьбу рабочих железнодорожного узла. Подпольщики помогали продуктами и одеждой политзаключенным «эшелонов смерти». Ряд документов позволяет установить значительную роль этой организации в развертывании подпольной революционной работы в селах южной части уезда. С ее помощью 22 июня 1919 года была создана районная подпольная большевистская организация в селе Михайловском. Среди ее инициаторов были рабочие, коммунисты, в частности И. Сорокин и А. Труш. Они вовлекли в подпольную работу передовых крестьян Константиновского, Старинки, Волосянки, Чистовского, Никольского, Никулинского. В этих селах к сентябрю подпольная организация насчитывала несколько сот человек. Из Татарска в Михайловское приезжал подпольщик Кругликов. Татарский центр оказывал михайловской районной организации помощь оружием для боевой дружины, которая приступила к боевым действиям. Но в начале октября организация подверглась страшному разгрому: через одного из арестованных активистов белогвардейцы получили списки членов сельских организаций и, произведя внезапный налет, арестовали 130 человек². Однако подпольная организация не была уничтожена полностью. Часть ее сохранилась и продолжала работу в селах вплоть до полного изгнания колчаковцев.

В Семипалатинской области к лету 1919 года наиболее сильным большевистское подполье было в областном центре. В связи с отъездом из Семипалатинска Н. Г. и Т. К. Калашниковых, А. И. Богданова, мобилизацией в армию В. А. Ку-

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 14, л. 523; оп. 15, д. 24, л. 69.

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 28, л. 181; оп. 10, д. 48 б, л. 48—51; ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1430, л. 6.

рамжина подпольная группа при неторговом отделе областного союза кооператоров стала незначительной, возможно и совсем распалась. Но другие ячейки продолжали работу. Возникли новые группы. Во второй половине сентября врагу вновь удалось напасть на след большевистского подполья. «Здесь в городе открыли заговор большевиков, — говорилось в одном из сообщений из Семипалатинска в Омск, — расстреляли 6 человек»¹.

Следовательно, как в первые месяцы 1919 года, так и весной, летом и осенью в Семипалатинске шла неравная, смелая борьба против белогвардейщины. Гибель одних подпольщиков не останавливала других — они продолжали начатое дело. Большинство героев остаются безымянными, но о некоторых встречаются сведения. Так, 31 августа 1919 года контрразведка установила, что в Семипалатинске ведет подпольную работу коммунист М. Н. Соломоденко. Он поддерживал связь с подпольными организациями в Лаптевом Логе, Топольном и других селах, агитировал в пользу Советской власти и вообще играл в подполье виднейшую роль. Но выследить и схватить его колчаковцы не смогли. Осенью 1919 года М. Н. Соломоденко стал одним из руководителей восстания. В числе виднейших работников подполья были также коммунисты Григорьев и А. Е. Попов. По сведениям подпольщика Н. И. Прыгова, видную роль в городской организации играл также член большевистской партии Роберт Макстыс².

Павлодарский подпольный большевистский комитет во главе с И. И. Сызранцевым поддерживал связь с Омском, Семипалатинском, Усть-Каменогорском. В Павлодар по поручению члена Омского комитета И. М. Скрябинского ездил Г. Е. Казаринов, присланный на явку к И. И. Петрову. Из Павлодара для связи с подпольными организациями Семипалатинска и Усть-Каменогорска выезжал А. Парубов. Павлодарский комитет был связан также с алтайскими партизанами. Летом и осенью в подпольной организации работало несколько десятков человек³.

¹ ЦГАОР, ф. 4964, оп. 1, д. 2, л. 3.

² ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 15 в, л. 288; ПАСО КПК, ф. 103, оп. 1, д. 22, л. 12—49.

³ ГАПО, Письма Г. Е. Казаринова; Воспоминания А. Р. Ежова, л. 17—20.

Продолжалась работа подпольных групп в Экибастузе и поселке Ермаке. В одном из уездных центров Семипалатинской области, Усть-Каменогорске, существовала большая организация. Осенью 1919 года ее возглавлял Домбровин¹. Она была связана с политзаключенными. В ночь на 30 июня 1919 года в усть-каменогорской тюрьме (точнее, в отделении тюрьмы, в крепости) произошло восстание, подготовленное группой политзаключенных под руководством Г. Кудинова, Ф. Бурягина, Терентьева, Ф. Кострова, Т. Каранова и др. Весь день шло жаркое сражение. Вечером 30 июня колчаковцы ворвались в крепость. Оставшиеся в строю до полусотни человек предприняли отчаянную попытку прорваться. Некоторые поплыли через реку, но, настигаемые пулями, тонули. И все же часть заключенных вырвалась на свободу — около 25 человек².

К лету значительно повысилась роль барнаульской и других большевистских организаций Алтая. Этот горно-степной край превращался в сплошной очаг открытой вооруженной борьбы трудящихся масс. Барнаульцы были связаны с Сибирским областным комитетом РКП(б), находившимся в Иркутске. Перед Барнаульским комитетом встал вопрос об отношении к правым эсерам и меньшевикам, напрашивавшимся на объединение с коммунистами. Барнаульская организация от приглашения с ними отказалась. Но некоторых левых эсеров, не имевших своей организации и подчинявшихся большевистскому руководству, Барнаульский комитет РКП(б) привлекал к военной и другой работе.

Военно-боевая работа была на первом плане. Так, подпольщики-железнодорожники создавали боевые группы, добывали оружие. Поскольку многие рабочие были мобилизованы в железнодорожный батальон, то с этой воинской частью связь подпольной организации еще более укрепилась. По поручению М. И. Ворожцова член РКП(б) с 1917 года Г. В. Садаков создал в батальоне подпольную группу. В нее вошли и рабочие, и солдаты: Д. Николайчук, Кибаров, Д. Маслов, В. Булгаков, Ф. Обухов, П. Антимонов и др. Число больше-

¹ ПА КФИМЛ, ф. 811, оп. 1, д. 181, л. 8—17 (Воспоминания С. К. Козюкина); д. 25, л. 2—5 (Воспоминания Н. П. Дудасова).

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 2 в, л. 121—143. Это восстание описано С. Ковальским (См. «За власть Советов», стр. 78—79).

вистски настроенных солдат железнодорожной охраны к июлю 1919 года возросло¹

Из охраны железной дороги в разное время к партизанам ушло около 50 распропагандированных солдат, в том числе вся охрана моста (в ночь на 11 июля). В июле среди рабочих-железнодорожников и солдат были произведены аресты. 22 или 26 августа были арестованы Э. А. Алексеева и хозяйка ее квартиры Орехова, принимавшая участие в подпольной работе, а также Фрида Андрей. Белогвардейцы отмечали, что арест этих подпольщиков был «случайным», но, так как у Алексеевой был найден шифр и другие материалы, они поняли, что она является одним из руководителей подпольной организации. Алексеева покончила с собой, приняв цианистый калий. Так оборвалась жизнь одной из наиболее выдающихся коммунисток сибирского подполья².

Барнаульская организация еще сильнее законспирировала свою работу. Она сохранила связи с другими городами, в частности с Бийском. Туда направлялись отдельные работники из Барнаула. В связи с отъездом в Ельцовку в мае 1919 года А. И. Попова, которому угрожал арест, в руководстве бийской организации остались Р. С. Губанов, О. Березовская, И. А. Бородин и др. Организация запасалась оружием, выпускала и распространяла листовки. В 52-м Сибирском полку и в дисциплинарном батальоне существовали нелегальные группы, которые распропагандировали многих солдат³.

Городские коммунистические организации на Алтае самое серьезное внимание обращали на помощь селам. С представителями сельских организаций встречались и оказывали им помощь многие видные члены барнаульской городской организации, ее руководители А. А. Малиновский, А. И. Балеевский, Ильиных, А. И. Сухно, П. В. Головин и др. До ареста связь с селами поддерживали также Э. А. Алексеева и Ф. Андрей. Именно через них связались с Барнаульским комитетом подпольные организации Большой Речки, Зимино и других сел этого района. Сюда доставлялись директивные указания для подпольных организаций Зиминского

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 9, д. 7, л. 1, 2, 13; ф. 236, оп. 1, д. 389, л. 11; ПААК, ф. 1061, оп. 1, д. 126, л. 4—10.

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 79, л. 3.

района, медикаменты, перевязочные средства, оружие, патроны¹.

Барнаульский комитет и военный штаб были непосредственно связаны со многими организациями алтайских сел. Сеть сельских подпольных групп, так или иначе объединенных в районные организации, охватила Славгородский и Каменский уезды, юго-западную часть Барнаульского уезда. С сельскими организациями Каменского и Славгородского уездов, тяготевших к Новониколаевску и Томску, Барнаульский комитет был связан слабо. Зато в северо-восточной части Алтайской губернии барнаульские коммунисты развернули бурную деятельность. Это вызывалось прежде всего необходимостью борьбы против анархистско-кулацких элементов в некоторых сельских подпольных ячейках и в партизанских отрядах Рогова и Новоселова. С февраля 1919 года в селе Закатилово работал представитель Барнаульского комитета, член военно-революционного штаба П. Я. Новиков².

Немаловажную роль в северной части Барнаульского уезда (в Талицкой и других волостях) сыграл член партии с 1917 года И. Е. Громов. В районе села Большого Калтая к августу 1919 года он создал организацию, в которую вступило до 200 крестьян. В связи с тем что кулаки донесли о существовании этой организации белогвардейцам, почти вся она ушла в тайгу и начала партизанскую борьбу³.

В Новониколаевске в подпольной большевистской организации в мае — июне 1919 года произошли новые изменения в составе руководящего актива. В мае из Омска приехал С. Г. Черемных. Он принял от уезжавшего в Иркутск И. В. Сурнова партийные дела по железнодорожному району. В мае из Красноярска приехал К. Аржаков, который также стал играть в организации видную роль⁴.

Новониколаевская организация в конце весны и в первой половине лета добилась серьезных успехов. Перед 1 мая она

¹ ПААК, ф. 1061, оп. 1, д. 121, л. 3; д. 244, л. 25; д. 360, л. 1—3.

² См. «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 490—493.

³ Государственный архив Алма-Атинской области (ГАА-АО), ф. 20, оп. 1, д. 253, л. 2—7.

⁴ Выступление С. Г. Черемных на собрании тематической группы Военно-научного общества при Центральном музее Советской Армии 21 ноября 1961 года (личный архив автора); ПААК, ф. 1061, оп. 1, д. 113, л. 3.

подготовила и выпустила три листовки. Коммунисты звали трудящихся на демонстрацию, но предупреждали их, что это не означает призыва к вооруженному восстанию, ибо к нему рабочие еще не готовы¹.

Прокламации завершили организационную работу по подготовке дерзки смелого протеста рабочих Новониколаевска против колчаковской диктатуры — первомайской демонстрации. Она была проведена и получила большой политический отклик во всей Западной Сибири, внесла оживление во всю революционную борьбу трудящихся Новониколаевска.

Летом новониколаевскую организацию постигла серьезная неудача. В конце июня — начале июля контрразведкой были выслежены и арестованы некоторые члены городской организации, включая А. С. Павлова, и подпольщики-поляки. Часть коммунистов (в том числе Н. Т. Заливина, М. Ф. Кузнецова, С. Г. Черемных) вынуждены были уехать. Организация была ослаблена. Во второй половине августа были схвачены еще 15 человек. В середине сентября вновь последовал арест нескольких активных работников организации, включая Дусю (Евдокию Борисовну) Ковальчук, которая погибла в колчаковских застенках. 21 сентября на раскрытой колчаковцами конспиративной квартире по Енисейской, 42, был арестован А. В. Байков, приехавший из Иркутска².

После всех этих многочисленных арестов новониколаевской организации крайне трудно было продолжать работу в соответствии с намечавшимся ранее планом. Но она предпринимала попытки не только развертывать агитацию, но и готовить вооруженное восстание, оказывать помощь другим подпольным организациям, сельским революционным группам.

В тесной связи с новониколаевской организацией и под ее руководством работали подпольщики Каинска (ныне Куйбышев) и Барабинска. Связь с ними поддерживалась через Якчина, работавшего в депо дежурным истопником, и П. Садульского. Руководителем подпольной организации в Барабинске был член большевистской партии Г. И. Карпунин.

¹ ЦГАОР, ф. 5151, оп. 1, д. 4, л. 139—151. В составлении и печатании этих листовок по поручению комитета принимал дея-

тельное участие служащий типографии Закупсбыта большевик А. С. Давыдов.

² ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 34, л. 228; д. 389, л. 94—97.

Видную роль в каинской подпольной группе, связанной с барабинской, играли политзаключенные Макаров, А. И. Гаврилов, С. А. Ефимов, подпольщики Т. Г. Рылеев, Рукс и др. Они были связаны с рабочими, солдатами и крестьянами¹

В конце апреля произошел провал в томской большевистской организации. Были арестованы 19 человек². 17 июля 1919 года военно-полевой суд приговорил девять человек к расстрелу и семь к каторжным работам. Погибли Н. Т. Байбородин, Т. Т. Галущенко, В. И. Полусалов и другие видные работники подполья. Кое-кто вынужден был покинуть город. Организацией продолжал руководить подпольный комитет, в который летом входили К. М. Молотов, В. С. Митряев, Т. Екишев, А. Н. Сафонова и др. В это время в организации насчитывалось не менее сотни членов. Позднее в Томский комитет РКП(б) был кооптирован приехавший из Мариинска А. И. Галунов. В начале осени 1919 года в Томске была проведена городская подпольная конференция. Она нацелила организацию на подготовку и проведение восстания, избрала комитет из пяти человек: С. А. Дитмана, А. Н. Сафоновой, К. М. Молотова, Т. Екишева и А. И. Галунова. Прошло немного времени, и комитет претерпел изменения. Был арестован Сергей Дитман. Спустя три-четыре недели после его ареста была схвачена и увезена в мариинскую тюрьму Шура Сафонова³.

Осенью 1919 года в Томск прибыл и был включен в городской комитет РКП(б) представитель Сибирского бюро ЦК РКП(б) А. А. Карлов (Васильев). В томской организации он сыграл видную роль⁴. Летом и осенью томские коммунисты выпускали листовки, работали в войсках, в селах, поддерживали связи с партизанскими отрядами, посылали им информацию, медикаменты, оружие. С информацией и для организационно-политической работы комитет посылал

¹ ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 36, л. 20; ПАО КПК, ф. 18, оп. 1, д. 25, л. 4—10.

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 11, д. 54, л. 15; ПАО, ф. 5, оп. 2, д. 1515, л. 221, 223. В сборнике «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1918—1920 гг.)»

(стр. 528) ошибочно утверждает-ся, что арест произведен был в июне 1919 года.

³ ПАО, ф. 4204, оп. 3, д. 29, л. 23, 24 (Воспоминания А. И. Галунова).

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 851, л. 4, 6, 7

членов городской организации в села Александровской, Ново-Кусковской, Туринской, Ишимской и других волостей¹

Шла напряженная подпольная борьба коммунистов в южных горнопромышленных районах Томской губернии: была восстановлена кольчугинская организация, продолжалась работа в Щегловске, возникла большевистская организация на Гурьевском заводе во главе с П. Брюхановым, Э. Легздиным и др.²

В Западной Сибири, если рассматривать ее в целом, к осени 1919 года по сравнению со второй половиной весны того же года наступило большое оживление в подпольной работе, возникли новые организации, укрепились старые. Даже в тех городах, где численность организаций не удалось довести до прежнего уровня, были достигнуты новые успехи в революционной борьбе благодаря самоотверженной работе коммунистов среди трудящихся.

4 Большевистское подполье Восточной Сибири

В большинстве городов Восточной Сибири не было таких больших провалов, как на Урале и в Западной Сибири. Несмотря на отдельные срывы и спады, летом 1919 года подпольная работа в этом районе находилась на подъеме: росла численность организаций, имелись определенные успехи в революционной борьбе в городах и селах, особенно в Иркутске.

По-прежнему видную роль играла организация большевиков в Красноярске. Там, правда, были арестованы некоторые опытные коммунисты, но вместе с тем укрепились связи с войсками, деревней, с партизанскими отрядами. Приезд в конце апреля Э. А. Радо, а затем Х. Я. Суудера внес большое оживление в работу красноярской организации.

В начале мая в Красноярском комитете состояли А. В. Байков (председатель), Н. Х. Молчанов, В. М. Аврамов, Ф. Я. Лейман, Э. Н. Шахматова, А. И. Гун и И. Байнов. В военном штабе работали Аврамов, Борис и др. Готовилась нелегаль-

¹ ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 142, л. 103.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 675, л. 1; оп. 4, д. 1583, л. 1—13.

ная конференция, расширялись связи с партизанами, усиливалась агитация. На подпольных складах накапливалось оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества. Но в первой половине мая произошел провал подпольного комитета и части организации. Была раскрыта конспиративная квартира Морозовой, где проживал Радо. Он, а также Байнов, Лейман (члены комитета), А. С. Богомилов и несколько других подпольщиков были арестованы¹.

Некоторые активные коммунисты покинули город. В Иркутск выехали Суудер и Байков. Оставшиеся в городе члены комитета Молчанов и Аврамов примерно в июне организовали новый комитет. В него вошли Н. Х. Молчанов (председатель), И. Г. Сачков, Я. Г. Новогрешнов, П. Н. Меженин и В. М. Аврамов. Поскольку за Аврамовым велась слежка, ему в дальнейшем из комитета пришлось выйти и из города выехать².

Красноярцам некоторую помощь оказали Сибирский и Иркутский комитеты РКП(б), с которыми поддерживалась связь. Из Иркутска в Красноярск к началу осени были направлены Л. Б. Литвина и П. Рухлов; Литвину кооптировали в комитет. Осенью не прекращалась работа по расширению рядов организации. На заводе Либмана по поручению Новогрешнова вовлекали рабочих в организацию П. И. Коновалов и В. Полунин. Ячейки на других предприятиях, в частности на железнодорожном узле, создавали М. А. Внук, Д. Степанов и др. Вопрос о создании новых подпольных ячеек рассматривался на одном из заседаний Красноярского комитета³.

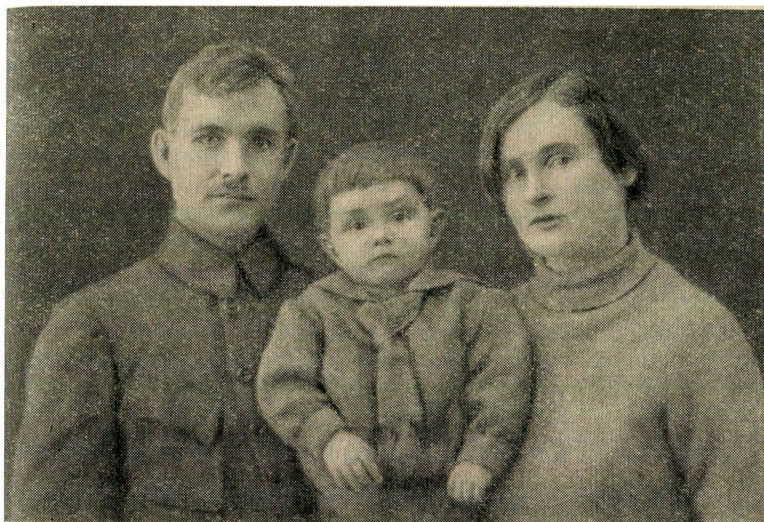
Организация работала в обстановке, когда за членами комитета велась усиленная слежка, начатая еще в сентябре 1919 года. Аресты начались 22 октября. Были арестованы К. Бродников и М. Рухлова. Члены комитета, ожидая себе замену от Сибирского обкома партии, оставались в городе. Из Красноярска с разрешения комитета скрылась только Литвина (6 ноября она выехала в Иланскую). В ночь с 8 на 9 ноября колчаковцы арестовали членов комитета Молча-

¹ ЦГАОР, ф. 3819, оп. 1, д. 11, л. 8, 12—92; ПАНУ, ф. 5, оп. 2, д. 627, л. 17, 18; ПАКК, ф. 64, оп. 1, д. 758, л. 35.

² См. «Годы огневые», стр. 42, 43.

³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 245, оп. 1, д. 1719, л. 14—16; см. «Документы героической борьбы», стр. 96.

И. Х. Молчанов и Т. П. Сиби-
цева (Молчанова)

нова, Новогрешнова и других подпольщиков. 14 ноября был схвачен Меженин. В ночь на 9 ноября героически погиб член комитета Иван Герасимович Сачков, оказавший сопротивление колчаковцам. В тюрьме погиб другой член комитета — Меженин¹.

Создание нового комитета следует относить к первой половине декабря 1919 года. Бесспорно, в него входил Ф. К. Клешнин. В некоторых воспоминаниях отмечается, что в Красноярск для восстановления комитета Сибирский обком прислал Шабалина. В комитет, очевидно, вошел и он. Через несколько дней после возникновения комитета его решением был создан военно-революционный штаб; в него вошли: Ф. К. Клешнин (военный комиссар), Шабалин, А. Зорин, Н. Яковлев и Д. Кузнецов².

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 88, л. 1—3; ГИАО, ф. 245, оп. 1, д. 1719, л. 14—17; ПАКК, ф. 64, оп. 1, д. 924, л. 77, 92, 97, 170; оп. 5, д. 388, л. 12.

² См. Ф. К. Клешнин. Освобождение Красноярска от колчаков-

ских банд (в кн.: «Годы огневые», стр. 370). Клешнин не назвал по имени члена штаба Шабалина, но, несомненно, имел в виду его, упоминая «товарища из иркутской подпольной организации».

Большую активность весной 1919 года проявили коммунисты Знаменского завода. Созданная на заводе подпольная дружина развернула боевые действия против колчаковской милиции и карателей. В августе в отряде было уже около 100 бойцов¹. Несколько ослабленная весной 1919 года, подпольная работа в Ачинске, Канске, Ключвенской, Иланской летом вновь оживилась. Усилилась подпольная работа в сельских районах, не охваченных партизанским движением².

Мало-помалу возобновлялась подпольная работа в Минусинске и уезде, а также в Урянхайском крае. Минусинские подпольщики летом поддерживали связь с красноярской организацией через кооперативное общество «Самодетельность». Весной и летом действовала подпольная группа в Абакане, близ Минусинска³.

Прибытие в июне 1919 года в пределы уезда партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина послужило толчком к новому подъему революционной борьбы крестьянских масс, в том числе тувинцев и хакасов. 13 апреля в Хемчикском районе началось восстание аратов. В конце апреля они объединились в один отряд, насчитывавший до 400 человек.

Весеннее восстание потерпело поражение, но в начале июня араты Хемчикского района вновь поднялись на вооруженную борьбу, создали отряд сначала в несколько десятков, а затем примерно в 200 человек и стали нападать на казачьи посты, намереваясь прогнать из своего района белогвардейцев, свергнуть их власть. Восстание некоторое время продолжало нарастать, но затем вновь было подавлено⁴.

Выступления тувинцев и хакасов в поддержку восстаний русских рабочих и крестьян, партизанского движения расширяли фронт революционной борьбы, превращали его во многонациональный, приближали победу Советской власти. Братский союз трудящихся — русских, тувинцев и хакасов,

¹ ЦГАОР, ф. 1712, оп. 1, д. 11, л. 31; ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 393, л. 6 (Воспоминания Н. М. Мошинского).

² ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 142, л. 167; ф. 236, оп. 1, д. 17, ч. 1, л. 80.

³ ЦГАОР, ф. 149, оп. 3, д. 22, л. 8; ф. 1711, оп. 1, д. 12, л. 13.

⁴ ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 25, л. 15; см. также «За свободу народа». Сборник воспоминаний. Кызыл, 1957, стр. 76, 77.

начавший складываться задолго до Октябрьской революции, в период колчаковщины продолжал укрепляться.

С весны 1919 года из месяца в месяц повышается активность иркутской подпольной организации. В дальнейшем она становится наиболее крупной и ведущей в Сибири. Острый недостаток руководящих партийных кадров был преодолен за счет освобождавшихся из тюрем и «эшелонов смерти» политзаключенных, а также коммунистов, приехавших из других городов. Усиление революционной работы в массах, рост влияния коммунистов ярко выявились в день 1 Мая, когда вышли на демонстрацию рабочие. В мае коммунисты успешно провели кампанию бойкота выборов в городскую думу Иркутска.

В мае — июне в Иркутск прибыла целая группа работников из Красноярска. А. В. Байков, Борис, З. Н. Шахматова (некоторое время находившаяся в Новониколаевске) и др. Из Верхнеудинска приехала Л. Б. Литвина. Прибывали коммунисты из Читы, Омска, Томска, Барнаула. Ведущая роль иркутской организации во многом предопределялась перемещением в Иркутск областного комитета РКП(б) Сибири, деятельностью приехавших сюда Х. Я. Суудера и И. В. Сурнова. 1 августа 1919 года в лесу близ города была проведена нелегальная большевистская конференция. На ней присутствовали представители партийных организаций Иркутска, Черемхово, Слюдянки и Половины, члены Иркутского комитета и другие работники подполья. Были рассмотрены различные вопросы: о текущем моменте и задачах организации, о работе в колчаковской армии и в деревне, о партизанском движении, о вооруженном восстании, о работе местных организаций, выборы комитета и др.

Остро обсуждался вопрос о том, как поступать подпольщикам в отношении мобилизации в белогвардейскую армию: вступать в нее или уклоняться? Конференция решила, что члены подпольных большевистских организаций должны идти в армию, чтобы завоевывать солдат на сторону Советской власти, готовить их к вооруженному восстанию, а в случае отправки на фронт добиваться перехода частей и подразделений на сторону Красной Армии и партизан. Большое внимание было уделено вопросу о вооруженном восстании и другим вопросам, связанным с тактическими задачами коммунистов.

Конференция заслушала информационные сообщения местных организаций¹.

В августе 1919 года у арестованной в Барнауле коммунистки Э. А. Алексеевой были найдены тезисы, составленные иркутской подпольной организацией. Этот документ исходя из его содержания можно было бы назвать тезисами о текущем моменте и тактике иркутской подпольной организации РКП(б)²

Содержание тезисов определено совпадает с решениями летней подпольной конференции иркутской организации, о которых говорится в воспоминаниях отдельных ее участников.

В первом тезисе дается характеристика международного, во втором — внутреннего положения страны. В последующих тезисах вскрываются причины колебаний в среде трудящихся Сибири летом 1918 года и отмечено их преодоление в течение года господства белогвардейщины. Далее разоблачались соглашательство и предательство правых эсеров и меньшевиков, отмечалось, что эти партии «умерли для массы навсегда». Но о предательских действиях левых эсеров, о крахе их идеологии не было ни слова. Главная задача и тактика организации «заключается, — указывалось в тезисах, — в производстве вооруженного восстания с целью восстановления и укрепления Советской власти в пределах г. Иркутска». При этом предполагалось, что успех этого восстания «предрешит собой благоприятный исход борьбы с белогвардейцами по всей Сибири».

На подпольной конференции был избран новый состав партийного комитета: К. И. Миронов — Икс (председатель), И. М. Касаткин — Кепка, Х. Я. Суудер — Андрей и др. В комитет летом и осенью 1919 года входили М. Н. Ербанов, М. Бронштейн, Д. К. и К. П. Чудиновы³.

¹ ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 381, л. 5, 6; см. А. Г. Солодянкин. *Коммунисты Иркутска в борьбе с колачковиной в годы гражданской войны (1918—1920 гг.)*, стр. 57

² В документе содержится 10 тезисов. Последние (7—10) опубликованы в сборнике «Борьба за власть Советов в Иркутской гу-

бернии (1918—1920 гг.)». Нами выявлено несколько полных копий тезисов (ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 20 а, л. 2; ф. 236, оп. 1, д. 389, л. 105; ф. 296, оп. 2, д. 27, л. 16; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1502, л. 38, 39).

³ ПАНО, ф. 5, оп. 3, д. 156, л. 20; Воспоминания К. П. Чудиновой (личный архив автора).

Иркутский комитет к лету приобрел значение губернского подпольного большевистского центра. В подпольной организации Иркутска к осени насчитывалось несколько сот членов многих национальностей. Помимо русских в ней состояли эстонцы, буряты, латыши, литовцы, украинцы, венгры, поляки, якуты, китайцы. Для руководства подпольной работой среди трудящихся национальных меньшинств при губкоме партии были созданы латышская и бурятская секции¹.

Латышской секцией руководил М. Гольдман. В ней работали М. И. и Ф. С. Зейте и др. Бурятская секция была создана осенью 1919 года, организационно оформлена в январе 1920 года. Ее возглавил член партии с 1917 года Михай Николаевич Ербанов. Однако еще раньше вокруг М. Н. Ербанова, М. Атанова, Г. Г. Данчинова и других коммунистов объединяются подпольщики-буряты. Они уделяли большое внимание укреплению связей с бурятскими районами, организации в них большевистских ячеек. Очень большое значение имела поездка Сурнова и Ербанова летом 1919 года по маршруту Иркутск — Балаганск — Коновалово — Аларь — Черемхово — Иннокентьевская — Иркутск². Во время этой поездки они заложили в ряде бурятских улусов фундамент для организации нелегальных революционных ячеек.

Члены Сибирского и Иркутского комитетов часто выезжали на места, вели там организационно-политическую и военную боевую работу. Так, Х. Я. Суудер и А. В. Бердникова по-

¹ См. «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии», стр. 407, 408.

² См. И. В. Сурнов. Последний

этап борьбы с колчаковщиной (в кн.: «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии», стр. 406, 407).

бывали в Черемхово, оказали местной организации большую помощь. 2 июня 1919 года черемховские шахтеры вновь поднялись на забастовку и прекратили ее, только когда их основные требования были удовлетворены. Среди руководителей забастовки был член большевистской партии с 1906 года И. М. Мызгин. Он был арестован, но вскоре освобожден. Организация направила его в Иркутск, откуда он переехал в село Залари и поддерживал связь с черемховскими подпольщиками¹.

Даже краткосрочная забастовка шахтеров была ощутима для белых, так как создала перебои поставок угля на железнодорожный транспорт. Но позднее, до осени 1919 года, черемховская организация, возглавлявшаяся П. И. Персиковым, А. С. Ивановым, Медисом и другими, не смогла развернуть всех своих революционных возможностей в силу недостаточной сплоченности групп².

В начале октября в Черемхово в домике рабочего Варламова состоялась нелегальная конференция. Присутствовали Персиков, Медис, Варламов, Коробкин всего около 12 человек. Руководила конференцией А. В. Бердникова. На конференции выяснилось, что в организации состоит 36 человек. Были выдвинуты задачи вовлечения в организацию новых членов, приобретения оружия и медикаментов и передачи их партизанам, установления связей с деревней. После конференции подпольная организация стала быстро расти, повысилась ее роль в руководстве борьбой рабочих. Рабочие с нетерпением ждали выступления в Иркутске как сигнала для восстания. Под руководством Бердниковой, оставшейся на работе в Черемхово, подпольная организация вовлекает рабочих в боевые дружины, ведет подготовку к восстанию³.

С деятельностью видной сибирской коммунистки-подпольщицы А. В. Бердниковой связаны также становление и укрепление нелегальной организации на станции Половина. К лету 1919 года там сложилась большевистская группа под руководством Я. С. Андриевского и Г. И. Итыгина⁴. Летом стали расти и усиливать работу организации в Зиме, Тулуне,

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 886, л. 8, 9 (Автобиография И. М. Мызгина).

² ПАНО, ф. 5, оп. 3, д. 156, л. 9, 10, 23.

³ ПАНО, ф. 5, оп. 3, д. 156, л. 9, 10; газета «Красный уголек», 18 февраля 1923 г.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 850, л. 91.

Слюдянке, Лиственичном, Нижнеудинске. В нижнеудинской организации помимо коммунистов были беспартийные, а также несколько меньшевиков-интернационалистов¹

Сильная большевистская подпольная организация сложилась еще летом 1918 года среди рабочих на строительстве тракта Большая Мамырь — Илимск — Каймоново — Усть-Кут. Ее возглавил коммунист Н. Т. Тиунов, приехавший из Красноярска².

Таков далеко не полный перечень большевистских подпольных организаций в городах, на станциях и в рабочих поселках Иркутской губернии. В авангарде революционной борьбы продолжали идти железнодорожники, прежде всего рабочие депо станции Иркутск, где их насчитывалось 1500—2000 человек. Они, по мнению охраны, представляли собой «готовый материал для большевистских выступлений»³

Активно боролись против белогвардейцев рабочие кожевенного, пимокатного и мыловаренного заводов. Запасы оружия накапливались в центре города и предместьях. Красный Крест и военно-революционный штаб прилагали большие усилия к освобождению политзаключенных из центральной и пересыльной тюрем села Александровского. Освобождение тюрем намечалось на октябрь, но подпольные организации александровского гарнизона и пересыльной тюрьмы решили выступить раньше, так как на 12—13 сентября намечалась отправка в Забайкалье до 400 человек.

Восстание началось в пересыльной тюрьме в ночь с 11 на 12 сентября. Были освобождены бараки № 1, 2, 3, 6, 8, 9 и одиночный корпус, не успели освободить лишь политзаключенных 4, 5 и 7 барачков. В рядах восставших оказалось около 580 политзаключенных, к ним присоединилась почти половина солдат местной команды (109 из 240) Восставшие разоружили надзирателей, но оружия было мало: каждые шесть человек из семи были безоружны⁴.

После неудачной попытки освободить централ восставшие начали отступление, колчаковцы их преследовали и беспо-

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 612, л. 1.

² ПАНО, ф. 5, оп. 3, д. 157, л. 19, 20; см. А. Г. Солодянкин. *Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной в годы гражданской войны (1918—1920 гг.)*, стр. 71.

³ ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 136, л. 42.

⁴ ЦГАОР, ф. 147, оп. 14, д. 27, л. 24—26; ф. 236, оп. 1, д. 20 а, л. 170.

щадно уничтожали. По сведениям белогвардейских властей, около 300 политзаключенных было убито, захвачено 49 политзаключенных и 67 солдат. Удалось спастись примерно 170 политзаключенным и солдатам. Одни из них ушли в партизанские отряды, другие вступили в иркутскую и иные подпольные организации.

Летние месяцы и первая половина сентября 1919 года были для иркутской подпольной организации периодом напряженной работы, накапливания сил. В это время потери были незначительными. Но во второй половине сентября произошел сильный провал. Контрразведка установила, что большевистская организация имеется во 2-м Иркутском местном батальоне. Для ее раскрытия в батальон были направлены семь агентов во главе с офицером контрразведки Юрковым. Они вступили в организацию и раскрыли ее связи с районным штабом. В ночь с 18 на 19 сентября колчаковцы окружили казарму и арестовали 42 солдата. С вечера были арестованы на квартирах М. Пасютин, Подоплелов и шофер Груздин — руководящие работники районного штаба. Пасютин не выдержал пыток и выдал некоторых руководителей иркутской партийной организации, затем помог колчаковцам вовлечь их в ловушку на одной из конспиративных квартир.

Двое из арестованных подпольщиков — А. В. Байков, схваченный в Новониколаевске, и С. Бильчинский — под пытками дали колчаковцам сведения о некоторых работниках. Всего во второй половине сентября колчаковцы схватили около 30 подпольщиков, а вместе с солдатами 2-го местного батальона — до 75 человек¹.

Часть арестованных, против которых улик не было, колчаковцы выпустили. Позднее почти все арестованные члены городской подпольной организации были освобождены в результате восстания.

В октябре постепенно ликвидируются последствия провала. Это удалось сделать потому, что члены партийных комитетов и штабов в основной массе арестов избежали. В город прибывали коммунисты из других городов и бежавшие из александровских тюрем политзаключенные.

¹ ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 20а, л. 164, 165; см. «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии», стр. 410.

Ф. М. Осодоева

Летом 1919 года оживилась подпольная работа в селах Иркутской губернии среди трудового крестьянства, в том числе и бурятского. Большую роль в создании подпольных организаций в Боханском и Аларском аймаках сыграли члены иркутской подпольной организации, вынужденные весной скрыться в улусы. Начальник военного контроля в Иркутске 4 апреля 1919 года требовал от начальника милиции Балаганского уезда арестовать в улусах бурят П. С. Анганова (улус Улунтуй), Н. М. Балдаева (улус Карбалак Нельхайской волости), П. С. Балтахинова и Е. И. Лосова (улус Норон), Д. В. Хабухаева (улус Куйта), которые в Иркутске вели революционную работу¹. Но подпольщики арестованы не были, так как некоторые поселились не в своих улусах, другие прибыли в родные места не сразу.

В Бохане в августе 1919 года создается подпольная группа. В нее вошли член РКП(б) с 1918 года Федосья Матвеевна Осодоева, сочувствующие партии П. С. Балтахинов, М. Г. Улаханов и др. В сентябре там был создан подпольный комитет под председательством Осодоевой. Под руководством комитета в Бохане и в улусах велась значительная работа среди бурятского населения, был создан партизанский отряд под командованием П. С. Балтахинова. Он стал опорой трудящихся бурят в борьбе за свержение белогвардейской власти. В Аларском аймаке, в улусе Нельхай, была создана подпольная организация сочувствующих партии во главе с В. И. Трубачеевым, в улусах Эхиритского аймака работал большевик Балхан Бахрушкинов. Вместе с сочув-

¹ ЦГАОР, ф. 210, оп. 1, д. 21, л. 14.

ствующими партии подпольщиками он агитировал бурят-крестьян не платить подати белогвардейским властям и помогать партизанам¹.

Трудящиеся буряты, как и некоторые другие представители коренных народностей Восточной Сибири, дали множество примеров мужества и героизма в борьбе за власть Советов.

Во второй половине весны 1919 года усилилась подпольная работа в Якутске. Организация расширилась. В конце апреля там были отпечатаны на ремингтоне прокламации и в ночь на 1 мая расклеены по всему городу². Это явилось большим событием в жизни города. Много сделали члены подпольной организации по срыву мобилизации, проводившейся в Якутске и области во второй половине апреля и в мае. Сочувствующие партии телеграфисты искажали или совсем не доставляли телеграфные распоряжения, касавшиеся мобилизации³. Часть подпольщиков по решению организации вступила по мобилизации в армию для революционной работы. Другие уклонились от мобилизации и выехали из города. Все это привело к резкому ослаблению подпольной работы, исчезновению почти всех нелегальных групп «пятков».

С сентября началось оживление подпольной работы. В Якутск вернулись некоторые скрывавшиеся от мобилизации подпольщики, матросы парохода «Лена» Б. Чижик, Волков, Толмачев и др. Появились и новые работники. В октябре состоялось нелегальное собрание и был избран подпольный комитет в составе Ф. Лебедева, А. Акуловского и Б. Чижика⁴. В дальнейшем состав комитета частично менялся. Подпольная организация к концу осени имела уже не менее 10 «пятков», не считая подпольных групп в тюрьме и гарнизоне. Возобновил работу кружок молодежи, возглавляемый, как и весной, М. В. Мегежекским. К декабрю в нем было около 20 юношей. Большевистской группой в тюрьме был создан другой подпольный центр, С. Аржаков называл

¹ ЦГАОР, ф. 296, оп. 2, д. 4, л. 47—51; см. «Борцы за власть Советов в Бурятии», стр. 23—26, 150, 151, 205, 206.

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 32, л. 11.

³ ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 147 а, л. 10.

⁴ Газета «Автономная Якутия», 15 декабря 1922 г. (Воспоминания Б. Чижика). В других воспоминаниях в числе членов комитета вместо А. Акуловского называется А. Срулевич (см. «Автономная Якутия», 16 декабря 1928 г.).

его комитетом, а Л. Даниш — ревштабом. В этот руководящий орган входили большевики В. Котенко, С. Аржаков, Л. Даниш и меньшевик Х. Гладунов.

Перед Якутским комитетом в самом начале его деятельности остро встал вопрос об отношении к подпольной организации левых эсеров, возглавлявшейся Л. Тверским, Р. Оросиным и др. Численность ее была значительной. С левыми эсерами контакты поддерживались еще с весны. Было ясно, что их всерьез проучила колчаковщина, они искренне борются против нее. После предварительных переговоров было созвано совещание из представителей большевистской и левоэсеровской организаций. Городской большевистский комитет твердо решил никаких уступок программного характера левым эсерам не делать. Стали устраиваться совместные заседания большевистского и левоэсеровского комитетов, в результате сложился объединенный подпольный орган — комитет (или штаб). В него входили Ф. Лебедев, Б. Чижик, А. Киркум и другие коммунисты и три левых эсера. Левые эсеры играли подчиненную роль. Они следовали политике и тактике коммунистов. Боевые силы левоэсеровской организации коммунисты использовали в дальнейшей революционной борьбе.

Объединение коммунистов и левых эсеров в Якутске не привело к слиянию организаций. Большевистская организация сохранила свою самостоятельность, свой комитет, руководящее положение в революционном подполье. Совместная работа позволила коммунистам усилить влияние на солдат¹.

Осенью 1919 года большевистское подполье активизировалось не только в Якутске, но и в других населенных пунктах области (Олекминске, Верхоянске, некоторых деревнях), а также в Забайкальской области.

Новый состав Прибайкальского комитета РКП(б) во главе с И. А. Кузнецовым (Вороновым) взялся прежде всего за укрепление подпольной организации в Верхнеудинске. Ведущей в организации была по-прежнему подпольная ячейка в обществе потребителей «Экономия» Окрепла ячейка на стекольном заводе. Усилилась группа подпольщиков на конфетной фабрике. Активностью отличались подпольщики-

¹ «Автономная Якутия», 15 декабря 1922 г., 15 декабря 1925 г., 15 декабря 1927 г.

железнодорожники. С помощью подпольной ячейки в типографии был налажен выпуск листовок-воззваний к населению и солдатам¹

В верхнеудинской городской организации вместе с русскими работали отважные подпольщики-буряты. В их числе были Г. С. Носырев — служащий Прибайкальского союза кооператоров и Н. И. Алимасов — наборщик частной типографии Нодельмана. Алимасов, связанный с организацией через Е. В. Лебедева и Н. В. Серову, печатал и распространял листовки. В дальнейшем он передал большевистской организации несколько фунтов шрифта. Подпольным ячейкам и группам в сельской местности давались указания о работе среди бурятского населения, о вовлечении его в борьбу с контрреволюцией. Крестьяне-буряты участвовали в подпольной работе во многих районах. Большую работу среди бурятского населения Верхнеудинского уезда провел член подпольной организации в селе Барыкино-Ключи Ц. Б. Будаев. Под руководством подпольной большевистской ячейки в Шибертуе (Бичурского аймака) создается группа сочувствующих большевистской партии во главе с Б. С. Санжеевым, которая проделала большую работу среди односельчан².

Читинскую организацию к началу лета постиг удар. Был арестован приехавший в город член Сибирского ОК А. П. Вагжанов. После длительных истязаний 6 июня он был расстрелян. В тот же период были арестованы С. С. Сетянов, Губаревич и др. Губаревич был замучен в тюрьме, Сетянова семеновцы выпустили, ибо улики против него не было. Он скрылся в Монголию. Погиб в семеновских застенках арестованный ранее И. А. Таубе. Отдельные активные работники весной из Читы скрылись, подпольная большевистская организация осталась без руководства. Спустя некоторое время актив организации собрался на нелегальную конференцию и избрал комитет в составе Рыбццкого, Кравчука, Умрихина и др.³

¹ См. И. А. Кузнецов-Воронов. *Партия большевиков — организатор борьбы рабочих и крестьян за Советы в Бурят-Монголии* (в кн.: «Борьба за Советы в Бурят-Монголии (1918—1920 гг.)», стр. 21, 22, 48).

² См. «Борцы за власть Советов в Бурятии», стр. 12, 42, 182, 183.

³ См. Г. В. Грунин. *Большевики Забайкалья в борьбе за Советы* (в кн.: «Борьба за Советы в Забайкалье», стр. 22—24).

Летом организация проводила революционную работу среди рабочих Читы и других населенных пунктов восточной части Забайкальской области. Особой активностью, как и прежде, отличались железнодорожники Читы, станций Могзон, Черновские копи, Зилово и др. Крепла связь рабочих-подпольщиков с революционными слоями деревни, с партизанами, ширилась работа в семеновских войсках. Выпускались листовки. Проводились операции по выведению из строя железнодорожной линии, паровозов, вагонов, вражеских складов с боеприпасами. В июне 1919 года около Читы был взорван казенный пороховой склад. Семеновцы считали, что это было сделано большевиками¹.

Подпольные организации Читы и всего Забайкалья готовили массы к восстанию, развертывали партизанское движение. С этой целью при Читинском подпольном комитете был создан военно-революционный штаб в составе А. Е. Петрова, Белокрылова, А. Рыжикова и др.²

Деятельность читинской организации по подготовке восстания в августе была прервана арестами подпольщиков, включая некоторых членов штаба. В октябре организация понесла новые, еще большие потери. Погиб, защищаясь от колчаковцев, А. Е. Петров (Костя). После этого провала организация была восстановлена с трудом. Помощь в этом ей оказал Верхнеудинский комитет РКП(б)

В Чите восстание провести не удалось, но в некоторых местах Забайкалья вооруженные восстания произошли и развивались успешно. В районе Зилово в мае стали создаваться боевые подпольные группы, в которые прежде всего включались скрывавшиеся от белых красногвардейцы, затем и другие рабочие, крестьяне и казаки, сочувствующие Советской власти. В июле зиловцы восстали. Их поддержали рабочие и крестьяне других населенных пунктов. Повстанцы сначала проводили мелкие операции против японских и семеновских войск, по мере роста сил они стали действовать более смело³.

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 11, д. 43, л. 28.

² См. Г. В. Грунин. *Большевики Забайкалья в борьбе за Советы*

(в кн.: «Борьба за Советы в Забайкалье», стр. 25).

³ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 37, л. 1, 2, 22—26.

Район Зилово — Усть-Кара стал одним из крупнейших очагов партизанского движения. Вооруженные восстания под руководством подпольных групп происходили во многих селах Забайкалья.

До осени 1919 года вооруженные восстания чаще всего были безуспешными. В дальнейшем положение изменилось коренным образом. Началась полоса успешных восстаний в селах, затем и во многих городах по всей Сибири. Одной из коренных причин этого были огромные успехи большевистского подполья, достигнутые в работе по разложению колчаковских войск и привлечению солдат к совместным выступлениям с рабочими и трудящимися крестьянами.

5 Революционная работа большевиков в войсках Колчака и интервентов

Без разложения войск Колчака и интервентов, без завоевания солдат на свою сторону большевистские подпольные организации были бы не в состоянии добиться успеха в революционной борьбе, в обеспечении победы вооруженных восстаний, усилении и повышении эффективности партизанского движения. Армия была главным орудием колчаковского военно-террористического режима. Прежде всего на нее опирались капиталисты, торговцы, помещики и кулаки, поработавшие народные массы. По мере того как разлагались колчаковские войска, усиливались революционные настроения среди солдат, они переходили на сторону Красной Армии, партизан, восстававших рабочих и крестьян. Борьба за войска, состоявшие в подавляющей части из крестьян, являлась также борьбой за укрепление союза пролетариата и крестьянства. Революционная деятельность коммунистов в колчаковских частях ускоряла рост классового сознания солдат, что не могло не оказать огромное политическое воздействие на широкие массы крестьянства Сибири и Урала.

На усиление подпольной работы в войсках коммунистов ориентировало Сибирское бюро ЦК РКП(б), урало-сибирский подпольный центр, решения 3-й Сибирской конференции. Одной из важнейших задач военно-революционных штабов (а к весне 1919 года они имелись во всех крупней-

ших подпольных организациях Урала и Сибири) была работа в войсках гарнизонов, вовлечение солдат в подготовку к вооруженному восстанию. Для усиления работы в войсках местные подпольные организации и группы направляли коммунистов в белогвардейские части. В конце весны и летом 1919 года в большинстве частей гарнизонов подпольная работа уже велась или под руководством местных организаций, или независимо от них солдатами-подпольщиками.

Большие возможности представлялись для налаживания подпольной работы среди солдат в тех частях, которые длительное время находились в городах до отправки на фронт или вообще были сформированы как отряды местного назначения. Так, иркутская большевистская организация летом 1919 года развернула большую работу во 2-м местном пехотном батальоне. Ее вели непосредственно руководители городского райкома партии. В батальоне был создан подпольный комитет, во главе которого стояли каптенармус 4-й роты Служаев, командир 2-го взвода той же роты младший унтер-офицер Кузьмичев, писарь Ветров, солдат Голубев. В середине сентября батальон был почти полностью распропагандирован. 150 солдат изъявили желание принять участие в восстании, к которому подпольная организация готовила все подразделения¹

Успешно развертывалась также работа в отряде особого назначения, созданном в мае 1919 года. В него были включены бывшие красногвардейцы, находившиеся в заключении в Александровском центре и в концентрационном лагере в военном городке Иркутска. На вступление в отряд политзаключенным была дана санкция Иркутского губернского и Иннокентьевского районных комитетов РКП(б) с обязательным условием не вести борьбы с трудящимися, наоборот, всячески помогать партизанам оружием и боеприпасами, переходить на их сторону. Под руководством большевиков Д. Е. Зверева, П. П. Широкова, Рыжова, Вахитова и других значительная часть отряда особого назначения, будучи отправленной против партизан, восстала и присоединилась к ним еще в августе²

¹ ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 20 а, л. 81; газета «Иркутские губернские ведомости», 28 сентября л. 164; ф. 253, оп. 1, д. 176, л. 5.

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 35, 1919 г.

В оставшихся в Иркутске подразделениях отряда подпольная работа не прекращалась. Развертывалась подпольная работа в 53-м и 56-м Сибирских стрелковых полках. В Забайкалье Верхнеудинский и Читинский комитеты летом и осенью развернули работу в казачьих полках и других частях¹.

Во всех крупных городах Сибири работа в войсках усилилась.

На прифронтовом Урале работа в колчаковских войсках находилась в центре внимания подпольных организаций. Особенно значительной она была в Челябинске, Екатеринбурге и Перми. Подпольные организации возникали в воинских частях и самостоятельно. Так, летом на Урале работала военная организация, руководившая революционным подпольем в нескольких воинских частях в Челябинске, Екатеринбурге, Перми. Но все организации в воинских частях, даже те, которые возникали самостоятельно, имели более или менее тесные связи с большевистским подпольем среди рабочих. В Екатеринбурге революционной работой был охвачен весь гарнизон: 49-я артиллерийская бригада, инженерный батальон и другие части. Одна из крупнейших организаций, достигавшая полутора ста человек, была в воинской команде при артиллерийских складах. Во главе нее стояла «пятерка» в составе А. Проскурякова, Эзонталя, Оборина, Королева и Копегова²

Совместно с подпольными организациями на предприятиях и в лагере бывших военнопленных велась подготовка к вооруженному восстанию, наращивались запасы оружия, боеприпасов и взрывчатки. Но колчаковцам в июне 1919 года удалось раскрыть несколько организаций в воинских частях, произвести массовые аресты подпольщиков, что и предотвратило намечавшееся вооруженное восстание солдат и рабочих³.

Разложение колчаковской армии, содействие дезертирству солдат, переходу их на сторону Красной Армии и партизан с оружием в руках — вот та основная цель, которую пресле-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 28, л. 1—4; см. «Годы и люди». Чита, 1960, стр. 107; «За власть Советов», Чита, 1957, стр. 286.

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 10 б, л. 278.

³ ЦГАОР, ф. 3825, оп. 1, д. 16, л. 899.

довали в своей работе подпольные большевистские организации. Вместе с тем они стремились вообще завоевать солдат, целые части и соединения на сторону Советской власти, организовать их на вооруженные выступления против колчаковщины на фронте и в тылу

Под воздействием большевистской агитации, колчаковских зверств в тылу и поражений на фронте с мая 1919 года стало неуклонно возрастать дезертирство.

Летом и осенью 1919 года даже некоторые руководители контрразведывательных органов приходят к заключению, что большевистская агитация достигла таких размеров, когда пресечь ее уже никак невозможно. Начальник контрразведывательного отделения штаба 1-го Волжского армейского корпуса в докладе «О росте большевистской агитации в войсковых частях и мерах борьбы с ней» отмечал, что большевистская «агитация приняла угрожающие размеры. Особенно эти размеры стали ощутимы теперь в связи с разрухой агитация в частях ведется открыто, без стеснения и при полном сочувствии многих солдат»¹

12 августа 1919 года в Тобольске контрразведкой были арестованы за революционную большевистскую работу солдаты подрывной команды саперной роты 7-й дивизии Григорий Вешняков и Неймушин. При обыске у Вешнякова был найден дневник — редкий и интересный документ. Он правдиво описывает каждодневную опасную работу большевиков на фронте и в действующих колчаковских частях. 13 июля Вешняков писал, что находившаяся в Илимском заводе Екатеринбургского уезда батарея забастовала, солдаты «сдали все имущество офицеру и сами не поехали дальше никуда и с ними много пехоты осталось, не пошло дальше». Далее он пишет, что подпольщики вместе с солдатами отступают до Сибири, чтобы «делать развал в белой армии» В записи за 19 июля читаем: «Едем на Ирбит... рота наша разбежалась по своим домам... Только осталось еще отправить в Ирбите сибиряков домой, и моя маленькая работа будет окончена... дам им пироксилина, пусть взорвут у нас в тылу мосты, чтобы ехать было некуда. Маленькому человеку — маленькое дело посылить нести во вред белогвардейцам, я, может быть,

¹ ЦГАОР, ф. 293, оп. 2, д. 21, л. 1.

пойду еще дальше, чтоб рассчитаться с белогвардейцами за подавление наших свобод» Вешняков прибыл в Омск, затем в Томск, откуда был направлен в Тобольск в формирующуюся часть. В результате агитации, как он пишет, его рота «стоит за товарищей всюду, говорит на улице, не стесняясь никого, нападая на идейных белогвардейцев, заглушая своим криком их говор». Вешняков записывает вести о победах советских войск, разложении армии Колчака, о ненависти к ней со стороны трудящихся, восстаниях. 5 августа он сделал последнюю запись. «Вчера читали газету «Голос Сибири» Иностранцы державы смотрят на белую гвардию, как на мыльный пузырь»¹

Вешняков немедленно после ареста и ознакомления с содержанием его дневника был предан военно-полевому суду и расстрелян. Но его дело продолжали другие подпольщики. «Прибрать к рукам» солдат 7-й дивизии колчаковцы так и не смогли.

Во второй половине весны, летом и осенью 1919 года коммунисты подготовили и провели несколько успешных вооруженных выступлений солдат. Так, 20 апреля под Оренбургом, у станции Чебеньки, на сторону Красной Армии организовано перешло около трех рот солдат 7-го и 42-го стрелковых полков. Наступление, начатое белогвардейцами, было сорвано. Многие солдаты сокрушались, что не успели перебежать к красным².

Выдающееся значение имело восстание солдат нескольких полков южнее станции Сарай-Гир Самаро-Златоустовской железной дороги, в деревне Кузькино и ее районе 1 мая 1919 года. Основную силу в этом восстании составил Украинский курень (полк) имени Шевченко, который почти полностью был распропагандирован подпольной организацией. Полк поднял восстание в первый же день по прибытии на фронт и увлек за собой многих солдат 46-го Исетского, 41-го, а также 43-го и 22-го Златоустовского стрелковых полков и егерского батальона, входивших в 11-ю и 12-ю колчаковские дивизии³.

¹ ЦГАОР, ф. 1423, оп. 2, д. 35, л. 5, 7, 8, 9.

² ЦГАОР, ф. 1425, оп. 1, д. 33, л. 40—42.

³ ЦГАСА, ф. 1307, оп. 2, д. 158, л. 155; ЦГАОР, ф. 1453, оп. 2, д. 52, л. 63.

2500 восставших солдат с артиллерией, пулеметами и огромным обозом поздно вечером 1 мая с пением «Интернационала» вышли в расположение кавалерийской бригады И. Д. Каширина и присоединились к Красной Армии. По просьбе шевченковских солдат им было присвоено официальное наименование «210-й стрелковый Украинский имени В. И. Ленина полк»¹ Командный состав, выдвинутый подпольной организацией, был утвержден. Получив пополнение, полк вступил в бой. Гордое имя Ленина полк пронес по всем фронтовым дорогам гражданской войны, покрыв себя неувядаемой славой. Крупный участок белогвардейского фронта был дезорганизован и фактически обнажен. Это позволило советским частям развить стремительное наступление в направлении на Сарай-Гир Белебей.

Восстания и переход солдат колчаковской армии на сторону советских войск наблюдались не только на всех участках Восточного фронта, но и на фронтах, открытых Колчаком против партизанских соединений. В ночь с 27 на 28 ноября произошло мощное восстание солдат в селе и на станции Пospelиха, на Алтае. Инициативу подготовки восстания взяла на себя большевистская подпольная организация 43-го полка во главе с П. А. Семеновым, связавшаяся с подпольем в 46-м полку и на бронепоездах «Туркестан» и «Сокол». Восставшие солдаты в течение суток вели кровопролитное сражение с колчаковцами — егерями, белоказаками Анненкова и другими — и одержали над ними победу. Большой урон восставшим наносили бронепоезда «Сокол» и «Туркестан», но и на них несколько позднее произошли успешные восстания. Команды бронепоездов, как и революционные солдаты 43-го и 46-го Сибирского полков, присоединились к партизанской армии Е. М. Мамонтова².

В Забайкалье важным результатом работы коммунистов Читы и других городов в войсках было восстание в ночь с 14 на 15 июля казаков 1-го Забайкальского полка в деревне Грязной на Нерчинско-Заводском фронте. Большая часть казаков, перебив офицеров, захватив с собой весь полковой обоз,

¹ ЦГАСА, ф. 3509, оп. 1, д. 5 (Приказ № 81).

² ПААК, ф. 1061, оп. 1, д. 152, л. 1—3 (Воспоминания П. А. Се-

меновова); д. 281, л. 1, 2; см. «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 422—425.

оружие и деньги, перешла в партизанскую армию П. Н. Журавлева¹ Из восставшего полка был сформирован 5-й революционный кавалерийский полк.

Агитация за переход к партизанам охватила и другие селеновские части. На Нерчинском заводе местные подпольщики, поддерживавшие связь с партизанами и с подпольной группой в 4-м Забайкальском казачьем полку, распространяли воззвания с подписью «Большевики» Солдаты и казаки призывались к уничтожению офицеров и переходу на сторону партизан. Примерно 170 казаков, покинув Нерчинский завод, перешли к партизанам².

Уделяя главное внимание разложению колчаковской армии, большевистские организации Урала и Сибири одновременно вели революционную работу и в войсках интервентов. 3-я Сибирская нелегальная большевистская конференция выдвинула как одну из важнейших задач агитацию среди иностранных военных частей. Вести ее было исключительно трудно. В Россию империалисты направляли такие части, которые меньше других были подвержены революционному влиянию и считались наиболее надежными. Командование союзными войсками интервентов в Сибири и на Урале все силы прилагало к тому, чтобы уберечь солдат от общения с трудящимися массами, особенно с рабочими.

В войсках интервентов все время велась антикоммунистическая, антисоветская пропаганда. Иностранным солдатам нелегко было разобраться в сложной обстановке в России, понять подлинные причины хозяйственной разрухи, голода и т. д. Коммунистам, развертывавшим работу в иностранных войсках, все это приходилось учитывать. В Сибири, на Урале и Дальнем Востоке имелись американские, канадские, английские, японские, французские, итальянские, румынские, китайские, сербские, чехословацкие, польские и другие войска. Они делились как бы на две группы: те, которые вторглись на территорию нашей страны извне (американские, английские, японские, канадские и др.), и остальные, сформированные в России из военнопленных (чехословацкие, польские, сербские и др.)

¹ Газета «Вестник Забайкалья» (Чита), 21 сентября 1919 г.

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 124, л. 2, 3; см. также «Годы и люди», стр. 107

Длительное время находясь в России, чехи, словаки, сербы, поляки научились понимать русский язык, жизнь страны, события в ней. Часть их сородичей — бывших военнопленных сражалась в рядах Красной Армии, другие за отказ участвовать в борьбе на стороне империалистов были брошены в концентрационные лагеря и тюрьмы. Вести революционную работу в этих войсках было легче. В них подпольные организации Урала и Сибири направляли в качестве «добровольцев» коммунистов, которые организовывали подпольные группы.

В иностранных войсках распространялись тысячи листовок. Часть листовок в некоторых городах печаталась на иностранных языках — английском, японском, чешском и др. В листовках содержался призыв к прекращению интервенции, к отказу солдат от борьбы с партизанами, трудящимися. Коммунисты советовали солдатам требовать от офицеров и генералов отправки частей на родину и призывали к революционной борьбе, к участию в вооруженных восстаниях, переходу на сторону партизан.

В ряде случаев общегородские большевистские организации через подпольные группы руководили борьбой иностранных солдат, готовили их к вооруженным выступлениям. Большое внимание работе в польских частях уделяли коммунисты Новониколаевска. Начальник контрразведки в Новониколаевске летом 1919 года отмечал, что большевистски настроенных солдат-поляков очень много и некоторые части могут выступить по призыву большевиков. По сведениям польского коммуниста Э. С. Стефанского, работавшего среди солдат, уже в начале весны в польских частях новониколаевского гарнизона имелось шесть революционных групп: в железнодорожной роте около 18 человек, в 4-м пехотном полку — 22, во 2-м пехотном полку — 10, в автоколонне — 50, в двух эскадронах улан — 20 и в механических мастерских — 7 человек. Но это не полный перечень подпольных групп в белопольских войсках. Так, в 1-м полку, побывавшем осенью 1918 года на фронте, также была подпольная группа; 9-я рота состояла, по мнению контрразведки, «почти сплошь из одних большевиков»¹.

¹ См. И. Матвеев. У истоков 1959, стр. 46; ЦГАОР, ф. 236, вечной дружбы. Новосибирск, оп. 1, д. 36, л. 32 и др.

Подпольные группы в польских войсках не были изолированными. Их объединял единый подпольный центр, связанный с Новониколаевским общегородским комитетом и работавший под его руководством. Поляки требовали возвращения на родину, прекращения войны. В некоторых частях пропаганда велась почти открыто. Часть польских солдат перешла на сторону партизан.

Наиболее многочисленными в Сибири были чехословацкие части. Летом чехословацкий белый корпус сыграл роль ударной силы контрреволюции в свержении Советской власти. Прошли месяцы. Солдаты, поверившие вначале лживому утверждению, будто Советская республика не выпускает корпус на родину, все яснее понимали, что оказались слепым орудием международной реакции и были вовлечены в братоубийственную войну. После нескольких крупных выступлений солдат против отправки их на фронт в начале 1919 года части корпуса были отведены в тыл и использовались на охране железнодорожной магистрали, в борьбе с партизанами и трудящимися в городах. Сотни и тысячи солдат-чехословаков арестовывались, направлялись в лагеря и тюрьмы за отказ принимать участие в войне. Среди арестованных было немало коммунистов и сочувствующих им. Летом подпольные группы, имевшиеся во всех чехословацких частях, как правило, были связаны с местными большевистскими организациями, получали от них помощь. В связи с концентрацией нескольких полков чехословацкого корпуса в Иркутске, Черемхово, на некоторых близлежащих станциях важное место в работе иркутских коммунистов заняла агитация в этих частях.

В мае — июне происходили волнения в 1, 3 и 4-м чехословацких полках. Выступления против реакционного руководства в корпусе продолжались и позднее. В ноябре деятельность коммунистов и интернационалистов в полках усилилась. Например, 11—13 ноября в частях проходили тайные собрания солдат. Во 2-й школе прапорщиков и 7-й роте 2-го полка вел революционную работу и выступал Красный Виктор, приехавший из-за линии фронта. На собраниях обсуждались различные вопросы революционной борьбы¹

¹ ЦГАОР, ф. 296, оп. 2, д. 3, л. 11; д. 12, л. 11.

В Красноярске революционная работа среди чехословаков достигла широкого размаха. В Николаевской слободе существовала подпольная организация, в которую входили рабочие-железнодорожники и 26 солдат-чехословаков. Организация была связана с партизанами А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина¹.

Под воздействием большевистской агитации участились случаи перехода чехословацких солдат на сторону партизан. В январе 1920 года разведотдел штаба чехословацкого корпуса доносил командованию, что на сторону восставших в Иркутске из 5-го, 8-го и других полков перешли 800 солдат, а из частей 3-й дивизии в партизанскую армию А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина ушли около 600 чехословацких солдат².

В Сибири и на Урале интервенты и белогвардейцы сформировали несколько сербских (югославских) частей, в частности полк в Томске. В его подразделениях коммунисты вели большую работу. Часть полка была выведена из города. Оставленная в Томске рота была распропагандирована целиком. Зимой 1918/19 года был сформирован «1-й Сербский королевский партизанский отряд» из отдельных рот и эскадрона, находившихся в Тюмени, Омске, Новониколаевске и других городах. Но в отряд вступали и русские. Среди солдат оказалось немало коммунистов и интернационалистов. Когда отряд из Сибири был переведен в Екатеринбург, подпольная работа в нем особенно оживилась. Организация возглавлялась Петровичем, Радаковичем, Малбашичем, Валаджией, Петровским, М. Волжаниным и др. Большая часть солдат была распропагандирована и подготовлена к вооруженному восстанию. Как боевая единица для белогвардейцев этот «королевский» отряд перестал существовать. Все попытки командования направить его на фронт ни к чему не привели. Солдаты открыто требовали отправки на родину, прекращения войны. В ночь на 4 июля организация подняла отряд на восстание, но оно было подавлено. Подпольщики в большинстве успели скрыться на квартирах знакомых рабочих, дождались прихода Красной Армии и приняли участие в

¹ ЦГАОР, ф. 147 оп. 10, д. 89, л. 3.

² См. И. Матвеев. У истоков вечной дружбы, стр. 57

восстановлении в Екатеринбурге Советской власти и партийной организации¹.

В Томске и Нижнеудинске сербские войска принимали участие в вооруженных восстаниях и восстановлении власти Советов.

Революционная работа достигла большого размаха и в румынских частях, сконцентрированных главным образом в Иркутске. Колчаковцы признавали, что в румынских войсках, охранявших железную дорогу и пленных красноармейцев, начинает чувствоваться влияние большевиков. Эти сведения относились еще к февралю 1919 года. Весной румынские солдаты стали категорически отказываться идти в бой против партизан. В дальнейшем при соприкосновении с партизанами в Иркутской и Енисейской губерниях они сотнями переходили к партизанам².

Революционная работа в американских, английских, канадских, японских войсках в основном сводилась к распространению листовок и агитации. Так, в Красноярске с прибытием в город английской части комитет с помощью профсоюзного работника Каликеса выпустил обращение к солдатам на английском языке³.

Значительную работу в войсках интервентов вели иркутские, верхнеудинские, читинские коммунисты. Листовка на английском языке (на гектографе) была распространена среди американцев верхнеудинцами⁴.

Осеню и особенно зимой 1919 года жалкую картину представляли многие колчаковские части. В некоторых полках оставалось по несколько десятков солдат, которые почти не скрывали своей ненависти к офицерам. Попытки офицеров «подтягивать» солдат нередко приводили к противоположным результатам: солдаты избивали офицеров, нередко уничто-

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1256, л. 30—47; ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 76, л. 89; ЦГАОР, ф. 3825, оп. 1, д. 7, л. 407 П Голуб в статье «В совместной борьбе за победу Октября» (журнал «Славяне», 1957, № 8, стр. 25) пишет, что «колчаковцам удалось сформировать из югославов лишь один так называемый Томский полк». Это неверно. Помимо названных

частей имелся полк в Челябинске, зимой в Красноярске находились два сербских эскадрона (ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 77, л. 278 и др.).

² ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 76, л. 483.

³ См. «Годы огневые», стр. 44.

⁴ См. «Борьба за Советы в Бурят-Монголии», стр. 31.

жали, переходили на сторону советских войск или разбегались. Победы Красной Армии, самоотверженная подпольная работа большевиков среди солдат лишали контрреволюционные силы войска их главного орудия в борьбе за сохранение своей власти.

6 Большевики во главе борьбы трудящихся масс за полный разгром колчаковщины

Провал весеннего наступления колчаковской армии, стремительное продвижение советских войск на Урал, усиление многими подпольными организациями работы в массах привели к нарастанию вооруженной борьбы трудящихся во всех губерниях. Происходят десятки крупных вооруженных восстаний в городах и селах, многие из которых колчаковцам так и не удалось подавить. Кульминационного развития достигло партизанское движение. По существу борьба трудящихся Урала и Сибири вылилась во всеобщее вооруженное восстание.

На Урале до начала лета 1919 года партизанское движение не приобретало широкого размаха, хотя отряды имелись во всех основных районах. Дело заключалось в том, что при высокой насыщенности уральских городов, заводских поселков и даже многих сел белогвардейскими войсками не представлялось возможным добиться в развертывании партизанского движения тех результатов, которые были достигнуты в Сибири, особенно в Енисейской и Иркутской губерниях и в Забайкалье. Сказывались и результаты больших потерь, понесенных трудящимися Урала в 1918 году, и то, что огромная масса рабочих и крестьян-бедняков ушла тогда из родных мест с частями Красной Армии и партизанским соединением В. К. Блюхера.

Часть отрядов возникла стихийно из группировавшихся в лесах и горах дезертиров, рабочих и крестьян, уклонившихся от мобилизации. Небольшие партизанские отряды, часто пассивные и плохо организованные, имелись близ Верхней Туры, Березовска, Сысерти, Первоуральска, Камышлова, Нязепетровска, Шадринска, Алапаевска и других городов.

Они причиняли большое беспокойство врагу, выводили из строя железную дорогу, разрушали мосты, устраивали крушения воинских эшелонов, совершали нападения на воинские подразделения и обозы¹

Из рано возникших на Урале отрядов, сыгравших большую роль, можно назвать Михайловский, Уральский (Карабашский), Юрюзанский. Созданный под руководством коммунистки Е. Н. Язьковой и других подпольщиков Михайловский отряд в мае 1919 года насчитывал 200, а к началу июля — 300 человек. Партизаны разгромили два небольших карательных отряда, напали на конвой и освободили группу политзаключенных, уничтожили военный склад близ Нязепетровска, вывели из строя телефонно-телеграфную линию, устроили несколько крушений воинских эшелонов. Под одно из них попал эшелон штаба сводного конного корпуса².

Сформированный в районе озера Увильды в апреле 1919 года под руководством троицкой и челябинской подпольных организаций, Уральский (Карабашский) отряд к июню вырос до 70—80 человек. Он постоянно разбирал железнодорожную линию, разоружил три белогвардейских отряда, захватил обоз и пленных, затем занял и вместе с рабочими в течение нескольких дней, пока не пришла Красная Армия, удерживал Карабашский завод³

Отрядов, подобных Михайловскому, Уральскому, а также Миньярскому и Симскому (о них речь шла выше), в Уфимской и Пермской губерниях существовало несколько. Еще больше их возникло в результате вооруженных выступлений рабочих и крестьян при приближении Красной Армии. Можно указать на Нижнеуфалейский и Надеждинский отряды, отряды в районе Кизела, Лысьвы, Алапаевска. Алапаевская подпольная группа во главе с А. Г. Коробкиным, Г. Черепановым и другими организовала из ушедших из города рабочих и солдат отряд численностью до 200 человек. Им командовал Герман Черепанов. Отряд Черепанова совместно с другими, более мелкими с помощью восставших

¹ ГАСО, ф. 1200, оп. 1, д. 41, л. 67, 68; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1452, л. 19—22 и др.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 161; ф. 221, оп. 2, д. 662, л. 5;

ГАСО, ф. 1200, оп. 1, д. ф-65, л. 3—14.

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 758, л. 20—33; см. «В борьбе за власть Советов». Свердловск, стр. 219, 220.

рабочих 20 июля с боем овладел Алапаевском. В городе восставшие навели революционный порядок. Пришедшей 23 июля сотне красных разведчиков, а затем основным силам наступавших на этом участке частей Красной Армии была устроена торжественная встреча¹

Восстания рабочих и нападения на отступающие белогвардейские части имели место в районе Тагила, Висимо-Шайтанского и других заводов на Среднем Урале².

На Южном Урале Троицкий военно-революционный штаб создал два партизанских отряда: один в городе во главе с Д. А. Михайлютой в составе примерно 30 человек, другой в Новотроицком поселке. Командиром последнего был назначен И. И. Дудинский. 28 июля в отряд Дудинского вступило около 30 вооруженных солдат-подпольщиков из 21-го стрелкового полка³. По мере захвата оружия за счет жителей Новотроицкого поселка и разоруженных солдат к 1 августа отряд вырос до 500—550 человек и был хорошо вооружен.

Новотроицкий отряд, продвигаясь навстречу советским войскам, 2 августа выдержал тринадцатичасовой кровопролитный бой с колчаковцами и, прорвав линию фронта, соединился с красноказачьим полком имени Степана Разина. Совместными усилиями бойцов этого полка и партизан 5 августа был освобожден Троицк⁴.

Летом на Урале произошло одно из наиболее крупных и успешных восстаний — в Челябинске. Оно готовилось долго и тщательно. Когда части 5-й Красной Армии приближались к Челябинску, командующий 3-й армией белых генерал Сахаров, совершивший карьеру благодаря зверской расправе над кустанайскими повстанцами в апреле 1919 года, поставил задачу удержать город. Для его прикрытия был составлен сводный отряд из нескольких частей. 23 июля начались бои на подступах к городу. В это время подпольная организация закончила последние приготовления к восстанию и начала его в ночь на 24 июля. Рабочие, главным образом же-

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2226, л. 115—117; газета «Уральский рабочий», 29 августа 1919 г.

² ЦГАОР, ф. 1423, оп. 2, д. 35, л. 7; газета «Приишимье» (Петропавловск), 10 августа 1919 г.

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 567, л. 42; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 50.

⁴ См. П. С. Лучевников. Гражданская война на Южном Урале, стр. 139—141.

лезнодорожники, вступили в схватку с врагом за овладение железнодорожным узлом. Они организовали крушение бронепоезда на выходных стрелках и заклинили главный путь. Одновременно было разобрано железнодорожное полотно близ разезда Шершни. На станции завязался горячий бой. Удар с тыла ошеломил колчаковцев. Распространились слухи, что в тыл прорвалась крупная красноармейская часть. Началась паника. Белогвардейцы заметались между двумя огнями, бросали оружие и снаряжение. В город утром 24 июля ворвались красные — 243-й полк и часть 242-го. Остатки дезорганизованного сводного отряда белых бежали. Восстание рабочих оказало большое влияние на исход борьбы за город. В руки Красной Армии попали большие трофеи: 2 бронепоезда, 32 паровоза, 3 тысячи вагонов с углем и военным имуществом, подготовленным к эвакуации оборудованием, около 1500 пленных¹

В восточной части Челябинского уезда, в Шадринском уезде, в Зауралье летом 1919 года возникло много партизанских отрядов, происходили восстания в селах. Многие из партизанских, так называемых кустарных отрядов остаются неизвестными. О некоторых из них встречаются отрывочные сведения в белогвардейских сводках и докладах. Так, в одном из таких документов говорится, что в Шадринском уезде около деревень Кнутово и Лаптево летом имелся отряд, насчитывавший до тысячи человек при двух пулеметах²

«Кустарные» отряды состояли главным образом из дезертиров и укрывавшихся от мобилизации крестьян. Многие из них возникали стихийно и значительной роли не играли. Другие создавались подпольными организациями и группами. Так, в селе Балинском был организован партизанский отряд в 60 бойцов под руководством членов камышловской подпольной группы В. Е. Черноскутова и П. С. Табачникова³.

В Петуховской волости летом действовал партизанский отряд из 500 человек. Его командиры были связаны с ишим-

¹ Государственный архив Челябинской области (ГАЧО), ф. 627, оп. 1, д. 259, л. 4; газета «На Красный Урал», 7 августа 1919 г.; «Правда», 6 августа 1919 г.

² ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 17, ч. 1, л. 162; ф. 1476, оп. 1, д. 4, л. 37.

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2266, л. 5—11 (Воспоминания П. С. Табачникова).

ской подпольной организацией. Отряд возглавлялся «Оперативным штабом Омского направления Сибирских советских войск» во главе с военным руководителем Всеволодовым и комиссаром Анисимовым¹.

Таким образом, на Урале и в Зауралье весной и летом 1919 года имелось большое число партизанских отрядов, в общей сложности несколько десятков. Некоторые отряды состояли полностью или в значительной части из рабочих.

Западная Сибирь представляла собой арену более широкого и массового партизанского движения. Но до лета 1919 года резкого скачка в его нарастании не было и здесь. В конце весны наблюдался процесс увеличения численности и активизации действующих и возникновения новых, сравнительно небольших отрядов. В это время таких восстаний, в результате которых могли бы образоваться партизанские соединения или крупные отряды, почти не происходило. Исключение составляло лишь восстание крестьян в Томском уезде. Оно было подготовлено Томским комитетом РКП(б), непосредственно его представителями во главе с коммунистом И. С. Гончаровым-Толкуновым. Действуя в Новокукушской, Митрофановской, Вороно-Пашинской волостях Причудымья, томские и местные коммунисты и беспартийные члены подпольной организации создавали нелегальные отряды (дружины), запасали оружие. Вооруженное восстание началось 21 апреля. Были заняты поселок Новопокровский (Кулеры) и Ксеньевка Новокукушской волости, а в последующие дни восстание охватило села Новокукушской, Вороно-Пашинской, Митрофановской, Бауровской волостей. Был создан партизанский отряд сначала примерно в 150, а затем в 600 человек. Его командиром стал Гончаров. В волостных селах и деревнях создавались революционные комитеты. В конце апреля восставшие провели несколько успешных боев, но в начале мая под нажимом крупных сил противника вынуждены были уйти за Чулым².

Томский большевистский комитет возглавлял партизанское движение практически во всей губернии. Он действовал через тайгинскую, анжерскую, судженскую, кольчугинскую

¹ ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 20 б, л. 209—210.

² ПАО, ф. 5, оп. 2, д. 1185, л. 1—3, 6—8 (Воспоминания

И. Кровельщикова и Ф. Н. Савина); см. также «Борьба за власть Советов в Томской губернии», стр. 426—428.

и другие организации и непосредственно. Во второй половине апреля или начале мая 1919 года в Томске состоялся съезд (конференция) представителей партизанских отрядов, действовавших в Томской и части Енисейской губернии. Его задачей было объединение действий всех отрядов. На съезде выяснились численность и вооружение отрядов, их взаимоотношения с трудящимися массами крестьянства. Представители отрядов указывали, что партизаны хорошо снабжаются крестьянами продовольствием, снаряжением, получают от населения всемерную поддержку. Это было результатом растущей ненависти трудового крестьянства к Колчаку, поворота середняка на сторону Советской власти, активизации бедноты и батрачества. На съезде, которым руководил представитель Томского губкома В. С. Митряев, для координации действий всех отрядов был избран штаб в составе пяти человек. Среди них был коммунист П. Ф. Лапшин, выезжавший в Сибирское бюро ЦК для информации о съезде и партизанском движении в Сибири¹

В марте после поражения кольчугинского восстания, в деревне Березовке Щегловского уезда был создан районный штаб по подготовке вооруженного восстания и развитию партизанского движения. В него вошли командир партизанского отряда Г. Д. Шувалов (Иванов) и руководители сельской подпольной организации А. Н. Геласимова и П. Ф. Федорев. Березовский штаб и руководивший его работой Щегловский подпольный комитет, как и коммунисты Кольчугино, сделали немало по развитию партизанского движения и оказанию ему помощи².

Но к началу лета в Томской губернии действовали только разрозненные отряды, для их объединения еще не было условий. Подобная же картина наблюдалась в Акмолинской и Алтайской губерниях, в Семипалатинской и Тургайской областях. В дальнейшем в Западной Сибири наступил резкий перелом, возникают крупные отряды и соединения.

В процессе развития кыштовского восстания, начавшегося в конце июня и охватившего десятки волостей Тарского,

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506 л. 32, 33.

² Выступление Г. Д. Шувалова на тематической группе Военно-научного общества при ЦМСА

в мае 1963 года (личный архив автора). См. также А. Н. Геласимова. Записки подпольщицы. М., 1967, стр. 83.

*Алтайские партизаны у само-
дельной пушки (лето 1919 года)*

Татарского и Каинского уездов, число партизан, вооруженных винтовками, уже к середине июля достигло 2 тысяч человек, а общее число повстанцев было в несколько раз больше. Во всех трех уездах повстанцы, имевшие единый «генеральный штаб», в июле действовали успешно. Так, в Каинском уезде Томской губернии карательный отряд, пытавшийся разгромить партизан в Урмане, понес большие потери, бежал в уездный центр. К 20 июля партизаны заняли почти всю северную от железной дороги часть уезда. Но после ряда побед, достигнутых в ходе ожесточенных боев, партизан постигли неудачи. Однако значительная часть сил была сохранена. Партизаны сражались с колчаковцами вплоть до прихода Красной Армии¹.

На Алтае партизанские отряды создавались, как правило, сельскими большевистскими группами и организациями. Сами они становились ядром того или иного отряда, его цементирующей и руководящей силой. Но до августа 1919 года на Алтае имелось несколько небольших отрядов, в том числе

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 1, д. 19, л. 265; см. М. И. Дьяков. *В партизанском отряде* (в кн.: «В огне

революции и гражданской войны», стр. 169—178).

отряды Е. М. Мамонтова и И. В. Громова, действовавшие в Славгородском и Каменском уездах.

На протяжении многих месяцев Алтайская губерния по развитию партизанского движения отставала от ряда других районов Сибири. На это были свои причины. Летом и осенью 1918 года крестьянская беднота Алтая показала чудеса героизма в нескольких крупнейших восстаниях, в том числе в славгородском. Восстания были подавлены с чудовищной жестокостью, трудовое крестьянство многих десятков сел было обескровлено. После этого трудно было ожидать крупных выступлений в ближайший период. Барнаульский комитет, имевший непосредственную связь с многими сельскими организациями, уже с осени 1918 года взял курс на тщательную подготовку восстания и проведения его в тот момент, когда сложатся благоприятные условия, в частности когда Красная Армия освободит Урал и будет на пороге Сибири. На это ориентировались и сельские организации. Результатом большой подготовительной работы явилось вооруженное восстание трудящихся крестьян, начатое в августе. Оно с необыкновенной быстротой стало всеобщим, и Алтайская губерния сразу же по размаху партизанского движения выдвинулась в Сибири на первое место.

Руководимая Барнаульским комитетом РКП(б) подпольная организация в Зимино летом 1919 года охватила революционной работой огромный район. Как отмечали колчаковцы, «сфера деятельности организации расширилась в отношении пространства весьма значительно и уже обнимала собой почти все села Барнаульского, Бийского, Змеиногорского и Усть-Каменогорского уездов»¹.

Успешно действовали и другие крупные сельские подпольные организации (в районе Быстрого Истока, Усть-Камышенки, Вострово-Солоновки, Камня, Усть-Мосихи, Топольного).

2 августа началось одно из крупнейших восстаний в Сибири — зиминское. Следом восстали крестьяне во всех уездах губернии и уже в августе восстание стало всеобщим. В числе партизанских командиров были коммунисты и беспартийные, из бывших фронтовиков, а также левые эсеры, но

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 1 б, л. 133.

Е. М. Мамонтов

почти все они к тому времени фактически порвали со своей партией.

К 7 октября завершилось объединение крупнейших партизанских отрядов ряда уездов, их переформирование в полки. Восемь полков, насчитывавших до 15 тысяч человек, составили Западно-Сибирскую крестьянскую Красную Армию. Главнокомандующим ее стал беспартийный крестьянин Е. М. Мамонтов, командиром корпуса, в который были сведены все полки, — коммунист И. В. Громов. Большую роль в руководстве партизанским движением и в восстановлении

Советской власти сыграл Западно-Сибирский областной исполнительный комитет (облаком) во главе с коммунистом П. К. Голиковым, созданный еще 10 сентября.

В ноябре 1919 года, после разгрома крупной группировки колчаковцев в районе Солоновки, партизанская армия была развернута в два корпуса. В нее входила также отдельная 6-я Горно-Степная дивизия Ф. И. Архипова. По сведениям Я. П. Жигалина, начальника штаба при Главкоме, партизанская армия насчитывала около 40 тысяч человек, имевших 17 тысяч винтовок, свыше 100 пулеметов, 11 артиллерийских орудий, 3 бронепоезда. Кроме нее на Алтае возникли еще два крупных соединения — 1-я Горно-Алтайская дивизия под командованием беспартийного И. Я. Третьяка и 1-я Чумышская дивизия во главе с бывшим руководителем Барнаульского штаба коммунистом М. И. Ворожцовым. С этими соединениями Барнаульский большевистский комитет поддерживал наиболее тесные связи. С другими частями армии Мамонтова — Громова непосредственные связи были налажены несколько позднее¹.

¹ См. «Партизанское движение 1920 гг.», стр. 480—494; 625—629; «За власть Советов», стр. 123.

В военном штабе при Барнаульском губернском подпольном комитете концентрировались сведения о силах, расположении и планах противника, которые удавалось добывать из районов крестьянских восстаний. Всю эту информацию подпольный штаб направлял тем отрядам, с которыми в сложной обстановке удавалось поддерживать связь¹.

Освобожденные уезды Алтая становились огромным советским краем во вражеском тылу «Охваченная восстанием территория, — писали 1 ноября колчаковцы, — разбита на волостные участки с районными штабами, комиссарами, при которых созданы отряды для поддержания внутреннего порядка, реквизиции транспорта и подготовки мобилизованных»²

С помощью Барнаульского комитета коммунисты в партизанских частях успешно вели борьбу за разоблачение, изоляцию и разгром эсеров-анархистских и кулацких элементов. Так, 1-я Чумышская дивизия родилась в процессе острой борьбы с Роговым, Новоселовым и их сторонниками, именовавшимися анархистами и препятствовавшими росту партизанского движения и восстановлению Советской власти.

Со второй половины ноября, когда части Красной Армии стали приближаться к Алтаю, партизанские полки и отряды начали освобождать города. 19 ноября был освобожден Славгород, 28 ноября — Камень.

Часть полков армии Мамонтова направлялась на освобождение Семипалатинска, где колчаковцы имели многочисленный гарнизон. В эти дни в завершающую стадию вступила подготовка в городе вооруженного восстания. В центр по его подготовке и проведению вошли коммунисты М. Н. Соломоденко, А. Е. Попов, меньшевик-интернационалист В. А. Курамжин, беспартийные В. К. Гаркунов, И. М. Баранюк, А. Ф. Рыбак и др.³

Подпольный центр принял решение начать восстание 30 ноября вечером, поручив командовать отрядами восставших штабс-капитану И. М. Баранюку. Все подпольные ор-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 4, л. 48, 49.

² ЦГАОР, ф. 310, оп. 1, д. 67, л. 72.

³ ПАСО КПК, ф. 103, оп. 1, д. 30, л. 2 (Воспоминания

М. Д. Козова); газета «Степная правда» (Семипалатинск), 1 декабря 1920 г.; «Партийная жизнь Казахстана», 1962, № 12, стр. 49, 50.

ганизации были приведены в боевую готовность. В ночь на 1 декабря 1919 года восстание победило.

1 декабря создается Семипалатинский военно-революционный комитет. В него вошли коммунисты А. Е. Попов, М. Н. Соломоденко, Григорьев (Гершевич), меньшевики-интернационалисты В. А. Курамжин и М. П. Усырев, а также левый эсер И. М. Иванов и беспартийные И. М. Баранюк, М. Д. Кохов, В. К. Гаркунов, Бурмистров, Кокурин, Калистратов, В. М. Гузеев, А. Ф. Рыбак и Морозов¹.

В тот же день комитет образовал военно-революционный штаб. Его начальником был назначен И. М. Баранюк, а политическим комиссаром член партии с 1905 года Григорьев (Гершевич). Комитет постановил также «принять в число членов военно-революционного комитета с правом решающего голоса 3-х представителей Алаш-Орды, областного земства и с правом совещательного голоса от Семипалатинского уездного земства»²

Председатель военно-революционного комитета был избран только на втором заседании — 4 декабря. Им стал В. А. Курамжин.

Как видно, семипалатинское вооруженное восстание имело ту особенность, что в его руководстве принимали участие преимущественно беспартийные подпольщики, а также несколько представителей разных мелкобуржуазных партий. Временный орган Советской власти — военно-революционный комитет был еще более пестрым по составу. Вероятно, этим и объясняются глубоко ошибочные решения включить в революционный орган представителей антисоветских, реакционных организаций и выпустить из тюрьмы арестованных вечером 30 ноября колчаковских офицеров. Было и еще одно особое обстоятельство: когда в город приехал командир 3-го корпуса партизанской армии эсер Козырь, он, опираясь на своих сторонников, начал гонения на коммунистов и наиболее активных сторонников Советской власти. Первым в освобожденный Семипалатинск под вечер 3 декабря вступил торжественно встреченный военно-революционным комитетом и трудящимися 10-й Змеиногорский полк, командиром которого был большевик Я. К. Шумский.

¹ ПАСО КПК, ф. 103, оп. 1, д. 21, л. 15.

² ПАСО КПК, ф. 103, оп. 1, д. 21, л. 15.

После прибытия вслед за ним Козыря, начавшего защищать арестованных офицеров, эсеров, меньшевиков, Шумский направляет Е. М. Мамонтову телефонограмму: «Доношу, что я больше не в силах командовать вверенным мне полком, так как я, борющийся 7 месяцев за идею большевиков и за свободу и революцию, также не могу выносить того, что есть у нас. Командир корпуса Козырь не признает идей большевизма, а также советские войска. Я этого не выношу и довожу до вашего сведения и сдаю полк. Поеду к вам для переговоров»¹.

В связи с прибытием в Семипалатинск 10—11 декабря первых частей Красной Армии обстановка изменилась. Козырь за отказ признать Советскую власть и присоединить партизанский корпус к Красной Армии в январе 1920 года был смещен. (В дальнейшем он возглавил кулацкие банды и был уничтожен вместе с ними.)

В первых числах декабря партизаны начали наступление на Барнаул, где положение колчаковцев было уже критическим, так как 5-я Красная Армия быстро продвигалась к Новониколаевску и угрожала отрезать им путь отхода по железной дороге. Непокойно было и в самом городе, где подпольная организация готовила вооруженное восстание. Барнаульский комитет большевиков и штаб располагали значительными силами. Помимо подпольных ячеек рабочих к восстанию были подготовлены целиком железнодорожный батальон, 3-я рота 3-го белогвардейского полка и другие отряды.

Перед восстанием в союзники стали настойчиво напрашиваться подпольные группы эсеров и меньшевиков, с которыми имелась связь. По поручению большевистского комитета с ними вел переговоры А. Балеевский. Он руководствовался строгой инструкцией: от единого фронта, от помощи мелкобуржуазных групп не отказываться, но предложение создать коалиционный орган власти категорически отвергать².

В результате переговоров было решено боевые группы левых эсеров и меньшевиков в восстании использовать, подчинив их большевистскому штабу.

¹ «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 456, 462, 463.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1014, л. 37; оп. 3, д. 147, л. 10—12 (Воспоминания А. Балеевского).

В момент эвакуации колчаковцев в ночь с 9 на 10 декабря была начата борьба за город. Восставшие отбили железнодорожный мост через Обь, предотвратили его взрыв, освободили политзаключенных. Об очищении города от белых немедленно было сообщено партизанам. Утром в Барнаул вступил 7-й полк «Красных орлов», сломивший на подступах к городу сопротивление колчаковского арьергарда. Власть в городе перешла к ревкому в составе шести коммунистов и левого эсера. Включение в ревком (да еще в качестве председателя) левого эсера Ю. А. Сандомирского, правда, активно работавшего в подполье под руководством большевистского комитета и штаба, не вызывалось никакой необходимостью: практически все силы не только рабочих, но и восставших солдат были на стороне коммунистов¹.

Ревком проводил политику Коммунистической партии. В городе и губернии была восстановлена Советская власть.

Широкого размаха достигло партизанское движение в Томской губернии перед вступлением в ее пределы Красной Армии. Число восставших резко возросло в ноябре и особенно в декабре. Крупное восстание произошло в начале декабря в Щегловском уезде, распространившееся затем на Кузнецкий и Мариинский уезды. Оно было подготовлено и начато по инициативе Березовского подпольного штаба, возглавлявшегося П. Ф. Федорцом. Восставшие крестьяне вливались в партизанские отряды Г. Д. Шувалова-Иванова, Кузнецова и другие и группировались в новые отряды, вскоре объединенные в партизанскую армию. 21 декабря она была реорганизована в 1-ю Томскую советскую дивизию во главе с В. Шевелевым².

В декабре Красная Армия, партизаны, восставшие рабочие, солдаты и крестьяне завершили освобождение от колчаковцев всей территории Томской губернии. Произошли восстания в Новониколаевске, Кольчугино, Томске, Тайге.

Новониколаевск был освобожден частями 27-й стрелковой дивизии 14 декабря. Красноармейцам оказали помощь в борьбе за город отдельные рабочие отряды и группы во главе

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 4, л. 49; см. также «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 487

² См. «Борьба за власть Советов в Томской губернии», стр. 491—509.

с коммунистами. Общего вооруженного восстания в городе поднять не удалось. Сражение частей Красной Армии за Новониколаевск было одним из крупнейших. Здесь колчаковским войскам было нанесено такое поражение, после которого они почти безостановочно откатывались к Красноярску. 5-я Красная армия в районе Новониколаевска захватила в плен более 30 тысяч человек, в том числе 2 тысячи офицеров и 30 генералов, а также огромные трофеи: около 200 орудий, 100 пулеметов, 50 тысяч винтовок, 300 паровозов, 20 тысяч вагонов, огромное количество боеприпасов.

Разгром колчаковских войск под Новониколаевском непосредственно отразился на положении частей 1-й Сибирской белой армии генерала Пепеляева, сосредоточенной в основном в Томске. Пепеляев еще в первой декаде декабря намеревался дать частям Красной Армии бой. После освобождения Красной Армией Новониколаевска генерал Пепеляев отдал приказ об эвакуации белогвардейских частей и ценностей через станцию Тайга на восток. Буржуазные слои населения охватила невероятная паника. Томский большевистский комитет решил, что пора начинать восстание. Момент, когда колчаковцами будет начата, но не развернута еще в полной мере эвакуация, правильно рассматривался как наиболее подходящий для восстания. Ведя борьбу за войско, томские коммунисты в ноябре и первой половине декабря достигли особенно крупных успехов в создании нелегальных солдатских революционных ячеек, в распропагандировании частей. Томский комитет ставил задачу лишить генералов их войск, удерживать в городе как можно больше частей, сорвать эвакуацию ценностей, нанести удар по тем частям, которые оставались верными Колчаку².

Началось восстание 16 декабря, в момент эвакуации гарнизона.

Вечером 16 декабря был сформирован военно-революционный комитет. В него вошли коммунисты Я. Д. Янсон (председатель), К. М. Молотов, Т. Екишев — всего пять человек. Затем он был расширен до девяти человек, причем за счет мелкобуржуазных партий. Член большевистского коми-

¹ См. М. Н. Журавлев, Г. Н. Юдахин. *Большевики Новониколаевска в период иностранной воен-*

ной интервенции и гражданской войны, стр. 60.

² ПАНУ, ф. 5, оп. 2, д. 632, л. 11.

тета А. И. Галунов отмечал, что новый состав ревкома, ставшего уже легальным, был сконструирован после бурного обсуждения. Большинство членов комитета РКП(б) и ревкома высказалось за включение одного левого эсера, одного меньшевика, одного анархиста и одного представителя инициативной группы эсеров (правых) ¹.

Таким образом, состоялся блок с мелкобуржуазными партиями, включение их представителей в ревком, хотя для вовлечения в восстание той части рабочих и солдат, которые еще шли за мелкобуржуазными партиями, достаточно было их представительства в штабе: это вошло в практику еще до 16 декабря.

Вечером 16 декабря и ночью город был захвачен восставшими. Пепеляев с группой офицеров бежал. Утром 17 декабря в обращении к населению военно-революционный комитет известил о восстановлении в городе Советской власти.

Военно-революционный комитет и штаб приняли экстренные меры к наведению революционного порядка в городе, вооружению рабочих и возвращению в Томск выведенных из города частей и обозов. В распоряжении ревкома и штаба оказались многие полки, отдельные подразделения и службы. Основу революционного гарнизона составляли хорошо вооруженный Коммунистический отряд рабочих дружин. 20 декабря в город вступил Уральский полк 30-й дивизии Красной Армии. 26 декабря был назначен Томский губревком в составе Чистякова, Крылова и А. А. Карлова ²

В освобождении от колчаковцев Восточной Сибири, в пределы которой к концу 1919 года вступила 5-я армия красных, также активно участвовали вооруженные отряды рабочих, солдат и крестьян.

Енисейская губерния летом и осенью 1919 года продолжала оставаться партизанским краем. Численность отрядов все время нарастала.

Для борьбы против партизан Енисейской и Иркутской губерний колчаковцы в мае 1919 года создали группировку

¹ ПАТО, ф. 4204, оп. 3, д. 29, л. 26; д. 31, л. 10.

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 4,

л. 120; см. «Борьба за власть Советов в Томской губернии», стр. 497—515.

войск численностью до 12 тысяч русских и иностранных солдат и офицеров при 25 орудиях и 50 пулеметах. Эти силы они вынуждены были все время наращивать. На правах командира корпуса карательные войска возглавил генерал-лейтенант Розанов.

Партизаны на некоторых участках оказались в тяжелом положении. Розанов стал концентрировать основную массу войск на различных партизанских фронтах поочередно. Вначале нанесен был удар партизанам А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. После упорных оборонительных боев партизанская армия 15 июня направилась в Урянхайский край. В строю оставались всего 1370 бойцов, с ними было около 300 раненых и более 2 тысяч беженцев. Немало партизан решило остаться в родных краях и продолжать борьбу мелкими отрядами.

Кравченко рассчитывал южными районами дойти до Семиречья и соединиться с Красной Армией. Но в дальнейшем этот план был пересмотрен. Преодолев расстояние в 500 километров, партизаны в июле вступили в Белоцарск (Кызыл). Во второй половине августа, имея в своих рядах не более тысячи человек, они нанесли жестокое поражение отряду белогвардейцев в 1500—2000 штыков и сабель. Не более десятой части колчаковцев спаслось, остальные были убиты, утонули в Енисее, пленены. Партизанам достались 2 орудия, более 10 пулеметов, сотни винтовок. Потери партизан были ничтожными — 37 убитых и 44 раненых¹.

После белоцарского боя, весть о котором быстро разнеслась по всему краю, начался новый этап борьбы партизанского соединения. Оно неуклонно увеличивается. Нарастают удары по врагу. С 8 сентября начался поход партизан в обратном направлении. Заняв 13 сентября Минусинск, партизаны надолго остались в этом районе. В городе был создан Совет рабочих и крестьянских депутатов, который вместе с руководителями соединения провел в Минусинском уезде огромную работу по привлечению добровольцев и оказанию помощи партизанам. К концу ноября партизанская армия увеличилась до 18 тысяч бойцов. Во второй половине ноября

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 16, л. 596; «Соха и молот», 23 сентября 1919 г. (газета партизан-

ского соединения Кравченко и Щетинкина).

она активизировала свои действия и перешла в решительное наступление в направлении на Ачинск и Красноярск¹.

Той же осенью, оправившись от некоторых неудач, вновь стали насеждать на колчаковцев в районе железной дороги тасеевцы. Численность войск Северо-Канской повстанческой армии к середине января 1920 года достигла 3 тысяч человек².

В это же время стало вновь нарастать партизанское движение в Южно-Канском районе и Красноярском уезде. С отрядами этих районов более тесно, чем с какими-либо другими, был связан Красноярский комитет РКП(б). Он провел две нелегальные конференции представителей партизанских отрядов и сельских подпольных организаций. Первая была проведена в мае в одном из сел под руководством Х. Я. Суудера и А. В. Байкова перед их отъездом в Иркутск. Вторая состоялась 7 сентября³.

На второй конференции, которой руководил председатель Красноярского комитета РКП(б) Н. Х. Молчанов, присутствовали 26 делегатов от организаций Большого Кемчуга, Малиновки, Антоновки, Ибрюля, станции Кемчуг и представители Знаменского отряда во главе с Н. М. Копыловым. Связь с партизанами еще больше укрепилась, усилилась помощь отрядам.

Знаменский отряд во главе с Н. М. Мощинским (Н. М. Копылов погиб в начале октября) действовал до прихода Красной Армии.

В конце декабря Енисейская губерния стала прифронтовым районом. Вдоль железной дороги в панике отступали остатки колчаковских войск. Они надеялись зацепиться в Красноярске и удержать город с помощью местного гарнизона. Но у местных колчаковцев войска фактически не было. В частях гарнизона работали коммунисты. Большая часть солдат была готова к восстанию вместе с рабочими.

Началось восстание в ночь с 3 на 4 января. К вечеру 4 января на стороне восставших рабочих, солдат железно-

¹ См. П. Е. Щетинкин. Партизаны Енисейской губернии (в кн.: «Годы огневые», стр. 169).

² См. «Годы огневые», стр. 299—302; «Документы героической борьбы», стр. 419.

³ ПАРК, ф. 64, оп. 1, д. 877, л. 1, 2; ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 88, л. 1—3; ПАТО, ф. 4204, оп. 4, д. 19, л. 29; д. 886, л. 10; см. «Документы героической борьбы», стр. 95.

дорожного батальона и инженерного дивизиона был уже весь гарнизон — около 8 тысяч бойцов. Город был освобожден без вооруженной борьбы. Но на другой день на подступах к нему начались тяжелые бои с колчаковскими частями. В наступлении на город приняло участие свыше 15 тысяч солдат и офицеров. Восставшие выдержали натиск врага и 6 января перешли в контрнаступление. К вечеру колчаковские части были разбиты общими усилиями восставших, частей 30-й дивизии Красной Армии и партизан. Остатки вражеских войск бежали тайгой на северо-восток от Красноярска и стали пробираться к Иркутску.

На рассвете 8 января передовые части 30-й дивизии и партизаны вступили в Красноярск. В районе Красноярска они взяли около 40 тысяч пленных, в том числе до 1500 генералов и офицеров, захватили 40 орудий, 200 пулеметов, 4 бронепоезда, 4 аэроплана, много другой техники и боеприпасов¹

В Иркутской губернии в ноябре 1919 года крупные отряды были объединены в Северо-Восточный фронт, главнокомандующим которого стал коммунист Даниил Евдокимович Зверев. Шиткинские и баерские партизаны к концу декабря были объединены в 1-й Советский полк и Особый советский пехотный батальон. В середине января из партизанских полков и отрядов были сформированы три дивизии общей численностью свыше 8 тысяч бойцов. Но и в тот период сохранились отдельные самостоятельные отряды, например отряд в верховьях Лены, называвшийся 1-м Верхоленским советским партизанским отрядом².

Иркутским коммунистам на завершающем этапе борьбы с Колчаком довелось сыграть исключительно большую роль. В Иркутске обосновалось бежавшее из Омска правительство Колчака. Туда же спешил добраться и сам «верховный правитель», чья власть фактически не распространялась уже за пределы поезда, в котором он ехал. Колчаком помыкали интервенты, подолгу задерживая его на различных станциях. К Иркутску стекались с запада войска интервентов и недобитые части армии Колчака. Это были в большинстве офицеры и добровольцы, объединенные под командованием Кап-

¹ См. «Годы огневые», стр. 59. В тылу Колчака, стр. 214; ЦГАОР,

² См. Н. Дворянов, В. Дворянов. ф. 147, оп. 10, д. 91, л. 27

пеля, а после его смерти — генерала Войцеховского. Они не хотели сдаваться. Несмотря на разложение некоторых частей, каппелевцы представляли еще значительную силу

На закате колчаковщины, как и накануне ее появления, на поверхность политической жизни Сибири вновь всплыли мелкобуржуазные партии. Эсеры и меньшевики выступили в роли спасителей трижды проклятой трудящимися массами контрреволюционной белогвардейской власти. Видя полное банкротство Колчака и стремясь во что бы то ни стало удержаться в Сибири, интервенты сделали ставку на мелкобуржуазные партии и группировки, стали их всемерно поддерживать. Международная реакция и сибирская буржуазия надеялись, что, сохранив частную собственность, предотвратив возрождение Советов, они рано или поздно покажут эсерам и меньшевикам на дверь.

Особенно активно стали действовать мелкобуржуазные деятели осенью и зимой 1919 года в Иркутске. Они прилагали отчаянные усилия к тому, чтобы предотвратить восстание трудящихся во главе с коммунистами, сохранить некоторое влияние на массы. Эсеры и меньшевики пытались примазаться к руководству партизанским движением и революционными выступлениями. Но в этом движении, поскольку им удавалось в него проникнуть, эсеры и меньшевики были троянским конем реакции. Они стремились разложить партизанское движение и столкнуть его с большевистского революционного пути. Вновь были пущены в ход лозунги о «народоправстве», «свободной демократии» и т. п., рассчитанные на обман масс. Конкретные цели эсеров и меньшевиков выражались в стремлении создать в восточных районах Сибири и на Дальнем Востоке государство «свободной демократии», на деле буржуазное государство. Это совпадало с целями интервентов, намеревавшихся создать в этих районах «буфер», который мог бы служить прикрытием интервенции, дымовой завесой для подготовки нового военного вмешательства в дела революционной России, для наступления на ее вооруженные силы.

Осенью 1919 года в Иркутске был образован Политический центр, ядро которого составили эсеры. Политический центр стремился привлечь на свою сторону части колчаковской армии, создавая в них преимущественно офицерские подпольные группы. Политцентр через эсеровские, меньше-

вистские и другие мелкобуржуазные группы в городах Восточной Сибири и Дальнего Востока вел борьбу за местные гарнизоны и пытался охватить своим влиянием трудящиеся массы, надеясь на поддержку значительных слоев населения. Но все эти расчеты были построены на песке. Эсеры и меньшевики сильно переоценивали свои возможности, и это понимали некоторые колчаковцы. Они видели, что мелкобуржуазные партии сохраняют влияние лишь на узкий круг буржуазной интеллигенции: служащих земства, кооперации, часть работников управлений железной дороги и телеграфа, приказчиков и пр. В декабре 1919 года начальник Иркутского губернского управления государственной охраны сообщал в департамент милиции: «На основании имеющихся документальных данных можно с уверенностью утверждать, что в низах населения города, в среде рабочих различных промышленных и иных предприятий, а также в городской бедноте и среди всякого пришлого сборного элемента настроение безусловно большевистское, и эта часть населения за другими партиями — С. Р. и С. Д. меньшевиками — не пойдет. Если же она теперь радуется и поддерживает всякого рода противоречивые выступления этих партий, то лишь рассматривая их как средство для достижения восстановления большевистского рая... Глубоких корней в простонародье партии эти не имеют, тут все симпатии на стороне большевиков»¹.

Надо отдать должное руководителю иркутской охранки: еще до вооруженного восстания, до выступления Политцентра он указывал на беспомощность последнего, на его полную изоляцию от трудящихся масс.

Убедившись в том, что поддержка интервентов обеспечена, и полагая, что иркутский гарнизон может составить его опору, Политцентр решил выступить и захватить власть. Он действовал почти открыто, и колчаковское правительство не могло что-либо против него предпринять. Интервенты демонстративно отвернулись от Колчака. В Нижнеудинске к эшелонам с золотым запасом и Колчаком с его камарильей в конце декабря была приставлена белочешская охрана. 5 января 1920 года Колчак отказался от власти в пользу генерала Деникина. Вместе с тем он назначил атамана Се-

¹ ЦГАОР, ф. 296, оп. 2, д. 24, л. 5—6.

менова главнокомандующим белогвардейскими войсками, передал ему всю военную и гражданскую власть на восточной российской окраине.

Заручившись поддержкой интервентов на случай восстания в обстановке развала колчаковской власти, эсеры и меньшевики стали добиваться контакта с большевистской организацией, склоняя ее на совместные действия. При этом Политцентр стремился убить двух зайцев: обезопасить свой тыл и использовать боевые силы большевистской организации в своих корыстных целях, поставить их под эсерово-меньшевистские лозунги.

Сложную задачу предстояло решить коммунистам. Иркутская большевистская организация, исходя из установок Сибирского бюро ЦК и решений 3-й Сибирской подпольной конференции, готовила вооруженное восстание к моменту, когда Красная Армия будет на подступах к городу. Поднять и возглавить восстание в декабре она не могла по той простой причине, что для этого не назрели условия, соотношение сил было не в ее пользу: в Иркутске и его районе находились огромные силы колчаковцев и интервентов-белочехов; в случае выступления коммунистов эсеры и меньшевики скорее всего сомкнулись бы с колчаковцами. Красная Армия да и большинство партизанских отрядов были далеко от Иркутска, прийти на помощь они не могли.

Сибирский областной комитет и Иркутский губком РКП(б) решили не препятствовать восстанию, которое намерен был начать Политцентр, так как свержением колчаковской власти и разгромом колчаковских войск расчищалась почва не столько для эсеров и меньшевиков, сколько для коммунистов, силы контрреволюции были бы резко ослаблены. С «политцентровской» контрреволюцией было бы легче справиться.

Сибирский областной и Иркутский губернский комитеты большевиков еще с лета 1919 года имели связь с эсеровской подпольной организацией, добивавшейся единства действий, но от своих лозунгов не отказывавшейся. Было ясно, что эсеры хотят использовать боевые силы большевистской организации в своих интересах. Х. Я. Суудер, И. В. Сурнов и другие коммунисты, принимавшие участие в переговорах, отвергли условия объединения, выдвигаемые эсерами, а позднее Политцентром. В дальнейшем Сибирский комитет

вообще отказался от каких-либо переговоров и соглашений с Политцентром. Вместе с тем комитет посылал своего представителя на заседания Политцентра для наблюдения за его действиями¹.

Одновременно коммунисты готовились к вооруженной борьбе. Эту подготовку возглавили Сибирский комитет РКП(б) (А. А. Ширямов, председатель, И. В. Сурнов и К. И. Миронов), а также Иркутский губернский комитет, в который в последние месяцы входили К. И. Миронов, М. Бронштейн, М. Н. Ербанов, К. И. Касаткин и др.²

Практическую работу по подготовке восстания осуществлял военно-революционный штаб во главе с А. Я. Флюковым (Антоном), в котором были представлены и Сибирский, и губернский комитеты. Зная, что в скором времени Политцентр начнет вооруженное восстание, члены Сибирского и губернского комитетов РКП(б) и военного штаба в начале декабря на совместном заседании решили: 1) выступать одновременно с Политцентром, но свои части держать в подчинении штаба; 2) своими частями в первую очередь захватывать оружие и вооружать рабочих; 3) при выступлении не ставить прямого лозунга перехода власти к Советам из-за наличия больших сил интервентов, но власть захватывать по мере вооружения рабочих и подтягивания к Иркутску партизанских отрядов; 4) немедленно подтянуть к городу партизанские отряды³.

Этими принципиальными установками руководствовались все подпольные организации, которыми руководили Сибирский и Иркутский комитеты, все коммунисты. Комитеты и военный штаб стали заседать ежедневно, нередко совместно. Обсуждались самые различные вопросы. В партизанские отряды, в местные организации рассылались организаторы и курьеры.

В ночь с 20 на 21 декабря началось восстание в Черемхово. Начали его эсеры и меньшевики, но фактическими хозяевами в городе стали коммунисты. Их положение упрочилось после того, как в Черемхово прибыли со станции Забитуй освобож-

¹ См. И. В. Сурнов. *Последний этап борьбы с колчаковщиной* (в кн.: «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии», стр. 411—420).

² ПАНО, ф. 5, оп. 3, д. 156, л. 20.

³ См. А. Г. Солодянкин. *Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной в годы гражданской войны (1918—1920 гг.)*, стр. 92.

денные восставшими политзаключенные красноярской тюрьмы, которых колчаковцы эвакуировали. Среди них было много иностранных коммунистов, включая мадьяр Эдмунда Радо, Ференца Патаки и Кереши.

Уже 28 декабря, опираясь на созданный под руководством коммунистов отряд Красной гвардии и революционных солдат, руководители черемховской организации отстранили политцентровцев от руководства и сами возглавили революционную борьбу масс¹. Вслед за черемховским восстанием последовали выступления на железнодорожных станциях.

В Иркутске восстание началось вечером 24 декабря. Борьбу против колчаковцев начали солдаты 53-го Сибирского стрелкового полка и другие части, на которые колчаковцы возлагали еще некоторые надежды. Власти намерены были создать «абсолютно надежные» добровольческие офицерские отряды и усилить антибольшевистскую агитацию, чтобы сохранить за собой солдат. Но ничего этого сделать они уже не смогли².

Восстание было начато по призыву Политцентра. Коммунисты собирали силы, разоблачали лжедемократические лозунги эсеров и меньшевиков, готовились оттеснить их от руководства. Они возглавляли повстанческие отряды на различных участках. Военный подпольный штаб был преобразован в центральный штаб рабоче-крестьянских дружин, которым по-прежнему руководили коммунисты.

После многодневных боев 5 января 1920 года восставшие заняли центр города. Политцентр и созданный им 12 января Временный совет сибирского народного управления объявили свою власть на территории от Иркутска до Красноярска.

Фактически колчаковцы в Иркутске были разгромлены вооруженными силами большевистской организации. Пришедший к власти Политцентр поддержки в массах и революционных войсках на деле не имел, он опирался лишь на интервентов. Коммунисты контролировали действия Политцентра и терпели его до поры до времени, продолжая накапливать силы в Иркутске. В губернии процесс восстановления

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 3, д. 156, л. 37—40; оп. 2, д. 1401, л. 2—5 (Воспоминания Кереши); см. А. Г. Солодянкин. *Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаков-*

щиной в годы гражданской войны (1918—1920 гг.), стр. 93, 94, 97

² ЦГАОР, ф. 310, оп. 1, д. 185, л. 3.

власти Советов заканчивался. Назрели условия для взятия власти в руки Советов и в Иркутске. 19 января был создан военно-революционный комитет в составе четырех коммунистов и одного левого эсера, представившего группу, стоявшую на платформе Советской власти. Председателем ревкома стал А. А. Ширямов. 21 января 1920 года политцентровцы в ответ на требование ревкома вынуждены были сдать формально находившуюся в их руках власть¹.

Таким образом, попытка мелкобуржуазных партий создать «буферное» государство в Восточной Сибири была сорвана. В Иркутской губернии восстановилась Советская власть. Иркутские коммунисты, в распоряжении которых к концу января имелось около 16 тысяч вооруженных бойцов, сведенных в несколько дивизий, успешно руководили борьбой под городом с отступавшими от Красноярска каппелевцами.

В сложной обстановке 6 февраля 1920 года военно-революционный комитет, исходя из материалов следственной комиссии, вынес Колчаку и бывшему председателю колчаковского правительства Пепеляеву смертный приговор. По согласованию с Реввоенсоветом 5-й армии утром следующего дня приговор был приведен в исполнение. Такой конец нашел себе кровавый Колчак².

Белые, встретив под Иркутском отпор революционной повстанческой армии, вынуждены были откатиться дальше к Байкалу. 7 марта 1920 года в Иркутск вступили части Красной Армии.

Тяжелые поражения белогвардейской армии осенью 1919 года, бегство Колчака из Омска послужили толчком к усилению подготовки вооруженного восстания в далеком Якутске. Коммунисты Якутска действовали совместно с левозсеровской организацией. В ночь с 14 на 15 декабря 1919 года восставшие рабочие и революционные солдаты сравнительно легко свергли в Якутске колчаковщину. Утром

¹ См. «Последние дни колчаковщины», стр. 192—195.

² См. «Последние дни колчаковщины», стр. 208, 209. Колчак и эшелон с золотым запасом были доставлены в Иркутск 15 января и взяты коммунистами под надежную охрану. Суд над Кол-

чаком и Пепеляевым и исполнение вынесенного приговора еще до прибытия Красной Армии были ускорены тем, что белогвардейское подполье при подходе к Иркутску каппелевцев намеревалось напасть на тюрьму.

было объявлено о восстановлении Советской власти. Создается военно-революционный штаб. В него вошли большевики Ф. Лебедев, А. Киркум и другие, а также левые эсеры и Х. Гладунов — бывший меньшевик. Гладунов был избран председателем штаба. Несмотря на пестрый состав штаба, руководили им коммунисты¹.

Победа Советской власти в Якутске, а вслед за тем и в области, достигнутая еще до освобождения Красной Армией и партизанами Восточной Сибири, сыграла большую роль в деморализации колчаковской армии, послужила на пользу революционной борьбе в Иркутске и губернии.

В Забайкальской области борьба за ликвидацию власти белогвардейцев затянулась. После передачи высшей власти на занятой белогвардейцами территории генералу Семенову в Чите 16 января 1920 года было образовано правительство «Восточной Российской окраины» во главе с кадетом Таскиным. Таскин беспрекословно подчинялся Семенову, а Семенов — японским интервентам. Репрессии в Забайкалье усилились. Семеновские, японские и другие войска интервентов ставили целью задушить партизанское движение, укрепить свое положение в Забайкалье, преградить путь наступавшей Красной Армии. Отступившие каппелевские войска, всего до 20 тысяч, поступили в распоряжение Семенова и использовались в тех же целях.

Чрезвычайно тяжело было продолжать борьбу коммунистам — подпольщикам и партизанам. Но их окрыляли выдающиеся успехи советских войск, разгром армии Колчака. Советские патриоты верили, что не за горами и разгром семеновщины, освобождение Забайкалья. К началу 1920 года партизанское движение в Забайкалье достигло еще более мощного размаха. Партизанская армия П. Н. Журавлева имела восемь кавалерийских и два пехотных полка общей численностью до 25 тысяч человек. Партизаны имели 18 орудий, до 70 станковых пулеметов, захваченных у интервентов и белогвардейцев. Во главе армии, действовавшей по-прежнему в юго-восточной части области, стоял военно-революционный штаб².

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1607, л. 12; «Автономная Якутия», 15 декабря 1922 г., 15 декабря 1939 г.

² См. «Тажные походы», стр. 463.

Действуя смело и решительно, партизаны держали семеновские и японские войска в постоянной тревоге и напряжении. К началу 1920 года мощное партизанское движение охватило и Прибайкалье. Верхнеудинский комитет РКП (б) в декабре 1919 года создал военно-революционный штаб в составе: И. А. Кузнецов-Воронов (начальник штаба), Г. Т. Петров, Н. Е. Изаксон, Н. А. Турашев, Н. А. Маракулин. Под руководством комитета и штаба, их представителей и местных подпольных организаций в середине декабря начались восстания в ряде районов. Партизанские отряды к началу февраля были реорганизованы по типу Красной Армии. Партизанскую армию возглавил Главный военный штаб Прибайкалья. Командующим повстанческими силами стал коммунист Е. В. Лебедев. В начале года в повстанческих отрядах Прибайкалья было до 6 тысяч бойцов¹. К концу февраля их численность возросла еще на несколько тысяч. К этому времени восставшие освободили почти всю территорию Прибайкалья. Повсюду восстанавливалась Советская власть.

В то время, когда началось всеобщее восстание в Прибайкалье, там размещались японская дивизия, два американских батальона, белая дивизия генерала Левицкого, 31-й семеновский полк и другие части². Но этих сил оказалось недостаточно даже для противодействия плохо вооруженным повстанцам, которых было гораздо меньше, чем солдат и офицеров в войсках интервентов, семеновцев и белогвардейцев. В ночь с 1 на 2 марта партизаны штурмом овладели Верхнеудинском, разгромив семеновцев. Интервенты вынуждены были объявить «нейтралитет», а спустя неделю начали эвакуацию войск в Читу.

5 марта в Верхнеудинске было образовано Временное земское правительство, в котором был представлен и ЦИК Советов Прибайкалья. Открывшийся 28 марта Учредительный съезд представителей населения Прибайкалья объявил об образовании с 6 апреля независимой демократической Дальневосточной республики. Это решение было принято в соответствии с указаниями и политическим курсом Комму-

¹ См. «История Бурятской АССР», т. II. Улан-Удэ, 1959, стр. 117—118.

² См. А. И. Крушанов. Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье, стр. 314.

нистической партии и Советского правительства. «Обстоятельства принудили,— говорил В. И. Ленин в декабре 1920 года,— к созданию буферного государства — в виде Дальневосточной республики... Вести войну с Японией мы не можем и должны все делать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна»¹.

Правительство ДВР обосновалось в Верхнеудинске. Восточное Забайкалье от семеновцев и каппелевцев было очищено осенью. Читы повстанцы заняли 22 октября 1920 года. Если не брать во внимание незначительную часть Забайкалья, где на время создалась так называемая читинская пробка, то можно считать, что к началу весны 1920 года Сибирь была полностью освобождена от интервентов и белогвардейцев. С колчаковщиной было покончено раз и навсегда. На Урале и в Сибири восторжествовала Советская власть.

Гражданская война на этом не закончилась. В 1920 году продолжались еще кровопролитные сражения Красной Армии против белополяков и врангелевцев. Только в 1922 году был окончательно освобожден Дальний Восток. Но с разгромом колчаковщины «главная полоса гражданских войн», как говорил В. И. Ленин, осталась позади. Открывалась полоса мирного развития, восстановления разрушенного войной народного хозяйства и построения социализма.

Уральские и сибирские коммунисты, включая бывших членов подпольных организаций, все трудящиеся с головой ушли в эту новую созидательную работу.

* * *

Деятельность большевиков Урала и Сибири со второй половины весны 1919 года проходила под знаком борьбы за полный разгром колчаковщины и интервентов.

Центр большевистского подполья и революционной работы летом 1919 года переместился в Восточную Сибирь. Одновременно с повышением роли иркутской и красноярской организаций активизировалась работа большевиков в южных

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 93.

районах Западной Сибири. Были предприняты попытки созвать нелегальные конференции подпольных организаций РКП(б) Сибири, которые не были, однако, вполне успешными. На совещании представителей нескольких подпольных организаций (4-я Сибирская конференция) в Иркутске в июне 1919 года был воссоздан Сибирский областной подпольный комитет. В ноябре состоялось новое совещание (5-я Сибирская конференция), на котором в комитет были введены новые работники. Комитет действовал вплоть до освобождения Сибири и разгрома колчаковщины. Сибирский областной подпольный комитет РКП(б) пяти составов действовал почти на протяжении всего периода господства контрреволюции. На последнем этапе областной комитет не смог обеспечить руководства всеми подпольными организациями, но зато, действуя в относительно узком районе, добился, несомненно, больших успехов в мобилизации широких трудящихся масс на окончательный разгром Колчака.

На повышении активности подпольных организаций Урала и Сибири, усилении революционной борьбы трудящихся масс сказалась плодотворная и интенсивная работа в этом направлении Центрального Комитета партии, Сибирского бюро ЦК и его отделения. Они особое внимание уделяли мобилизации подпольных организаций на развертывание вооруженной борьбы — на подготовку восстаний в городах и селах, расширение партизанского движения и обеспечение партийно-политического руководства им. В конце весны и летом 1919 года помощь большевистскому подполью кадрами и средствами усилилась, в чем решающую роль сыграло возобновление деятельности Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК.

Для последнего этапа борьбы коммунистов-подпольщиков характерным было также дальнейшее и резкое усиление работы в деревне, укрепление связей между большевистским подпольем в городах и селах, между губернскими и городскими комитетами и партизанскими соединениями и отрядами. К лету на Урале и в Сибири сложился прочный военно-политический союз рабочего класса со средним крестьянством при опоре на деревенскую бедноту. Был реализован третий лозунг партии по крестьянскому вопросу.

Большевики самоотверженно боролись за вовлечение в революционную борьбу солдат, за разложение войск Кол-

чака и интервентов и добились в этом выдающихся достижений. Завоевание на сторону Советов широчайших крестьянских и солдатских масс вело к превращению революционной борьбы в повсеместную и массовую, к ослаблению реакции.

Наступление Красной Армии на Восточном фронте, завершение поворота середняцких масс на сторону Советской власти, укрепление союза пролетариата и крестьянства, улучшение партийного руководства массами, поражение войск Колчака и интервентов, острый кризис в стане контрреволюции и другие важные факторы привели к резкому скачку в развитии революционного движения на Урале и в Сибири. Многочисленные восстания в различных районах привели к небывалому росту партизанского движения.

В повстанческое движение было вовлечено свыше 200 тысяч тружеников города и деревни, а также солдат. Основную массу бойцов и командиров партизанских отрядов составляли трудящиеся крестьяне. Рабочие, несмотря на свою немногочисленность, играли в отрядах видную роль, вместе с коммунистами спланировали ряды партизан, вели активную и решительную борьбу с кулацко-антибольшевистскими элементами. Исходя из указаний Центрального Комитета партии, Сибирского бюро ЦК и решений подпольных конференций, коммунисты подавляющую часть партизанских отрядов переформировали в полки, создали мощные соединения с единым командованием, политическим аппаратом в том или ином виде, с централизованным снабжением. Партизанское движение опиралось на всенародную поддержку, получало пополнение, продовольствие, снаряжение главным образом от крестьянских масс, а также от рабочих, городских подпольных организаций. В известном смысле можно сказать, что установка большевистских подпольных организаций на всеобщее вооруженное восстание во второй половине 1919 и в начале 1920 года осуществилась.

Значительного размаха достигла революционная борьба, в том числе вооруженная, в многочисленных национальных районах Урала и Сибири. В процессе ее развития крепла братская солидарность трудящихся всех национальностей. В антиколчаковском движении принимали также участие представители рабочих и крестьян Литвы, Латвии, Эстонии,

Китая, Чехословакии, Югославии, Румынии, Италии и других стран. Борьба за Советскую власть, против сил международного империализма на Урале и в Сибири, как и в стране в целом, носила подлинно интернациональный характер.

Подавляющая часть борцов против Колчака на Урале и в Сибири действовала под руководством коммунистов, глубоко понимая значение борьбы за власть Советов. К моменту разгрома колчаковщины выявился политический и организационный крах мелкобуржуазных партий. Массы отвернулись от эсеров и меньшевиков, которые сомкнулись с реакцией, всемерно помогали ей. Трудящиеся воочию убедились, что только Коммунистическая партия мужественно и до конца последовательно борется за их интересы.

В обширных районах, освобождавшихся в результате вооруженных восстаний трудящихся и успешных боевых действий партизан, еще задолго до подхода Красной Армии создавались революционные органы власти, возрождались Советы. При приближении линии фронта к тем или иным районам, охваченным повстанческим движением, части советских войск, партизаны и подпольные организации, поднимавшие в непосредственном тылу противника мощные восстания, действовали согласованно и наносили колчаковцам сильнейшие удары. К концу зимы 1919/20 года колчаковская армия практически была уничтожена.

По результатам эффективности подпольной работы, по уровню организации революционных выступлений в городе, деревне и армии, по размаху партизанского движения большевистское подполье во второй половине 1919 и в начале 1920 года достигло особенно выдающихся успехов. Несомненно, это объяснялось изменившимися и несравненно более благоприятными условиями для подпольной работы коммунистов и революционной борьбы масс по сравнению с предшествовавшим периодом. Но успехи в борьбе с колчаковщиной были бы невозможны без разносторонней и героической деятельности коммунистов и беспартийных подпольщиков. Успехи партийных организаций в колчаковском тылу выглядят тем более значительными, если учесть, что многие из организаций весной понесли огромные потери, некоторые прекратили существование вообще, численность коммунистов на Урале и в Сибири намного сократилась.

Коммунисты-подпольщики Урала и Сибири в труднейших условиях, несмотря на тяжелые потери, постоянную угрозу ареста, пыток и расстрела, с огромным мужеством и самопожертвованием боролись с интервентами и белогвардейцами, успешно руководили революционной борьбой масс. Они вложили в разгром врага и восстановление Советской власти неоценимый вклад, своими действиями вписали яркую страницу в славную историю ленинской Коммунистической партии.

Заключение

Победа трудящихся Советской республики над объединенными силами интервентов и белогвардейцев в годы гражданской войны имела всемирно-историческое значение. Были защищены завоевания Октябрьской социалистической революции. Советский народ перед всем человечеством продемонстрировал великую жизненную силу и непобедимость нового, нарождающегося социалистического строя. «Никогда не победят того народа, — говорил В. И. Ленин, — в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»¹.

Вдохновителем и организатором победы советских людей над иностранными империалистами и внутренней реакцией

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 315.

выступила тесно связанная с массами, вооруженная революционным марксистско-ленинским учением Коммунистическая партия.

Важнейшей задачей партии было сплочение вокруг рабочего класса всей трудовой деревни, и она добилась укрепления союза пролетариата и крестьянства. Это и предопределило исход кровопролитной и длительной борьбы в пользу трудового народа, в пользу социализма. Военно-политический союз рабочего класса и крестьянства позволил создать мощную Красную Армию, обеспечить ее вооружением, снаряжением и продовольствием. Сражаясь против свергнутых эксплуататорских классов в России и против международного империализма, за торжество Советской власти, за социализм, трудящиеся нашей страны тем самым выполняли свой интернациональный долг — облегчали пролетариату капиталистических стран борьбу против своей буржуазии. В свою очередь активные действия международного пролетариата по срыву антисоветской интервенции, его значительные достижения в борьбе с собственной буржуазией оказали большую поддержку первой стране диктатуры пролетариата.

Славу великого подвига в гражданской войне вместе со всеми коммунистами по праву разделяют коммунисты Урала и Сибири, в том числе и те, которые находились в тылу противника. Тысячи коммунистов-подпольщиков отдали жизнь за освобождение своего края в ходе упорной и неравной борьбы с колчаковщиной. Но понесенные тяжелые жертвы не пропали даром. Ценой жизни и крови сотен тысяч коммунистов и беспартийных рабочих и крестьян была завоевана возможность мирного сосуществования Советской республики с капиталистическими государствами и строительства социализма.

Перед трудящимися Советской страны, в том числе Урала и Сибири, открылись неограниченные возможности для бы-

строго экономического, государственного и культурного развития.

Урал и Сибирь находятся на переднем крае борьбы за создание в стране материально-технической базы коммунизма, подготовки условий для победы бесклассового коммунистического строя. В Программе КПСС подчеркивается, что в 1961—1980 годах «большое развитие получит промышленность в районах восточнее Урала, обладающих неисчислимыми природными богатствами, сырьевыми и энергетическими источниками». Эта программная задача успешно решается.

Иван Федорович
Плотников

**Героическое
подполье**

Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной интервенции и гражданской войны (1918—1920)

Редактор	Л. Д. Петров
Младший редактор	С. Б. Петрова
Оформление художника	В. А. Королькова
Художественный редактор	Д. А. Анисеев
Технический редактор	Л. К. Уланова
Корректоры	Л. М. Чигина, Г. М. Ефимова

Сдано в набор 4 июля 1967 г. Подписано в печать 12 декабря 1967 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂, № 2. Усл. печатных листов 18,06. Учетно-издательских листов 17,30. Тираж 14 000 экз. А11350. Заказ № 1116. Цена 1 р. 14 к.

Издательство «Мысль».
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

Плотников И. Ф.

П39 Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной интервенции и гражданской войны (1918—1920). М., «Мысль», 1968.

342 с.

На страницах книги воскрешаются многие имена участников самоотверженной борьбы за победу Советской власти на Урале и в Сибири. Трудной и опасной была деятельность большевиков в городах и селах огромного края, захваченного белогвардейскими войсками и частями интервентов.

В результате многолетних изысканий в центральных и местных архивах автору удалось воссоздать картину этой борьбы и рассказать о разветвленной сети урало-сибирских организаций и групп большевиков, их участии в восстаниях и партизанском движении в тылу Колчака, о руководстве большевистским подпольем со стороны ЦК партии.

1—6—4

59—68

9(С)22